

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УРОКИ

МОСКВА
2018

УДК 321.1
ББК 66.04
О 52

Утверждено к печати Ученым советом ФНИСЦ РАН

Рецензенты:

д-р полит. наук, проф. С. В. Растаргуев

д-р ист. наук, О. И. Величко

Редакционная коллегия:

Ю. А. Красин, д.ф.н.; О. М. Михайленок, д.полит.н.; Ю. С. Оганисян, д.и.н.

Авторский коллектив:

А. В. Брега (гл. 16), В. Г. Бушуев (гл. 2), А. Б. Вебер (гл. 5),
Г. Г. Водолазов (гл. 6), Ю. А. Красин (гл. 1), А. Н. Курюкин (гл. 13),
В. В. Лапкин (гл. 9), О. М. Михайленок (гл. 11), А. В. Назаренко (гл. 4),
Ю. С. Оганисян (введение, заключение, гл. 3, 12), В. И. Пантин (гл. 7),
К. В. Подъячев (гл. 14), Н. В. Романовский (гл. 8), О. Г. Щенина (гл. 15),
И. С. Яжборовская (гл. 10)

О 52 **Октябрьская революция и современность. Социально-политические уроки:** [монография] / Отв. ред. Ю. А. Красин, О. М. Михайленок, Ю. С. Оганисян; ФНИСЦ РАН. — М.: ФНИСЦ РАН, 2018. — 374 с.

ISBN 978-5-89697-303-4

Монография, подготовленная коллективом ученых — политологов, социологов, философов, историков, — посвящена столетию Октябрьской революции 1917 г. в России. Состоявшийся юбилей дает основание поставить ряд нетривиальных вопросов об её истоках, содержании, историческом значении и ответить на них. Авторы аргументируют свои оценки и выводы ссылками на известные факты, суждения участников и свидетелей событий — как вождей и сторонников революции, так и их противников.

Книга адресована научным работникам и преподавателям, аспирантам и студентам, специализирующимся в области политической социологии и смежных дисциплин.

УДК 321.1
ББК 66.04

ISBN 978-5-89697-303-4

© Коллектив авторов, текст, 2018
© ФНИСЦ РАН, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
-----------------------	----------

Раздел I. Русская революция на фоне трансформаций российского и мирового социума

Глава 1. Антиномичность Октября	25
Глава 2. Октябрь 1917-го – случайность или закономерность?	43
Глава 3. Государственный переворот, который изменил мир	61
Глава 4. Русская революция: историко-политический контекст.....	94
Глава 5. Октябрь 1917-го: триумф и трагедия	117

Раздел II. Поиск политической альтернативы

Глава 6. После Октября: исторические альтернативы	132
Глава 7. Октябрьская революция 1917 г.: уроки для модернизации России	144
Глава 8. Октябрь и риски: политика в жанре исторической социологии	156
Глава 9. От 1861 к 1917 г.: долговременные социальные и политико- правовые последствия крестьянской реформы в России	166
Глава 10. Что стимулировало революционный процесс в России?	205

Раздел III. Столетие войн и революций

Глава 11. Армия Российской империи: от Великих реформ до Октября 1917 г.	220
Глава 12. Революция и террор в свете исторического опыта	245
Глава 13. Советское правосознание: опыт комплексного исследования	272
Глава 14. Единство истории России: непрерывность развития	293
Глава 15. Концепт «революция» в условиях новой социальной реальности	315
Глава 16. Социальное неравенство как условие революционных изменений	330

Вместо заключения. Мораль и политика	342
Список литературы	355
Сведения об авторах	372

ВВЕДЕНИЕ

Октябрьская революция 1917 г. в России — событие, несомненно, всемирно-исторического значения. Таково общее мнение авторов монографии. Это мнение разделяют фактически все участники развернувшихся в связи со 100-летием Октября острых дискуссий, несмотря на различия в их политических позициях и оценках. Октябрьская революция оказала существенное и разностороннее воздействие как на социально-политические процессы в России, так и на развитие всего мирового сообщества. В России сформировалась альтернативная капитализму модель модернизации. В ходе ее реализации экономика страны была преобразована на основе государственной собственности на средства производства, ликвидированы сословные и другие феодальные пережитки, народные массы были приобщены — через борьбу за власть, работу в Советах — к участию в решении политических и социальных проблем.

Западный мир испытал не столь однозначное влияние Русской революции. В ряде европейских стран напуганная ею буржуазия привела к власти фашистскую реакцию. Некоторые страны континента отреагировали, с одной стороны, поворотом в сторону государственного регулирования экономики, с другой (под давлением рабочего движения, профсоюзов) — мерами социальной политики («кусочки социализма», по Ленину). Реформистские партии, сохранившие влияние в рабочем движении, получили доступ к власти на национальном и муниципальном уровнях. А тем самым — и новые возможности для продвижения социальных реформ.

Послеоктябрьское развитие СССР подготовило предпосылки победы советского народа в Великой Отечественной войне. Наконец, Октябрь активизировал борьбу колониальных и зависимых народов за свое освобождение, которая в послевоенный период привела к краху мировой колониальной системы и образованию десятков новых независимых государств.

Всякие попытки изъять Октябрь и советский период из российской и мировой истории — вненаучны и антиисторичны. В

прошлом они идеологически стимулировали холодную войну, а ныне как ее фактическое продолжение — развязанную Западом русофобскую кампанию. Авторы монографии исходят из принципиально иных позиций, признавая необходимость критического переосмысления опыта Октября и советской эпохи, не восхваляя, однако, его безоговорочно, но и не очерняя предвзято.

В отличие от этого, идеологи постсоветского неолиберализма, идеализируя западную модель развития, демонизируют Октябрьскую революцию и всю советскую историю, уводя ее в апокалипсическое русло. К примеру, один из них, историк А. Зубов, соглашаясь с тем, что русская революция 1917 г. стала поворотным моментом не только русской, но и мировой истории, подобно Реформации за 400 лет до нее или Французской революции конца XVIII века, рассматривает, однако, и переворот, и его последствия исключительно в мрачном свете. Впервые в истории, уверяет исследователь, был создан «прочный террористический экспансионистский режим». Он не только уничтожил в России и других странах сто миллионов людей и лишил собственности до двух миллиардов человек, но и вызвал приход к власти в 1920—1950-х годах «различных тоталитарных/авторитарных режимов — от фашистских в Италии и Германии до баасистских на арабском Востоке, — а также во многом содействовал развязыванию Второй мировой войны»¹.

Названные цифры вымышлены, оценки химеричны. Совершенно несостоятельна и попытка отождествить как одинаково тоталитарные советский и нацистский режимы, которая давно стала расхожим способом антисоветской пропаганды, перетекшей затем в ожесточенную руссо- и русофобскую кампанию. Гитлеровский и сталинский тоталитаризмы принципиально различны по социальной природе, идейно-политическому наполнению, методам практической реализации. Чтобы убедиться в этом, достаточно вникнуть в реальные обстоятельства Второй мировой войны, сравнить ситуацию тотального террора на оккупированной гитлеровцами территории СССР с обстанов-

1 Зубов А. Почему власти России игнорируют столетие Русской революции. «Предмет ужаса» [Электронный ресурс] // Новая газета. 2017. 20 октября. С. 10. URL: <https://www.nowayagazeta.ru/articles/2017/10/20/74268-predmet-uzhasa?> (дата обращения: 05.12.1917).

кой оздоровления национальной жизни в зоне советской оккупации в послевоенной Германии. Если политика нацизма базировались на агрессивном шовинизме, то советская политика исходила из идей и принципов интернационализма.

Спору нет, советская история омрачена чередой трагических, зачастую кровавых событий, но, во-первых, не только и не столько такими событиями, во-вторых, не столь масштабными и чудовищными, какими изображают их постсоветские либералы. Советская история сплетает воедино светлое и темное: с одной стороны, это великие стройки социализма, разгром гитлеровского фашизма, успехи науки и культуры, запуск человека в космос и другие достижения советского народа. С другой стороны, это красный террор, ГУЛАГ, раскулачивание, депортация народов, преследование инакомыслящих и т. п. Большевики, разумеется, обещали народу только светлое будущее, но, как в свое время заметил Бердяев, революция «никогда не бывает такой, какой должна быть», поскольку она всегда «есть рок народов и великое несчастье»².

Революционный транзит — дурная бесконечность или замкнутый круг? На этот альтернативный вопрос можно ответить популярным в советские времена слоганом «есть у революции начало, нет у революции конца». Что бы это могло означать в реальной истории? Одно из двух: либо линейное, возможно, спиралевидное продвижение революционных форм и состояний, уходящее в бесконечность, либо сворачивающееся в круг, который замыкает его начало и конец.

Революционный процесс в России соткан из социальных и иных противоречий. Преломляясь через идеологические убеждения политических партий, их теоретиков и вождей, они обращаются в альтернативные программы, отражающие антиномичность революционного движения. По мнению социолога Ж. Т. Тощенко, речь идет о сосуществовании взаимоисключающих позиций, противостоящих друг другу ориентаций, каждая из которых претендует на истинность, «и, в конечном счете, на определение стратегии развития общества». Как и во всех революциях, конкретизирует он, именно так протекал рево-

2 Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон. 2002. С. 257.

люционный процесс в России, где противоборство двух антиномичных — «красных» и «белых» — породило не то, к чему они стремились, а «нечто принципиально иное», имеющее не то первоначальное значение, к которому стремились антиномичные силы³.

Иначе трактует Октябрьскую революцию советская историография, рассматривая ее как результат предсказанного классиками марксизма-ленинизма закономерного перехода человечества от капитализма к социализму и коммунизму во всемирном масштабе. Авторитет ленинской версии марксизма был неоспорим. Все то, что сегодня представляется реалистичным и разумным в политических позициях оппонентов Ленина, искажалось либо табуировалось. В предоктябрьские годы в российской социал-демократии сложились две основные альтернативные интенции в теоретических подходах к задачам социалистической революции. Народно-демократическая, представленная позицией Ю. И. Мартова, по характеристике философа Г. Г. Водолазова, ставила задачей удовлетворение материальных и духовных потребностей народа, создание демократической власти, другая — ленинская — нацеливала на насилие как способе решения всех проблем, толкая «общество к государственно-бюрократическому строю»⁴.

Два этих подхода нашли свое отражение в борьбе между адептами ленинского «учения о революции» и уклонистами от него внутри самой большевистской партии. Как известно, победил «марксизм-ленинизм», который, говорится в Кратком курсе истории ВКП(б), «дает возможность ориентироваться в обстановке, понять внутреннюю связь окружающих событий, предвидеть ход событий и распознать не только то, как и куда развиваются события в настоящем, но и то, как и куда они должны развиваться в будущем»⁵.

3 Тощенко Ж. Т. Травма и антиномия — новые черты общественного сознания и поведения в современной России // Социология. 2014. № 4. С. 58.

4 Водолазов Г. Г. *Политика и мораль — Юлий Мартов в 1917 г.* // СОЦИС. Социологические исследования. 2017. № 10. С. 52.

5 *История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс.* М.: ОГИЗ, 1945. С. 339.

Именно Великое Учение, «всесильное, потому что единственно верное», вывело октябрьский революционный транзит на траекторию замкнутого круга. Начавшись в 1917 г. с разрушения капиталистического строя, он завершился — естественно, на новом витке развития — реставрацией капитализма. Но не развернется ли он снова в дурную бесконечность или в очередной порочный круг? Такая возможность, оказывается, не исключена. В России и за ее пределами созрели политические силы, готовые, по примеру киевского майдана, пойти на риск свержения «путинского» режима, окрепшего после смутных девяностых. «Парадоксально, — пишет историк Н. В. Романовский, — за революцию в последние годы ратовали нынешние либералы и их зарубежные партнеры — как шанс убрать не устраивающую их власть»⁶. Он, в частности, ссылается при этом на двух авторов, трактующих в таком ключе возможное развитие событий. Первый из них, экономист В. Л. Иноземцев, полагает, что «грядущая и неизбежная российская революция не будет отягощена большинством недостатков и пороков предшествующих революционных событий»⁷. По убеждению другого автора, доктора военных наук К. В. Сивкова, «расстановка политических сил сто лет назад и сейчас почти идентична»; современная Россия даже «более податлива революционной заразе, чем царская». По его словам, в российском обществе уже сложились социальные слои, способные «играть решающую роль в возможных социальных потрясениях»⁸.

Риск, на который готовы пойти постсоветские либералы, — лишь последнее звено в длинной цепи рисков, начальное звено которой возникло накануне Октября в ходе разгоревшейся в руководстве партии большевиков полемики вокруг вопроса о вооруженном восстании. Ленин и его сторонники делали ставку на немедленное свержение и захват государственной власти. Выступая с противоположной позиции, Каменев и Зиновьев полагали, что риск такого выступления слишком велик, чреват большими жертвами. Ленин ссылаясь на высказывание Напо-

6 Романовский Н. В. Семнадцатый год. Век спустя // СОЦИС. Социологические исследования. 2017 № 8. С. 148.

7 Цит. по: Романовский Н. В. Указ. соч. С. 149.

8 Там же.

леона: «ввяжемся в сражение, а там будет видно»⁹. Большевики ввязались и победили, потому что, говоря словами П. А. Сорокина, «умели действовать — и только они, в то время как их соперники лишь говорили»¹⁰.

Стало быть, риск был оправдан? Конечно, если судить о нем по понятиям того времени. Поставленные цели были достигнуты, первоначальные жертвы самого восстания оказались незначительны. Если же судить в широких пределах столетней ретроспективе, с учетом исторических последствий этого события, то напрашиваются иные его оценки. С захватом власти большевиками снизилась политическая роль Советов, превратившихся, в конечном счете, в одну из ячеек сталинского режима. В процессе революционного обновления общества складывался противоречивый симбиоз народной демократии Советов и авторитарно управляемой политической организации — «партии нового типа». Такая форма государственной организации общества отразила антиномичную двойственность истории СССР, дуализм значимости советского опыта, в котором, отмечает социолог Ю. А. Красин, «слились воедино массовый демократический подъем снизу и жесткие авторитарные тренды советской государственности»¹¹.

Установив репрессивную диктатуру, большевики лишились испытанного временем механизма реальных связей с широкими народными массами. Не особенно задумываясь над возможными последствиями, они решились на развязывание гражданской войны, принудительную коллективизацию, массовые репрессии 1930-х годов — решения, обернувшиеся многомиллионными жертвами. Неизбывный исторический оптимизм коммунистов исходил из их ставки на всеислие Великого Учения. Ввязавшись в революцию и гражданскую войну, они рассчитывали на то, что революционный процесс, детерминированный объективными закономерностями, станет необратимым.

9 Ленин В. И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е издание. (Далее ПСС). М.: Политиздат, 1964. Т. 45. С. 381.

10 Сорокин П. А. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005. С. 401.

11 Красин Ю. А. Величие и трагизм советского «эксперимента» // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. № 1. С. 13.

Они не учитывали того, что весь этот процесс состоит из череды непредусмотренных их идеологами рисков, которые, как это выявляется сегодня, поставили под вопрос существование самого их движения, исторические судьбы России и всего мира.

Риски Октября игнорировались не только идеологами «научного коммунизма», но и не были усвоены поколениями людей, призванными продолжать дело революции. «Победители 1917 г., — пишет Романовский, — завоевав симпатии масс, разбудив их надежды, в дальнейшем не стали всерьез заниматься теорией преодоления капитализма»¹².

Не потому ли широкие массы, разочарованные в обещаниях светлого будущего, не откликнулись на новые посулы КПСС во второй половине 1980-х годов, когда М. С. Горбачев и его соратники, рискуя окончательно потерять их поддержку, безоглядно решились на перестройку советской системы экономики, структур власти, идеологии политической жизни. Ставка оказалась битой. Перестройка, проложившая путь к власти ренегатам из высшей номенклатуры, сановным жуликам и всякого рода проходимцам, погрузила страну в катастрофу, сравнимую по губительным для народа последствиям с гражданской войной.

Авантюрная политика либерал-реформаторов привела к распаду не только СССР, но и мировой социалистической системы. Постсоциалистические страны были оттеснены на задворки мировой политики. Союзники СССР по Варшавскому договору и прибалтийские республики присоединились к НАТО. Рассыпались международные демократические движения. Утратили свое политическое влияние компартии в западных странах. Рухнул сложившийся в послевоенные годы миропорядок. Под прямым или косвенным влиянием этих событий народы многих стран стали жертвами цветных революций, гибридных войн, международного терроризма.

Так парадоксально, неожиданно для советских идеологов открылась негативная составляющая компонента «дела Октября» и его влияния на мировые события. Все это, однако, не умаляет, справедливо подчеркивают авторы монографии, его всемирно-историческое значение, а всего лишь обнару-

¹² Романовский Н. В. Указ. соч. С. 155.

живает антиномичность развития советского общества, которая выражалась и в скрытых, затемненных официальной идеологией аспектах, не привлекавших должного внимания советских аналитиков.

Падение «реального социализма» не ограничивалось внутренними предпосылками распада СССР, разложением правящей элиты, отсутствием массовой поддержки населения либо сохранением «родимых пятен» капитализма. Радикальная смена социально-политических ориентаций общества обусловлена более существенным фактором объективного порядка, до поры скрываемым догмами «научного коммунизма», реальным, жизнеспособным потенциалом реанимации капитализма, а именно: системой государственной собственности, которая наделяла государство, по существу, капиталистическими функциями управления народным хозяйством. Роль господствующего класса в такой системе отводится высшей партийно-хозяйственной номенклатуре — крупным госчиновникам, директорам и администрации предприятий.

Эта трактовка государственного капитализма в СССР принадлежит английскому марксисту Тони Клиффу, издавшему в 1948 г. монографию, посвященную данной теме. «Поскольку рабочее государство является самой низшей ступенью нового социалистического общества, — пишет он, — оно неизбежно должно иметь множество сходных черт с государственным капитализмом, но различие между ними представляет собою коренное, основное различие между капиталистической и социалистической системами»¹³.

Открытый Октябрем процесс общественных перемен, по существу, был направлен не на ликвидацию капитализма, а на преобразование его в капитализм государственный посредством модернизации на новых технологических основах и под централизованным управлением партии и государства. Заключение в нем потенциал реставрации прежнего строя и реализовался на пороге XXI века в условиях кризиса советской системы, освободившего её от идеологических облицовок.

13 Клифф Т. Государственный капитализм в России. Л.: Социалистический рабочий, 1991. С. 112.

Государственный капитализм стал несущей конструкцией процесса советской модернизации, особенности которой обусловлены чрезвычайными обстоятельствами: выходом России из мировой войны, революционными событиями, необходимостью защиты завоеваний Октября, потребностями сохранения целостности страны, находящейся во враждебном окружении капиталистических государств. После падения роли Советов как формы государственной организации вместо модернизации политической системы произошло восстановление, по сути, самодержавной вертикали власти, вершину которой составили руководящие органы партии во главе со Сталиным.

Отсюда, констатирует политолог В. И. Пантин, «историческая ограниченность этой модели модернизации, приспособленной к чрезвычайным условиям, но не способной длительное время органично развиваться и совершенствоваться». Одна из важнейших особенностей российской модернизации, пишет он, «состоит в том, что в России традиционное общество с его сословиями, общинным укладом и основанная на автократии политическая система, а также адекватный всему этому ценностный строй были разрушены, но дальнейшая эволюция так и не привела к образованию политического, экономического и социокультурного порядков, которые бы соответствовали парадигме современного общества»¹⁴.

Процесс модернизации, декорированный лозунгами строительства социализма, осуществлялся жестокими, насильственными способами индустриализации под прикрытием программных положений сталинизма о творческом развитии марксистско-ленинской теории. Частная собственность трансформировалась в государственную, выступавшую сперва под видом «общественной», а затем «общенародной». В результате сформировалось, по определению философа А. П. Бутенко, «общественное устройство, несущее с собой новые формы эксплуатации и гнета, принижающее всюду личность человека, низводящее его роль до роли выдрессированной

14 Пантин В. И., Лапкин В. В. Волны политической модернизации в истории России (К обсуждению гипотезы) // ПОЛИС. Политические исследования. 1998. № 2. С. 39.

рабочей силы, до «винтика» огромной бюрократической машины»¹⁵.

Становление новой общественной формации, политически базирующейся на сталинской тоталитарной системе, определялась не столько интенциями Октября, сколько социальными противоречиями, присущими странам развитого капитализма. Здесь эти противоречия смягчаются путем перераспределения доходов между различными слоями общества через налогообложение, государственный бюджет, специальные программы социальной защиты малообеспеченной части населения. Система этих мер, берущая свое начало во второй половине XIX века и призванная реализовать принцип социальной справедливости в возможных при капитализме рамках, была инициирована подъемом рабочего движения и требованиями молодых социал-демократических партий. Она выросла в структуры госкапитализма в виде социального государства в развитых западных странах.

Это система не отвергала, но и не ставила перед собой задачу всеобщей социализации национального хозяйства, которая, в отличие от большевиков, осмысливалась теоретиками социал-реформизма исключительно в демократическом контексте. Карл Каутский пояснял: «Социал-демократические цели не требуют во что бы то ни стало национализации, огосударствления промышленности, а, как говорили еще Маркс и Энгельс, требуют ее обобществления, которое может осуществиться не только путем огосударствления, но и путем муниципализации или кооперативной организации промышленности»¹⁶. Это означает последовательную демократизацию социальных институтов, которая должна быть подготовлена демократическим государством, путем проведения всеобщих выборов, организации демократического контроля, соблюдения полной свободы политической самостоятельности для всех граждан. В 1918 г. Каутский предупреждал об опасности преждевременного обобществления, ссылаясь на мысль Энгельса о том, что при неразвитых

15 Бутенко А. П. Откуда и куда идем. Взгляд философа на историю советского общества. Л.: Лениздат, 1990. С. 126–127.

16 Каутский К. Большевизм в тупике. М.: АОЗТ «Антидор», 2002. С. 10.

отношениях коммунистическое хозяйство может стать основой деспотизма¹⁷.

Предупреждение оказалось пророческим. Взяв власть, большевики в течение нескольких лет национализировали промышленность, банки, внешнюю торговлю и тем самым поставили под жесткий контроль экономику страны. На этой социально-экономической основе и вырос сталинский деспотизм. Между тем победа Октября создала возможности для того, чтобы освоить капиталистические структуры социального государства, реформировать и модернизировать их в соответствии с принципами социализма. Хотя формально законодатель — в данном случае партийно-государственный аппарат — конституционально легализовал эти возможности, расширив пределы функционирования социального государства до зафиксированных законом государственных границ страны, практическая их реализация уперлась в тупики сталинской модернизации.

В самом деле, можно ли назвать советское государство «социальным»? Можно, но с существенными оговорками. Конституция 1936 г. наделила государство обширным набором социальных функций, каковым тогда не обладало ни одно капиталистическое государство, даже управляемое социал-демократами. Но эти функции, носившие патерналистский характер социальной защиты граждан, либо фактически не осуществлялись, либо действовали избирательно и частично, либо просто симулировались, поскольку уровень экономического развития страны не позволял реализовать их полностью. Да и сам государственный аппарат был приспособлен скорее не для этого, а для выполнения иных функций — искоренения внутренних врагов и сопротивления врагам внешним. Именно в этих целях постоянно крепилось советское государство, хотя, как известно, И. В. Сталин, большой мастер доведения марксистской диалектики до вульгарной софистики, утверждал, что коммунисты за отмирание государства, разумеется, через всемерное усиление диктатуры пролетариата.

Следуя этой диалектики, власть фактически укрепляла структуры государственного капитализма, подчиняя народное хозяйство государственному аппарату и системе плановой эко-

¹⁷ Там же. С. 10–11.

номики, которая решала социальные задачи в последнюю очередь. На первый план государство неизменно выдвигало проблемы обороны страны, что во многом было обусловлено объективно: сначала «враждебным окружением», а затем военно-политической конфронтацией двух социальных систем. Поэтому на протяжении всей советской истории крепились вооруженные силы, роль которых, как отмечает в монографии политолог О. М. Михайленок, в трансформационных социально-политических процессах неоднозначна. Боровшиеся за власть большевики стремились заручиться поддержкой существовавших до революции военных структур. И им это в значительной мере удалось, создав в ходе гражданской войны сильную, боеспособную Красную Армию, которая впоследствии использовалась не только против внешнего врага, но и против «врага внутреннего». Вооруженные силы применялись для усмирения противников советской власти в разные периоды истории СССР и даже за его пределами.

Тут за ценой не постоили. Во имя защиты завоеваний Октября народные массы были вынуждены десятилетиями терпеть невыносимые лишения, владеть полунищенское существование, умирать от голода. Используя экономический потенциал страны в целях, далеких от социальных потребностей населения, власть внушала ему, что для нее нет задачи более важной, чем удовлетворение этих потребностей. В отличие от капитализма, учил Сталин, именно эта задача определяет самое суть социализма. Незадолго до своей кончины Отец народов писал: «Вместо обеспечения максимальных прибылей — обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества»¹⁸. Этот постулат «основного закона социализма» на закате советской эпохи был воспроизведен лозунгом «Все во имя человека, все во благо человека!». Чего же больше? Вроде бы идти дальше некуда в обеспечении социальных прав граждан.

Чем отличается в этом плане социальное государство от того, которое считалось социалистическим? Тем, во-первых, что его программы не заходят так далеко, как социалистические про-

18 Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. С. 40.

екты. Тем, во-вторых, что, в отличие от этих проектов, политика социального государства ставит реальные задачи, решение которых гарантировано экономическим развитием данной страны. Добиться ракетно-ядерного паритета с США и НАТО, открыть человечеству дорогу в космос оказалось практически более осуществимым, чем приблизиться к жизненному уровню населения западных стран, хотя все годы советской власти страна прожила под официальным девизом «догнать и перегнать», испытывая все это время острейший дефицит товаров широкого потребления.

Проблемы повышения уровня жизни в действительности никогда не занимали приоритетное место в экономической политике государства. Экономический потенциал страны был использован, прежде всего, для защиты завоеваний социалистической революции, в парадигме которых развивалась борьба за новый общественный строй.

Промышленная и культурная революции, пятилетки в четыре года, битвы за урожай, штурм космоса заполняли героические будни строителей социализма. Этот процесс базировался на мобилизационной экономике и трудовом энтузиазме масс, который постоянно стимулировался советской пропагандой, сулившей им блага «светлого будущего».

Немногим лучше реализовалось дело Октября и в других государствах социалистического содружества. Большинство из них столкнулось с острыми социальными проблемами еще на начальных этапах социалистического строительства. Историк И. С. Яжборовская отмечает, что их население «испытывало повседневное снижение жизненного уровня и рост бедности, падение уровня потребления, безработицу и утрату многих социальных гарантий»¹⁹.

Возникают вопросы, ставящие под сомнение бывшие оценки процесса модернизации, открытого Октябрьской революцией. Завершился ли он выполнением Великого проекта социаль-

¹⁹ Яжборовская И. С. Особенности трансформации социальной сферы в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы // Социальное государство и политика / под ред. О. М. Михайленка, В. В. Люблинского; Институт социологии РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. (Согласие в обществе как условие развития России. Вып. 5). С. 240–246.

ного преобразования мира? Не поспешили ли коммунисты назвать рожденный Октябрем общественный строй «социалистическим»?

Развитие событий внесло в реализацию социальных замыслов теоретиков коммунизма непредвиденные коррективы. Задуманная марксистами мировая революция не состоялась. В первые послеоктябрьские годы были подавлены революции в Германии, Болгарии, Финляндии и ряде других странах. Лишь в Монголии в 1921 г. советская помощь обеспечила переход к социализму, «минуя капитализм». Не выдержала испытания временем и сталинская доктрина о возможности победы социализма в отдельно взятой стране, хотя советская Конституция 1936 г. зафиксировала «полную победу» социализма в СССР. История, однако, показала, что это была всего лишь победа сталинской модели социализма, одержанная большевиками путем применения жестоких репрессий, тотального подавления гражданских прав и свобод, искоренения инакомыслия.

В поисках теоретических новаций советские идеологи утратили способность адекватно оценивать конкретные результаты и возможности продвижения к коммунизму. Еще в начале 1930-х годов русский философ Г. Федотов, отмечая, что истина перестала быть путеводным ориентиром для коммунистов, «приобрела чисто служебное, или тактическое, значение для генеральной линии», а потому «история не может угнаться за политическим заказом, меняющимся каждый день»²⁰.

Послевоенные перемены побудили теоретиков «научного коммунизма» оптимизировать оценки достижений социализма. Выход из капиталистического окружения, превращение социализма в мировую систему, распад колониальной периферии империализма стали рассматриваться ими как гарантии необратимости продвижения народов к светлому будущему, что отразили решения XXI съезда КПСС (1959 г.), который провозгласил «полную и окончательную победу социализма» и начало развернутого строительства основ коммунизма. Через два года на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущев провозгласил: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!».

20 Федотов Г. П. Судьба и грехи России. В 2-х кн. 2-я кн. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб.: «София», 1991. С. 36–37.

Но реалии «развитого социализма» показали, что процесс отнюдь не завершен, что Великий проект далек от выполнения. Пытаясь обогнать время, теоретики научного коммунизма попадали в мир иллюзий.

Капитализм и социализм — две стороны единого исторического процесса, отраженного в теории марксизма, а после 1917 г. и в социальной действительности. Это справедливо и для других формационных трансформаций общества. Разве разлагающийся феодализм не был первой ступенью капитализма в западноевропейских странах? Разве таковым он не стал и в России, где вплоть до 1917 г. развитие последнего было неотделимо от крепостничества и его пережитков, от самодержавия и социального устройства феодального типа. А как именовать новую экономическую политику, которую В. И. Ленин называл «уступкой капитализму»? И уж не социалистическим было крестьянское хозяйство до коллективизации, каковая, в сущности, явилась очередным изданием крепостничества. Социализм не возник из капитализма в готовом виде, как Миневра из головы Юпитера. Точно так же, как и постсоветский капитализм не возник в одночасье по решению тройки партийных секретарей, «отменивших» социализм на полулегальном заседании в Беловежской Пуше.

Смена общественного строя — длительный, сложный процесс, который все еще далек от завершения. Смутные девяностые. Крушение идеалов и иллюзий. Смятение умов. Реформы. В. В. Путин. Крым. Митинги либералов. Русские марши. Кипение страстей. Словом, страна пришла в движение. Вперед, Россия!

Другое дело, что процесс этот начался внезапно, неожиданно и оказался весьма противоречивым. Кто бы мог предположить на закате опостылевшей — не только записным диссидентам — советской власти, что спустя четверть века в истории России не состоится ожидаемое светлое будущее, а обескураженные этим граждане и опомнившиеся от антикоммунистической эйфории либералы выступят с протестами против нового режима, сопоставимыми по массовости и радикальности требований с протестами тех давних лет?

Нечто подобное предвидел еще в 1940 г. Г. П. Федотов, который предупреждал: «Нет, решительно нет никаких разумных

человеческих оснований представлять себе первый день России «после большевиков» как розовую зарю свободной жизни. Утро, которое займется над Россией после кошмарной революционной ночи, будет скорее туманное, «седое утро», которое пророчил умирающий Блок. После мечты о мировой гегемонии, о завоевании планетарных миров, о физиологическом бессмертии, о земном рае — у разбитого корыта бедности, отсталости, рабства, может быть, национального унижения. Седое утро»²¹.

И что же? Был социализм или не был? Что осталось? Не только «родимые пятна». Это и стиль жизни. Это образ мышления. Это основные нормы морали и нравственности. Словом, все сущностные стороны человеческого бытия, искривленные, понятно, реставрацией капитализма, которая привнесла в общество культ наживы, всепроникающую коррупцию, небывалый рост преступности, реанимировала социальные и этноконфессиональные антагонизмы.

При каком строе мы живем? Научный коммунизм отвечал на этот вопрос со всей определенностью: конечно, при социализме. Отвергнув Великое Учение, постсоветское обществоведение превратилось в эклектическую совокупность самых различных учений и теорий, ни одна из которых не способна дать внятный ответ на поставленный вопрос. Возможно, для таких ответов не настало время, хотя уже сегодня ощущается потребность общества в движении теоретической мысли в этом направлении. «Чтобы изменился тип общества и возник новый социальный вид, — пишет философ В. С. Степин, — должны произойти изменения культурного кода, мутации мировоззренческих универсалий, а затем уже технико-экономическое развитие и конкуренция с другими обществами определяют дальнейшую судьбу нового типа социальной организации»²².

И все же постсоветский гражданин хотел бы знать, в каком социальном общежитии он теперь пребывает. Стоит ли задумываться над этим вопросом? Видимо, стоит. Нам нужна понятийная определенность. Нам надо знать, как называется

21 Федотов Г. П. Указ. соч. С. 198.

22 Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПб ГУП, 2011. С. 119.

общественное устройство, в коем мы обретаемся. Нам требуются социальные ориентиры. Это естественно. В духовной жизни общества обнаруживаются симптомы, напоминающие рассеянный склероз, когда оно их утрачивает. Социум теряется в окружающем мире, не знает, чего, собственно, хочет. Это вновь явно продемонстрировало смятение умов и политических настроений, обострившееся в ходе постсоветских электоральных кампаний. Живем по понятиям, но все же не совсем по тем, что приняты в уголовном мире, а по логике понятий, впечатанной матрицей в наше сознание идеологией, которой оно высушивалось до полного единомыслия в течение многих десятилетий. При этом подразумеваются понятия, каковые, по словам В. И. Ленина, должны быть «... обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять весь мир»²³.

Диалектика по-ленински. Если применительно к поставленным вопросам редуцировать заключенные в цитате разноречивые смыслы, обтесать их, то в релятивном понимании минувший, или уходящий, общественный строй стал реализацией доктрины научного коммунизма, ясно, не в зеркальном ее отражении. В таком, относительно адекватном виде он и состоялся, явившись социально чужеродным для России звеном в исторической связи времен. Такова объективная реальность, если оценивать ее поверх социальной ностальгии и идеологических заморочек, окутывающих ныне споры вокруг поставленных вопросов.

Новый строй — плох ли он, хорош ли — его апологеты и называли «реальным социализмом». После развала СССР начался процесс разложения советского строя — более или менее последовательные сдвиги возвратной направленности социальных реальностей в сторону капитализма. Эти сдвиги отразило политическое сознание советских элит. «Инверсивность состояла в том, — писал, например, об «эмиграции» грузинских интеллектуалов в «волшебное царство своей истории» один из них, Нино Пирцхалава, — что поступательное движение, прогресс воспринимались как вперед — направленное — возвращение на-

23 Ленин В. И. ПСС. М., 1963. Т. 38. С. 136.

зад к идеалу славного прошлого нации с великой традицией державности»²⁴.

Пытаясь преодолеть советское прошлое, начать модернизацию с докоммунистических рубежей, постсоветские реформы раскручивали порой спираль «развития» до витков едва ли не родоплеменных. Это не уникальный зигзаг социальной истории. На что указывает, например, А. В. Готного: «Второе издание капитализма в СССР и на постсоветском пространстве аналогично второму изданию феодализма в ряде европейских стран и в этом смысле не является исторически беспрецедентным событием»²⁵. А коли так, то по логике вещей нельзя исключать и реставрацию социализма в России в формах, отличных от прежних.

Попятная эволюция отнюдь не обязательно означает прекращение развития, необратимый упадок либо движение в сторону энтропии. Во-первых, ее начала и концы никогда наглухо не замыкают круг, из него постоянно выбиваются кванты изменений, пусть первоначально и незаметных для современников, но неотвратно преобразующих — зачастую в геометрии той же модели — витальную фактуру общества. Во-вторых, чем сложнее социополитическая система, тем более многочисленны составляющие линии ее эволюции (политические, экономические, социокультурные и др.). Они могут иметь разные направленность и конфигурацию (например, вроде кольцеобразно развернутого пучка разнонаправленных спиралей модели молекулы ДНК) и потому одновременно и во взаимодействии продуцировать и волны деградации, и волны модернизации, как это было, например, в СССР времен «застоя». В-третьих, по мере приближения к нашей современности, эволюция всякого общества все тесней сплетается с развитием, или деградацией, других обществ в единый всемирно-исторический процесс, который навязывает ей свои формы, темпы и векторы движения.

24 *Пирихалава Н.* Интеллектуалы и национальная принадлежность. Являются ли грузинские интеллектуалы советскими интеллигентами? // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн. 1. Центральная Азия и Кавказ / общ. ред. А. Малашенко, Б. Коппирерса, Дм. Тренина и др. М.: «Весь мир», 1997. С. 183–196. С. 189.

25 *Готного А. В.* Постсоветский марксизм: от паралича к параллаксу // Социологические исследования. СОЦИС. 2014. № 1. С. 118.

Казалось бы, сказанного достаточно, чтобы оправдать использование в качестве инструмента концептуализации при анализе постсоветских перемен описанную выше модель, тем более что на нее указывают своим трендом сами эти переменные. Дело, однако, обстоит не так просто. Прочерчен лишь небольшой отрезок дуги, который не обязательно сомкнется с ее началом или свернется в спираль.

Кто знает, не сдвинется ли развитие постсоветского общества на тот путь, по которому ныне вполне успешно продвигается социалистический Китай. Во всяком случае, уже сегодня явственно обнаруживается вектор, указывающий такое направление социально-экономических и идейно-политических процессов эволюции России. Об этом свидетельствует, например, совместное исследование российских и китайских социологов в области представлений о будущем населения России и Китая. Если выйти за рамки утилитарного подхода к этим представлениям, отмечают исследователи, и посмотреть на них через призму образа желаемого будущего, то выяснится, что общего в них больше, чем различий, что они отнюдь не отражают альтернативные общественные проекты. Что же касается различий, то они в основном связаны с разницей в уровнях экономического развития, национальными и социокультурными особенностями развития двух стран²⁶.

Постсоветские реформы привели в действие модель круговращения, по которой социализм стал перевоплощаться в предшествующий ему в Российской империи общественный строй. Но от своего недавнего прошлого, понятно, никому никуда не деться. Оно неотделимо от настоящего. Каждая из постсоветских республик — его органичный продукт, непосредственно из него выросший вместе со всеми своими президентами, их советниками чикагской или иных зарубежных школ, необъятной бюрократией, патриархами и муллами, церковными иерархами, политиканствующими дамами «высшего света», криминальными авторитетами и т.д. Именно в силу этого анализ того общего, что их пока объединяет, что неотделимо от их

26 См.: Идеальное общество в мечтах людей в России и Китае: [монография] / [М. К. Горшков]; отв. ред. М. К. Горшков, П. М. Козырева, Ли Пэйлинь, Н. Е. Тихонова; ИС РАН. М.: «Новый хронограф», 2016. 424 с.

идентичностей, более продуктивен для осмысления существа постсоветских перемен в каждой из них, чем исследование местной специфики, учет которой, разумеется, необходим. Это относится и к сравнительному исследованию опыта постсоветских, оставшимися социалистическими стран.

Если случившееся в Петрограде в октябре 1917 г. можно, не особенно греша против истины, квалифицировать как «большевистский переворот», как один из возможных вариантов выхода из тогдашнего кризиса, то применительно к последовавшему процессу социально-политических преобразований такая оценка была бы крайне поверхностной и необъективной. Она не разводит понятия «революция как событие» и «революция как исторический процесс». Этот процесс явился не аномалией, случайным отклонением от «естественного» хода истории, сиречь становления капитализма, которое при сохранявшихся порядках едва ли могло выйти на восходящую спираль модернизации.

Это была исторически закодированная революция, разорвавшая круг латентного развития Российской империи. Нелепо, излишне провинциально сводить ее истоки к «масонскому заговору» или трактовать как материализацию «марксистской утопии», насильственно навязанной народу. Из этого, думается, и следует исходить, пытаясь осмыслить социополитические метаморфозы на постсоветском пространстве. Иначе они обращаются в зазеркальные перемены, транслирующие некие симулякры модерности из ниоткуда в никуда, из «несоциализма» в «некапитализм», согласно ходкой ныне интерпретации переходных маршрутов.

РАЗДЕЛ I

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ФОНЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ РОССИЙСКОГО И МИРОВОГО СОЦИУМА

Глава 1. Антиномичность Октября

«...Настоящему, чтоб обернуться
будущим, требуется вчера»

Иосиф Бродский

Понимание смысла и места Русской революции 1917 г. в череде социальных революций как радикального типа социальных трансформаций требует историзма в толковании этого понятия. Западные аналоги этого явления происходили в эпоху становления индустриального общества и расчищали путь для утверждавшегося капитализма. В России же революция разразилась в обстановке вылившегося в мировую войну системного кризиса капиталистического индустриализма. Этот кризис подорвал энергетику капитализма в противостоянии тормозным трендам традиционного общества. Логика самосохранения толкала его на противодействие революционным переменам, побуждала к сотрудничеству с консервативной реакцией. В этой подвиге — ключ к объяснению антиномичности Русской революции. Отношения капиталистического индустриализма, формировавшиеся под эгидой царского режима, наложились здесь на архаику полуфеодального строя. По словам Михаила Гифтера, в России произошло «встраивание буржуазности в крепостничество», породившее, казалось бы, невероятный исторический феномен: одновременно «симбиоз и стычку опережения и отставания»¹. Не в этой ли уникальной антиномии скрыта «тайна» Русской революции: истоки ее парадоксальности — сочетания взлетов и падений, достижений и потерь, триумфов и трагедий?

Глубина тогдашнего системного кризиса понуждала социальную теорию к поиску «спасительной альтернативы» капиталистическому индустриализму, ужасы и пороки которого наглядно выявила мировая война. Общественная мысль поддалась «соблазнам» социалистической перспективы. Вы-

¹ Гифтер М. Из чернового замысла книги «В поисках нового КУДА». [Электронный ресурс]: Русский Архипелаг. Сетевой проект «Русский Мир». 1988. Наука и образование. URL: <http://www.archipelag.ru> (дата обращения: 19.02.2018).

ражая дух времени, британский философ Бертран Рассел писал в 1917 г.: «Существующая капиталистическая система обречена. Ее несправедливость так бросается в глаза, что только невежество и традиция заставляют наемных рабочих терпеть ее. Не испытываю я сомнений и относительно того, что новый строй будет либо некой формой социализма, либо возвратом к варварству, к непрекращающимся стычкам, характерным для варварского нашествия»².

Такие высказывания не редки в газетах и журналах того времени. В них отражалась общая атмосфера в мире, предрасполагавшая к революционному «прорыву» увязшей в кризисе системы капиталистического индустриализма. «Дерзость истории» проявилась, однако, в том, что прорыв случился не в самой развитой стране, как предсказывала марксистская доктрина, а в стране, не прошедшей сквозь чистилище «буржуазной» революции, хотя и вставшей на путь индустриального развития. Застарелые противоречия самодержавно-крепостнического строя переплетались здесь с антагонизмами быстро растущего капиталистического индустриализма. Это по-новому ставило вопрос о характере надвигавшейся революции, о роли в ней различных классов и сословий, о ее месте в международном революционном движении.

Русская революция, в которой стихия «крестьянской жаке-рии» соединилась с активной борьбой молодого рабочего класса за гегемонию в освободительном движении, высветила альтернативу оказавшемуся в тупике капиталистическому индустриализму. Большевиками эта альтернатива воспринималась как «прорыв» к социализму, логично следовавший за последней стадией капиталистического развития — империализмом. Ретроспективно она видится по-иному — как переходная форма «постбуржуазного» политического развития: государственный капитализм при гегемонии «низовой демократии» — власти Советов, «нового типа государственности».

Возможность в России альтернативы буржуазному парламентаризму чутко уловил Макс Вебер. Еще в годы русской ре-

² Рассел Б. Лондон. [Электронный ресурс] // 1917. Свободная история. 04.02.1917. URL: <https://www.project1917.ru/persons/bertran-rassel> (дата обращения: 20.01.2018).

волюции 1905–1907 гг. он отмечал, что архаика быта и сознания российского крестьянства в кризисной обстановке способна возбудить «спонтанную культуру свободы», которая вызовет «мощный подъем замешанного на «коммунистических» дрожжах “естественно-правового” духа, что может привести к чему-то совершенно “небывалому”»³. В апреле 1917 г., в тот самый момент, когда Ленин выдвинул лозунг «Вся власть Советам», Вебер писал, что удовлетворить интересы крестьянства — «огромного большинства русского народа» — «может только долгая социально-революционная диктатура»⁴. А после Октябрьского переворота, оценивая «большевистский эксперимент», он заявил: «Если эксперимент удастся, и мы увидим, что там возможна культура, то они обратят нас в свою веру (курсив мой — Ю. К.)»⁵. Несмотря на сомнения в успехе большевиков, выдающийся немецкий мыслитель признал, что их инициатива обозначила реальную альтернативу тому типу государственности, который сформировался на базе капиталистического индустриализма. И в случае успеха это изменит господствующую в социалистическом движении Запада концепцию власти.

Конкретные представления о характере и содержании большевистской альтернативы изложены Лениным в канун Октября (сентябрь — октябрь 1917 г.) в работах «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «К проекту партийной программы», «Удержат ли большевики государственную власть?». Обстановка вынуждала большевистских теоретиков «на ходу» заниматься поиском ответов на множество злободневных вопросов, встававших перед партией, идущей к власти. В этих поисках были открытия и прозрения, были недоговоренности, иллюзии и заблуждения. Но из всего написанного тогда Лениным вырисовываются контуры и логика программы Октябрьского переворота.

3 Вебер М. О России. М.: РОССПЭН, 2007. С. 52, 85.

4 Автор поясняет, что «социально-революционное правление» потребует «такого политического лидера, для которого ‘молодая’ в российских условиях частная земельная собственность не является безусловной ‘святыней’». И далее: «Есть ли в России такие люди, я не знаю. Но прийти к власти *надолго* они смогут, только если будет заключен мир». См.: Weber M. Russlands Ubergang zur Scheindemokratie // Die Hilfe Zeitung. 27.04.1917.

5 Вебер М. Социализм (Июнь 1918). Политические работы. М.: Праксис, 2003. С. 336–337.

Амбивалентность Русской революции в обстановке мирового кризиса открыла перед страной уникальные шансы выхода на социалистическую альтернативу, как ее тогда понимали. Но реализовать их в крестьянской стране, опутанной сетями крепостничества, было чрезвычайно трудно. Поэтому, хотя уже в Апрельских тезисах переход власти к Советам был увязан с социалистической перспективой, ленинская предоктябрьская программа носила общедемократический характер. Предлагалось объединить все банки в один, установить над ним государственный контроль, национализировать синдикаты, провести синдицирование промышленности и торговли, отменить коммерческую тайну, национализировать землю, объединить население в потребительные общества. По содержанию эти меры не были социалистическими. Если бы, отмечает Ленин, Советы еще в апреле 1917 г., взяв всю полноту власти, осуществили бы их, то Россия была бы «*выше* всех остальных капиталистических стран»⁶. В намеченной тогда программе Октября речь шла о «государственно-монополистическом капитализме при действительно революционно-демократическом государстве»⁷. Ленинский проект нацеливал на более или менее длительный переходный период к новым устоям общества при власти Советов, предполагавшим «переходные и комбинированные типы» преобразований⁸.

В чем же причины крутого «зигзага» к «военному коммунизму» и «кавалерийской атаке» на капитализм; зигзага, наложившего неизгладимую печать влияния на опыт и наследие Октября?

Русская революция развивалась в накаленной атмосфере военного пожара. И дело не только в жертвах и страданиях, которые на Россию взвалила мировая война. После свержения в феврале 1917 г. царского самодержавия утвердившийся у власти «буржуазно-демократический» режим заблокировал страстно ожидаемую крестьянством аграрную реформу. Это вызвало нарастающую стихийную волну крестьянских выступлений. К осени крестьянские восстания охватили 91% всех уез-

⁶ Ленин В. И. ПСС. М: Госполитиздат, 1962. Т. 34. С. 195.

⁷ Там же. С. 191.

⁸ Там же. С. 375.

дов старой России (без окраин)⁹. Как констатировал Л. Троцкий, описывая этот период в «Истории русской революции», крестьянство «все ближе подходит к гражданской войне и левым своим крылом переступает через ее порог». Октябрь развертывал свою программу преобразований в огне стихийно начавшейся «крестьянской войны», в которой русский мужик выполнял прогрессивную историческую задачу — «революционным варварством он искоренял варварство средневековья»¹⁰.

«Закваска на крови» предопределила общий климат Русской революции, жесткие перипетии ее развития, включая избыточный террор гражданской войны и беспредел сталинских репрессий. Уместно в этой связи вспомнить: Маркс, изучая предварительные документы реформы 1861 г. в России, предвидел, что тупое сопротивление освобождению крестьян со стороны феодальной реакции приведет к восстанию. «А если это произойдет, то настанет русский 1793 г.; господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории, но оно явится... поворотным пунктом в истории России»¹¹.

Степень «свирепости» (Ленин) и разрушительности революции приумножалась тем, что ее активным участником был одетый в солдатскую шинель, привычный к насилию и жестокости войны «человек с ружьем». Он стал одним из главных акторов Октября, привнес в революцию страсть ненависти. Энтузиазм и стойкость, готовность к трудностям, решимость бороться за «общее дело» в его взглядах и поступках сочетались с революционным нетерпением, прямолинейностью, бескомпромиссной жесткостью, склонностью к уравнилельно коммунистическим иллюзиям.

Большевики «вбирали в себя» противоречия массовой базы революции, и программа Октября адаптировалась к жестоким реалиям. Ленин некоторое время шел против течения. По свидетельству Р. Пайпса, он стремился наладить контакты с

9 Троцкий Л. Д. История русской революции. М.: ТЕРРА; Республика, 1997. Т. 2. Октябрьская революция. Ч. 2. С. 7.

10 Там же. С. 7, 32.

11 Маркс К. Об освобождении крестьян в России // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1958. Т. 12. С. 701.

русским бизнесом; по его указанию начались переговоры с крупными картелями о взаимовыгодном сотрудничестве.

Одним из переговорщиков от крупных предпринимателей был А. Мещерский — директор Сормовско-Коломенского машиностроительного завода, насчитывавшего 60 тыс. рабочих и объединявшего русский и иностранный капитал. Он предложил проект советского металлургического треста с капиталом в 1 млрд рублей, финансируемого пополам государством и частным сектором и управляемого советом директоров, в котором частным вкладчикам принадлежало бы 60% мест. Трест должен был объединить сеть промышленных предприятий, на которых работало бы 300 тыс. человек. Аналогичный проект совместного предприятия обсуждался с директорами объединения промышленника Стахеева, контролировавшего около 150 промышленных, финансовых и торговых предприятий Урала. Однако под яростным напором «левых» в правительстве, проекты «смешанной модели» государственно-частных предприятий были отвергнуты, Мещерского арестовали, а позднее он эмигрировал на Запад¹².

В апреле 1918 г. в «Известиях» появилась статья Ю. Ларина, в которой была изложена экономическая программа «военного коммунизма». В противоречии с первоначальной программой Октября в ней предписывался прямой переход к социализму: национализация всех банков и отраслей промышленности, никакого сотрудничества с частным капиталом не допускалось, частная торговля запрещалась, деньги становились ненужными, рынок должен был уступить место кооперативам, действующим под надзором государства. Хозяйственная жизнь в стране с многоукладной экономикой и преобладанием мелкотоварного производства, согласно этой программе, подчинялась единому государственному плану. Контроль государства планировалось распространить и на сельское хозяйство, наладив прямой продуктообмен между крестьянскими кооперативами и государственной промышленностью. Иностранный капитал допускался в национальную экономику только в виде участия специалистов и займов для импорта техники¹³.

12 См.: *Пайнс Р.* Русская революция. Книга 2. Большевики в борьбе за власть 1917–1918. М.: Захаров, 2005. С. 214–216.

13 Известия. 1918. 17 апреля. № 76. С. 2.

Ленин до последнего противодействовал наступлению вульгарного революционаризма «левых» большевиков. Об этом свидетельствует его страстное выступление об очередных задачах советской власти на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. В «переходной эпохе», доказывал Ленин, «при Советской власти кусочек капитализма и социализма существует рядом»¹⁴. В этой идее, справедливо замечает Пайпс, «было много общего с новой экономической политикой, введенной три года спустя»¹⁵.

Но, будучи великим стратегом, Ленин оставался человеком своего времени, на которого воздействовали экстраординарные условия первого прорыва капиталистической системы — разруха, война, интервенция, голод; сопротивление и саботаж контрреволюции. И вместе с тем — осязаемая надежда на мировую революцию, эпидемия детской болезни «левизны» и упрощенческий синдром первопроходцев в среде большевиков. Такое было время — сдвигались пласты бытия классов и условий, рвались казавшиеся вечными рутинные связи, все пришло в движение и все казалось достижимым. Кто мог устоять перед искушением самонадеянной революционности, разбуженной успешным Октябрьским переворотом? Из рассказа Б. Рассела о встрече с Лениным в 1920 г. видно, что и гений политики не избежал «утопического настроения» революционного сознания того героического периода¹⁶. В этой зыбкой, неустойчиво напряженной ситуации в апреле 1918 г. левые коммунисты одержали верх и «надолго ввергли Россию в утопию моментального социализма»¹⁷.

Крутой «зигзаг» к «военному коммунизму» перевел только что начавшееся формирование политической системы послеоктябрьской России на рельсы чрезвычайной ситуации. Общедемократическая программа Октября в этих условиях повисла в воздухе. Как оказалось, это роковым образом повлияло на дальнейшую судьбу прорыва Русской революции к новому типу государственности.

14 Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М: Госполитиздат, 1962. Т. 36. С. 269.

15 Пайпс Р. Указ. соч. С. 215.

16 См.: Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: «Наука», 1991. С. 20–24.

17 Пайпс Р. Указ. соч. С. 216.

Стержнем концепции новой государственности была идея «низовой демократии» Советов в противовес буржуазной демократии, подвластной господствующим элитам буржуазного общества. Советы шли к власти как альтернатива «буржуазному парламентаризму» — политической «надстройке» индустриального общества в капиталистическом обличье. Дефекты «низовой демократии» в крестьянской стране (от склонности к анархии до оппортунизма) предполагалось нейтрализовать руководящей ролью сознательного пролетарского авангарда. Советы должны были стать *антиномичным симбиозом «низовой демократии»* и авангардного меньшинства, «работающими корпорациями» новой государственности, органически связанными с народом и свободными от элитарности, присущей буржуазному парламентаризму.

Суровая практика гражданской войны и «военного коммунизма» скорректировала самую суть этого антиномичного симбиоза Советов — его внутренний демократизм. Жизненные потребности защиты революции от лавины невзгод, лишений и прямых контрреволюционных посягательств вынуждали большевиков к диктаторским методам деятельности в Советах, выхолащивающим демократические нормы принятия и исполнения решений. «Авангардное меньшинство» превращалось, по существу, в партийную бюрократию, навязывавшую органам власти свою волю. Нередко это были даже не партийные функционеры, а сотрудники ЧК. Практика «чрезвычайщины» становилась рутинной, создавала благоприятную почву для авторитарного развития советской государственности на будущие времена.

Политическое развитие России в годы гражданской войны и «военного коммунизма» воспрепятствовало реализации ленинской концепции. Трудно не согласиться с Ханной Арендт, которая пишет: «Ленин потерпел свое величайшее поражение, когда с началом гражданской войны верховная власть, которую он первоначально планировал сосредоточить в Советах, явно перешла в руки партийной бюрократии»¹⁸.

18 Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996. С. 424. Автор приводит данные, согласно которым в 1927 г. 90% состава сельских Советов и 75% их председателей были беспартийными. Районные исполкомы Советов напо-

Конечно, низовой демократизм советской государственно-сти имел разветвленную корневую систему и потому высокую степень прочности. Тем не менее укрепление партийной бюрократии в Советах, нарушив баланс «низовой демократии» и авангардной партии, грозило лишить большевиков поддержки крестьянства. Сигналом тревоги стала прокатившаяся по России волна крестьянских восстаний, нередко под лозунгом «Советы без большевиков». Только решительный поворот от «военного коммунизма» к новой экономической политике, снявшей вето с рыночных механизмов, предотвратил тогда трагический исход революции. Но бацилла партийного бюрократизма поразила организм советской государственности. В Советах были посеяны семена авторитарных тенденций. Это резко ограничивало, но не устраняло демократические начала в их деятельности. Как признает и Х. Арендт, развитие партийной бюрократии в то время «не обязательно вело к тоталитаризму. ...На момент смерти Ленина дороги были еще открыты»¹⁹.

Нужно воздать должное Ленину: он видел надвигающуюся опасность: разбуженная от многовековой спячки народная сти-

ловину состояли из беспартийных, тогда как во ВЦИК 75% депутатов были членами партии. «К 1930 г. последние следы прежних общественных институтов исчезли и были заменены жестко централизованной партийной бюрократией» (Там же. С. 425). О том, что война и насилие располагают к диктаторским способам властвования, писал и Б. Рассел, делаясь впечатлениями о визите в Россию летом 1920 г. «Метод насильственной революции, ведущей к диктатуре меньшинства, — отмечал он, — является особенно пригодным для создания привычек к деспотизму, которые останутся и после кризиса, их породившего». И далее: «Милитаризм породил свой неизбежный результат — суровый диктаторский дух: люди, стоящие у власти, делают свою повседневную работу с сознанием, что у них под командой трехмиллионная армия и что гражданская оппозиция их воле может быть легко сломлена» (*Рассел Б.* Практика и теория большевизма... С. 77, 96).

¹⁹ *Арендт Х.* Указ. соч. С. 424–425. Б. Рассел тоже подмечает эту антиномичность Русской революции. «Даже при существующих условиях в России еще чувствуется влияние животворного духа коммунизма, духа созидающей надежды, поиска средств к уничтожению несправедливости, тирании, жадности — всего того, что мешает росту человеческого духа, стремлению заменить личную конкуренцию совместными действиями, отношения хозяина и раба — свободным сотрудничеством. Эта надежда помогает лучшей части коммунистов выдержать испытания суровых лет, которые переживает Россия, эта же надежда вдохновляет весь мир» (*Рассел Б.* Практика и теория большевизма ... С. 106).

хия могла поглотить целеполагающее авангардное меньшинство. Отсюда отчаянные усилия уже тяжелобольного Ленина в поиске эффективных мер противодействия термидорианской рецессии. Он стремится найти переходные формы экономических и социальных преобразований, укрепить централизованные рычаги контроля над стихией мелкособственнической психологии, вовлечь в высшие управленческие органы наиболее сознательных «рабочих от станка», не допустить в обстановке разрухи их «деклассирования».

Ленин хорошо понимал, что в условиях разгула революционной стихии ключевое значение имело сохранение единства самого революционного авангарда, недопущение его леворадикального или оппортунистического перерождения. Отсюда — требование строгого соблюдения демократического централизма с акцентом на централистский компонент и отторжение фракционности. В марте 1922 г. в письме Молотову для прочтения всем членам ЦК Ленин писал: «...В настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то, во всяком случае, ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него»²⁰.

Воплощение этих предложений в жизнь должно было удерживать соотношение спонтанной энергии социального почина «снизу» и сознательного целеполагания «сверху» в пределах той меры, которая позволила бы в полном объеме раскрыться демократическому потенциалу советской государственности. Можно ли было добиться такого исхода? Судя по одной из последних статей Ленина «О нашей революции» (по поводу записок И. Суханова), он хорошо понимал, как мало было у России шансов на социализм без революции на Западе. Но он ясно видел, какие возможности получали большевики, сумев «осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором в качестве одной из возможных перспектив писал такой «марксист», как Маркс...». Именно в этой связи

20 Ленин В. И. О нашей революции (по поводу записок И. Суханова) // Ленин В. И. ПСС. М., 1964. Т. 45. С. 20.

Ленин указывал на НЭП, как на такую «деталь развития» «с точки зрения мировой истории», которая, обеспечивая смычку рабочего класса и крестьянства, позволяла надеяться на укрепление демократических начал советской государственности²¹.

В своих последних выступлениях и кратких диктовках Ленин пытался, на пределе сил напрягая угасавший мозг, осмыслить стратегию намеченного НЭПом поворота, в котором улавливались признаки долговременной бифуркации. Убеждая самого себя, полемизируя с теми, кто видел в НЭПе тактический маневр, он говорил, что новая политика «всерьез и надолго»²². Подчеркивая масштаб проблемы, он призывал к «коренной перемене всей точки зрения нашей на социализм»²³. К сожалению, он ушел из жизни до того, как смысл и значимость проблемы были осознаны в партии и обществе. Произошла одна из тех трагических случайностей, которые меняют ход истории. В предчувствии «смены караула» верхушка руководства партии занялась междоусобными разборками. Среди соратников Ленина не нашлось таких, лидерские качества которых позволили бы довести его замысел до конца. Победили иные тенденции: НЭП был свернут, утвердился режим сталинизма, блокировавший возможности демократизации советской системы.

Поднявшаяся снизу стихия с присущей ей слаборазвитой политической культурой, бунтарским нетерпением, приверженностью к насилию, склонностью к простым решениям и вождистскими иллюзиями захлестнула целеполагающее сознательное меньшинство, размыло его социальную базу. Вопреки императивному требованию Ленина сохранять пролетарский характер правящей партии, ее двери открылись для втянутых в революцию, но политически незрелых масс населения. Численность партии выросла с 300—400 тыс. в 1922 г. до 1,2 млн в 1927 г. Исследовавший этот процесс экономист Отто Лацис пишет: «Так в партии создалась на несколько лет масса людей с минимальным политическим опытом и теоретическим багажом — масса, которую более опытным людям, да еще располагающим аппаратом организации, нетрудно было повернуть в нужную

21 Ленин В. И. ПСС. М, 1964. Т. 45. С. 380—381.

22 Ленин В. И. ПСС. М, 1963. Т. 44. С. 311.

23 Ленин В. И. ПСС. М, 1964. Т. 45. С. 376.

сторону»²⁴. Сложившаяся политическая обстановка благоприятствовала авторитарным трендам системы, способствовавшим становлению режима бюрократического деспотизма. Используя энергетику массового энтузиазма для индустриальной модернизации страны и ее защиты от внешней агрессии, сталинский режим в то же время душил ее истоки в тисках идеологического мифотворчества и политических репрессий.

Антиномичная двойственность наследия Октября пронизывает всю историю СССР, предопределяя дуализм оценки советского опыта. Русская революция свершилась на кризисном рубеже человеческой истории, когда на горизонте забрезжили предвестники большого цивилизационного переворота. К началу XX века индустриальное общество достигло такого уровня, который позволял рассчитывать, что человеческая цивилизация в недалекой перспективе сможет вырваться из порочного цикла борьбы за выживание. Складывались материальные предпосылки избавления от нищеты и бедности. Впереди замаячили ценности более высокого порядка: свободный труд, счастливая жизнь, справедливый общественный строй. В сознание человечества — вначале с изрядной долей утопизма — ворвался и получил распространение «запрос» на иную судьбу человечества. В разных формах начались социальные подвиги, отвечавшие нарождавшемуся стремлению к «общему делу» переустройства человеческого бытия.

Русская революция стала ранним первопроходческим прорывом в будущее, в котором проявились важнейшие признаки назревавшего бифуркационного поворота в социуме. Идея «общего дела» преобразования социума, овладев сознанием масс, подвигла их на «штурм неба», наполнила жизнь большим гума-

24 Ляцис О. Перелом // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма: [сборник]. М.: Политиздат, 1989. С. 153. Нетрудно понять, почему Сталин в стремлении сосредоточить власть в своих руках поддерживал идею ускоренного расширения партии. «Если в бюро ячеек еще к XIV съезду половину составляли члены партии с 1917—1920 гг., то к XV съезду 9/10 низового партийного аппарата составили те, кто вступил в партию в 1924 г. и позже. Зато среди секретарей губкомов возросла доля коммунистов с подпольным стажем. Верхушка партийного аппарата и его низы двинулись в разные стороны. (Видно, за десяток лет Сталин развел их достаточно далеко, если в 1937 г. низы поверили, что верхушка сплошь состоит из врагов)» (Там же).

нистическим смыслом, несмотря на тоталитарную сущность сталинизма и в противовес империалистическим тенденциям капитализма. Ценности человеческой солидарности, взаимопомощи, товарищества, провозглашенные советской властью, завораживали разбуженные революцией массовые пласты народа величиим поставленных целей. Вдохновенный пафос «общего дела» переустройства мира прекрасно передает замечательный поэт советской эпохи Владимир Маяковский:

Чтоб день,
который горем старящ,
не христардничать, моля.
Чтоб вся
на первый крик:
— Товарищ! —
оборачивалась земля²⁵.

В стране, опутанной сетями дремучей архаики и невежества, массовые представления о справедливом социальном устройстве неизбежно несли на себе печать упрощенчества, непонимания сложного взаимодействия публичных и частных начал, соотношения общественного и личного. В повести А. Платонова «Котлован» инженер Прушевский грезит о будущем: «Через год весь местный пролетариат выйдет из мелко имущественного города и займет для жизни монументальный новый дом. Через десять или двадцать лет другой инженер построит в середине мира башню, куда войдут на вечное счастливое поселение трудящиеся всей земли»²⁶.

Примитивное толкование «всеобщей счастливой жизни», по существу, элиминировало личную жизнь человека и тяготело к вульгарной идеологии «казарменного социализма». В преимущественно крестьянской России упрощенное восприятие «общего дела» нашло массовую базу и не могло не сказаться отрицательно на советском опыте. Но в то же время был дан мощный импульс энергетике коллективной креативнос-

25 Маяковский В. Поэма «Про это». Избр. соч. в 2-х томах. М.: «Худ. Литература», 1981. Т. 2. С. 197.

26 Платонов А. Ювенильное море: [повести, роман]. М.: Современник, 1988. С. 96.

ти, которая за короткий исторический срок не только изменила облик страны, но и сформировала советский образ жизни, развенчала стереотипы мещанского благополучия, раскрыла силу и богатство общественных параметров в деятельности человека и социума.

Народная энергия подстегивалась и направлялась целеустремленной деятельностью большевистской партии, которая сама находилась под двойным прессом партийного бюрократизма и спонтанного массового активизма. В этих противоречиях с огромными издержками «варилось» «общее дело» новой государственности, на ходу безжалостно ломались судьбы миллионов людей, социальных групп, классов и одновременно творилась новая жизнь. Ценой безмерных лишений и жертв, неисчислимых человеческих страданий советская практика модернизировала страну, предопределив ее выдающуюся роль в развитии современной цивилизации. Энергетический заряд советского опыта не ограничился тем периодом времени, постепенно угасая, он сохранялся и в последующем.

Разумеется, сталинский деспотизм, паразитировавший на ведущей роли партии сознательного меньшинства в Советах, разрушал созидательный потенциал солидарности, товарищества, счастья человеческого общения в «общем деле» преобразования социума. В эпоху «позднего социализма», после кратковременной оттепели XX съезда КПСС, «почин снизу» перестал быть постоянным источником массовой энергии социального творчества. Его сменяли все более редкие, периодические, по большей части локальные «вспышки» массового энтузиазма. Вера в идеалы общественной жизни постепенно превращалась в ритуальное использование слов и символов, за которыми уже не стояло адекватное содержание низового демократизма Советов. Процессы внутреннего перерождения превратили их в звенья бюрократической командно-административной системы.

Западные и доморожденные критики советского опыта конструируют карикатурную модель «позднего социализма» в СССР, для которой характерно биполярное противостояние: подавления и сопротивления, свободы и несвободы, правды и лжи, конформизма и неконформизма. Полюс сопротивления

и свободы в этой надуманной модели представлен героизированным диссидентским движением. На другом полюсе — партийно-советская номенклатура и конформистски настроенное большинство советских граждан («совки», зомбированные существа, лишённые воли).

Эта «упрощенная бинарная модель» подвергнута справедливой критике профессором Калифорнийского университета Алексеем Юрчаком, обстоятельно изучившим советскую повседневность последних лет СССР. Автор показывает, что на самом деле простые граждане воспринимали многие советские реалии (образование, работу, дружбу, любовь, заботу о других людях, бескорыстие, равенство) как подлинные жизненные ценности. Они не были пассивными исполнителями навязываемых сверху правил и норм поведения. Обычные советские граждане, сознавая в той или иной степени недостатки системы, продолжали жить своей жизнью, наполняли свое существование доступным им новым, творческим содержанием, разнообразными позитивными, неожиданными и не продиктованными сверху смыслами²⁷.

Антиномичный симбиоз «низовой демократии» и партийного авторитаризма в Советах в истории Русской революции был «укрошен» и обесточен режимом сталинского деспотизма. В таком виде на стадии «позднего социализма» он выродился в пустышку внутреннего парадокса системы, характеризуемого Юрчаком понятиями «невовлеченности» и «вненаходимости». Субъект как бы одновременно существовал и *внутри*, и *за пределами* системы — внутри ее институциональных и социальных форм, но за пределами буквальных смыслов, которые ассоциировались с этими формами. Суверенное пространство нормы в системе воспроизводилось не путем определения пограничных

27 Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 21–22. «По признанию одного философа, сделанному в 1995 г., — замечает автор, — лишь спустя несколько лет после крушения советской системы он осознал, что серость и подавленность той действительности были неразрывно связаны с “определенной и ничем, и никакой критикой ложной идеологии, не перечеркиваемой реальностью человеческого счастья... уюта и благополучия той жизни, в которой наряду со страхом были радующие, успехи и порядок, обустройство общего пространства жизни”» (Там же. С. 22).

зон исключения, а путем превращения его самого в пространство «вненаходимости». Новые смыслы и основанные на них формы жизнедеятельности образовывали внутри системы «альтернативные зоны и пространства», которые не находились в оппозиции к государству, но и не являлись его частью. Они политически не сопротивлялись системе, но и не воспроизводили ее политических параметров. Однако — вели к постепенному перерождению системы изнутри. Система становилась *отличной* от той, какой она себе казалась. Она становилась потенциально нестабильной, способной при определенных условиях неожиданно обрушиться²⁸.

Антиномичная природа советского наследия Октября при той версии, которая реализовалась после сталинского термидора, обрекла советскую систему на роковое внутреннее противоречие, подрывавшее базисные основы ее существования.

* * *

Антиномичность Октября находит выражение в итоговой оценке советского «эксперимента», в котором величие и масштаб исторических свершений сплавлены с потрясающим трагизмом крутой ломки жизненных структур и судеб сотен миллионов людей. Это был поиск альтернативы, которая могла бы интегрировать «низовую демократию» человеческого общения в структуру государственности и начать демонтаж векового отчуждения общества от государственной власти. При всей противоречивости итогов советского «эксперимента» он важен для осмысления нынешних форм «низовой демократии» и гражданской активности в расширившемся поле властных отношений формирующегося постиндустриального общества.

Хочется надеяться, что новый опыт «мониторной демократии» и сетевых социальных движений генерирует новый тип политического правления, основанного на конструктивном взаимодействии государства и гражданского общества, снимающего взаимное отчуждение. Быть может, эти усилия дадут более успешные подвижки к народовластному типу государственности, о котором столетие тому назад мечтали те «идеа-

²⁸ Юрчак А. Указ. соч. С. 137–138, 323, 39–40.

листы-романтики», которые сложили головы «За власть Советов»²⁹.

В трансформирующейся России процесс возрождения и развития «низовой демократии» сталкивается с трудностями, обусловленными историческим наследием конфронтационной культуры социального общения, живучесть которого поддерживается ростом избыточного социального неравенства. Трудно себе представить, чтобы ситуация изменилась, пока государственная власть сконцентрирована у элиты «богатых и сильных», ставшей, по существу, привилегированным сословием.

Позитивный показатель последних лет — это феномен «гражданского активизма». Он проявляется в социально ориентированных НКО, в волонтерских и гражданских инициативах. Импульсы из глубин общества побуждают к перераспределению функций во властном пространстве. Новые социальные практики говорят о спонтанном зарождении политической системы регулирования, соединяющей государственное управление с сетью гражданского самоуправления, формирующейся в гуще социума.

29 В этом направлении идут размышления и исследования Мануэля Кастельса и Джона Кина. См.: *Castells M. Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age. Cambridge, UK—Malden, USA: Polity Press, 2012.* Автор показывает, что в условиях развертывающейся коммуникационной революции в разных странах мира возникают сетевые социальные движения (ССД), иницирующие необычные, автономные по отношению к государственным институтам формы «низовой» демократии, представляющей собой «имплицитную модель прямой демократии» (Р. 179). Этот процесс в перспективе способен «трансформировать государство», что, по мнению Кастельса, направлено на то, чтобы «заново открыть демократию» (to reinvent democracy) (Р. 228, 246). См. также: *Keane J. The Life and Death of Democracy. N.Y.—London: W.W. Norton and Company, 2009.* В этом исследовании показано, что нынешний этап цивилизации создает потребность в «постпредставительной демократии» (С. 688), открывается возможность «социализации демократии» (С. 709). Благодаря мониторинжной активности гражданских организаций происходит «укрощение власти» (С. 872). Государственные институты обнаруживают, что они «опутаны (enmeshed) «липкой» паутиной обследующих власть институтов» (С. 745). В более ранней работе автор рассматривает все-сторонне развитое гражданское общество как общество социалистическое. Он называет его «социалистическим гражданским обществом», усматривая «главный источник энергии» в «публичных сферах гражданского общества» (*Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 243.*)

На этом фоне просматривается перспектива эволюционной адаптации ригидной системы вертикального доминирования государства над обществом к нарождающимся снизу практикам сетевых взаимоотношений гражданских и предпринимательских организаций с органами власти. Из этих практик со временем может вырасти горизонтальная сеть почвенных связей, укрепляющих вертикаль власти и вместе с ней определяющих публичную политику. Это было бы *сильное государство*, мощь которого зиждется не на силовых атрибутах, а на разветвленной корневой системе сетевого народовластия.

Глава 2. Октябрь 1917-го – случайность или закономерность?

Десятки лет идут нескончаемые дискуссии о сущности Октябрьской революции 1917 г., роли в ней народных масс и внешних сил, ее результатах. Одни называют ее преступным переворотом, другие — всемирно-историческим событием. То, что эти споры не стихают целое столетие, свидетельствует: Октябрьская революция и ее последствия имеют поистине всемирно-историческое значение, представляют собой историческую закономерность, а не некую случайность, зигзаг в развитии страны, нечаянный результат стечения обстоятельств.

Противники Октябрьской революции нередко ставят под сомнение ее легитимность. А какой государственный переворот можно считать легитимным? Таковым, к слову, не было Временное правительство, пришедшее к власти после свержения монарха. В конечном счете, каждая революция — будь то Великая Французская, Американская, наша Российская или любая другая — порождает новую власть, незаконную с точки зрения свергнутого режима. «Когда, — говорится в Декларации независимости, написанной Т. Джефферсоном, — долгий ряд злоупотреблений и попыток узурпации власти, преследующих неизменно одну и ту же цель, свидетельствует о намерении подчинить народ неограниченному деспотизму, то его право и долг свергнуть такое правительство».

В соответствии с основными принципами философии истории Г. Т. Бокля, сформулированными в «Истории цивилизации в Англии» еще в середине XIX века, революция есть лишь «варварская форма прогресса». В условиях варварской системы царизма прогресс, очевидно, и мог приобретать только такую форму, как бы ни хотелось некоторым опровергнуть это ссылками на высокие темпы экономического роста в предреволюционной России.

Революционные события могли начаться не в феврале и продолжиться не в октябре 1917-го, а в любые иные даты начала XX века. Но то, что народ, изверившийся в самодержавной власти, уставший не только от войны и связанных с ней лише-

ний, но и от царивших в стране неравенства и несправедливости, буквально «закипал», — это ощущали все мало-мальски проныцательные современники тех лет. Так, по свидетельству тогдашнего французского посла в России М. Палеолога, один из крупнейших российских промышленников А. Путилов считал, что в России необходима коренная перестройка всего административного механизма, ибо дни царской власти сочтены. Она будет для страны губительна потому, что тотчас перейдет к революции рабочих, а немного спустя — к революции крестьянской, которая вернет времена Пугачева, если не похуже. Думский депутат от партии кадетов В. Маклаков в конце 1916 г. полагал, что политика царствующей «династии ставит на карту самое свое существование», что «ужас грядущей революции» состоит в том, что она будет «не политическая революция, которая могла бы протекать планомерно, а революция гнева и мести темных низов, которая не может не быть стихийной, судорожной, хаотичной». После Октябрьской революции он подчеркивал: «Не будь Октября, Февраль мог остаться сотрясением на поверхности... В России остались бы прежние классы, остался прежний социальный строй, могла бы быть парламентарная монархия или республика»¹.

Совершенно несостоятельна оценка некоторых историков уровня экономического развития царской России, который соотносится ими с уровнем развитых капиталистических стран того времени, с тем чтобы доказать отсутствие объективных условий для возникновения революционной ситуации в стране.

Бесспорно, Россия к началу Первой мировой войны занимала пятое место в мире (после Франции) по общему уровню производства промышленной продукции и демонстрировала весьма высокие темпы роста промышленности. Тем не менее отставание России от передовых стран Запада в индустриальном отношении не только сохранялось, но и усиливалось в начале XX века. Д. Менделеев оценивал это отставание, например, от США как десятикратное. А по выпуску основных видов

¹ Цит по: *Волобуев П.* Революция мчалась на всех парах // Родина. 1992. № 4. С. 89. [Электронный ресурс]: Аплик. Документы. Конспекты. Студенту. Школьнику: [веб-сайт]. URL: <http://www.aplic.ru/ref/1933> (дата обращения: 17.12.2017).

промышленной продукции *на душу населения* Россия в 1913 г. находилась на уровне Испании, которая тогда считалась самой отсталой страной в Европе. Неолиберальные идеологи постоянно подчеркивают, что в предвоенные годы Россия была одним из крупнейших экспортеров зерна в мире, вывозя его ежегодно по 9–14 млн тонн. И это тоже соответствует действительности. Но при этом игнорируется, что огромная часть сельского населения империи жила в бедности и нищете, более трети населения было неграмотно. Масштабный экспорт зерновых из года в год был результатом не переизбытка сельскохозяйственной продукции, а вынужденного недоедания широких масс крестьянского населения. «Сами недоедим, а вывезем»? Не такой ли установкой руководствовалась и внешнеторговая политика Сталина в годы коллективизации и индустриализации? Нельзя не учитывать и того, что Россия на рубеже XIX–XX веков была фактически полуколонией европейских держав, причем не только союзных ей государств Антанты — Англии и Франции, но и Германии, с которой ей предстояло столкнуться в мировой войне.

* * *

Свергнув царизм, Февральская революция, безусловно, превратила Россию по политическому строю в одну из передовых демократических стран мира. В октябре 1917 г. история дала России единственный шанс стать мировым лидером или, как с пафосом именовали это в советские времена, — «авангардом человечества». Несмотря на все трудности, а порой и откровенные уродливости ее последующего развития, миллионы людей по всему миру видели в нашей стране прообраз освобождения от эксплуатации, угнетения и социального неравенства, присущих всей истории человеческого общества.

Чрезвычайно высоко оценил международное значение Октябрьской революции известный английский философ Бертран Рассел, который посетил революционную Россию в 1920 г. Не принадлежа к числу поклонников большевиков, он, тем не менее, писал в книге «Практика и теория большевизма»: «Российская революция — одно из величайших героических событий в мировой истории. Ее сравнивают с Французской революцией,

но в действительности ее значение еще более велико. Она сильнее изменяет повседневную жизнь и структуру общества; она вносит также большие перемены в представления и убеждения людей. Под непосредственным влиянием Октября до неузнаваемости изменился весь мир...»².

Почему после не утвердился либерально-демократический путь развития? Почему Россия, не завершив еще буржуазной эволюции к зрелому и свободному от остатков феодализма капитализму, не закрепив демократического строя, круто повернула, причем раньше передовых стран Запада, на новый общественный путь?

Причина в том, что Февраль так и остался *политической революцией*, не сумев решить *социальных* задач. Придя к власти, освободившись от опеки царизма, либеральная буржуазия старалась оттянуть разрешение этих назревших задач, либо пойти на умеренные реформы, которые не затрагивали бы интересов капитала и крупных землевладельцев. Из-за призрачных стремлений имперских захватов не желала она отказаться и от продолжения войны. Временное правительство, называвшееся временным потому, что управляло страной до Учредительного собрания, всячески саботировало его созыв: новая власть с полным основанием опасалась, что в обстановке демократической революции это собрание окажется слишком левым. В отношении социальных реформ она заняла однозначную позицию: «сначала успокоение, а потом реформы». Оставался нерешенным вопрос о земле, обостряя вековой конфликт между многомиллионным крестьянством и горсткой помещиков. Рабочий класс по-прежнему подвергался жестокой эксплуатации, а на удовлетворение его основных требований (о введении 8-часового рабочего дня, повышении заработной платы и т.д.) правительство соглашалось лишь под сильным воздействием снизу. День ото дня усиливалась хозяйственная разруха. Крайне острыми были и противоречия между чаяниями народов национальных районов России и великодержавной политикой центральной власти.

Не решив социальных задач, развитие революции неизбежно пошло к большевистскому финалу. До осени 1917 г. в народном движении главенствовали демократические партии —

² Рассел Б. Указ. соч. С. 5.

меньшевики и эсеры, с 5 мая они входили во Временное правительство, т. е. стали наряду с кадетами правящими и правительственными партиями. Их целью было решить назревшие задачи реформистскими методами, вывести страну из кризиса и обеспечить ее развитие по буржуазно-демократическому пути. Большевики были убеждены, что Россия в силу ее отсталости еще не созрела для социализма, и считали, что пределом возможных завоеваний является полная демократизация страны на базе буржуазно-хозяйственных отношений. Ленин так оценивал намерения эсеро-меньшевистского блока: «Партии эсеров и меньшевиков могли бы дать России немало реформ по соглашению с буржуазией». Но, добавлял он, «реформами не поможешь. Пути реформ, выводящего из кризиса — из войны, из разрухи — нет»³.

Трезво оценив катастрофическое положение страны осенью 1917 г., большевики совершенно открыто указали на революционный выход из тупика как единственно верный путь национального спасения. В необходимости радикальной социальной революции они видели практический выход из кризиса буржуазно-помещичьего строя, т. е. конкретный ответ на конкретные проблемы общественного развития.

В самый канун Октября произошла резкая поляризация классовых и политических сил на два противостоящих друг другу лагеря: революции и контрреволюции. Русская буржуазия, давно уже жаждавшая военной диктатуры, осенью 1917 г. окончательно отказалась от поддержки демократии и, следовательно, от всяких реформистских идей. Позднее, находясь в эмиграции, это признал лидер кадетской партии П. Милюков. Он писал, что в стране тогда создалось «парадоксальное положение»: буржуазная республика защищалась «одними социалистами умеренных течений», утратив в то же время «последнюю поддержку буржуазии»⁴. Буржуазные круги взяли курс на подготовку контрреволюционного мятежа — «второй корниловщины».

Теперь народным массам приходилось выбирать не между властью Советов и буржуазной демократией, как в первые ме-

3 Ленин В. И. ПСС. М., 1962. Т. 32. С. 386, 407.

4 Милюков П. Н. История второй русской революции. Выпуск 3. София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921. Т. 1. С. 7.

сяцы революции, а между властью Советов и диктатурой контрреволюционной военщины. Суть сложившейся в канун Октября альтернативной ситуации лидер большевиков выразил так: «Выхода *нет*, объективно нет, не может быть, *кроме* диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата»⁵. Исторически бесспорно, что если бы большевики промедлили со взятием власти и не упредили контрреволюцию, то слабое правительство Керенского сменила бы военная клика. Наступили бы десятилетия полуколониальной зависимости от Запада, социального, экономического и культурного регресса.

Одновременно осенью 1917 г. грозные очертания приобрела и новая опасность: возможность анархического бунта. Такой бунт был чреват гибелью культуры и, в конечном счете, также обернулся бы иностранным вмешательством и торжеством контрреволюционной диктатуры. Одной из причин, почему Ленин торопил большевиков со взятием власти, были опасения, что стихийный взрыв анархии опередит все расчеты и планы революционных сил. Как признавал Н. Бердяев, «России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться»⁶.

История никогда не прощает политикам — пусть даже они руководствуются самыми благими намерениями — промедления и бездействия в переломные, решающие моменты развития. Поэтому крах Временного правительства был закономерным и предопределенным. Один из видных кадетских деятелей, А. Изгоев, отмечал в сборнике «Из глубины», изданном в 1918 г., что «большевики лишь последовательно осуществили все то, что говорили и к чему толкали другие. Они лишь поставили точки над «i», раскрыли скобки, вывели все следствия из посылок, более или менее красноречиво установленных другими»⁷. Нынешние ниспровергатели Октября навязывают мысль, что большевики своей революцией вывели Россию за пределы общими-

⁵ Ленин В. И. ПСС. М., 1962. Т. 34. С. 406.

⁶ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Сочинения. М., 1994. С. 361–362.

⁷ Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм // Вехи. «Из глубины». М., 1991. С. 362–363.

рового развития, обрекли ее на бессмысленные эксперименты по осуществлению утопической идеи социализма.

Говоря о социалистическом характере революции, Ленин всегда имел в виду лишь заложенный в ней потенциал, старания «протащить социализм» в повседневную практику, дальнейшую перспективу развития, но не более того. Все же остальное — это либо, говоря ленинскими словами, «социализм чувства», т. е. искренний самообман, либо, что гораздо страшнее, — нечистоплотные попытки выдать желаемое за действительное, убедить всех, что мы и в самом деле в кратчайшие исторические сроки перескочили через все необходимые этапы и уже давно наслаждаемся «светлым будущим».

* * *

Современные критики Октября, навязывая мысль о «случайном» характере революции, доказывают, что она прервала нормальный, поступательный ход развития страны. Некорректно вообще противопоставлять Февраль Октябрю или отрывать их друг от друга. Они представляли собой лишь две фазы единого революционного процесса, что убедительно показал в своих исторических трудах еще лидер кадетов П. Милюков: «...Никакая большая революция, — писал он, раскрывая объективную обусловленность Октября, — не ограничивается своей первоначальной целью — более или менее драматическим свержением старой центральной власти. Революция есть сложный и длительный процесс: постепенная смена настроений в широких социальных слоях. Нужно время, чтобы этот процесс начался в массах и прошел через все свои естественные стадии. Пока они не пройдены, революция должна следовать своему неизбежному курсу и не может остановиться на середине. Революционный пожар должен выжечь дотла все, что уцелело от низвергаемого порядка, — не только все учреждения, но и все пережитки психологии. Она останавливается среди созданных ею развалин и произведенного опустошения лишь тогда, когда с удовлетворением замечает, что среди элементов предстоящей реконструкции нет сомнительных: все зелено, но не гнило. Только тогда она успокаивается на социальных и политических достижениях, не допускающих реставрации и, наверное, не имеющих связи с

прошлым. С этой точки зрения «коммунистическая» революция 25 октября 1917 г. не есть что-то новое и законченное. Она есть лишь одна из ступеней длительного и сложного процесса русской революции... Большевистская победа лишь продлила общий процесс русской революции. Она только открыла новый период ее. Существенна в этой победе не поверхностная смена лиц и правительств и даже не перемена их тактик и программ, а непрерывность великого основного потока революционного преобразования России, плоды которого одни только и переживут все отдельные стадии процесса»⁸.

Еще одна оценка известного критика большевизма — А. И. Солженицына. Можно не разделять его исторические воззрения и оценки, но нельзя не согласиться с одним из его центральных выводов. Уже апрель 1917 г., отмечал он, «выявляет вполне ясную картину обреченности февральского режима — и нет другой решительной собранной динамичной силы в России, как только большевики: октябрьский переворот уже с апреля вырисовывается как неизбежный. После апреля обстановка меняется скорее не качественно, а количественно»⁹.

Революционные потрясения 1917 г., безусловно, не были результатом некоего «заговора горстки путчиков». В свое время все измышления насчет «верхушечного» или «военного заговора» большевиков отверг активный участник революционных событий, автор «Записок о революции», меньшевик-интернационалист Н. Суханов. По его словам, «говорить о военном заговоре вместо народного восстания, когда за партией идет подавляющее большинство народа, когда партия фактически уже завоевала всю реальную силу и власть, — это явная нелепость»¹⁰. Как будто обращаясь к современным критикам Октября, рассуждающим о том, что большевики не опирались 25 октября на широкие массы народа, Суханов писал: «Очевидно, восстание пролетариата и гарнизона в глазах этих остроумных людей непременно требовало активного участия и массового выступле-

⁸ Рассел Б. Указ. соч. С. 5.

⁹ Солженицын А. И. Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах. Узел IV. Апрель Семнадцатого. На обрыве повествования. М., 1997. Т. 10. С. 559.

¹⁰ Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1992. Т. 3. С. 282.

ния на улицы рабочих и солдат. Но ведь им же на улицах было нечего делать. Ведь у них не было врага, который требовал бы их массового действия, их вооруженной силы, сражений, баррикад и т.д. Это — особо счастливые условия нашего октябрьского восстания, из-за которых его доселе клеймят военным заговором и чуть ли не дворцовым переворотом»¹¹. Зато антибольшевистское выступление юнкеров 29 октября Суханов, наоборот, квалифицирует как заговор, который «был учинен чисто конспиративным путем — без всякого участия масс, против их воли, без их ведома, у них за спиной»¹².

Если бы сами народные массы не стремились к революционным переменам, никакая партия — горстка людей в пространстве огромной страны — не была бы в состоянии поднять их и увлечь за собой. Именно их устремлениям отвечали лозунги, декреты большевиков. Разве не таков был Декрет о мире? Разве Декрет о земле, объявивший землю общенародной собственностью, не учитывал представления о справедливости подавляющего большинства крестьян? Декрет о рабочем контроле открывал путь для создания рабочего самоуправления. А Декларация прав народов России, как и Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, не удовлетворяли стремление угнетенных народов к свободному национальному развитию?

Даже применение большевиками насилия первоначально воспринималось народом как вынужденная мера, как необходимая оборона новорожденной демократии рабочих и крестьян, направленная на то, чтобы раз и навсегда покончить с насилием свергнутых классов, обеспечить победу идеалов революции. Именно с этих позиций и Великая Октябрьская революция 1917 г. рассматривалась историками¹³ как прорыв к созданию общества социальной справедливости, при котором человек должен был стать «другом, товарищем и братом». Увы, далеко не всем надеждам суждено было сбыться. Многие из них оказались иллюзорными. Но поддержка, которую получили большевики в октябре 1917 г., тем и объясняется, что миллионы

¹¹ Там же. С. 345.

¹² Там же. С. 369.

¹³ Например, подобную позицию занял проживавший в Канаде крупный российский специалист по истории революции 1917 г. Г. Иоффе.

людей увидели в них, в их требованиях мира, земли, социального равенства воплощение высших нравственных ценностей.

Можно предъявить много справедливых упреков большевикам — да и их противникам тоже — за огромное количество упущенных шансов найти общий язык друг с другом, договориться, сделать все, чтобы не допустить гражданской войны. Здесь и неспособность всех сторон найти основу для формирования коалиционного правительства социалистов, и роспуск большевиками Учредительного собрания, и их упоение легко давшейся победой, и явно несбыточные надежды с помощью декретов, без сотрудничества с другими общественными силами в кратчайшие сроки осчастливить трудящиеся массы.

Ну, а могло ли, спрашивается, произойти иначе в огромной крестьянской стране с неразвитым гражданским обществом, с крайне низкой политической культурой, да еще прошедшей только что через небывалую прежде по жестокости войну? Можно ли было избежать национальной трагедии в тогдашней России, переживавшей глубочайший раскол, крайнюю поляризацию политических и социальных сил? К тому же нельзя забывать, что, как нередко бывает в истории, конкретными действиями большевиков чаще всего руководила — если использовать знаменитое выражение Сен-Жюста — не логика идей, а логика вещей. Неправомерно вообще судить о ленинской «эпохе крови и железа» с позиций постсоветского времени, когда в общественном сознании все более торжествуют идеи личной выгоды и обогащения.

Конечно, нельзя забывать трагические времена гражданской войны, раскулачивания, насильственной коллективизации, сталинских репрессий, жестокие преследования священнослужителей, всех инакомыслящих. Но нельзя и предавать забвению то, что в истории России XX века были и колоссальный экономический подъем, индустриализация, взлет науки, доступность культуры и образования для всех слоев населения. Был дух коллективизма и энтузиазм населения, которых так не хватает сегодня. И дружба народов существовала не только в виде лозунгов, но в реальной действительности. Социальная защищенность, оптимизм, вера в будущее — все это было реальностью, которую ощущал каждый.

* * *

Историки не жалуют сослагательное наклонение. Но коль скоро получили широкое распространение фантазии относительно так и не состоявшейся в начале XX века «демократической, процветающей России», то позволим себе некоторые допущения, основанные на анализе сложившейся тогда реальной обстановки. Способно ли было Учредительное собрание утвердить основы демократии в России? Едва ли. Учитывая, насколько буржуазия была перепугана активизацией революционно настроенных масс и колоссальным перевесом левых настроений в стране, оно наверняка было бы разогнано не большевиками, а реакционной военщиной, которая, несомненно, установила бы в стране режим жесточайшей диктатуры. Убедительным аргументом может служить исторический прецедент: если подвластные Колчаку каратели жестоко расправились с депутатами Собрания даже от кадетской партии, то не остается сомнений в том, что такая же участь постигла бы и представителей левых партий, которые составляли свыше трех четвертей его состава. Понятно, что трагическая судьба была бы уготована и Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Как показала политика другого «спасителя» России — генерала Деникина, крестьянство в случае поражения революции не получило бы права собственности на захваченную в ходе «черного передела» землю. Как это и произошло повсеместно, где была установлена белая власть на землю. В итоге ситуация в деревне обострилась бы до предела. И в стране неизбежно бы вспыхнула просто несколько иная по политическому содержанию, но не менее жестокая гражданская война.

Характерное признание, свидетельствующее о том, что скорее всего ждало бы Россию в случае победы контрреволюции, принадлежит видному деятелю партии правых эсеров А. Аргунову. Он описал, как боровшееся против Советов власти «сибирское временное правительство», захватившее власть в Омске в 1918 г., расправлялось не только с большевиками, но и с эсерами, меньшевиками, трудовиками и даже кадетами, ликвидировало завоевания и Октября, и Февраля. Одним из первых его «законодательных» актов было «постановление об ото-

брании у крестьян земель, занятых ими во время революции у помещиков, и передаче в руки их владельцев». По его свидетельству, за этим последовало «воспрещение одновременно не только организаций, носящих название “Советы”, но и вообще рабочих организаций»¹⁴. Тысячи людей немедленно стали жертвами белого террора. Фактически над Россией тогда нависла вполне реальная угроза установления режима, однотипного по своему содержанию и политическим методам с теми, что некоторое время спустя под флагами фашизма и нацизма пришли к власти в Италии и Германии.

В силу того, что Российская империя в годы Гражданской войны распалась на множество «самостийных» квазигосударств, собрать ее вновь под белыми имперскими лозунгами «единой и неделимой» не было никакой возможности, да и союзники по Антанте (не говоря уже о Германии), заинтересованные в дезинтеграции России, вряд ли допустили бы такое соби́рание русских земель. А любые попытки силой добиться интеграции привели бы лишь к новым кровопролитным вооруженным столкновениям. Страну, очевидно, ждала бы та же печальная участь, которая выпала на ее долю в результате беловежского сговора, приведшего к разрушению Союза ССР. После Октября 1917 г. вновь объединить, сплотить Россию, вернуть ей статус великой державы оказалось возможным только под лозунгами отказа от прежнего национального и социального угнетения, строительства нового, социалистического общества, проведения последовательно интернационалистской политики. И это — несомненная заслуга большевиков.

После беспощадного «умиротворения» Россия была бы на долгие годы обречена на положение полуколониальной периферии Запада, поскольку ей пришлось бы еще и расплачиваться по колоссальным царским долгам и военным займам. Видимо, не случайно сразу после окончания Первой мировой войны на Версальской конференции президент США В. Вильсон предложил поделить нашу страну на 14 частей (оккупационных зон) и установить в них «контрольный режим». Франция и Англия выставили руководителям Белой армии счета за поставки материальных средств, предоставленных ранее России для ведения

¹⁴ Аргунов А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919. С. 23.

боевых действий, на сотни миллионов долларов. Новые западные правители России, конечно, не пошли бы на тот решительный шаг, который предприняли большевики, отказавшиеся платить по долгам свергнутого режима. А это значит, что расплачиваться с кредиторами стране пришлось бы за счет распродажи национальных ресурсов и дальнейшего усиления эксплуатации трудящихся, которых к тому же, безусловно, лишили бы социальных завоеваний, достигнутых в результате победы, что, собственно, и произошло в 1990-х годах.

Подводя в свое время итоги многолетних исследований проблем российской революции и опираясь на многочисленные свидетельства еще живых тогда очевидцев событий начала века, один из ведущих западных русистов, профессор В. Лакер в фундаментальной обзорной работе «Судьба Революции. Интерпретации советской истории» отмечал: «Большинство западных историков теперь согласны, что царизм, каким он был в 1914 г., не мог долго просуществовать, шансы на мирную эволюцию были весьма сомнительны. Война и военные поражения ускорили падение самодержавия. В результате безобразий старого режима накопились крайнее напряжение, острая классовая ненависть и всеобщее недовольство. Существовали все предпосылки для громадного взрыва»¹⁵.

Таким образом, без радикальной, социальной по своему содержанию революции у России не было бы шансов в короткие исторические сроки стать одной из ведущих индустриальных держав мира. Только такая революция могла ликвидировать прежние, почти непреодолимые сословные перегородки, предоставить крестьянству и рабочему классу реальную возможность подняться по социальной лестнице. А главное — воодушевив огромные массы населения идеей строительства свободного от прежнего гнета, справедливого общества, революция позволила мобилизовать десятки миллионов людей на модернизацию экономики, в том числе проведение ускоренной индустриализации, обеспечившей победу в Великой Отечественной войне. Без энтузиазма масс, разбуженных и в полном смысле этого слова поднятых революцией со дна общества, такой тита-

15 См.: *Laqueur W.* The Fate of Revolution. Interpretations of Soviet History. N.Y., 1967.

нический прорыв был бы немислим, а это значит, что России на долгие десятилетия пришлось бы довольствоваться судьбой слаборазвитой аграрно-сырьевой окраины богатого Запада.

* * *

Неолиберальная пропаганда, отечественная и зарубежная, навязывает массовому сознанию россиян угодный правящей элите образ Ленина более ужасный, чем тот, который демонизирован антикоммунистами ликом Сталина. Причина проста: Ленин был и навсегда останется символом *социального освобождения* людей труда. Убеденный противник Советской власти, покинувший Родину вместе с разбитыми белыми армиями Шульгин довольно быстро начал осознавать и даже публично признавать в своих книгах, что «знамя Единой России фактически подняли большевики... Их армия била поляков за то, что они отхватили чисто русские области... Русский язык во славу Интернационала опять занял шестую часть суши». Он проявлял искреннюю радость по поводу того, что большевики «восстанавливают границы Российской державы до ее естественных пределов»¹⁶.

Как ни странно, фактически следуя установкам «Краткого курса истории ВКП(б)», противники социализма объявляют Ленина предтечей Сталина, приписывая им одинаковое стремление решать все вопросы путем насилия¹⁷. Тем самым сознательно смешиваются совершенно разные этапы исторического развития.

Однако Советская власть, даже исковерканная сталинизмом, вовсе не сводилась к личной власти вождя, как и процесс социалистического развития не исчерпывался социализмом по-сталински. Как заметил политолог И. Пантин, «Сталин явился представителем не рассудка победившей пролетарско-якобинской революции, а ее суеверий, не трудного, но трезвого понимания вещей, а ее опьянения от завоевания власти путем насилия»¹⁸.

16 Шульгин В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. 832 с.

17 См., например: *Gellately R. Lenin, Stalin, and Hitler. The Age of Social Catastrophe*. N.Y., 2007.

18 Пантин И. К. Ленин — большевизм — русская революция // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 57.

Подменив совместную собственность неподконтрольной обществу государственной, которой распоряжается номенклатурное чиновничество, и сведя свободу человека к пустой декларации, сталинизм кощунственно извратил марксистские представления о социализме.

Свернув НЭП, проведя насильственную коллективизацию, развязав жесточайшие репрессии и истребление тех, кого принято причислять к «ленинской революционной гвардии», Сталин, ставший на рубеже 20—30-х годов XX века полновластным диктатором, навязал стране собственное, весьма убогое представление о социализме, имевшее мало общего с тем проектом социалистического преобразования России, который разрабатывался и начал воплощаться в жизнь в последние годы жизни Ленина. Была выхолощена глубинная демократическая суть власти Советов, в стране воцарились порядки настоящего полицейского государства. «Большой террор» 1937—1938 гг. вообще вывел Сталина за рамки социалистической парадигмы. Лишь много лет спустя стало очевидным, какой колоссальный ущерб сталинская политика нанесла делу социализма, сколько людей в мире она отвратила от выбора в пользу социалистического преобразования жизни. Как верно отмечал относительно анти-советского переворота 1990-х годов А. Данилов, «...происшедшее на наших глазах падение советского строя — непосредственное следствие сталинизма»¹⁹.

Несмотря на извращения и вульгаризацию социалистической идеи после смерти Ленина, влияние Октября сохранялось на протяжении многих десятилетий. Идеи социального и национально-го освобождения, строительства нового общества в действительности на долгие годы овладели широкими массами Советского Союза, став подлинной материальной силой. Сталинская модель казарменно-бюрократического социализма могла функционировать лишь в условиях личной диктатуры вождя, изоляции страны от всего мира, в атмосфере репрессий или угрозы их применения. После смерти Сталина отмерла и эта модель.

Хрущевские реформы, как и попытки реанимации элементов сталинизма при Л. Брежневе, лишь содействовали разложе-

19 50 лет без Сталина: Наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX в. // Материалы круглого стола 4 марта 2003 г. М., 2003. С. 154.

нию советской системы. Осознание давно назревшей необходимости ее глубокого преобразования, перехода от слишком затянувшейся начальной фазы социализма к более высокой, развитой фазе развития — демократического и гуманного социалистического общества — со смешанной государственно-рыночной экономикой пришло слишком поздно, запоздав на несколько десятилетий.

К сожалению, вместо того, чтобы глубоко разобраться в том, что за общество у нас построено, и лишь потом приступить к его планомерному совершенствованию, власть во времена М. Горбачева встала на путь проведения скоропалительных, непродуманных реформ, разрушения того, что было создано в стране за семь десятилетий. Горбачевское руководство, вызвавшее восторг на Западе, поражает своей политической беспомощностью и безответственностью. По существу, это была капитуляция режима, завершившаяся катастрофой 1991 г.

Что касается ельцинской власти, то, по мнению А. Солженицына, она тоже характеризовалась не меньшей безответственностью. «В безоглядной поспешности — скорей, скорей установить частную собственность вместо государственной — Ельцин разнуздал в России массовое, многомиллиардное ограбление национальных достояний. Стремясь получить поддержку региональных лидеров — он прямыми призывами и действиями подкреплял, подталкивал сепаратизм, развал российского государства. Одновременно лишая Россию и заслуженной ею исторической роли, ее международного положения. Что вызывало не меньшие аплодисменты со стороны Запада»²⁰.

Вместо того, чтобы совершенствовать социалистическую систему, с умом использовать ее гигантский потенциал и несомненные преимущества для перехода к постиндустриальной стадии развития, либерал-реформаторы, во многом случайно прорвавшиеся в конце 80—90-х годов к рычагам власти, отбросили Россию на многие десятилетия назад.

20 Интервью А. Солженицына журналу «Шпигель» (23 июля 2007 г.) // Профиль. 2007. № 28. 26 июля. С. 79. [Электронный ресурс]: NOBLIT.RU: [веб-сайт]. 28.07.2007. URL: <http://www.noblit.ru/node/1191> (дата обращения: 22.01.2018).

Советская власть, даже искалеченная бюрократическим аппаратом, оторвавшаяся после смерти Ленина от нужд народа, все же, в конечном счете – просто в силу своей природы – всегда выражала и защищала интересы подавляющего *большинства* населения – широких масс трудящихся. Постсоветская власть, изначально далекая от интересов людей труда, отражает и обслуживает интересы подавляющего *меньшинства* народа – горстки финансовых олигархов и тесно связанной с ними верхушки бюрократического аппарата.

То, что проделали со страной неолиберальные реформаторы, до сих пор контролирующие финансово-экономический блок правительства, было с самого начала пропитано глубочайшим пренебрежением интересами народа. Шоковая терапия, грабительская приватизация, расстрел парламента в 1993 г., война в Чечне, дефолт – эти и другие последствия «либеральной революции» оправдываются ими угрозой возврата к власти коммунистов. Первоначальные иллюзии относительно того, что капитализм решит все проблемы страны и обеспечит светлое ей будущее, растаяли на удивление быстро.

Даже А. Чубайс, имя которого, видимо, всегда будет неразрывно ассоциироваться в российском общественном сознании с формированием у нас дикого капитализма, признал в статье «Миссия России в XXI веке»: «Без всякого сомнения, в России “делать деньги” никогда не станет национальной идеей, а менталитет русского предпринимателя никогда не будет американским. Поиск правды, истины, справедливости для России и русского народа всегда стоит выше первичных материальных импульсов человека»²¹.

* * *

Постсоветское общество все более атомизируется. Люди чувствуют себя совершенно незащищенными, неуверенными в завтрашнем дне. Растет отчуждение от власти. Государственная идеология все еще не находит идейной замены, способной объе-

21 Чубайс А. Миссия России в XXI веке // Независимая газета. 2003. 1 октября. [Электронный ресурс]: Независимая газета. Идеи и люди: [веб-сайт]. 01.10.2003. URL: http://www.ng.ru/ideas/2003-10-01/1_mission.html (дата обращения: 19.03.2018).

динить общество. Постсоветский режим оказался беспомощным перед коррупцией и криминалом, ибо «нельзя выиграть бой с собственной тенью».

Историю делают люди, а они подвластны случайностям, зависят от игры обстоятельств и сами формируют эти обстоятельства собственными действиями. Поэтому бессмысленны все рассуждения о торжестве случайности, вне зависимости от того, идет ли речь об Октябре или любом другом историческом событии, поворотном в развитии общества. Революции не зависят только от желания отдельных людей, а представляют собой результат сложного переплетения и обострения общественных противоречий, взаимодействия множества факторов — случайных и закономерных, объективных и субъективных.

В связи с этим возникают новые вопросы. Случайным ли было появление на рубеже столетий Ленина — одного из величайших революционных вождей в истории? Почему во Временном правительстве не оказалось столь же значительной личности, способной повести страну по иному пути? Каким образом в годы острейшего кризиса советской власти в конце XX века СССР возглавили деятели, не способные ответить на вызовы времени? Случайности? Возможно. Но без таких случайностей, отмечали основоположники марксизма, история приняла бы мистический вид.

К чему приведут Россию нынешние лидеры страны? К подъему ее экономики и уровня жизни народа? Очередному застою? Или, не дай Бог, к социальному взрыву? Эти вопросы остаются открытыми.

Глава 3. Государственный переворот, который изменил мир

Государственный переворот в октябре 1917 г., который произошел вслед за Февральским переворотом, свергнувшим монархию в России и вместе с ним составивший Великую русскую революцию, — безусловно, явление всемирно-исторического значения. Глубоко национальный по истокам и содержанию, он интернационален не только по воздействию на мир, но и по освоению опыта других революций. В. И. Ленин, воодушевленный французской революцией конца XVIII века, писал, что ее «недаром называют великой», ибо она «сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции»¹.

Под знаком Октябрьской революции фактически прошел и XX век. Ее влияние на жизнь народов ощутимо и сегодня. Несмотря на распад Советского Союза и обвал социализма, устройство на его руинах несутразного капитализма с клептократическим режимом, на вызванные этим социальные разочарования, вопреки повальному ренегатству коммунистических идеологов и политиков, истерическим усилиям антисоветской, перетекшей в русофобскую, пропаганды и изошренным попыткам ее идеологических наставников похоронить дело Октября, вычеркнуть его из истории, оно сохраняет актуальность не только в памяти миллионов людей разных поколений. Минувшее столетие не стерло социально-политические последствия Октябрьской революции. Ныне они материализованы в жизни четверти человечества, которую составляет население Китая и других оставшихся социалистическими стран. Во всяком случае, тризна по России не состоялась.

Не потому ли Россия с ее по-прежнему необъятными просторами и ресурсами, ее тысячелетней историей, невероятно сложной и противоречивой, с ее непокоренным и после «холодной войны» народом, многократно преданная «братскими стра-

¹ Ленин В. И. Доклад на II съезде коммунистических организаций народов Востока // Ленин В. И. ПСС. М., 1963. Т. 38. С. 367.

нами», вновь оказавшаяся во враждебном окружении, ее политикой, неподдающейся навязываемым извне правилам, не потому ли, согласно клеветникам России, она и сегодня считается правящими элитами стран традиционного капитализма и нетрадиционной морали, близкими лимитрофиями вместилищем мирового зла? И ныне она, её прошлое, всё, что в ней происходит, самое ее существование никого, по крайней мере, в просвещенной части мирового сообщества, не оставляют равнодушным. У одних она вызывает симпатию. У других — ненависть. У многих — недоумение. Почему? Среди множества политических глупостей, совершенных начиная с «перестройки» властью, совсем несусветная — отречение от Октябрьской революции. Как иначе охарактеризовать отмену государственного праздника 7 ноября — дату, знаменующую эпохальный поворот не только отечественной, но и мировой истории?

Оставляя данный сюжет, заострим все же его риторическим вопросом: что подумает о своей власти француз, если она отменит национальный праздник 14 июля — День взятия Бастилии? Глупость, сильно отдающая клиническим слабоумием, что, понятно, бросает тень и на прочие новации либерал-реформизма. Успокаивает Эразм Роттердамский, воздавая похвалу глупости, которая «создает государства, поддерживает власть, религию, управление и суд. Да и что такое вся жизнь человеческая, как не забава Глупости?»². Превозмогая недоумение, сошлемся на оценку нашей революции философом И. К. Пантиним. Разумеется, она «принадлежит истории, но не следует забывать, что всё постреволюционное развитие России в СССР оказалось в практической, политической и идеологической зависимости от Октябрьской революции 1917 г. и победы большевиков в ней. А ведь это почти весь XX век»³.

Не сакрализуя связи двух великих революций, отметим, что с Октября 1917 г. она стала когнитивно разветвляться в глобальной взаимосвязи войн и революций столетия. Предвидел ли это вождь русской революции? Если потряхнуть ленинский визио-

2 *Роттердамский Э.* Похвала глупости. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1960. С. 15.

3 *Пантин И. К.* К вопросу о характере Октябрьской революции // ПОЛИС. Политические исследования. 2013. № 6. С. 131.

наризм от реликтовых понятий и революционной патетики, то, по сути, он проецирует нашу эпоху — эру самых разнообразных революций и войн — «войн империалистских, войн гражданских внутри страны, сплетения тех и других, войн национальных, освобождения национальностей, раздавленных империалистами»⁴. Достаточно достоверная политическая картина столетия. Разумеется, не вполне адекватная, ибо она существенно модифицирована ракетно-ядерным контекстом, глобализацией, возникшими на ее волнах сетевыми структурами, их виртуализацией, обозначивших бывшие конфликты в терминах «гибридные войны» и «цветные революции».

Трудно оставаться объективным и оценивая роль деятелей в российской истории, вошедших в нее под псевдонимами — Ленин, Троцкий, Сталин, — которые оказались вершителями судьбы страны во времена революционной смуты. Выручает русская историософская мысль, пробившаяся через столетье в наш день.

* * *

Проницательный Н. А. Бердяев, свидетель и в известном смысле участник революции, в своем исследовании «русского коммунизма» отмечал: «Совершенно бесплодны рационалистические и моралистические суждения о революции, так же, как и о войне, которая во многом походит на революцию»⁵. Действительно, суждения такого рода уводят от реальностей, теряющихся в антиномиях разумного и безрассудного, добра и зла, или затемняются поисками виновных.

Между тем выяснением вины заняты едва ли не все, кто ищет причины войн и революций. И всегда находят. В соответствии, понятно, с собственными представлениями о добре и зле. Более убедительны циники. Талейран, исправно служивший самым разным режимам, утверждал, что в революции никто неповинен, виновны все. Спустя столетие то же самое говорил о Первой мировой войне Буллит, участвовавший в подготовке Версальского договора, встречавшийся с Лениным и Сталиным,

4 Ленин В. И. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта. Седьмой экстренный съезд РКП(б) // Ленин В. И. ПСС. М., 1962. Т. 36. С. 48.

5 Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: «Наука», 1990. С. 106.

первый посол США в СССР⁶. Позиция, впрочем, весьма удобная для того, чтобы вообще снять вопрос об ответственности за революции и войны.

Такая позиция чужда историографам революции и гражданской войны в России. Кто-то же должен, по их убеждению, отвечать за эти трагические события, за миллионы унесенных ими человеческих жизней? Революционные вожди не уходят от этого вопроса. Они открыто и недвусмысленно берут на себя всю ответственность и за перерастание империалистической войны в войну гражданскую, и за государственный переворот 25 октября 1917 г., и за позорный Брестский мир, и за красный террор. По их убеждению, того стоила победа мировой революции.

Семнадцатый год во многом унаследовал бессмысленную жестокость русского бунта, ибо и в этой своей части, как и в целом, был событием глубоко национальным и, подобно пугачевщине, имел явно выраженные свойства стихийности, иррациональности, слепой ненависти, а ее вожди, подобно Ивану Грозному и Петру Великому, — черты деспотизма и безмерного произвола. Но вместе с тем она была и продуктом западного рационализма с характерными для него расчетливым прагматизмом и циничной беспринципностью в политике. Большевики не нуждались в христианской морали, четко различающей добро и зло, а их Учение, ведущее на завоевание мира — в этике, возводящей эти понятия в принципы политического поведения. Сошлемся на того же Бердяева: «Марксизм-ленинизм впитал в себя все необходимые элементы народнического социализма, но отбросил его Большую человечность, его моральную щепетильность, как помеху для завоевания власти. Он оказался ближе к морали старой деспотической власти»⁷.

Социальные корни революции уходят в глубины народных масс, их менталитета, их нравов, духовной жизни. Именно там искал А. С. Пушкин истоки русского бунта, «бессмысленного и беспощадного». Оттуда черпали свои исторические аргументы идеологи революционной демократии России. Так видели и видят источники кровавого террора и прочих ужасов револю-

6 См.: *Эткинд А.* Мир мог быть другим. Уильям Буллит в попытках изменить XX век. М.: Изд-во «Время», 2015. 53 с.

7 *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл... С. 106.

ции и гражданской войны просветленные идеями западной демократии умы отечественной интеллигенции.

В отличие от всех восстаний, бунтов, революций прошлого, Октябрь творился «по науке», по плану, согласно доктринальному замыслу, развитому Лениным в «учение о революции». Установка на насилие играет в нем ведущую роль. Ведь оно, как известно, «повивальная бабка истории, мать революционного порядка, а война — режиссер революции». «Каждый коммунист должен усвоить ту истину, что «винтовка рождает власть», — учил кормчий китайской революции Мао Цзедун⁸. Классовая борьба уничтожит классы. Революционная война покончит с войнами, установится вечный мир. Диалектика революции. Магистральный путь социального прогресса.

Сразу подчеркнем: коммунисты и до, и после, и во время революции принципиально выступали против террора как способа классовой борьбы. Другое дело, что на практике они никогда не отказывались от репрессий как способа достижения и сохранения своей власти. В этом плане их политика принимала самые разнообразные формы — от массовых убийств времен Гражданской войны и расстрелов 1930-х годов до «мягких» репрессий с «психушками» для диссидентов «времен застоя».

Правда, знаменательный день революционного переворота, открывший новую историческую эпоху, судя по описаниям современников, прошел без особых эксцессов, спокойно, даже буднично, почти незаметно для жителей Петрограда. Один из лидеров кадетов А. С. Изгоев вспоминает, что большевистский переворот 25 октября «в первые дни на широкие круги петроградского населения не произвел никакого впечатления». Многие относились к нему иронически. Да и некоторые вожди вели себя весьма неуверенно: «Мало кто верил, что эта оперетка продлится более двух-трех недель. Многие из захватчиков сами были на смерть перепуганы тем, что сделали. Зиновьев, Луначарский, Рыков, Милюков и др. пользовались первым попавшимся случаем, чтобы, ссылаясь на разногласия с большинством своего Центрального Комитета, уклониться от власти и ответственности. Не дрогнули Ленин, Троцкий, несколько ря-

⁸ Мао Цзедун. Избранные произведения. В 4-х томах. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. Т. 2. С. 388.

довых военных, входивших в состав Военно-Революционного комитета»⁹.

Так видятся события глазами контрреволюционера. Но вот свидетельство его политического противника Л. Д. Троцкого, непосредственно руководившего восстанием вплоть до конспиративного появления вечером 25 октября Ленина в штабе революции. «Буржуазная пресса, — вспоминал он спустя восемь месяцев после переворота в брошюре «Октябрьская революция», — так много кричала о близком восстании, о разгромах, о неизбежных реках крови, что теперь она не заметила того, что произошло на самом деле. Тем временем без хаоса, без уличных столкновений, без стрельбы и кровопролития одно учреждение за другим захватывалось стройными и дисциплинированными отрядами солдат, матросов и красногвардейцев по точным телефонным приказам, исходившим из маленькой комнаты в третьем этаже Смольного Института»¹⁰.

Автор упоминает «два-три» пушечных выстрела из Петропавловской крепости и несколько одиночных винтовочных по Зимнему дворцу. Ни слова о «залпе» «Авроры» или о «штурме» Зимнего. Ничего удивительного. Каждое великое событие порождает легенды, создающие ему и его участникам звездный ореол, историческую основательность, эффект присутствия. Октябрь в этом плане не исключение. Легенда обращает холостой выстрел в «Залп Авроры», бескровный захват правительственной резиденции — в «Штурм Зимнего», какого-нибудь атамана грабительской шайки — в «Героя Революции». Подобные легенды — не плод народного творчества, а продукт социального заказа, исполненного творческой интеллигенцией. Легенда — наивысшая форма пропаганды. Ибо жизнь в легенде — не суетное имиджмейкерство или предвыборный пиар; это существование в эпохе, это жизнь в веках, более того — в вечности.

Теоретически коммунисты допускали возможность мирного, демократического перехода к социализму. Такой переход могло бы открыть Учредительное собрание, избранное по до-

9 *Изгоев А. С.* Пять лет в Советской России // Архив русской революции. Берлин: Изд-во «СЛОВО», 1923. Т. X. С. 20

10 *Троцкий Л. Д.* Октябрьская революция : брошюра. М. — Петроград: «Коммунист», 1918. С. 73.

революционным спискам. Отчего же не воспользоваться этой возможностью? Конечно, марксисты, утверждал Троцкий, «никогда не были идолопоклонниками формальной демократии», они могут принимать ее правила игры, если для пролетариата в последнем счете выгодно вводить свою борьбу и даже свою диктатуру в рамки демократических учреждений. Но, по его мнению, этому условию не отвечало Учредительное собрание, в котором большинство составляли кадеты, меньшевики и эсеры. Передать ему власть или пойти на новые выборы означало бы ее утрату большевиками. Поэтому, распустив Учредительное собрание, они отвергли любые упреки в свой адрес со стороны недавних соратников из рядов международной социал-демократии. «И только политические педанты, которые не отдают себе отчета в революционной логике классовых отношений, могут перед лицом послеоктябрьской ситуации читать пролетариату банальные наставления о выгодах и преимуществах демократии для дела классовой борьбы»¹¹.

Словом, большевики проявили твердость и уверенность в борьбе за власть. В значительной мере и потому, что им противостоял более слабый во всех отношениях противник. Именно этим объясняли многие их современники «триумфальное шествие советской власти». Н. В. Устрялов, бывший кадет, белогвардеец, в эмиграции идеолог сменовеховства и национал-большевизма, по возвращению в СССР профессор экономики, расстрелянный как шпион и контрреволюционер в 1937 г., писал: «Наша контрреволюция не выдвинула ни одного деятеля в национальные вожди. Все ее крупные фигуры органически чуждались власти, не любили, боялись ее. Власть для них была непременно только тяжелым долгом, «крестом», «бременем»... Ни Алексеев, ни Колчак, ни Деникин не имели *эроса власти*. Все они, несмотря на личное мужество и прочие моральные качества, были *дряблыми вождами дряблых*. Революция же сумела идею власти облечь в плоть и кровь, соединив ее с темпераментом власти»¹².

В отличие от мягкотелых министров Временного правительства, фактически без борьбы уступивших власть, большевики

¹¹ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 99, 103.

¹² Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М.: Изд-во «ЭКМО», 2003. С. 539.

не хотели рисковать. Да и кто бы решился ее взять и смог бы потом удержать? Таковых на поле политической борьбы тогда не оказалось. Аморфное большинство Учредительного собрания, политически пестрое и идеологически шаткое, имело не более политической воли и решимости взять и главное — удержать власть, чем трусоватые либералы или белогвардейские генералы, способные на смелые поступки, но духовно ослабленные сознанием своей обреченности.

К этому субъективно были подготовлены большевики, закаленные многолетней революционной борьбой. Они не церемонились ни с классовыми врагами, ни со своими сподвижниками, отступавшими от принципов борьбы за социализм. Советская власть безжалостно расправилась с гвардией Октября — кронштадскими матросами, которые восстали в 1921 г. против ее экономической политики, произвола большевистских комиссаров, разгрома демократических организаций. Русская революция, подобно Французской, «пожирает свои детей»? Но почему та же власть в 1962 г. жестоко расправляется в Новочеркасске с их внуками — рабочими, выступившими с социальными требованиями? На дворе тогда стояла хрущевская оттепель. А бойня у Белого дома и телецентра 3 октября 1993 г. в постсоветской Москве по распоряжению либерала Ельцина? Что это? Атавизмы репрессивной политики, внезапно пробудившиеся в неподходящее время? Едва ли. Приведено в действие оружие, которое всегда под рукой у власти и постоянно находится в боевой готовности. Факт, вообще говоря, не исключительный, характерный для любой власти, озабоченной самосохранением.

* * *

Мирный период революции длился считанные дни, которые вскоре сменили «окаянные дни» (И. А. Бунин) гражданской войны, когда страну захлестнул кровавый террор. «Товарищ маузер», так же как «матушка гильотина» во Франции, безотказно работал и для революционеров, и для их противников. Причем, судя по официально учтенным данным, якобинский террор едва ли не превосходил красный по количеству жертв: за 1793—1794 гг. гильотинировано 17 тыс. человек; в России за первую половину 1918 г. расстреляно всего 22 человека, а за второе

полугодие в ходе обострения гражданской войны — более 6 тыс. человек, а за 1918—1921 гг. — 12 733 человека.

Как отмечает историк Е. Г. Плимак, приводящий эти цифры, «не меньшее число жертв уносил и «белый террор»¹³. Неизмеримо большее количество человеческих жизней — многие миллионы — унесли внесудебные расправы и сражения гражданской войны. Если у красных террор проводила ВЧК, то у белых — контрразведка. Попытки реставрации старого строя провоцировали новую власть на развязывание массовых репрессий, в свою очередь ужесточавших эти попытки. Возник порочный круг террора, гигантская воронка, которая затягивала в себя массу невинных людей. Ее круговращение ускоряла стихия гражданской войны. Неподконтрольные никакой власти бесчисленные банды красных, белых, обычных уголовников зверствовали по всей стране. Никакая власть не могла справиться с ними. Адмирал Колчак говорил, что он был бессилен перед бесчинствами «атаманщины».

Борьба с контрреволюцией вылилась в систему, нашедшую, по словам одного из лидеров Партии народных социалистов С. П. Мельгунова, своих идеологов. «Это система планомерного проведения в жизнь насилия, это такой открытый апофеоз убийства, как орудия власти, до которого не доходила еще никогда ни одна власть в мире»¹⁴. В подтверждение своих слов автор ссылается, в частности, на многочисленные заявления большевистских руководителей после убийства Урицкого и покушения на Ленина в 1918 г. Вот, например, отрывки воззвания губернско-го военного комиссара Москвы от 3 сентября: «за каждую каплю пролетарской крови... да прольется поток крови тех, кто идет против революции, против Советов и пролетарских вождей... На единичный белогвардейский террор, он ответит массовым, беспощадным, пролетарским террором»¹⁵.

Чего стоили России революция и гражданская война, строительство социализма? Какова цена победы большевиков? Даже

13 Плимак Е. Г. Политика переходной эпохи. Опыт Ленина. М.: «Весь Мир», 2004. С. 188.

14 Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918—1923. М.: «Постскриптум», 1990. С. 12.

15 Там же. С. 67.

с точностью до миллиона человеческих жизней нельзя достоверно ее определить. Называют разные цифры. Ни одна из них не вызывает полного доверия. Сколько людей погибло в годы гражданской войны? Восемь миллионов, десять, двенадцать? Сколько миллионов унесли голодоморы, которыми отмечены первые десятилетия советской власти? Сколько расстреляно в годы Великого террора 1930-х? Сколько жизней поглотили ГУ-ЛАГ, раскулачивание и всевозможные «чистки»? А в целом за годы революции и послеоктябрьской эпохи? Тьма и тьма. Точней не скажешь.

Революция не считается с отдельной жизнью. «Единица — ноль, единица — вздор», — утверждал ее певец В. Маяковский. Счет предназначенных для истребления велся классами и сословиями, народами. По такому «гамбургскому счету» уничтожили дворян, буржуазию, помещиков, офицерство, кулаков, расправились почти со всем духовенством и казачеством, крестьян закрепостили в колхозах, интеллигенцию превратили в службу новой власти, покончили с космополитами и всякими уклонистами. Но депортировать после войны с родных земель целые народы? Репрессировать десятки и сотни тысяч «своих» — преданных власти партийцев, рядовых и руководящих, военачальников разных рангов, вполне лояльных инженеров, ученых, учителей? Гражданская война фактически не завершилась в начале 1920-х годов. Утвердив свою власть, сталинский режим продолжил ее до конца 1930-х годов. И. В. Сталин дал диалектическое и потому неопровержимое обоснование этому: «Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено»¹⁶. С убийственной логикой лесоруба оправдывались непрерывные репрессии: лес рубят — щепки летят.

Революция и гражданская война в России переполнены кровавыми кошмарами. Значительную долю исторической ответ-

¹⁶ *Сталин И. В.* Сочинения. В 13-ти томах. 1946–1952. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 13. С. 210.

ственности за них, несомненно, несут большевики. Но демонизируя их деятельность, антикоммунисты целиком возлагают ответственность только на них, на этих, по характеристике У. Черчилля, «сумасшедших извращенцев», эту «гнусную шайку фанатиков-космополитов», тиранящую русский народ»¹⁷. Большевики со своей стороны не стеснялись в выражениях, отвечая «акулам империализма». Нормальная форма взаимной идентификации противников в идеологической борьбе, для которых понятие равной или долевого ответственности за содеянное ничего не значит. Не считаясь с реальностью, они смешивают быль и небыль, черное и белое, в зависимости от политической конъюнктуры меняют местами в своей пропаганде палача и жертву, грешника и праведника.

Насилие в любой гражданской войне лишь тогда эффективно, когда оно облагорожено и освящено идеей, способной овладеть массами. Иначе говоря, когда оно облечено в привлекательную для них идеологию, порождающую в массовом сознании иллюзию исполнения всех заветных желаний. Всякая революция порождает мифы о собственном происхождении и социальной значимости. И они играют свою роль в обмане участвующих в ней масс. Иллюзия же выполняет более значительную — экзистенциальную — роль в истории. Миф омертвляет суть событий. Иллюзия, напротив, дает ей жизнь не только в массовом сознании, но и в умах вождей революции. Она прочно закрепляется здесь в виде самообмана, сулящего всеобщее благополучие, которое должна принести революция, хотя в действительности она «никогда не бывает такой, какой должна быть», поскольку всегда «революция есть рок народов и великое несчастье»¹⁸.

Неужели и Ленин — стойкий прагматик, чуравшийся всяких иллюзий, — тоже стал жертвой самообмана? В столетней ретроспективе, с высот XXI века нынешний умник может ответить утвердительно, а может, оставляя в стороне этот вопрос как праздный и легкомысленный, сказать, что великий человек со-

17 Черчилль о большевизме // *Бедариде Ф.* «Черчилль» М.: «Молодая гвардия», 2018. Серия: Жизнь замечательных людей. 464 с.

18 *Бердяев Н. А.* Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон, 2002. С. 257.

вершил великое дело. И будет прав. Не испытывая к Ленину ни малейшей симпатии, нельзя, тем не менее, не признать, что, следуя характеристике Бердяева, он «был типически русским человеком», который соединял в себе «предельный максимализм революционной идеи, тоталитарного революционного миросозерцания с гибкостью и оппортунизмом в средствах борьбы, в практической политике»¹⁹.

А ведь идея коммунизма, с которой сросся, жил и умер Ильич, реальна — до осязаемой материальности — лишь до тех пор, пока она существовала как не преодоленная иллюзия. Теперь, видно, что и ленинское решение главного вопроса революции и гражданской войны — о власти, — не выдержало испытания историческими реалиями. «Диктатура пролетариата» несла в себе зерна саморазрушения, чего не мог предвидеть вождь революции. Сразу после Октябрьского переворота он допускал возможность — не вспоминая ли Робеспьера? — установления власти, выразителем, носителем и проводником которой могут быть не только революционные классы, но и «диктатура отдельных лиц». О чем говорит «непререкаемый опыт истории»²⁰. На практике только эта возможность и была реализована: сперва в «лице» самого Ленина, а затем в «лице» его лукавого питомца Сталина.

Планируя строительство социализма, Ленин полагал, что оно займет жизнь не одного поколения, потребует повседневной кропотливой работы всех граждан общества. Инициированная им новая экономическая политика, развитая в такой перспективе, на чем впоследствии настаивала бухаринская оппозиция, возможно, вывела бы страну на рыночный путь социалистического строительства, подобный тому, по которому сегодня успешно продвигается Китай.

Сталин, задушив оппозицию, повел государство по пути насильственной мобилизации, который, однако, по-прежнему сулил самое светлое будущее. Сверхзадача состояла в том, чтобы создать иллюзию, образ такой жизни, который способен мобилизовать общество на великую стройку, поверить в обещания

¹⁹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл... С. 95.

²⁰ Ленин В. И. Очередные задачи советской власти. Седьмой экстренный съезд РКП(б). 6—8 марта 1918 г. // Ленин В. И. ПСС. М., 1969. Т. 36. С. 199.

пролетарского гимна: «кто был ничем, тот станет всем». Ментальную среду обитания социальной иллюзии составляет массовое сознание. Только здесь, а не в голове отдельного человека, она сохраняется как активная сила исторического развития.

Ленин явился тем вождем — авторитарным, с покоряющей массы харизматичностью, — который смог разделить с ними Великую иллюзию, и, говоря словами американского журналиста Джона Рида, «необыкновенным народным вождем», исключительным «благодаря своему интеллекту, чуждым какой бы то ни было рисовки»²¹.

Таким, собственно, Ленин предстает, — понятно, не в радужном ореоле — и в характеристиках его ненавистников. В многочисленных оценках, составляющих своего рода дьяволиаду, он выглядит злым гением России с его, по Черчиллю, поистине демоническими чертами: «...его симпатии холодны и широки, как Ледовитый океан; его ненависть туга, как петля палача. Его предназначение — спасти мир; его метод — взорвать этот мир...»²².

Только ли злая воля толкала большевиков к диктатуре и тоталитаризму? К такому выходу из хаоса революции и гражданской войны продвигали страну объективные условия ее исторического развития. Существенное своеобразие России по сравнению с западными странами состоит в том, что многие века основой ее политического порядка была самодержавная верховная власть — тип государственности, благодаря которой Российская империя стала органической целостностью, а ее огромные пространства не фактором обособления отдельных регионов и дезинтеграции, а, напротив, фундаментом усиления централизованного государства. Разнородные этнонациональные, конфессиональные, культурные и иные образования, нередко конфликтовавшие между собой, находившиеся на разных уровнях развития, ограниченные в возможностях общения с внешним миром, объективно нуждались в имперском патернализме. Цен-

21 Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М.: Госполитиздат, 1959. С. 116.
22 Churchill W. S. The Aftermath. The World Crisis. 1918–1928; L.: T. Butterworth. 1929. [Электронный ресурс] // Милитера. Военная литература. ULR: <http://www.100v.com.ua/ru/Expression-Uinston-Cherchill-o-Lenine-Vladimir-Ilich-Ulyanov-Lenin> (дата обращения: 14.12.2017).

трализованное государство служило объединяющим началом. В России не было каких-либо иных структур, призванных обеспечить единство и жизнеспособность складывавшейся цивилизационной общности.

Развитие страны шло под всепроникающим воздействием вертикально организованной структуры власти. В дореволюционной России не возникли какие-либо иные эффективные механизмы интеграции и институционализации общества. К центральной власти были привязаны и к ней апеллировали все сословия, все социальные, этноконфессиональные группы. Она подавляла любые попытки автономизации формировавшихся институтов гражданского общества. Такое положение сделало этатистский склад социального сознания россиян специфической особенностью их мировоззрения, идентичности, их самоидентификации, политического поведения. Тем легче было большевикам превратить имперскую структуру власти в вертикаль диктатуры партии, слить свою идеологию с массовым сознанием, а самодержавие обратить в тоталитарный режим сталинизма.

Устрялов, еще оставаясь в эмиграции, отмечал, что советская власть, как редиска, была «извне — красная, внутри — белая»²³. Политолог М. В. Ильин развивает заключенную в этой язвительной метафоре мысль в позитивистский концепт: «Воспроизведение самодержавной власти с квазимарксистским идеологическим антуражем, с одной стороны, было спровоцировано модернизационными вызовами, а с другой — получало архаические по сути ответы. Результатом стало превращение новой российской версии абсолютного, тотального самодержавия «вождя пролетариата и всего прогрессивного человечества» в один из вариантов тоталитарной диктатуры, эволюционно связанной с дисфункциональными срывами форсированных модернизаций в XX столетии»²⁴.

Столь тесная преемственность во многом обеспечила успехи большевиков в гражданской войне и установлении нового социально-политического порядка. Они никогда не смогли бы добиться того, что совершили, если бы адекватно для своего времени не

23 Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М.: Изд-во «ЭКСМО», 2003. С. 144—145.

24 Ильин М. В. Призвание России // Национальная идея: страны, народы, социумы / Под ред. Ю. С. Оганисяна. М.: «Наука», 2007. С. 376.

ответили на реальные потребности и ожидания народа, озвучив социализм в иллюзорные, но привлекательные для масс посулы и лозунги: «Мир — народам!», «Земля — крестьянам!», «Фабрики — рабочим!» и т.п. Если бы оперативно, по ходу развития революции идеологически и политически не адаптировали свои идеи к особенностям менталитета, социокультурного бытия многонационального населения страны. «В этом бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством, — писал Бердяев. — России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться»²⁵.

Несущую конструкцию нового государства составляла вертикально организованная партия большевиков, к которой крепилась остальные ветви власти и которая непосредственно контролировала звенья государственного аппарата на всех уровнях. Попытка и в мирном строительстве использовать французский опыт, основав пирамиду власти на местных «коммунах», не удалась. Такое основание составили Советы — форма организации власти, испытанная еще в годы Первой Русской революции.

Большевики решили задачу переустройства мира по-своему. Продвигаясь к Великой иллюзии, они строили отнюдь не иллюзорный мир. Они создавали мир вполне реальный. Не лучший, но и не худший из существовавших. Впервые в истории реализовалась в грандиозных масштабах социальная справедливость, измеряемая стиранием грани между богатыми и бедными. Уравниловка? Конечно.

А состоялся бы тот прекрасный мир, который сулили и сулят противники большевиков? История знает сослагательное наклонение, но только та история, которая творится в голове идеолога. И она может влиять на реальное развитие событий, но, разумеется, не прошлых, а текущих и будущих. И не столько силой примеров из былого, которые мало кого учат, а предложением основанной на реальном историческом опыте модели для возможных политических решений или социальных экспериментов. Изменять же реальную историю, демонизировав ее, ставить на ее место вымышленную — пустое дело. Только зачарованные западной демократией постсоветские либералы, ностальгирующие по той

²⁵ Бердяев Н. А. Истоки и смысл... С. 109.

замечательной стране, которой стала бы Россия в случае победы их предшественников, предаются бесплодным фантазиям. Только там обретается та химерическая страна с благоденствующим населением, неимоверно богатая и высококультурная, словом, первая в мире страна — свободная, демократическая, сотворенная добрыми людьми чистыми руками.

Реальные творцы реального мира далеки от подобных фантазмагорий. Они, однако, сохранили — в ходе жесточайшей борьбы — почти всю территорию имперской России, отбросив иноземных интервентов. Они спасли Европу от гитлеризма; превратили страну — безусловно, жестокими и далеко не всегда оправданными методами — в могущественное государство с высокоразвитой наукой и культурой, открывшей дорогу в космос, второй экономикой мира, в сверхдержаву, равную по оборонному потенциалу Соединенным Штатам Америки.

Мирное строительство не было диссонансом в эпохе войн и революций. Оно осуществлялось в полувоенной, мобилизационной атмосфере ударных «строек социализма». Здесь действовали свои — трудовые — фронты; разворачивались «битвы» за урожай; велась «война» с неграмотностью; проводились промышленная, научная и культурная революции. «Завоевания социализма» достигались деспотическими методами, путем нового закрепощения крестьянства, введения военной дисциплины на производстве под угрозой карательных санкций.

Тоталитарная диктатура разрешила фундаментальные противоречия, неподъемные для царской России, осуществила базисную модернизацию общества путем создания репрессивного режима, насильно унифицировавшего все стороны народной жизни, но оказавшегося, в целом, приемлемым для населения страны. Бюрократическое государство уредило национализм и сепаратизм, соединило в наднациональное объединение советский народ — людскую массу, расчлененную социальными, этническими, культурными, конфессиональными различиями; практически наглухо оградило его от зарубежных влияний.

Возник тип социальности, принципиально отличный от западного, буржуазно-либерального, который породил систему интеграции общества, эффективно преодолевавшую — сначала насильственными, а затем преимущественно политическими

и идеологическими способами — традиционные расколы и смуты. Начали складываться цивилизационные основы диффузного устройства единого социокультурного и геоэкономического пространства.

Социальные последствия революции явились не только формами разрешения общественных противоречий, но и породили новые способы цивилизационного взаимодействия названных гетерогенных образований, формировавшихся в течение многих столетий на бескрайних пространствах Евразии. «Характер Октябрьской революции, — отмечает И. К. Пантин, — определялся не столько противоречиями пролетариата и буржуазии (хотя, конечно, и ими тоже), сколько конфликтом разных форм и средств приобщения страны к современной (естественно, в тогдашнем понимании) цивилизации, различием способов завоевания основных предпосылок цивилизации. Вот почему ни капитализм сам по себе, ни социализм как таковой не выражают специфики октябрьского переворота, равно как и постоктябрьского периода»²⁶.

Сформировалась такая организация общества, которая давала мощные политические рычаги для его модернизации (индустриализация, коллективизация и пр.), что позволило в кратчайшие исторические сроки создать модель военно-мобилизационной экономики и выдержать тяжелейшие испытания войны с нацистской Германией.

Социально-политическую стабильность в обществе, обратную связь с массами обеспечивала общегосударственная система общественных организаций — от пионерских до профсоюзных. Гигантский, изошренно развитый пропагандистский аппарат весьма эффективно встраивал в массовое сознание идеи коммунизма, а в коллективное подсознание — ожидание «светлого будущего». В течение десятилетий иллюзия коммунизма, внушенная массам, в сущности, исполняла роль и функции национальной идеи. При этом этатистская ориентация осталась подкорковой доминантой ментальности подавляющего большинства населения и постсоветской России, где выросла своя вертикаль власти нового — авторитарного — режима. Патерна-

26 Пантин И. К. К вопросу о характере Октябрьской революции // ПОЛИС. Политические исследования. 2013. № 6. С. 135.

лизм верховной власти породил генетически выросшие в общественное сознание и психологию простодушное упование на нее — «в лицах» Царя-батюшки, отца народов и, конечно, «своего», все-народно избранного Президента. Из того же источника закономерно произрастает устойчивое недоверие к закону, который, по убеждению обывателя, служит лишь власть и богатство имущим.

В этом контексте сила иллюзии превосходит силу закона; более того, сама иллюзия становится смыслом социального бытия. Но и она способна выдерживать испытание реальностью лишь до тех пор, пока пребывает в прекрасном, но далеком будущем. Назначение срока ее исполнения при жизни данного поколения — для социальной иллюзии смертный приговор. Осознавал ли это Н. С. Хрущев, когда рассматривал проект Отчетного доклада на XXII-м съезде КПСС? Видимо, нет. Иначе, зачитывая этот программный документ в октябре 1961 г., не стал бы провозглашать: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!». Иллюзия, а вместе с ней вера и умерли к началу 1980-х годов — назначенному сроку построения основ коммунизма — не только для советских людей, но и для тех 80 зарубежных партий, делегации которых присутствовали на съезде.

Наряду с социально-экономическими и прочими причинами этим во многом — если не прежде всего — объясняются распад Советского Союза и крах «реального социализма». Именно поэтому многомиллионная армия коммунистов, комсомольцев, профсоюзов и других общественных и государственных структур, охватывающая все население страны выше ясельного возраста и непосредственно подчиненная власти, даже отдельными своими сегментами не поднялась на защиту социализма и былой сплоченности советских республик, если, конечно, не считать жалкую попытку так называемого «августовского путча» 1991 г.

Утрата иллюзий обнажила симулятивность «развитого социализма», удостоверяемого ранее иллюзией «светлого будущего», которая поддерживала жизнеспособность советской системы, закрепляя в общественном сознании стереотипы, привитые ему идеями «единства» партии и народа, власти и общества. Власть потеряла способность аккумулировать настроения, ма-

териальные и духовные потребности масс и соответственно реагировать на них. Советский человек недоумевал: где я? куда попал? что или кто мной правит? власть глупости или глупость власти? Эти вопросы, представляется, актуальны и сегодня.

Таков конец послеоктябрьской эпохи в истории России. Эра Великого самообмана завершилась банально. От капитализма к капитализму? Из ниоткуда в никуда? Словом, конец иллюзий.

* * *

Никто с уверенностью не назовет бифуркационную точку, предел невозврата социалистического развития общества. В чем заключается этот предел? Когда и чем он явственно должен обозначиться? Эти вопросы в действительности оставались открытыми, каковыми они были и в октябрьские времена. В марте 1918 г. Ленин говорил: «Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, — мы этого не знаем, этого сказать не можем», «потому что нет еще для характеристики социализма материалов. Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится»²⁷. Кирпичи и их кладка оказались не те или не совсем те, что задумывались. Процесс пошел вопреки предсказанному маршруту.

Советский строй носил на себе не только «родимые пятна» капитализма, но и сохранил существенные его элементы, которые в совокупности составляли структуру, фактически тождественную государственному капитализму. Поэтому столь скоро — за одно лишь десятилетие 1990-х годов — свершилась реставрация капитализма: государственная собственность большей частью перешла в частные руки, номенклатура перевоплотилась в клептократическую бюрократию, советское общество переплавилось в гибридный социум. Таким образом, в России был легитимизирован государственный капитализм.

Недостроенный социализм стал основой первобытного капитализма. Партийная элита вновь рискнула по-крупному, ринувшись сломя голову в рыночную стихию. Недавние борцы за

27 Ленин В. И. Выступления против поправки Бухарина к резолюции о программе партии 8 марта. Седьмой экстренный съезд РКП(б). 6—8 марта 1918 г. // Ленин В.И. ПСС. М., 1969. Т. 36. С. 65, 67.

«светлое будущее», омывшись — осквернившись? — в омуте постсоветского рынка, вынырнули оттуда отпетыми стяжателями и беспринципными политиканами, которые и возглавили продвижение общества к капитализму.

Столь масштабный социальный переворот едва ли был бы возможен без массовой поддержки, каковую он и получил. Народные массы, уставшие от вечного товарного дефицита, циничной лжи советской пропаганды и произвола властей, извелись в мифах о светлом будущем. Они отвергли не социализм, а те непригодные для нормальной жизни людей способы и формы, в которых он осуществлялся. Чего ожидали массы от постсоветских реформ? Собственно говоря, того же самого, что от социализма — прежде всего, улучшения качества жизни, социальной справедливости. Дождались? Как отразилась смена социально-политических режимов на положении народных масс? Далеко не самым лучшим образом. Советская система социальной защиты рухнула. Новая система все еще не создана. На пороге нищеты находятся многомиллионные массы населения. Общественные отношения исковерканы неравенством.

Крах советской системы развеял и былые иллюзии, и прогнозы отечественных обществоведов, побудив их пересмотреть марксистско-ленинскую теорию социального прогресса и поставить под сомнение самую реальность социализма в СССР. Так, по мнению Е. Г. Плимака и И. К. Пантина, «"социалистическим" был всего-навсего идеологический вектор, заданный "сверху" в Октябре 1917 г»²⁸. Тем не менее этот вектор в течение многих десятилетий определял общее направление развития советского общества. Его социально-экономическое устройство, политический режим, идеология, образ жизни формировались на основе социалистических принципов, в результате чего складывалась альтернативная капитализму институциональная модель модернизации.

История социализма как явление всемирно-исторического значения не завершилась буржуазной трансформацией советского общества. Она лишь показала, что социальность советского типа — скорей особый случай, чем общая закономерность

²⁸ Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М.: «Весь Мир», 2000. С. 245.

в истории социализма, отнюдь не ее «конец», а один из тупиков на ее пути. Минувшее столетие не стерло социально-политические последствия Октябрьской революции. Они материализованы ныне в жизни четверти человечества, которую составляет население социалистического Китая и близких к нему по социальной ориентации государств. За социализм по-прежнему борются коммунистические и другие левые партии многих стран. Крупным достижением реализации идей социализма, несомненно, можно считать высокий уровень социальной защиты в развитых капиталистических странах. О таком достижении могли только мечтать социалисты XIX века или советские люди конца века XX.

Доктрина социального государства, столь успешно реализованная в Швеции, Финляндии, Германии и в других странах, заменила собой иллюзию светлого будущего в качестве ориентира социального прогресса в России. Эту замену зафиксировала статья 7 Конституции РФ 1993 г: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

В определенном смысле эта статья означает, что дикий капитализм не смог погасить социалистическую традицию, которая, собственно, и породила в свое время доктрину социального государства. Ее автор немецкий социалист Лоренц фон Штейн, философ и правовед, вскоре после революции 1848 г. утверждал, что государство должно поддерживать посредством своей власти равенство в правах всех классов общества, равно как и отдельных личностей. «Оно, — писал он, — обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве»²⁹.

Эти положения предполагали законодательное закрепление мер социального обеспечения в сферах школьного образования,

²⁹ Цит по: *Милецкий В. П.* Социальное государство: эволюция идей, сущность и перспективы становления в современной России // Политические процессы в России в сравнительном измерении / под ред. М. А. Василика, Л. В. Сморгунова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. С. 82–97.

здравоохранения, занятости, а в перспективе — перераспределение доходов, стимулирование социальной ориентации экономики. Фактически то же самое предусматривали — в более широком диапазоне — программные установки марксизма, нацеливающие рабочий класс на борьбу за социалистическое переустройство общества. Таким образом, концепция социального государства неотделима от развития социалистического движения, хотя ее автор и критиковал классовую теорию марксизма, выступая за эволюционный, реформистский путь социальных преобразований.

Что касается современной России, то, по мнению политолога О. М. Михайленка, в концептуальном и нормативном отношениях модель социального государства только формируется отечественными теоретиками. Во Введении к сборнику статей о социальном государстве он пишет: «Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что у российских политических партий и течений отсутствуют конкретные социальные программы и четкие представления о целях, направлениях и средствах реформирования нашего общества»³⁰.

Главная проблема, однако, в том, чтобы разрабатываемая модель стала практически эффективной в специфических условиях современной России, а не превратилась в очередную несбыточную мечту, заимствованную у Запада. Как показывает тот же Запад, для этого в первую очередь необходимо добиться такого уровня развития экономики, который позволил бы обеспечить материальные и духовные потребности народа и сократить чудовищный разрыв в социальном положении состоятельных и неимущих слоев населения.

Такие контрасты были невозможны в советском обществе. Конечно, оно не было социально однородным. Но уровни неравенства тогда и сегодня несопоставимы. В СССР выделялись отдельные привилегированные группы населения, относящиеся к высшей партийно-хозяйственной номенклатуре и дельцам теневой экономики. Остальная масса населения проживала в

30 Михайленок О. М. Введение // Социальное государство и политика: сборник научных статей / Под ред. О. М. Михайленка, В. В. Люблинского; Институт социологии РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 268 с. (Согласие в обществе как условие развития России. Выпуск 5). С. 9.

весьма скудных материальных условиях. В конце 1980-х — начале 1990-х годов, на заре капиталистического ренессанса антисоветская пропаганда ставила первейшей задачей перемен догнать Португалию, беднейшую из стран ЕС того времени, по уровню социальной защищенности населения. И что же? Коэффициент защищенности России 0,26%, а в Португалии почти вдвое больше — 0,46%. Вот другое сравнение: расходы российского государства на поддержку семей с детьми (выплаты, услуги, налоговые вычеты) составляют 0,4% ВВП, а во Франции — 3,7%, в Великобритании — 3,5%, в США — 1,2% ВВП³¹.

Эти данные свидетельствуют не только о материальном положении населения, но и об уровне демократии. Комментируя их, социолог О. А. Полюшкевич пишет: «Ощущение угроз в личной и общественной жизни влияет на социальное самочувствие и поведение в обществе, на его уровень активности в разных сферах, а также является показателем обеспечения демократических прав и свобод»³². Причем в годы экономического кризиса попытки власти справиться с его социальными последствиями показали свою несостоятельность. По данным социологических исследований за 2014–2016 гг., количество бедных в стране увеличилось вдвое. Как отмечает академик М. К. Горшков, «институты российского государства, ответственные за состояние социальной сферы, оказались не готовы к нейтрализации рисков массового распространения бедности в условиях кризиса»³³.

* * *

Согласно Великому Учению, историческая миссия пролетариата заключается в том, чтобы добиться всемирной победы коммунизма. Почему же реализация этой миссии выпала на долю страны, большинство населения которой составляло политически непросвещенное крестьянство, совершенно чуждое этому учению? Оно дает убедительный ответ и на этот вопрос:

31 Гонтмахер Е. Ш. Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 72.

32 Полюшкевич О. А. Представление социальной защищенности жителей России и Португалии // Социологические исследования. СОЦИС. 2012. № 12. С. 68.

33 Горшков М. К. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход // Социологические исследования. СОЦИС. 2016. № 12. С. 33.

Россия оказалась самым слабым звеном в цепи капитализма. Где тонко, там и рвется? Дело не только в этом. Большевикам удалось подчинить своей идеологии идею служения человечеству, уходящую своими корнями в самое историческое существование России, в русский космос, в многовековую мессианскую традицию, рожденную православием раннего средневековья. Согласно этой традиции, народ-богоносец призван основать новый вселенский центр, объединяющий человечество, — Третий Рим, «Четвертому же не бывать».

В таком ключе трактовали Октябрьскую революцию многие русские историки и философы, оказавшиеся после нее в эмиграции. Считая ее предопределенной «всем ходом русской истории», «неотвратимой судьбой России», Бердяев, например, писал, что «русский коммунизм... есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи»³⁴. В наше время М. В. Ильин, проследив историю последовательных превращений форм русского мессианизма, так характеризует ее заключительное звено: «Историческая миссия пролетариата обернулась исторической миссией Советской России, а затем СССР»³⁵.

Революция многое и весьма существенное изводит до конца, бесследно в жизни общества: политические режимы, экономическое устройство, социальные институты, классы, сословия и т.д. Но только не духовные основания самой жизни — религию, национальный менталитет, исторические традиции, социальной плотью которых было российское крестьянство. А из кого рекрутировалась Красная Армия? На 90% из крестьян, которые пришли в революцию из царской армии. «Прежде чем крестьянские массы оказались сплоченными известными революционными требованиями и идеями, они были уже объединены в кадры полков, дивизий, корпусов, армий»³⁶.

Большевики во многом преуспели в своем стремлении выкосить главных носителей духовных ценностей народа — свя-

34 Бердяев Н. А. Истоки и смысл... С. 93, 152.

35 Ильин М. В. Призвание России // Национальная идея: страны, народы, социумы. М.: «Наука», 2007. С. 376.

36 Троцкий Л. Д. Октябрьская революция: брошюра. М. — Петроград: «Коммунист», 1918. С. 12.

щеннослужителей и интеллигенцию; одних поставив к стенке, других уморив в лагерях, некоторых изгнав за рубеж. Но не столь доступным для них оказалось хранилище этих ценностей — сознание, если угодно, душа народа.

Именно из народа Александр Блок в своей поэме вывел на зимние улицы революционного Петрограда дюжину людей с винтовками, под красным знаменем и с молитвой на устах и святотатственным намерением пальнуть «пулей в Святую Русь — в кондовую, в избяную, в толстозадую!». Этого им мало. «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови — Господи, благослови!». Так и шествуют «державным шагом, позади — голодный пес, впереди — с кровавым флагом, и за выюгой невидим, и от пули невредим... Впереди — Иисус Христос». Едва ли социо- или историософская мысль способна столь лаконично и емко, с обескураживающей своей иронией убедительностью выразить суть противоречий, духа русской революции в эскизной зарисовке, соединяющей сиюминутное и вечное, ничтожное и великое, трагедию и фарс — метафизику революции, постижимую в такой форме лишь через поэтическую рефлексия.

Первая мировая война поставила народы перед острой необходимостью социальных перемен. Победа Октябрьской революции доказала, что эти перемены возможны. Революция подорвала веру людей в незыблемость старого мира. В массовом сознании прочно утвердилась идея его обреченности. Русская революция звала на разрушение основ общества, его экономики, политического устройства, всего миропорядка. Что будет потом? Время покажет. Главное — начать, ввязаться, учил Ленин, по словам которого, Октябрь дает образец тактики для всех революций. Сигнал был услышан. «Русская революция или, точнее, большевистская революция в октябре 1917 г., — пишет британский левый марксист Э. Хобсбаум, — была воспринята миром в качестве такого сигнала. Поэтому для XX столетия она стала столь же важным явлением, как французская революция 1789 г. для XIX века»³⁷.

37 Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). Глава 5. М.: Изд-во «Независимая газета», 2003. С. 67.

Штаб мировой революции был организован большевиками в Москве на учредительном конгрессе Коммунистического Интернационала, собранном в марте 1919 г. На нем присутствовали несколько десятков делегатов левых партий и группировок из 21 страны. Со временем Сталин низвел Коминтерн, по словам Хобсбаума, «до инструмента советской государственной политики под жестким контролем коммунистической партии, чистя, перетасовывая и реформируя его кадры по своему желанию». Только та революция была признана пролетарской, которая отвечала государственным интересам СССР и контролировалась Москвой³⁸. В 1926 г. в процессе дискуссии в Коминтерне вокруг вопроса о возможности построения социализма в одной стране лидер итальянских коммунистов П. Тольятти говорил, что к нему сводятся все остальные вопросы. Ибо «речь идет о том, чтобы установить перспективу развития мировой революции», а «всякая дискуссия о перспективах русской революции есть дискуссия о перспективах мировой революции»³⁹.

Рассматривая Советскую Россию как оплот международной борьбы против капитализма, Ленин категорически отвергал попытки «подталкивания» мировой революции. Это не один акт, а целая историческая эпоха «бурных политических и экономических потрясений, самой обостренной классовой борьбы, гражданской войны, революций и контрреволюций»⁴⁰.

Социалистическая революция в послеоктябрьское столетие развивалась «по Ленину». Она вспыхивала во многих регионах мира, но время показало, что побеждала лишь там, где могла опереться на прямую поддержку СССР. Первые два года после Октября были подавлены революции в Германии, Финляндии, Венгрии. Не состоялись «советские республики» в Баварии, Эльзасе, Лимерике (Ирландия), Гиляне (северный Иран). Лишь в Монголии в 1921 г. советская помощь обеспе-

38 Там же.

39 Цит по: Интернациональное наследие Парижской Коммуны / Под общ. ред. Е. И. Кускова, А. М. Румянцева, Т. Т. Тимофеева. М.: Политиздат, 1971. С. 327–328.

40 Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Ленин В.И. ПСС. М., 1969. Т. 26. С. 352.

чила переход к социализму, «минуя капитализм». Но уже в 1923 г. были подавлены революции в Болгарии, а в конце 30-х годов — левые республиканцы в ходе гражданской войны в Испании.

Победа Советского Союза над фашистской Германией — звездный час послеоктябрьского столетия — круто изменила ситуацию. Была ли возможна она без Октября? Споры вокруг этого вопроса лишены исторического смысла. Победа, безусловно, явилась реальным результатом развития русской революции и тем самым — одним из этапов продвижения народов к социализму. Она создала условия для глубокого исторического сдвига: на мировую арену вышла социальная демократия, как автономный субъект политической жизни многих стран. Демократия наполнилась новыми социальными смыслами. При разносторонней поддержке СССР радикальные общественные преобразования произошли в странах Восточной и Центральной Европы, а также в Китае, Северной Корее и Вьетнаме; в 1959 г. победила революция на Кубе.

В борьбе за революционные перемены особенно ценился военный опыт большевиков, «так как это — опыт революционной войны новейшего времени, добытый под руководством Ленина и Сталина»⁴¹. Все это не значит, что мировое коммунистическое движение развивалось без внутренних противоречий, вызываемых, как правило, политикой Кремля. Ощутимые удары по его единству нанесли пакт Молотова—Риббентропа в 1939 г. и роспуск Коминтерна в 1943 г. И до, и после этого советские коммунисты постоянно вели борьбу с левыми и правыми оппортунистами, троцкистами, национал-уклонистами и прочими ревизионистами в международном коммунистическом движении. От него Москвой отлучались то одни, то другие компартии, порой и целые идеологические течения, например, национал- или еврокоммунисты*.

41 *Мао Цзэдун. Избранные произведения. В 4-х т. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. Т. 2. С. 310.*

* В послевоенные годы относительное единство мирового коммунистического движения проявлялось главным образом на Международных совещаниях коммунистических и рабочих партий, последнее из них состоялось в 1969 г. в Москве. В его работе участвовали 75 партий, одиннадцать уклонились от участия. 54 делегации единодушно одобрили принятый на встрече Основной

Отнюдь не был единым и мировой «лагерь социализма» — сложившаяся в послевоенные годы общность государств однотипного социально-политического устройства, которую теоретики научного коммунизма называли «мировой социалистической системой». Дипломатические отношения разрывались между СССР и Югославией, противоречия между Москвой и Пекином доходили до вооруженного конфликта. Сплоченность выделившегося из мировой системы социализма «содружества социалистических стран» серьезно нарушали массовые антисоветские выступления в Венгрии (1956 г.), Чехословакии (1968 г.), Польше (1980 г.). Тем не менее все страны социализма выступали в рамках общего — антиимпериалистического — фронта на арене мировой политики.

Разгром фашизма радикально изменил соотношение политических сил в капиталистических странах. Правящие элиты были вынуждены пойти здесь на существенные уступки требованиям народных масс. Неоспоримым остается тот исторический факт, что именно тогда возникли предпосылки продвижения процессов демократизации политических и социальных институтов к тому уровню, которого достигли западные страны к началу XXI века. Эти достижения стоили немалых жертв нашей стране: за ее западными границами покоятся миллионы советских солдат, погибших за освобождение Европы от гитлеризма.

Еще одним исторического значения итогом возросшего влияния социализма явилось широкое развитие национально-освободительного движения, которое привело к развалу колониальных империй и возникновению десятков новых независимых государств. Многие из них — Египет, Сирия, Алжир, Гана, Ангола, Лаос, Камбоджа и другие — вышли на путь «социалистической ориентации». Подтвердился сформулированный Лениным

документ, в котором поддерживался внешнеполитический курс КПСС и осуждалась компартия Китая за ревизионизм и который таким образом зафиксировал раскол движения. Информационно-теоретическим центром международного коммунистического движения стал издаваемый в Праге под руководством ЦК КПСС ежемесячный журнал «Проблемы мира и социализма» (1956—1990 гг.), который публиковался на 28 языках и распространялся полумиллионным тиражом в 145 странах. Постоянными членами его Редсовета состояли представители большинства компартий мира.

в 1919 г. прогноз о том, что революция не будет «только и главным образом» борьбой пролетариата против буржуазии, «нет, она, революция, будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран против международного империализма»⁴².

В результате этих сдвигов на мировой арене сложилась принципиально новая историческая обстановка, социально-политическое развитие которой определялось конфронтацией мировых систем капитализма и социализма с политическими центрами в Вашингтоне и Москве. Возникло состояние «холодной войны», которое периодически взрывалось вооруженными конфликтами разного уровня опасностей — вплоть до ракетно-ядерного во время Карибского кризиса в октябре 1962 г.

Во второй половине XX века соотношение сил в мире неуклонно менялось в пользу социализма. Равновесие ракетно-ядерных потенциалов двух сверхдержав стимулировало этот процесс. Перед коммунистами вновь встал вопрос: что дальше? Русская революция была замешана на войне и взывала к раздуванию мирового пожара вплоть до всемирной победы коммунизма, не считаясь с апокалипсическими рисками, ибо «смысл революции есть внутренний апокалипсис истории»⁴³.

Время показало, что смысл этот содержит вполне реальную угрозу. В 1958 г. Мао Дзэдун утверждал, что «атомная бомба не страшнее большого меча», полагая: «Если во время войны погибнет половина человечества — это не имеет значения. Не страшно, если останется и треть населения. Через сколько-то лет население снова увеличится»⁴⁴. Эти идеи Великий кормчий развивал в Москве на Международном совещании коммунистических и рабочих партий, которое противопоставило им концепцию мирного сосуществования государств с противоположными социальными системами. Предполагалось, что социализм может победить, минуя мировую войну. Тем более что его силу умножили страны социалистической ориентации и многочисленные союзники — десятки освобо-

42 Ленин В. И. Доклад на II съезде коммунистических организаций народов Востока // Ленин В. И. ПСС. М., 1970. Т. 39. С. 327.

43 Бердяев Н. А. Истоки и смысл... С. 107.

44 Цит. по: Бурлацкий Ф. М. Глоток свободы. В 2-х книгах. М.: РИК «Культура», 1997. Книга 1. С. 503–504.

дившихся от колониализма стран. К тому же КПСС сумела организовать глобального масштаба фронт солидарности со своей внешней политикой. Под ее руководством — прямым или через лояльных посредников — приобрели значительное влияние международные демократические движения, охватывающие многомиллионные массы людей: профсоюзное, молодежное, женское, антивоенное и т.п.

Явилась ли конфронтация двух социальных систем следствием продолжающейся в новых условиях мировой революции, затеянной большевиками? Конечно, если следовать ленинской трактовке. Неожиданную аргументацию в ее пользу дает политолог, военный теоретик русского зарубежья Е. Э. Месснер, царский полковник, последний начальник штаба Корниловской дивизии армии барона Врангеля. Анализируя в своих книгах послеоктябрьскую эпоху в военно-политическом контексте, он выявил наиболее существенный, знаковый ее феномен — «мятежевойну» — неуклюжий термин, выражающий зачатую Октябрем тенденцию к срастанию войны и революции в ходе разрешения социальных, геополитических противоречий. «В двух всемирных войнах и во многих местных, — пишет он, — родилась и развивалась Всемирная Революция, войны сплелись с мятежами, мятежи — с войнами, создалась новая форма вооруженных конфликтов, которую назовем мятежевойной, в которой воителями являются не только войска и не столько войска, сколько народные движения»⁴⁵.

Такого рода гибридные конфликты сменили былые военные эксцессы, фактически непрерывно следуя один за другим вплоть до нашего времени. Их число постоянно увеличивалось. Если за вторую половину XX века в мире произошло примерно 200 войн и локальных конфликтов, то за последнее десятилетие этого века состоялось более половины из них, в которых участвовало около 90 государств⁴⁶. По убедительной характеристике А. И. Неклессы, ныне итог любой войны — «развоплоще-

⁴⁵ Месснер Е. Э. Всемирная мятежевойна. М.: Изд-во «Кучково поле», 2004. С. 15.

⁴⁶ Общее количество войн в мире и потери в войнах. [Электронный ресурс]: Форум военной истории. URL: <http://www.istorya.pro/obshchee-kolichestvo-voyn-v-mire-i-poteri-v-voynah.-t.html> (дата обращения: 23.12.2017).

ние мира». Автор расшифровывает: «Выхолащивается сложившаяся регламентация конфликтов, т.е. происходит уплощение права и дискредитация всего номоканона современности, что чревато переосмыслением и пересмотром начал фундаментальной солидарности»⁴⁷.

Распад Советского Союза ввел в этот контекст чрезвычайно опасный для мира феномен — международный терроризм. Поддерживая вооруженную борьбу национально-освободительных организаций многих стран, Москва в принципе не поощряла террор как средство достижения политических либо иных целей. В обход же СССР — международного центра революционных движений — интернационализация терроризма была немыслима. Распад СССР открыл возможность выхода терроризма на мировую арену. Наметились и другие новые явления в означенном контексте. Оказалось, что выпадение социальной составляющей из конфронтации Вашингтон — Москва не только не покончила с ней, а, напротив, обострила ее. Это убедительно показывают военно-политические конфликты на Украине и в Сирии, где вновь столкнулись интересы двух держав. Выходит, геополитический фактор более значим, чем социальный в их взаимоотношениях?

Этот вопрос не имел смысла в недалеком прошлом. Три крупнейшие войны второй половины XX века — Корейская, Вьетнамская, Афганская, — которые задействовали интересы двух сверхдержав и их союзников, обозначали параболическую траекторию роста и падения влияния «реального социализма» на мировые события. Первая из них в начале 1950-х годов закончилась перемирием, сдержавшим, но не остановившим рост социалистического влияния, который стимулировала победа вьетнамцев в войне 1964—1975 гг.; десятилетняя афганская война, окончившаяся выводом советских войск из Афганистана, прописала ниспадающий отрезок траектории в конце 1980-х годов. Горбачевская перестройка и ельцинский режим завершили процесс развалом Советского Союза.

47 Неклесса А. И. Небесный Вавилон. Гибридный мир и Сирийская комбинаторика // Политические исследования. ПОЛИС. 2016. № 2. С. 97.

* * *

Пожар мировой революции затух, залитый — не от большого ума и твердой веры — потомками ленинской гвардии. Распалась мировая система социализма. Рассыпались коммунистическое и близкие ему интернациональные движения. Но погибло ли дело социализма? Оно не погибнет до тех пор, пока в мире останутся сытые и голодные, угнетенные и угнетаемые. Да и какой смысл рассуждать сегодня о капитализме и социализме? С одной стороны, реализованная странами развитого капитализма модель социального государства сформировалась под явным влиянием — позитивным и негативным — социалистического примера. С другой стороны, оказалось, что страна, оставаясь социалистической, способна эффективно осваивать рыночную экономику. Не восторжествовала ли полузабытая ныне теория конвергенции? Провал социализма в России — всего лишь неудача реализации одной из социальных моделей, через которую переступила тенденция социального обновления мира, рожденная Русской революцией и обозначившая одно из перспективных направлений процесса глобализации.

Для самой же России потери конца XX века слишком велики. Либеральные реформы превратили ее в страну третьего мира. Новую Россию покинули союзники и попутчики. Утраченное не вернуть. Разрушенное не восстановить. Но Россия выжила как великая держава на том историческом фундаменте, который был создан поколениями советских людей. Это — главное.

Завершилась ли открытая Октябрем эпоха войн и революций? Отнюдь. Она продолжается и поныне, спустя сто лет. Сегодня это иные, пусть «гибридные», войны и другие, пусть «цветные», революции. Собственно, и эти новые формы возникли под действием Октября 1917 г. Можно ли вообще найти в минувшем с тех пор столетии событие, сопоставимое по воздействию на мир с Октябрьской революцией? Конечно, распад СССР, который, как и Октябрь, взломал существующий миропорядок. Но и это событие, хотя и отдаленное, но прямое следствие Великой революции, которое, стало быть, дало жизнь как перспективным, так и тупиковым линиям об-

щественного развития. Куда теперь повернет история России, да и всего мира? Пойдет в дурную бесконечность? Завернется в порочный круг? А может, все же, к светлому будущему? Кто знает.

Глава 4. Русская революция: историко-политический контекст

Прошло 100 лет с того момента, когда на весь мир было объявлено, что «революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась». Государственный флаг России — триколор, который почти 300 лет служил символом национальной принадлежности; более пяти веков на гербе нашего государства красуется двуглавый орел; музыка и основа текста государственного гимна позаимствованы из СССР. Все это вызывает не совсем адекватные ассоциации относительно той страны, где мы живем. Довольно замысловатая трансформация слов государственного гимна: от «мы наш, мы новый мир построим» и «к славе Отчизну свою поведем», к «в победе бессмертных идей коммунизма мы видим грядущее нашей страны» и закончив довольно безликим «широким простором», который «для мечты и для жизни грядущие нам открывают года», вызывает определенные вопросы — цели исчезли, а остались лишь мечты и надежды¹.

Заметим, что подобную эволюцию совершила и Конституция страны: от «уничтожения всякой эксплуатации человека человеком, полного устранения «деления общества на классы» и «беспощадного подавления эксплуататоров» к «социалистическому государству». А от него, «утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие», «исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов», к «демократическому федеративному правовому» и социальному государству². В столице государства, в мавзолее на Красной площади покоится тело вождя революции, у Кремлевской стены — пантеон его последователей и героев. В то же время как в храмах русской православной церкви воздают мо-

1 См.: Тексты гимнов РСФСР (1918–1944 гг.), СССР (1944–1991 гг.) и РФ (2000 г.). Российский гимн. Зеркала эпохи. [Электронный ресурс]: Культура.РФ. URL.: <https://www.culture.ru> (дата обращения: 13.02.2018).

2 См.: Конституция РСФСР (1918 г. и 1936 г.), СССР (1977 г.) и Российской Федерации (1993 г.). [Электронный ресурс]: Russrie.org. URL.: <http://constitution.garant.ru> (дата обращения: 13.02.2018).

литву новомученикам революции — царской семье, причисленной к лику святых.

Что же произошло век назад? Каковыми были цели революции, ее сценарий? Мы построили «новый мир» и повели его к славе или по-прежнему мечты и надежды? На чем все, в конечном счете, успокоилось, и возможно ли продолжение? Попробуем последовательно ответить на эти сложные вопросы.

Итак, вопрос первый, но очень непростой: цели революции? Если это «власть» способна полностью искоренить насилие и эксплуатацию, как это практически осуществимо в условиях «диктатуры пролетариата», когда «справедливость становится тождественной выгоде — своекорыстному требованию»³? Как в этом случае соотнести свободу и равенство, которое можно обеспечить лишь в случае ограничения свободы тех, кому не повезло стать диктатором? Это власть ради догоняющей модернизации страны? Это власть для чего-то другого вроде спасения «империи от распада, хоть и ценой империи»⁴? Это цели, обусловленные политическим честолюбием, «генезисом Homo Historicus»⁵? Это тайна, скрытая за семью печатями после смерти лидеров революции и демагогически «заболтанная» в наше время, или она все же будет раскрыта историей?

На первый взгляд все более или менее очевидно. Целью русской революции стало восстановление справедливости путем искоренения эксплуатации человека человеком и восстановления равенства в правах, т. е. «спасение мира» посредством разрушения его очевидной предзаданности.

Надо заметить, что российская власть сама «провоцировала» это: «атмосфера была насыщена предательством», «образ старой власти двоился», поскольку «старый режим уже долгое время жил ложью, продолжая существовать по инерции», которую «поддерживала народная пассивность»⁶.

3 Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. Чтение первое // Соловьев В. С. Сочинения в 2-х томах. М.: Издательство «Правда», 1989. Т. 2. С. 10.

4 Гефтер М. Я. 1917: неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. Разговоры с Глебом Павловским. М.: Европа, 2017. С. 11.

5 Там же. С. 13.

6 См.: Бердяев Н. А. Правда и ложь в общественной жизни. Духовные основы русской революции. М.: АСТ, 2006. 448 с.

Для выявления же истинной цели революции придется обратиться к экзистенции ее большевистского ядра, внимательно присмотревшись к тому, за что оно выступало вместе с другими ее участниками — «“за” или “против” других». С этой точки зрения небезынтересно посмотреть и проанализировать идейную основу всех движущих сил революции и выявить, на чем покоится их «забота об отличии от других». «Стремление его сгладить» и консолидировать силы для победы революции или попытка «преодолеть отставание, подтянувшись до уровня лидеров», или, наконец, «попытка их подавить, сохраняя и укрепляя свое превосходство»⁷? В этом плане эволюция мировоззрения верхушки большевистской партии, их собственные внутренние установки, декларируемые как «истина», вкупе с их реальными «делами», иначе — бытие и событие могут сыграть решающую роль в экспозиции реальной цели революции⁸.

Вполне естественно, что революция началась с разрушения далеко не очевидной на тот момент предзаданности. Февральская революция «расстроила» государственное управление, уже «подточенное» участием России в Первой мировой войне и сопутствующими этому экономическими проблемами, нанеся чувствительный удар по институтам самодержавной, земской и губернской власти, армии, силам правопорядка и судебной системе. В складывающейся системе социально-политических отношений, с расцветом гражданских свобод царь становился просто лишним. Должного пиетета к самодержавной власти, внутренней духовной потребности в нем, необходимости коммуникации с ним не было. В результате вокруг власти сразу образовалась устрашающая пустота, а значит, возникла духовная пропасть между царем и его подданными. Какое бы то ни было впечатление от низвержения «самодержца» просто ни в чем не выразилось бы — «точно этого и не произошло, точно никогда никто в России не царствовал»⁹.

Для развития самосознания населения страны, основную часть которого составляла многомиллионная крестьянская мас-

⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: «Академический проект», 2011. С. 126.

⁸ См.: Иак 2.15 «Дети мои! Станем любить не словом или языком, но делом и истиною»

⁹ Бенуа А. Н. Мой дневник. 1916—1917—1918. М.: Русский путь, 2003. С. 127, 136.

са, данное обстоятельство, надо полагать, имело самые катастрофические последствия. Этому в немалой степени способствовали и специфические черты российского социального ландшафта. Общество в России оставалось по сути своей докapiталистическим. Общинность и традиционная коллективистская психология в условиях самодержавия причудливо совмещала в себе черты как солидарности, так и социальной автономии, взаимной выручки и крайнего индивидуализма в духе «моя хата с краю», иерархии в духе безусловного подчинения верхам и анархии. Оставшись без центральной власти, крестьянин практически сразу столкнулся с необходимостью переосмысления целого ряда фундаментальных вопросов — государства, собственности, религии, морали, нравственности, семьи — с учетом новой ситуации, и, вполне естественно, он в них просто запутался. К этому времени удачно подоспело и «новое идолотворение» — «революция», «социализм», «демократия», «интернационализм», «пролетариат»¹⁰.

Все это происходило в «атмосфере бесправия, в которой издревле привык жить народ». Складывающаяся историческая ситуация убеждала его в законности бесправия, в «зоологической естественности анархизма». «Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, ...о государстве без власти над человеком»¹¹. Можно согласиться с Бердяевым в том, что Россия вступила на путь политической свободы «в поздний час истории», отяжеленная западным опытом, но «легкая и свободная от собственного опыта и собственных связывающих традиций». Поэтому в ней стали возможными и даже неизбежными «смелые опыты социализации, совершенно внеклассовой, государственной, не похожей ни на какой доктринальный социализм»¹².

К политическому и социальному хаосу в силу генезиса вошедших в «новую мифологию» идей добавился и мифологический хаос. «В самый трудный и ответственный час нашей исто-

10 См.: *Бердяев Н. А.* Правда и ложь... М., 2006.

11 *Горький М.* О русском крестьянстве (Берлин, 1922) // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 228.

12 См.: *Бердяев Н. А.* Правда и ложь... М., 2006.

рии» российский народ действительно находился «в состоянии идейной анархии и распутицы, из-за чего в нашем духе совершается гнилостный процесс, связанный с *омертвлением* (курсив — А.Н.) мысли консервативной и революционной, идей левых и правых»¹³.

На этом фоне резкое противопоставление буржуазного и социалистического типа мышления, демократии и тоталитаризма можно считать опасным реликтом социалистической мифологии, поскольку социалистическая идея может рассматриваться лишь в качестве органичного развития идеи буржуазной. Никакого дуализма между ними в действительности нет, ведь тотальность, сопутствующая любой идее, можно рассматривать как один из вариантов развития демократии¹⁴. Похожей точки зрения придерживался и Бердяев, считавший, что «религия демократии» в том виде, как она была провозглашена Руссо и осуществлена Робеспьером, «не только не освобождает личность, но и не хочет знать ее автономного бытия». Такова, по его мнению, и буржуазная демократия «с ее формальным абсолютизмом принципа народовластия», и «социалистическая демократия Маркса»¹⁵. С этим нельзя не согласиться, и это придется учитывать в ходе дальнейших рассуждений.

По настоящему болевой точкой и главным раздражителем для всего населения России была война. Фактор участия в ней становился камнем преткновения для всех ее политических сил и крайне удобным, а главное — понятным для народных масс рубежом их политического размежевания. Война до победного конца, «революционное оборончество» и откровенное «пораженчество» — таковой была их позиция. Надо заметить, что более популярной в народной среде было именно «революционное оборончество», на почве которого строились хрупкие контакты между двумя центрами власти революционной России — Советом рабочих и солдатских депутатов и Временным правительством. Война до победного конца воспринималась населением как контрреволюция, а значит, фракция ее адеп-

¹³ Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. С. 90.

¹⁴ См.: Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве // Соловьев В. С. Сочинения в 2-х томах. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 5–16.

¹⁵ Бердяев Н. А. Судьба России ... С. 210.

тов под руководством Милюкова фактически не имела политического будущего — прежней России уже не бывать. «Пораженчество» большевиков, наоборот, задевало национальную гордость и патриотические чувства воюющих на фронтах Первой мировой войны. В такой ситуации легко предположить, что «оборончество» станет одной из важнейших тем, вокруг которой развернутся политические баталии в целях его тактической «приватизации» в необходимый момент одной из политических сил.

Радикальная программа, провозглашенная Лениным в «Апрельских тезисах», фактически подтверждала пророчество анархиста Бакунина, давая тем самым своеобразный карт-бланш сторонникам анархии, а значит, создавала и поддерживала хаос. Это, как мы увидим ниже, давало преимущество доводам большевиков. По сути, это был своеобразный «троллинг» всех, кто принимал деятельное участие в революции или был втянут в нее. Ведь «освобождение (мнимое) пролетариата посредством только одного государства» (по Марксу) путем «овладения» им, «укрепления и усиления его в таком виде, в конечном счете, приведет его «в полное распоряжение своих благодетелей, опекунов и учителей — начальников коммунистической партии». Они «сосредоточат бразды правления в сильной руке» — «недружественный народ требует весьма сильного попечения»; «создадут единый государственный банк, сосредотачивающий в своих руках все производство, а массу народа разделят на две армии: промышленную и земледельческую под непосредственной командой государственных инженеров, которые составят новое привилегированное сословие»¹⁶. Увлечь за собой революционные массы большевики с такими лозунгами были неспособны, зато с легкостью могли развязать «гражданскую войну» с другими политическими силами и их сторонниками.

Возникает вопрос, зачем это было сделано, ведь «широкое обобщение слагаемых сил революции в две равнодействующие — Временное правительство и Советы» — было реально «допустимым в первые месяцы революции»¹⁷. На Всероссийском со-

16 См.: Бакунин М. А. Государство и анархия // Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М.: «Правда», 1989. С. 485, 486.

17 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова. М.: «Вече», 2014. С. 4.

вещании Советов рабочих и солдатских депутатов предполагалось обсудить вопрос о слиянии большевиков, меньшевиков и внефракционных депутатов в одну партию. Предположим, что столь радикальный способ «размежевания» с бывшими политическими союзниками нес в себе более глубокий смысл — возобновить затихающую многостороннюю, междоусобную войну и тем самым снять с себя ответственность за нараставший в стране революционный хаос, к которому большевики сами активно и подталкивали. На этом фоне в лице большевистских лидеров они надеялись явить населению России «собирательный образ» нового человека, не причастного к прошлому и не желающего иметь ничего общего с любыми предшественниками-разрушителями.

Невольно возникает ассоциация с Достоевским: «мы провозгласим разрушение... мы пустим пожары... мы *пустим легенды* (курсив — А. Н.)... тут каждая шелудивая «кучка» пригодится», где отыщутся охотники пойти на всякий выстрел, да еще за честь благодарны останутся, начнется смута, раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал... затуманится Русь, заплачет земля по старым богам... ну-с, тут-та мы и пустим... Ивана-царевича»¹⁸. Все дело, по нашему мнению, заключено в образе «Ивана-царевича» — идеального сказочного героя, деятельного и отважного, спасающего «разрушающийся мир». Именно в таком качестве желает выглядеть большевистская партия. Разрушители «старого мира» нужны лишь до того момента, когда человеческие отношения неверия и агрессии можно будет «оформить» политически и пойти дальше.

Советы рабочих и солдатских депутатов, обладавшие властью, стояли за коалицию с временным правительством, в то время как большевики, исповедующие «пораженчество» и не пользующееся в силу этого народной поддержкой, оказывались в сложной ситуации: они фактически противопоставили себя не только буржуазному правительству, но и советской демократии в лице Советов. Следуя вышеприведенной логике, что выглядело вполне закономерным, и поддерживая лозунг «Вся власть Советам!», они начинают восприниматься

¹⁸ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15-ти томах. Ленинград: «Наука», 1990. Т. 7. С. 394.

как обычная «пятая колонна», выжидавшая того момента, когда «стихия сверхчеловеческая, заразив людей безумием разрушения, начнет издеваться над ними»¹⁹. Вполне естественно, что реакция со стороны Советов и Временного правительства последовала незамедлительно: власть стала смещаться вправо, а большевикам пришлось перейти на нелегальное положение.

После целого ряда политических ошибок, допущенных обоими центрами власти в духе русской либеральной демократии, проявившей в этот исторический период «удивительное отсутствие прозорливости и даже простого политического такта», все «ждали, все хотели изменения порядка государственного управления», не заблуждаясь при этом «относительно тех путей, которыми придет это изменение». Тем не менее они «оставались теплыми среди холодных и горячих — для того, очевидно, чтобы через два месяца приступить к лихорадочной организации «центров» и очагов восстания и сопротивления». Последовавшие за этим события фактически реабилитировали большевиков как сторонников революции. Именно угроза «контрреволюции», смертельно опасная для их планов, подготовила выступление под флагом обороны революционных завоеваний²⁰. «Революционное оборончество», наконец, попадало в нужные руки. Теперь, чтобы овладеть властью до конца, нужно было начать действовать, как власть, — так считал Троцкий. Кто должен взять власть — неважно, — считал Ленин. «...Ибо, в конце концов, она будет отдана только истинным представителям интересов народа, интересов армии, интересов крестьян, интересов голодных. ...Наша декларация должна быть самой краткой и резкой формулировкой в связи с программными проектами: мир народам, земля крестьянам, конфискация скандальных прибылей и обуздание скандальной порчи производства капиталистами»²¹.

19 См.: Горький М. Жизнь Клима Самгина. Часть 3 // Горький М. Собрание сочинений в 30-ти томах. М.: Издательство художественной литературы, 1952. Т. 21. С. 35.

20 См.: Деникин А. И. Указ. соч. С. 96.

21 Ленин В. И. Марксизм и восстание (Письмо Центральному Комитету РСДРП. 1917 г.) // Ленин В. И. ПСС. М., 1970. Т. 49. С. 465.

Навязывание подобного идейного «аскетизма», серьезно обедняющего мышление, заставляла человека определяться, однозначно идентифицируя себя, не умаляя при этом морально-нравственные жизненные устои, играющие в жизни русского не менее значимую роль, чем чисто материальные аспекты. Личность «упрощалась», лишаясь «прав на творческую полноту жизни», в то время как революционный зуд и агрессия становились основой всех межличностных, социальных и политических отношений.

Именно это и стало серьезным препятствием для созыва долгожданного Учредительного собрания — демократического органа власти, в котором взявшие в свои руки власть большевики неминуемо столкнулись бы с консолидированной атакой всех своих противников, перед лицом которых они вряд ли смогли удерживать власть. Кризис в связи с Учредительным собранием мог быть разрешен только революционным путем, путем наиболее энергичных, быстрых, твердых и решительных революционных мер со стороны Советской власти против кадетски-калединской контрреволюции, какими бы лозунгами и учреждениями, хотя бы и членством в Учредительном собрании, эта контрреволюция ни прикрывалась. «Всякая попытка связать руки Советской власти в этой борьбе была бы пособничеством контрреволюции», — так считал Ленин²².

Повторилась известная ситуация — прикрываясь лозунгом о спасении революции и потенциальными контрреволюционными выступлениями со стороны своих идейных противников, теперь уже под лозунгом «революционного оборончества», большевики толкали революцию дальше. «Революционное оборончество» разделилось на скрытое внутреннее, трансформируясь в «оборончество от революции», и публичное внешнее, где начинают слышаться нотки «войны до победного конца» с противниками коммунизма — внутренними и внешними. Революция, таким образом, перерастала из политического проекта в социально-политический процесс, который по своему смыслу является бесконечным. Разрушив авторитарные основы русского властвования и подорвав культурно-социальную специфику

²² Ленин В. И. Тезисы об Учредительном собрании // Ленин В. И. ПСС. М., 1974. Т. 35, С. 166.

русской жизни, что преподносилось революционерами как социальный прогресс, постреволюционная Россия фактически вернулась к рабству. Формула государственного капитализма и государства-коммуны, объединяющая предпосылки русской революции, рухнула, в результате чего партия большевиков как фокусирующая сила стала представлять опасность не только для себя самой, но и для страны и мира в целом. Самодержец или его антипод в лице «начальников коммунистической партии» как возобновляемый итог подобного революционного поворота неизбежно будет приводить к возникновению старых/новых предпосылок для дальнейших социальных потрясений²³.

Согласимся с тем, что «большевизм» присутствовал в революционном движении с самого начала «революции». Всё «развитие и углубление революции» шло по указке «большевиков», пусть и в неявной форме; вдохновлялось их духом, если это можно так назвать; воспринимало провозглашенные ими начала, не задумываясь при этом о возможных политических и социальных последствиях подобных шагов. Что касается их идейных, «теологических» предрассудков, то здесь хотелось бы остановиться на нескольких важных моментах.

Первый и, пожалуй, основной вопрос — о форме политической власти, выражающей интересы рабочего класса, о «диктатуре пролетариата», конфигурирующей всю систему социально-политических отношений и межличностных взаимоотношений. Политический лидер русской революции В. И. Ленин жестко ставил вопрос: «либо диктатура (т. е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса», середины, о которой «мечтают попусту барчата, интеллигентики, господчики, плохо учившиеся по плохим книжкам»²⁴, нет.

Более предметно высказывался не менее яркий революционный политический лидер Л. Д. Троцкий: поскольку «так называемая демократия в условиях крушения империализма и гражданской войны «не разрешает ни одного вопроса, не смягчает ни одного противоречия, не залечивает ни одной раны, не предотвращает восстаний ни справа, ни слева», то она «бессиль-

23 См.: *Гегфтер М.* Указ. соч. С. 27–35.

24 *Ленин В. И.* Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком // *Ленин В. И.* ПСС. М., 1970. Т. 39. С. 158.

на, ничтожна, лжива и служит только для того, чтобы сбивать с толку отсталые слои народа, особенно мелкую буржуазию». Поэтому он предлагал отбросить демократию и заменить ее рабочим механизмом пролетариата в тот момент, когда этот последний окажется достаточно сильным для выполнения такой задачи. Вполне закономерным развитием этой мысли выглядит следующий его тезис о необходимости насильственного смещения капиталистического общества *путем напряженной внутренней борьбы* (курсив — А.Н.), которая, возможно, причинит участникам борьбы больше лишений и страданий, чем те, против которых они восстали.

Заметим, что в этом вопросе политические установки Троцкого и Ленина совпадали, ведь и последний был, «конечно, не против насилия»²⁵. Отсюда проистекает и теоретическая потребность в оправдании революционного терроризма, хотя идеология «играет в социалистическом движении, по самому существу его, огромную роль», а психология, даже пролетарская, «заключает в себе страшную инерцию консерватизма». Если в таких условиях отказаться от терроризма — «мер подавления и устрашения по отношению к ожесточенной и вооруженной контрреволюции», — то «надлежит отказаться от политического господства рабочего класса, его революционной диктатуры, а значит, от социальной революции и социализма».

Признание исторического значения существования советской системы на деле означает санкционирование красного террора, который должен «сгущаться по мере ужесточения сопротивления поверженного классового врага». Интересна и весьма значительна, с нашей точки зрения, мысль Троцкого о том, что диктатура пролетариата окажется способной направленно «структурировать» будущее, ибо она «раскроет всю свою творческую силу и на деле покажет наиболее отсталым массам, что может им дать». Ведь путем планомерного проведения трудовой повинности и «централизованной организации распределения все население страны будет вовлечено в общую советскую систему хозяйства и самоуправления», при которой нынешние органы власти — Советы — постепенно растворятся

25 Ленин В. И. Успехи и трудности Советской власти // Ленин В. И. ПСС. М., 1969. Т. 38. С. 56.

в чисто хозяйственных организациях. На этом фоне уже вряд ли кому придет в голову воздвигать архаическое увенчание в виде Учредительного собрания — все нужное «учреждено» уже до него и без него²⁶.

Вторым вопросом, не менее важным, становится вопрос о государстве, которое возникло на месте рассыпавшейся Российской империи. Речь пойдет о советском государстве, его идеи и внутренней сути. Если «идея сама по себе есть бытие абстракции», материалистическая марксистская идея исключением не является; она, как «абсолютная идея» Гегеля, составляет конец только логики, а не всей системы. Социальное бытие — бесконечно конкретнее и живее, «абсолютнее» (если можно так выразиться), чем сама идея²⁷. Поскольку теоретической основой марксизма был материализм, опирающийся на свое «царство идей» и на свои мифологию и догматику, они неизбежно должны были проявиться. Объясняется это тем, что «равномерное отождествление идеи и материи сразу приводит и к более холодному толкованию материи, и к более абстрактному, формально общему пониманию идеи». «Общественный класс, который является носителем идеи, созерцателем идеи, специфическим проводником идеи в материальный мир», превращается в философов или «монахов», в интерпретации Платона. Это и есть правящий класс, в роли которого в государстве диктатуры пролетариата выступили «начальники коммунистической партии». Они воспринимаются как «носители просвещения», что весьма сходно с ролью апостолов, однако нужно понимать, что далеко не все философы «были просветителями», но, тем не менее, «все просветители были софистами»²⁸.

Развивая эту мысль, мы приходим к пониманию того, что если мерой всех вещей является человек, то все остальное, в том числе и справедливость, существует не по природе, а по установлению. «Если же взять государственные дела, то, что каж-

26 Троцкий Л. Д. Терроризм и коммунизм. [Электронный ресурс]: ЛитРес «Читай». ... Бесплатная электронная книга. URL: <https://www.litres.ru/lev-trotskyi/terrorism-i-kommunizm/chitat-onlayn/page-2/> (дата обращения: 13.02.2018).

27 См.: Лосев А. Ф. Социальная природа платонизма. Очерки античного символизма и мифологии, М.: Академический проект, 2013. С. 701, 730.

28 Там же. С. 717.

дый город сочтет для себя прекрасным или постыдным, справедливым или несправедливым, священным или нет и утвердит это как законное, то и будет для него таковым поистине, и здесь уж ни один человек не будет мудрее другого человека, ни город — города»²⁹.

В результате основой социально-политического мировоззрения большевиков становится чистая софистика в духе «принципиально этического релятивизма в политике», сочетающаяся с «положительным отношением к фактически действующей социальной системе». Устанавливается политический режим, готовый поступиться идейными принципами, если это потребуется для сохранения «равновесия» с реальностью и наоборот. Вред, наносимый его носителям и adeptам, очевиден: общество расслаивается и начинает жить в двух параллельных реальностях. Это не что иное как «политическое язычество», при котором тоталитаризм в социально-политической сфере органично замыкает «гипертрофию земного субъекта», а «исходя из безграничной свободы — безграничное насилие»³⁰.

Рассматривая и сопоставляя между собой идеи, положенные в основу государства диктатуры пролетариата, возникает устойчивая ассоциация с философским принципом Платона, согласно которому «личное растворяется в общем до полной потери своей самостоятельности». Стремление к единству, общему, к такой социальной жизни, которая бы во всех своих моментах оказывалась чем-то нерушимо единым, идейно согласным — именно такими были доктринальные установки большевиков. Они просто не могли быть другими. В противном случае социальная жизнь начинала управляться каждым человеком в духе «желающих машин» Делеза вкупе со специфической этической моральной политической рациональностью в духе Ницше и бессознательным Фрейда, что при определенных условиях может привести к анархии³¹. Решительно принося все личное

29 Платон Т. Собрание сочинений в 4-х томах. М.: Мысль, 1990—1994. Т. 2. С. 172.

30 Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 722.

31 См.: Делез Ж. *Гваттари Ф.* Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: «У-Фактория», 2010. С. 8—10; Ницше Ф. Так говорил Заратустра. К Генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Посмертные афоризмы. Минск: «Харвест», 2009. С. 302—305.

и человеческое в жертву общему, в роли которого выступает государство, и ставя перед собой цель «насаждение справедливости», большевики фактически «копируют» известное государство Платона.

Если это так, то в таком государстве не должно быть частной собственности, ибо от этого «город только гибнет». Заметим, что социализм, а тем более коммунизм требуют того же. В «платоновском» государстве власть будет заботиться не о том, как бы «сделать счастливым в городе особенно один какой-нибудь род», а постарается «устроить счастье целого города, приводя граждан в согласие убеждением и необходимостью» в том, «что они будут вообще приносить друг другу пользу, какую кто может...», — делает заключение Лосев. Согласимся с ученым в части, что все должно быть «слито в неразрушимое тождество и единство, причем торжествует земная плоть, т. е. торжествует общее, поглощающее в себе всякую особность и личность».

Поскольку действительно нельзя превратить «всю социологию в монастырский устав и в правило для затворников», материальное воплощение идеи берет на себя человек, который мыслится «бодрым защитником идеи, мужественным ее осуществителем, исполнительной властью идеи, внешней ее физической силой». Выступая в таком качестве, он начинает устраивать «идеи в инобытии» или самому себе, или «кому-нибудь еще». В результате социум дробится на сословные касты — на платоновских «философов—монахов», которые управляют государством; на «солдат—полицию», которые «усмиряют и тушат народные волнения и страсти», поддерживая «весь внешний порядок государства в нетронutom виде» и защищая государство от «иноземных врагов»; на «рабочих и крестьян», или «ремесленников и земледельцев», которые являются восприемниками идей, преподаваемых через монахов и устанавливаемых через полицию.

Явно видно, что по своей социально-политической модели социалистическое государство является достаточно точной калькой с государства Платона. Именно она отсылает нас к так называемой «компетенции» для структурирования и воспроизводства чисто российской системы социально-политических отношений, всегда тяготевшей к самодержавной власти и оправданию террора и в куда меньшей степени к демократии. Надо

понимать, что любая калька, согласно Делезу, в действительности «воспроизводит карту» с «помощью искусственных средств, с помощью окрашивания или других принудительных процедур», имитируя и создавая «свою модель». Именно в рамках этой модели определенным образом, следуя «своим собственным осям означивания и субъективации», «организуются, стабилизируются и нейтрализуются множества»³², а это чрезвычайно опасно.

Хотя в своих рассуждениях об идеальном государстве Платон ничего не говорит о рабстве и самодержавии, социалистической реальностью полностью подтверждается именно это³³. В результате социалистическое государство являет собой замечательную по своей сути метаморфозу: в нем происходит реинкарнация состояния «рабства», «крепостного права» или, более обтекаемо, «несвободы» в разных ее проявлениях, а также «самодержавного состояния власти», структурирующего советское социальное и политическое пространство, уничтожая свободы, поражая в правах граждан и культивируя неравенство³⁴. Это действительно «заколдованный круг» и «ненавистный факт», который до сих пор «парализует волю всех нас» и «пятнает все наши добродетели»³⁵. Напрашивается интересный вывод: если «материализм диалектически связан с отвлеченной диктатурой общей формальной идеи над живой личностью», то подобное будет всегда происходить там, где человеческая личность «понимается как земное и материальное тело»³⁶. Глядя на наш мир в контексте социально-политической эволюции идей, с этим трудно не согласиться.

Таким образом, можно смело говорить о том, что в ходе революции произошла одна из удивительных метаморфоз. С од-

32 См.: Делез Ж. *Гваттари Ф.* Указ. соч. С. 22, 23.

33 См.: Лосев А. Ф. Социальная природа платонизма... С. 741–745.

34 Речь идет о специфическом нарушении принципа равенства, лежащего в основе гражданства как практики. Это делает невозможным объединение индивидов в единый политический класс в рамках данного общества. См.: Капустин Б. Г. *Гражданство и гражданское общество.* М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2011. С. 75–77.

35 Чаадаев П. Я. *Сочинения. Философские письма. Письмо второе.* М.: Издательство «Правда», 1989. С. 40.

36 См.: Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 732–734.

ной стороны, мифологическим идеализмом в духе «свободы, равенства и братства» всегда руководствовалась либеральная мысль, создавая на этой основе свои «воздушные» демократические конституционные конструкции. С другой стороны, ей противопоставлялась языческая социалистическая мифология в духе «диктатуры пролетариата». В результате *в ходе революционных трансформаций и те, и другие закономерно пришли к одной социально-политической модели социума, явив миру истинную суть социал-демократической идеологии — «несвободу».*

Что в таком случае можно полагать истинной целью революции — «политическое честолюбие» и мошенничество или же реальный социализм? «Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха», — далеко не случайно заявляет «полупомешанный энтузиаст» и революционер Верховенский, персонаж Достоевского, подлинного знатока русской души и действительности³⁷. Отсюда можно сделать вывод: любые отвлеченные безличные идеи, правильные и справедливые на первый взгляд, абсорбируемые и выводимые человеком в реальное политическое поле посредством власти, попадая в конкретную материальную социокультурную среду — народ, — легко искажаются вплоть до антиподов. Можно согласиться с Троцким в том, что «человеческая техника», является самым революционным фактором истории, которая просто «не занимается кантианско-поповской, вегетариански-квакерской болтовней о «святости человеческой жизни»³⁸.

В развитие этого, третьим важным моментом закономерного становится сам человек, для которого вообще-то революция и затевалась. Если вернуться к гипотезе, предполагающей вероятную стратегию и тактику большевиков в период между буржуазной и социалистической революцией — явить населению России «собирательный образ» нового человека, не причастного к прошлому, — то небезынтересно внимательно приглядеться к его «перспективному» образу. В этом плане нас интересуют метаморфозы, которые могут происходить с человеческой моралью по ходу революционных преобразований, возможные лики «справедливости» и то, «чем и от чего» становится «освобождение» человека. Сопоставив это с утверж-

³⁷ Достоевский Ф. М. Бесы... С. 394.

³⁸ См.: Троцкий Л. Д. Указ. соч.

дением, что «революция происходит из человеческой коллизии: давления неустранимой заданности», то, раздвигая минимальный зазор, «мы заходим все дальше, хотим оставить себя вовсе не заданным»³⁹.

С одной стороны, необходимо обратиться к марксовской идее эволюционного исторического возвращения человека «к самому себе, или как к человеку общественному, т. е. человеческому». При этом коммунизм, по версии Маркса, предстает «завершенным натурализмом», равным «гуманизму», который в «завершенном виде», в свою очередь, равен «натурализму». Он и является, по его мнению, подлинным «разрешением противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, разрешением спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом»⁴⁰.

С другой стороны, со «смертью Бога» открывается прямой путь к ницшеанскому дионисийскому «сверхчеловеку»⁴¹. То есть «натурализм» может быть разным. Заметим, что сама по себе эта мысль не нова. Идеологи коммунизма, по версии Бердяева, действительно «хотели освобождения личности, объявив восстание против всех верований, всех норм, всех отвлеченных идей во имя этой эмансипации. Во имя освобождения личности они низвергали религию, философию, искусство, мораль, отрица-ли дух и духовную жизнь»⁴².

До каких же моральных пределов в ходе революции «раздвигаются» человеческие границы? В каком образе он предстанет и какую роль в этом случае «играют» большевики и его партийные «начальники»? Они «рыцари-аристократы» с их «войной, авантюрой, охотой, танцами, турнирами» и вообще всем тем, что «содержит в себе сильную, свободную, радостную активность», или все же «жрецы-знать» с их вырастающей «до чудовищных и жутких размеров, до самых духовных и самых ядо-

39 *Гегтер М.* Указ соч. С. 25.

40 *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 г. и другие ранние философские работы. М.: «Академический проект», 2010. С. 344.

41 См.: *Ницше Ф.* К генеалогии морали... С. 315; *Маркс К.* Экономико-философские рукописи... С. 344.

42 *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: «Наука», 1990. С. 46, 47.

витых форм» ненавистью, которая произрастает из их бессилия? Очевидно, что от ответа на этот ключевой, с нашей точки зрения, вопрос зависит вся система межличностных отношений, а через нее — социальных и политических, ведь выступая в качестве платоновских «философов», именно они устраивают «идеи в инобытии» как самому себе, так и «кому-нибудь еще». Заметим, что пребывание как в первом, так и во втором «образе», представляет собой реальную опасность для межличностных отношений. Ибо присущие им «крайности оценок» легко могут «принять опасно углубленный и обостренный характер» — разверзнутся «пропасти между человеком и человеком, через которые даже Ахилл свободомыслия перепрыгнет не без дрожи ужаса»⁴³.

В советское время культивировался образ большевиков — боевого, испытанного авангарда советского народа, «рыцарей революции». Достаточно вспомнить, например, Ф. Э. Дзержинского — верного рыцаря революции, который вошел в советскую историю как выдающийся государственный и политический деятель, боровшийся против «звериной сущности царизма», «звериного оскала империализма», «звериной белогвардейщины» и далее в том же духе, за освобождение трудового народа, но, правда, со «звериной жестокостью». Нельзя отрицать и того факта, что в период интервенции и гражданской войны «передовые пролетарии и наиболее сознательные крестьяне, которые при... всяком массовом политическом действии стоят на первом месте». Они «направляют общественное мнение трудящихся, борются и умирают в качестве командиров, комиссаров или рядовых бойцов Красной Армии, демонстрируя высокую дисциплинированность и боевой героизм, который может послужить примером для других»⁴⁴. Невольно вспоминается гайдаровский Мальчиш-Кибальчиш с его «твердым словом», или известные строчки Э. Багрицкого: «нас водила молодость в сабельный поход, нас бросала молодость на кронштадтский лед...

43 Ницше Ф. К генеалогии морали... С. 305, 306.

44 Троцкий Л. Д. Терроризм и коммунизм. [Электронный ресурс]: ЛитРес «Читай». ... Бесплатная электронная книга. С. 24, 25. URL: <https://www.litres.ru/lev-trotsky/terrorizm-i-kommunizm/chitat-onlayn/page-2/> (дата обращения: 13.02.2018).

но в крови горячечной подымались мы, но глаза незрячие открывали мы»⁴⁵.

Предположим, что в боевые периоды «революционного оборончества» происходило своеобразное «самоутверждение» перед лицом достойных «врагов». Ведь только благородный человек, подобно рыцарю, «будучи цельным, преисполненным силы и «неотвратно активным», не отделяющий деятельность от счастья, ибо «деятельное существование необходимым образом включается у них в счастье», действительно чувствовал себя «счастливым». Ему «не приходится искусственно конструировать свое счастье»: «стряхивая с себя врагов», он, «если это вообще возможно на земле», испытывает настоящую «любовь к врагам своим»⁴⁶. Благородный человек «требует» «своего врага», в котором «нечего презирать и есть много, что уважать» в качестве «собственного знака отличия»⁴⁷. В этом, заметим, есть что-то истинно христианское.

Иной образ «боевого авангарда» проявляется в тот период, когда одержана очередная победа над врагом, а значит, ослабевает военное давление и начинается переход к «новой жизни». Происходит, на наш взгляд, удивительная метаморфоза — на месте «рыцаря революции» возникает образ «аскетического священника», у которого оказывается вывернутым наизнанку «аристократическое уравнение ценности»: «хороший = знатный = могущественный = прекрасный = счастливый = боговозлюбленный». Он вцепляется «в это зубами бездонной ненависти — ненависти бессилия», ибо для него вполне естественно: только «одни отверженные являются хорошими; только бедные, бессильные, незнатные являются хорошими; только страждущие, терпящие лишения, больные, уродливые суть единственно благочестивые, единственно набожные, им только и принадлежит блаженство». Все «знатные и могущественные — на веки вечные злые, жестокие, похотливые, ненасытные, безбожные, и до скончания времен будут злосчастливыми, проклятыми и осужден-

45 Багрицкий Э. Г. Смерть пионерки. 1932. [Электронный ресурс]: Русская поэзия. URL: <https://rupoem.ru/bagrickij/valya-valentina-chto.aspx> (дата обращения: 29.01.2018).

46 Ницше Ф. Указ. соч. С. 309—311.

47 Мф. 5: 43—48.

ными!» Согласимся с Ницше в том, что раз «победил народ — «рабы», или «плебеи», или «стадо», а «господа» упразднены — значит, «победила мораль простолюдина». В таком случае «спасение» рода человеческого от господ находится на верном пути — «все заметно обииудеивается, охристианивается, оплебеивается», темп жизни замедляется и появляется «тонкость, невнятность, осмотрительность»⁴⁸.

Согласно утверждению Ницше, «всякая преимущественная мораль произрастает из торжествующего самоутверждения» — идентификации человека в том или ином качестве. Если это так, то рыцари-аристократы будут искать для этого «свою противоположность», в то время как «жрецы» будут говорить — нет «внешнему», «иному», «несобственному». Возможный поворот «оценивающего взгляда» — к себе или вовне — является определяющим для моральных установок личности. С одной стороны, это свобода от всякого социального принуждения, жизнь и страсть — «мы преимущественные, мы добрые, мы прекрасные, мы счастливые», обладающие «свободным взглядом» и «спокойной совестью», а с другой — «окультуренные» социумом, посредственные и тщедушные «униженные и оскорбленные» с «нечистой совестью», реагирующие лишь «на внешние раздражители»⁴⁹.

Социалистическое «платоновское» государство ставило своей задачей «сделать человека до известной степени необходимым, однообразным, равным среди равных, регулярным и, следовательно, исчислимым», т. е. «несвободным», лишенным власти над собой, а значит, и ответственности⁵⁰. Начиналось это с «диктатуры пролетариата» — «страшной тирании, некоего раздавливающего и беспощадного машинного устройства», до тех пор пока, наконец, народ не оказался «не только размятым и тягучим, но и сформованным». Обладая «военной организованностью и организаторской способностью», большевики без малейших колебаний налагали «свои страшные лапы» на превосходящее их по численности, но еще бесформенное население.

48 Ницше Ф. Указ. соч. С. 306—307.

49 Там же.

50 Там же. С. 328, 329.

Казалось бы, речь идет о положительной «активной силе», которая «строит государство» и которой обладают ее носители — «художники насилия и организаторы» со свойственным им «инстинктом свободы» или «волей к власти». Тем не менее надо понимать, что объектом воздействия этой положительной «насильственной и формообразующей» силы является «сам человек, вся полнота его животной давнишней самости», именно «этот, а не другой человек, другие люди». Поскольку активная сила всегда «безрассудна, бесцеремонна, безоговорочна», ее дело — «инстинктивное созидание форм, штамповка форм», но именно в этом она и непредумышленна, и подневольна. Ее носители никому не подотчетны — везде, где они появляются, возникает новое «творение власти», «функции которого разграничены и соотнесены» и в котором «вообще нет места тому, что не было бы предварительно «всмыслено» в структуру целого».

Таким «прирожденным организаторам» просто неведомо, что «есть вина, что ответственность, что оглядка», поскольку «их превозмогает тот ужасный эгоизм художника, который видится бронзой и наперед чувствует себя бессрочно оправданным в своем “творении”, как мать в своем ребенке». Хотя и «не в них «произросла» «нечистая совесть», она не смогла бы вырасти без их участия, поскольку «под тяжестью их молота, их артистического насилия из мира», или «поля зрения», исчез и стал «латентным некий чудовищный квантум свободы». Ведь именно «насильственно подавленный инстинкт свободы», этот «вытесненный, выставленный, изнутри запертый и, в конце концов, лишь в самом себе разряжающийся и изливающийся инстинкт свободы» и является «нечистой совестью»⁵¹.

Сопоставляя все вышеизложенное с революционными событиями и их закономерным итогом, трудно не заметить их поразительное сходство. Можно говорить о том, что политические лидеры революции, к сожалению, «не заметили радикального противоречия, лежавшего в основании всех их стремлений» — между освобождением личности и ее подавлением, навязанным аскетизмом и бедностью в мышлении». Не учли они и специфическую российскую социально-политическую почву, на которой происходит «совмещение и сочетание антиномичес-

⁵¹ Ницше Ф. Указ соч. С. 356–361.

ких, полярно противоположных начал» и «русского нигилизма» с его постоянным «уходом из мира, лежащего во зле»⁵². В результате практически любой человек, находящийся на вершине политической власти или максимально далекий от нее, попав в жернова революции с ее логикой, становится предсказуемым, поскольку с каждым днем он «становится все менее значительным перед силою» возбужденной им стихии. И многие не понимают, что «не они руководят событиями, а события влекут их за собою»⁵³.

Озвученная большевистскими лидерами этическая «окраска» — «оздоровить людские взаимоотношения» и на их основе «обосновать новый политический порядок» — может восприниматься как ширма, скрывающая истинные намерения творцов революции, избравших для реализации своих планов линию «наименьшего сопротивления для естественных и элементарных инстинктов всякой темной, непросветленной человеческой природы»⁵⁴. Существует мнение, что возглавил революцию «аморальный властолюбец, сделавший науку и государственность орудием всеобщего ограбления и порабощения, жестокий и безбожный, величайший лжец и пошляк мировой истории, научившийся у европейцев клясться именем «пролетариата» и оправдывать своими целями самые гнусные средства»⁵⁵.

Не случайно, отвечая на риторический вопрос: «что, как вам кажется, главным образом, привело к Октябрьской революции», 50% респондентов выбрали ответ «тяжелое положение трудящихся». Данное обстоятельство означает, что «справедливость» и «равенство» как цель революции, действительно, подтверждается. Если «опустить ответ» о «слабости правительственной власти», не имеющий никакого отношения к целеполаганию, хотя на это указали 45% респондентов, то остальные три ее мотива — «заговор врагов русского народа» (20%), «экстремизм

52 Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма... С. 37, 38.

53 См.: Горький М. Жизнь Клима Самгина. // Горький М. Собрание сочинений в 30-ти томах. М.: Издательство художественной литературы, 1952. Т. 21. Часть 3. С. 35.

54 Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма... С. 38.

55 Ильин И. А. О грядущей России: избранные статьи. М.: Воениздат, 1993. С. 108.

политических авантюристов» (19%) и «стихийная агрессия толпы» (15%), — на которые указали в сумме 54% опрошенных, говорят несколько о другом⁵⁶. Политический авантюризм, аморальность революционных вождей и непредсказуемость толпы свидетельствует далеко не в пользу честных, правдивых, милосердных людей, которые, по логике, должны были возглавлять и участвовать в столь богоугодном деле — помочь всем двигаться к свободе, равенству и братству, восстанавливая, таким образом, утраченную обществом «справедливость».

Это позволяет предположить, что главной целью революции все же являлся «новый человек» со своей справедливостью — «новое небо и новая земля, которые Я сотворю, всегда будут пред лицом Моим»⁵⁷. Русская революция предстала одновременно и гимном новому человеку, и реквием по нему. Последний пока звучит все же убедительней.

56 Октябрьская революция. Опрос Левада-Центра. [Электронный ресурс]: Левада-Центр. Пресс-выпуск от 5 апреля 2017 г. URL.: <https://www.levada.ru> (дата обращения: 13.02.2018).

57 Ис. 66:22.

Глава 5. Октябрь 1917-го: триумф и трагедия

Говоря о Русской революции 1917 г., необходимо оценивать ее в международном контексте, в тесной связи с той реальной ситуацией, которую переживали тогда Европа и весь мир. Эта ситуация характеризовалась острейшим кризисом системы международных отношений, вылившимся в Первую мировую войну, не случайно названную современниками империалистической, самую кровавую на тот момент войну в мировой истории.

К концу войны ее участниками были уже 33 государства с населением в 1,5 млрд человек — 87% населения планеты. На военную службу было призвано в общей сложности 73,5 млн человек. Война сопровождалась беспрецедентными человеческими и материальными потерями. Было убито или умерло от ран около 10 млн человек. Еще 10 млн умерло от эпидемий и голода. Свыше 20 млн — ранено и искалечено. Все это стало огромным потрясением для современников, в том числе, конечно, и в России, где людские потери достигли 3 млн человек убитыми.

На первых порах шовинистические настроения в обоих воюющих лагерях увлекли значительную часть населения, но в дальнейшем тяготы войны привели к подъему революционных настроений в различных странах Европы. В радикальных кругах социалистов-интернационалистов укреплялась вера в неизбежность мировой революции, которая покончит с системой, породившей эту войну.

Революцию 1917 г., включая и события в октябре, невозможно понять вне связи с Первой мировой войной. Предпосылки революции назревали давно, они коренились во внутренних условиях, но именно война стала катализатором нового революционного подъема в России. Так оценивал его, находясь в эмиграции, и Ленин, одновременно связывая революционный подъем в России с перспективой будущей европейской и мировой революции. Однако он не ожидал близкой развязки, сказав незадолго до событий в Петрограде: «Мы, старики, может быть,

не доживем до решающих битв этой грядущей революции»¹. Однако тяготы войны ускорили развитие событий.

* * *

Падение самодержавия ускорило распространение по стране взрывного, массового стихийного движения против старых порядков. В революционный процесс втягивались разные социальные и политические силы, с разными интересами.

Перед большевиками как революционной рабочей партией, видевшей свою задачу в борьбе за социализм, вставал непростой вопрос: что делать в условиях, когда в стране нет ни того уровня развития производительных сил, ни той зрелости общественных отношений, культурных предпосылок, которые позволяли бы рассчитывать непосредственно на переход к социализму (как его понимали тогда ортодоксальные марксисты)?

Могла ли революционная партия, связывавшая борьбу за социализм с завоеванием власти пролетариатом, уклониться от ответственности в момент, когда перед ней открылась реальная возможность «взять власть»? Логику рассуждений Ленина о задачах и тактике большевиков в условиях начавшейся революции можно суммировать в следующих основных положениях:

1. «Объективные предпосылки социалистической революции, несомненно, бывшие уже налицо перед войной в наиболее развитых странах, назревали дальше и продолжают назревать вследствие войны с громадной быстротой»². Мировая обстановка ставит международное рабочее движение «непосредственно перед социалистической революцией»³. «Рабочие-интернационалисты всего мира стоят за свержение *всех* капиталистических правительств..., за всеобщий мир, заключенный революционными рабочими всех стран»⁴.

1 Ленин В. И. Доклад о революции 1905 г. 9 (22) января 1917 г. // Ленин В. И. ПСС. М., 1973. Т. 30. С. 328.

2 Ленин В. И. Речь в защиту резолюции о текущем моменте. 29 апреля (12 мая) 1917 г. // Ленин В. И. ПСС. М., 1969. Т. 31. С. 443.

3 Там же. С. 341.

4 Там же. С. 321.

2. Российское рабочее движение «составляет лишь часть всемирного революционного пролетарского движения»⁵. Появление Советов как формы самоорганизации масс и новой формы власти при крайней слабости Временного правительства — это уникальный шанс завоевать власть. Интересы народа и «международные обязанности рабочего класса России»⁶ требуют сделать все, чтобы использовать этот шанс. Развернуть борьбу за власть в своей стране, дать тем самым сигнал революционным силам в других воюющих странах — это и есть интернационализм на деле.

3. Только переход государственной власти к пролетариату может обеспечить прекращение войны. Левые социалисты других стран слабы, а в России создались благоприятные условия для пролетарской революции. Поэтому «мы должны взять инициативу»⁷. «На долю российского пролетариата выпала великая честь начать»⁸ и тем самым помочь успеху революции в других воюющих странах.

4. Россия — одна из самых отсталых стран в Европе, крестьянское население преобладает, пролетариат сравнительно малочислен, неразвит, плохо организован. Но проявляет мощную революционную энергию. И, победив, положив начало всемирному «прорыву фронта» капитала, может рассчитывать на международную поддержку победоносной революции на Западе.

* * *

За три десятилетия до событий 1917 г. Ф. Энгельс, говоря об «ужасной возможности» мировой войны, писал: «...Это будет война с переменным успехом на французской границе, наступательная война со взятием польских крепостей на русской границе и революция в Петербурге, которая сразу заставит господ воюющих увидеть всё в совершенно ином свете»⁹.

То, что война может привести в России к новой революции, причем революции социальной, предсказывал еще в мар-

⁵ Там же. С. 341.

⁶ Там же. С. 53.

⁷ Там же. С. 249.

⁸ Там же. С. 341.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1958. Т. 37. С. 24.

те 1914 г. в своей докладной записке Николаю II бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново: «Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма...». В России, отмечал Дурново, всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое»¹⁰.

И это произошло. Революция «случилась», революционный процесс стал распространяться вширь и вглубь (забастовки, рабочий контроль на предприятиях, захваты помещичьих земель, смещение местных властей, разложение армии). Временное правительство, продолжая настаивать на продолжении участия в войне «до победы», все больше теряло контроль над ситуацией. Страна погружалась в хаос и анархию.

Впереди маячила экономическая катастрофа. Падало производство, обострялся продовольственный кризис. Запредельных масштабов достигла преступность как результат амнистирования уголовников, выпущенных правительством Керенского на свободу. Но не только поэтому. Анархические инстинкты захватывали и массы. Множились случаи уличного насилия, самосудов¹¹.

К осени 1917 г. стало ясно, что демократического выхода из этой ситуации нет, что речь может идти только о диктатуре. Такую попытку предпринял генерал Корнилов (тогда главнокомандующий российской армии), двинувший на Петроград верные ему войска. Свою «программу действий» в разговоре с начальником своего штаба генералом А. Лукомским (24 августа) он изложил так: «Я убежден, что слизняки, сидящие в составе Временного правительства, будут сметены... Пора с этим покончить. Пора немецких ставленников и шпионов, во главе с Лениным, повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать. Да разогнать так, чтоб он никогда не собрался». И еще: «Руководство этой операцией я хочу поручить генералу Крымову. Я убежден, что он не задумается, в случае, если это

¹⁰ Цит. по: Горбачевские чтения. Вып. 6. М.: Горбачев-Фонд, 2008. С. 9–10.

¹¹ См.: *Горький М.* Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М.: «Советский писатель», 1990. С. 102.

понадобится, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов»¹².

Мятеж провалился, но ситуация обострилась до предела. В своих воспоминаниях лидер кадетов Павел Милюков свою оценку ситуации накануне октябрьских событий сформулировал однозначно: «Корнилов или Ленин?»¹³. Либо диктатура военщины, либо диктатура большевиков. Когда после корниловского мятежа большевики получили в Советах абсолютное большинство в Петрограде, Москве, Казани, Киеве и ряде других городов и промышленных центров, а затем и на II Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов, Ленин сделал вывод: большевики вправе и обязаны перед народом перейти к решительным действиям.

Как потом писал в своих воспоминаниях Деникин, «Власть выпала из слабых рук Временного правительства, во всей стране не оказалось, кроме большевиков, ни одной действенной организации, которая могла бы предъявить свои права на тяжкое наследие во всеоружии реальной силы»¹⁴. Только большевики могли и на деле доказали, что способны решать вопросы, которые больше всего волновали людей — о мире и о земле.

* * *

Ленин был уверен, что, беря на себя ответственность за власть в стране, большевики могут рассчитывать на поддержку и помощь со стороны западноевропейского пролетариата. Выступая 25 октября на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов с докладом о задачах власти Советов, он говорил: «В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии»¹⁵. В предложенной им и принятой резолюции говорилось: «Совет убежден, что пролетариат западноевропейс-

12 Цит. по: Совершенно секретно. 2017. Август. № 08/397. С. 42.

13 Милюков П. Н. История второй русской революции. Вып. 2. Корнилов или Ленин? София: , 1921. Т. 1. 290 с.

14 Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Кн. 2. М.: Айрис-Пресс, 2015. Т. 2. С. 130.

15 Ленин В. И. Доклад о задачах власти Советов на заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 г. // Ленин В. И. ПСС. М., 1974. Т. 35. С. 2.

ких стран поможет нам довести дело социализма до полной и прочной победы»¹⁶.

Выступая на следующий день, 26 октября, на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов с докладом о мире, Ленин от имени нового правительства обратился, в частности, к сознательным рабочим Англии, Франции, Германии, выразив надежду и уверенность в том, что они своей деятельностью «помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации»¹⁷.

Спустя несколько дней после создания нового правительства во главе с Лениным, в руководстве партии возникли разногласия. Группа членов ЦК выступила за переговоры и соглашение с меньшевиками и эсерами, утверждая, что большевикам одним власть не удержать. Отвечая им, Ленин на заседании Петербургского комитета РСДРП(б) 1(14) ноября, заявил: «Они говорят, что мы одни не удержим власти и пр. Но мы не одни. Перед нами целая Европа»¹⁸. А когда оппозиционеры заявили о выходе из ЦК и из Совнаркома, вновь повторил: «Мы верим в революцию на Западе»¹⁹.

В течение всего 1918 г. Ленина не покидает ожидание революций в Западной Европе. В речи на проводах первых эшелонов «социалистической армии» 1(14) января он говорил: «Уже просыпаются народы, уже слышат горячий призыв нашей революции, и мы скоро не будем одиноки, в нашу армию вольются пролетарские силы других стран»²⁰. С оптимизмом оценивал перспективы в речи на III Всероссийском съезде Советов: «Мы теперь ясно видим, как далеко пойдет развитие революции; русский начал — немец, француз, англичанин доделает, и социализм победит»²¹.

¹⁶ Там же. С. 5.

¹⁷ Ленин В. И. Доклад о мире. 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Ленин В. И. ПСС. М., 1974. Т. 35. С. 16.

¹⁸ Цит. по: Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификации. М.: «Наука», 1990. С. 120.

¹⁹ Ленин В. И. Речь и резолюция по поводу заявления группы народных комиссаров об уходе из Совнаркома // Ленин В. И. ПСС. М., 1974. Т. 35. С. 60.

²⁰ Там же. С. 216.

²¹ Там же. С. 279.

Выступая на Всероссийском железнодорожном съезде 13 (26) января вновь подчеркивал: «Если русскому народу удалось первому поднять факел социалистической революции, то он знает, что он не одинок в этой борьбе...»²². И объяснял задержку революции на Западе: там «буржуазия более сильна, и умнее... Там рабочие обладают некоторым благосостоянием и поэтому там труднее пробить старые социалистические партии, которые держались десятилетия, вошли во власть, приобрели авторитет в глазах народа. Но нет сомнений, что в ближайшем будущем, может быть отдаленном... социалистическая революция станет на очередь дня»²³.

Особые надежды большевики возлагали на революцию в Германии, где события в России привлекли огромный интерес, а среди левых социалистов — желание «сделать как русские»²⁴. Но революция в Германии еще «не созрела» и международное положение новой власти в России оставалось критическим. На предложение мирных переговоров германское правительство ответило грабительскими аннексионистскими условиями и затем развернуло наступление на фронте. Ситуация не позволяла связывать вопрос о мирном договоре с ожиданием революции в Германии. Пришлось согласиться на «несчастный мир» в Брест-Литовске.

Объясняя позицию правительства, Ленин говорил в докладе на IV Всероссийском съезде Советов: «Нам приходится решать сегодня вопрос, который знаменует поворотный пункт в развитии русской и не только русской, а и международной революции...»²⁵. Надо «выждать время, когда изменятся международные условия вообще, пока подоспеют к нам те силы европейского пролетариата, которые имеются, которые зреют, которые не могли так легко, как мы, справиться со своим врагом...»²⁶. В плане доклада Ленин выразил эту мысль лаконично: «Выждать, отступить для выжидания. Чего? Кого?

²² Там же. С. 301.

²³ Там же. С. 303.

²⁴ См.: Германия и русская революция 1917—1924 / Изд. Г. Кенена и Л. Копелева / Пер. с нем. Я. Драбкина. М.: Памятники истор. мысли, 2004. Т. 5. 390 с.

²⁵ Ленин В. И. ПСС. М., 1969. Т. 36. С. 92.

²⁶ Там же. С. 97.

Международной революции»²⁷. И тогда же: «Отступаем, выжидая *иного* союзника: международный социалистический пролетариат»²⁸.

На исходе войны произошли восстания в Германии — в Киле, в Берлине, в Вене. По примеру России там, как и в некоторых других странах, возникали Советы рабочих и солдатских депутатов. В Европе чувствовалось «дыхание нарастающей пролетарской революции — и в Австрии, и в Италии, и в Германии, и во Франции, даже в Англии...»²⁹. В плане выступления по случаю первой годовщины Октябрьской революции Ленин пометил в качестве главной особенности момента: «От одиночества к международному союзу начавшейся революции»³⁰.

Насколько оправданы были эти надежды? Они не были, конечно, беспочвенными. Но никакой прогноз не мог быть в тех условиях точным. С вековой дистанции, которая отделяет нас от событий того времени, нетрудно усмотреть в позиции Ленина переоценку революционного потенциала рабочего движения на Западе, а также степени зрелости капитализма для социалистической революции, недооценку его способности к развитию. Преувеличением было и представление о том, что капитализм достиг той высшей стадии, когда его крах стал абсолютно неизбежным. (Подобно этому переоценивали в свое время зрелость капитализма Маркс и Энгельс, что последний и признал в конце жизни).

Теперь эти оценки представляются завышенными, упрощенными. На них лежит печать своего времени, особой психологической атмосферы, создаваемой революцией; печать естественной реакции на бесчеловечность и бессмысленность кровопролитной войны и желания возможно быстрее и самым радикальным способом покончить с общественной системой, которая ее породила. Этот момент субъективности убедительно объяснил Антонио Грамши: абсурдно думать о чисто «объективном» предвидении. У того, кто выступает с определенной

27 Там же. С. 539.

28 Там же. С. 541.

29 Ленин В. И. ПСС. М., 1969. Т. 37. С. 101.

30 Там же. С. 534.

«программой», победы которой он желает, предвидение становится элементом такой победы³¹.

* * *

Действительное положение вещей было гораздо более сложным, чем оно могло видаться современнику через призму ожиданий революционной развязки. К тому времени ведущие страны Запада стояли на более высокой ступени общественного и экономического развития. Англия, Германия, Франция, США намного дальше продвинулись по пути индустриализации, чем Россия.

Здесь промышленный рабочий класс сложился уже в нескольких поколениях. Более зрелым было рабочее движение. Перед войной профсоюзы насчитывали в Англии 4 млн членов (33%), в Германии 3 млн (27%), в США — 2,7 млн., во Франции — более 1 млн. Это были преимущественно более квалифицированные и интеллектуально развитые рабочие. Массовые профсоюзы стали, пользуясь выражением Маркса, «экономическим фактом». Получили распространение рабочие потребительские кооперативы, практика коллективных договоров.

В политических системах западных стран укоренились выборные парламентские институты. Легально действовали рабочие партии. Избирательными правами уже пользовалось большинство мужчин. Немецкие социал-демократы на выборах 1890 г. (после отмены «закона о социалистах») получили 1,5 млн голосов, в 1903 г. — 3 млн, а в 1912 г. — 35% (в крупных городах — более половины). В 1904 г. за рабочие партии голосовало 6,7 млн человек, они имели в парламентах 261 депутата. В СДПГ накануне войны было более 1 млн членов, она издавала 90 газет. Всего рабочие партии в Западной Европе насчитывали 4,2 млн членов. В программах еще сохранялась революционная риторика, но рабочее движение все определеннее сдвигалось на тред-юнионистские и реформистские позиции.

Не в последнюю очередь и потому, что правящие классы постепенно склонялись к политике социальных реформ. Появились некоторые виды социального страхования — правда,

³¹ Грамши А. Тюремные тетради. Избранные произведения. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. Т. 3. С. 158.

большей частью еще необязательного, но при государственной поддержке. Сокращалась продолжительность рабочей недели — в среднем с 78 часов в 1870 г. до 60 в 1910 г. (т.е. с 13 до 10 часов в день). За последнюю треть XIX века на 30–50% выросла реальная заработная плата (главным образом, вследствие снижения цен)³².

Российская ситуация была иной. Промышленный переворот развернулся здесь в 1990-е годы — на 100 лет позже, чем в Англии, на 50–60 лет позже, чем в Германии и Франции. Хотя уже появились отдельные очаги крупной промышленности (Петербург, Москва, Урал), страна оставалась преимущественно аграрной, с преобладанием крестьянского населения и сильными пережитками докапиталистических отношений.

* * *

Мировая война на какое-то время уравнила общественно-политический климат в России и странах Западной Европы. Уравнила теми огромными страданиями и потерями, которые принесла война. В массах накапливалось ожесточение, озлобление против властей и политиков, ввергнувших народы в кровавую бойню или защищавших войну. Революционные события в России вселяли многим в Европе надежду на изменение того порядка вещей, который привел к мировой войне.

Вместе с тем социалистические силы Западной Европы оказались перед трудной дилеммой: следовать примеру большевиков или искать свой «путь к власти». Перед той частью социалистических сил, которые оставались на революционных позициях, вставал вопрос: как бороться за власть в условиях, существенно отличавшихся от российских? Поиски ответа отразились в известной полемике Каутского и Ленина. Каутский отвергал большевистскую «диктатуру меньшинства», как он это называл, и отстаивал путь завоевания власти через парламентскую демократию.

32 Вебер А. Октябрьская революция и западный мир // Горбачевские чтения. Вып. 6. М.: Горбачев-Фонд, 2008. С. 83–84. Подробнее см.: Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М.: Издательство «Мысль», 1976. Т. 2. Глава вторая. Развитие международного рабочего класса. С. 62–66, 72–89.

Для Ленина это было равносильно предательству. Если надежды на скорую победу пролетарской революции в Европе не оправдались, то, конечно, не просто из-за измены лидеров социал-демократии принципам интернационализма, а по более глубоким причинам. Бедствия войны привели на определенном этапе к радикализации масс в воевавших странах, но не настолько, чтобы изменить преобладающий реформистский тренд. У правящих кругов Западной Европы нашлись силы и средства, чтобы не допустить развития событий по «русскому сценарию». Ноябрьская революция 1918 г. в Германии, как и революция в Австро-Венгрии, свергнув монархию, оставили власть в руках прежней правящей верхушки. Очаги советской власти в Баварии, Венгрии, Словакии, Финляндии были жестоко подавлены.

Правящие классы Западной Европы мобилизовали все силы, чтобы не допустить распространения «революционной заразы». В отличие от России, буржуазия в Германии и других западных странах была к тому времени неплохо организована. Угроза революции побудила ее укрепить систему предпринимательских организаций и их связи с сохранившимся государственным аппаратом и с военными, выступавшими главной силой в подавлении революционных выступлений. Эти выступления толкнули мелкобуржуазные слои населения в объятия реакции. Множество людей стали жертвами «белого террора».

В контексте событий того времени можно понять причины, которые побудили Ленина потребовать полного разрыва с западной социал-демократией, переименовать партию в коммунистическую, взять за образец государственного строительства Парижскую Коммуну, создать Коммунистический интернационал. Было в этом что-то от «революционной романтики», значения которой Ленин не отрицал, сказав в интервью Якобу Фрису, деятелю Норвежской рабочей партии (1920 г.): «Мы не можем обойтись без романтики. Лучше избыток ее, чем недостаток»³³.

Революционный максимализм не стал платформой, объединяющей социалистическое движение. Ленину самому пришлось бороться против «детских болезней» в коммунистическом движении. Как показало последующее развитие событий, ком-

33 Ленинский сборник XXXVII. М.: Изд-во политической литературы, 1970. С. 212.

партиям в большинстве западных стран не удалось привлечь на свою сторону большинство трудящихся. После войны реформистские течения сохранили преобладающее влияние в европейском рабочем движении — по численному составу, электоральным результатам, влиянию в профсоюзах. Раскол в его рядах имел трагические последствия для Европы.

Большевики смогли использовать благоприятные для завоевания власти условия, но обстоятельства, при которых это произошло, были крайне неблагоприятны для решения созидательных задач новой власти. Ленин, конечно, понимал неготовность России к социалистическим преобразованиям. Речь не идет, говорил он, непосредственно о «введении» социализма. После прихода к власти он разъяснял: наша революция еще буржуазная, она решает задачи буржуазно-демократического этапа.

Но вскоре началась Гражданская война. Она потребовала во внутренней политике самых жестких мер («драконовских», по Ленину), известных как политика «военного коммунизма». Это были вынужденные меры. Позднее Ленин признал, что попытка сходу перескочить в новый общественный строй была ошибочной.

В результате Гражданской войны большевики оказались перед лицом разоренной страны, отброшенной в социально-экономическом отношении на многие годы назад, да еще и в конфликте не только с частью крестьянской массы, но и с частью рабочих организаций. И к тому же в изоляции от промышленно развитых стран Запада («санитарный кордон»), перед лицом враждебно настроенных государств и поднимавшего голову фашизма.

* * *

Итак, расчет на близкую победу пролетарских революций в странах Запада не оправдался. Вновь во весь рост вставал вопрос: что делать? Строить социализм «в одной отдельно взятой стране» при отсутствии достаточного уровня развития производительных сил и соответствующих культурных предпосылок? Это противоречило марксистской теории, согласно которой, во-первых, переход к социализму предполагал не какое-то

«строительство» с нуля, а высвобождение развившихся в недрах капитализма элементов нового общества и, во-вторых, должен был бы происходить более или менее одновременно в большинстве экономически наиболее развитых стран.

Но это в теории, а жизнь подбросила нечто другое. Не отказываясь от выбора в пользу социализма, Ленин настоял на радикальном изменении курса. Отсюда идея НЭПа. Предлагая НЭП, он выдвигал на первый план экономические методы хозяйственного восстановления, государственное и культурное строительство как путь создания предпосылок для перехода к социализму. Несмотря на сопротивление в партии, Ленин добился одобрения нового курса. В его заметках (март — апрель 1921 г.) появилась такая формула: капитализм+социализм, т.е. сочетание свободы торговли (капитализм, госкапитализм) +кооперация. И со знаком вопроса: «Назад к капитализму?»³⁴. Решить должна была борьба, способность преодолеть сопротивление, саботаж, другие трудности, связанные с отсутствием кадров, культуры, с бюрократизмом и т.п. Задачу НЭПа Ленин видел в том, чтобы соединить свободу торговли с развитием кооперации, с культурной работой, направленной на вовлечение крестьянской массы в кооперативное движение. Признавал, что это означает «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»³⁵.

Радуюсь помощи голодающим в России из-за рубежа, Ленин в то же время с горечью констатировал, что не пришла та помощь, которая связывалась с пролетарскими революциями на Западе. В заметках Ленина к плану речи на IV-м конгрессе Коминтерна есть такие слова: «5 лет мы одни; революции в других странах еще нет; война и голод. Гибнуть? — Отступили. — Мы вылезаем, одни, без помощи. — Никакой помощи, напротив»³⁶. Этот мотив повторяется вновь: «Мы одни, мы везем, а надо бы, чтобы *нас везли*»³⁷. Ленин все больше связывал надежды на улучшение международного положения Советской России с развертыванием антиколониальных революций в Азии

34 Ленин В. И. ПСС. М., 1970. Т. 43. С. 372.

35 Там же. Т. 45. С. 376.

36 Ленин В. И. ПСС. М., 1970. Т. 45. С. 432.

37 Там же. С. 441.

(Китай, Индия и др.). «Мы накануне... выступления Востока и в начале его пробуждения»³⁸.

Отдав в условиях Гражданской войны дань применению насилия в борьбе с врагами Советской власти, Ленин в принципе был против насильственных методов решения задач переходного периода. Предостерегал против увлечения администрированием, жестко критикуя за это своих коллег — в том числе Сталина, Троцкого, Пятакова. «Административная сила должна быть подсобной»³⁹, настаивал он в одной из последних своих диктовок. Между тем объективные условия, в которых оказалась страна, повышали вероятность выбора форсированных, а тем самым и принудительных, даже насильственных методов «строительства социализма». И внутренние, и внешние условия объективно подталкивали к этому.

Тем самым создавались предпосылки для выхода на ведущие позиции в руководстве партии, членский и кадровый состав которой стал размываться за счет непролетарских элементов, деятелей соответствующего типа. Это и произошло. Рекомендация Ленина о смещении Сталина с поста генсека не была исполнена. В лице Сталина линия на использование принудительных методов взяла верх, что во многом предопределило дальнейшую судьбу советского проекта — как с его бесспорными достижениями, так и трагедиями, вплоть до распада СССР.

38 Там же. С. 362.

39 Там же. С. 352.

РАЗДЕЛ II

ПОИСК ПОЛИТИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Глава 6. После Октября: исторические альтернативы

Сверхзадача настоящей главы монографии состоит в том, чтобы понять и оценить сегодняшнюю ситуацию в России, перспективы ее эволюции и определить, в этом контексте, задачи левых, демократических, гуманистических сил.

А понять это всё можно лишь зная логику развития социального бытия страны за последнее столетие (следуя методологическому совету Гегеля—Маркса: чтобы знать предмет, надо, прежде всего, знать историю его происхождения).

У истоков этой логики было такое явление, как Октябрь. Так, тема Октября входит в контекст той задачи, которую собираемся решать.

При этом — еще одна важная, с методологической точки зрения, констатация. Октябрь связан с современностью не прямо, не непосредственно. Это в прежние времена — так называемого «реального социализма» — логику развития страны принято было рассматривать как последовательное (и неуклонное) развитие идей и тенденций, заложенных Октябрем (всеопределяющим Октябрем!). Такая вот предлагалась линейная (даже прямолинейная!) логика исторического развития — «тротуар Невского»!

Но в действительности история движется иначе. В действительности она представляет собой, выражаясь гегелевски-марксовым языком, *«узловую линию альтернатив»*. Она не прямое продолжение Октября, не развертывание того, что в свернутом виде содержалось в Октябре; она — цепочка альтернатив, возникающих на тех или других ее этапах, альтернатив, порождаемых ситуацией предшествовавшего исторического периода, альтернатив, открывающих веер *новых* возможностей (и, как правило, противостоящих друг другу).

Поэтому чем дальше по времени отдаляемся мы от дней Октября, тем слабее его воздействие на ход событий и тем сильнее воздействие новых обстоятельств, порожденных новыми историческими условиями. Эти новые обстоятельства и новые возможности и определяют конкретное содержание новых аль-

тернатив — при сохранении, впрочем, некой общей исторической «ауры», связанной с дальнодействием идей и тенденций Октября (по причине грандиозности, эпохальности этого явления истории). Первые послеоктябрьские альтернативы (альтернативы 20-х годов XX века) — вот они-то были непосредственно порождены тенденциями и идеями Октября (а получили форму альтернатив, потому что сам Октябрь был противоречив и «альтернативен»).

Задача, стало быть, состоит в том, чтобы разглядеть появление этих новых узлов альтернатив, проанализировать их содержание, определить причины побед одних и поражений других, оценить результаты, предопределявшие содержание дальнейшего исторического развития, содержание новых альтернатив.

Остановимся на некоторых, особенно важных, особенно значимых узлах альтернатив, в наибольшей степени влиявших на логику, на содержание важнейших этапов нашего столетнего исторического развития.

Так, крайне важно понять содержание и результаты первых послеоктябрьских альтернатив, обусловивших рождение такого исторического парадокса, как превращение гуманистической, народно-демократической логики Октября в антигуманистическую логику сложившейся к началу 30-х годов антидемократической, тоталитарной системы. Как случилось, что половодье народной самодеятельности Октябрьских дней обернулось тоталитарной, сталинистской, бюрократической «казармой»?

Движение к этому парадоксальному результату шло через возникновение и борьбу немалого числа альтернатив (Зиновьев, Каменев и Сталин против Троцкого; Бухарин и Сталин против Зиновьева и Каменева; Бухарин против Сталина...). Но особенно важными, исторически определяющими из всех альтернатив того периода были две. Два самых крупных узла альтернатив. На них и остановимся.

Первый узел (1921—1923 гг.). Его можно было бы назвать: «Ленин против Ленина» — «Новый Ленин эпохи НЭПа» против «Прежнего Ленина эпохи «Государства и революции» и военного коммунизма». Это «против» надо понимать диалектически: и как *преодоление* прежнего Ленина, и как его *продол-*

жение. В чем конкретно состояло «преодоление» и в чем «продолжение»?

Вначале — о «преодолении». Центральной идеей была установка Ленина (сформулированная, как это обычно было присуще Ленину, с жесткой категорической прямоотой, не допускавшей двусмысленностей): «...мы вынуждены признать *коренную* перемену *всей* точки зрения нашей на социализм (выделение мое — Г. В.)»¹.

Содержание этой альтернативы было: идти ли по пути Нового, «коренным образом пересмотренного» социализма или по пути прежнего («дооктябрьского») социализма?

В чем их главное и принципиальное различие?

«*Прежний социализм*» (дооктябрьской эпохи) опирался на знаменитую формулу Маркса: «...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: *уничтожение частной собственности*»². Ленин писал: «Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства»³. Или: «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством оплаты»⁴, работающей по жесткому централизованному плану.

М. И. Воейков верно фиксирует «основополагающие постулаты» этого социализма: единая общенародная собственность, плановое централизованное распределение на ее основе всех видов ресурсов при полном отсутствии товарно-денежных отношений, распределение непосредственно по трудовому вкладу без денежного эквивалента.

«*Новый социализм*». Ленин только положил начало провозглашенному им «пересмотру», многие детали им еще не были проработаны, но общее, главное направление было определено:

«*Прежний*»: «уничтожение частной собственности».

«*Новый*»: допущение разных форм собственности, сопряжение общественной и частной (их «конвергенция»).

«*Прежний*»: экономическая система будет «одной фабрикой», работающей по жесткому централизованному плану.

1 Ленин В. И. ПСС.М., 1970. Т. 45. С. 376.

2 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Гос. изд. полит. лит.-ры, 1955. Т. 4. С. 438.

3 Ленин В. И. ПСС.М., 1968. Т. 17. С. 127.

4 Ленин В. И. ПСС. М., 1969. Т. 33. С. 101.

«Новый»: сочетание «фабрики», «плана» и рыночной стихии.

«Прежний»: «насилие — повивальная бабка истории».

«Новый»: переход от насилия (как доминирующего способа исторического действия) к ненасильственному, эволюционному, реформистским методам; от метода «революционной целесообразности» к правовому государству. Главным, «категорическим» императивом «нового социализма» должно быть: «Культура!». *Новый социализм* — это Культурный, Гуманный, Демократический социализм!

А в чем «продолжение»? Об этом тем более надо сказать, что сегодня этот ленинский «коренной пересмотр» нередко трактуют как «поражение» Ленина, как признание им его «провала»: шли на революцию со знаменем прежнего социализма, исповедуя «принципы Парижской Коммуны» и идеи «Государства и революции». И вот признают их несовершенство — «Провал»!

Это поразительное пустомыслие! «Провалом» называют взлет ленинской теоретической мысли, выведшей теорию социализма на принципиально новый, соответствующий новой исторической эпохе, уровень. «Поражением» называют тот факт, что опыт Октябрьской революции и первых послеоктябрьских лет стал базой, фундаментом новой всемирно-исторической ступени теории, на которую просто было бы невозможно вступить, не пережив опыта Октября.

Часто — особенно из радикально-либерального лагеря — раздаются иронические комментарии по поводу одного принципа, которому следовали ленинцы: «ввяжемся, а потом разберемся!». Вот-де авантюристически «ввязались», не «разобравшись», — и потому «провалились»!

Наши возражения. «Ввязывались» большевики-ленинцы в революционные процессы 1917 г. не абы как. «Ввязывались», руководствуясь самыми богатыми и самыми прогрессивными на тот момент социалистическими теориями (вершиной которых был марксизм с его фундаментальным «Капиталом»). Большевики «ввязывались» в Октябрьские события, имея в багаже десятки томов теоретических работ своего вождя, произведений других революционных лидеров, обобщавших опыт борьбы последних десятилетий. И то, что, опираясь на этот интеллектуальный багаж, большевики смогли взять и удержать власть на

исходе 1917 г. свидетельствует, что «ввязывались» они в борьбу достаточно теоретически экипированными — в гораздо большей степени, чем все другие политические силы того времени.

Но Октябрьская практика выявила не только сильные стороны исходного революционного проекта большевиков, но и его слабые стороны. Октябрьская практика и первые послеоктябрьские годы выявили (и только на практике, а не до нее это и можно было выявить!), что прежний уровень теории оказывался недостаточным для эффективного продвижения к социальной (социалистической) цели.

И нужна была ленинская проницательность (можно сказать, ленинский гений), чтобы услышать, оценить и откликнуться на этот голос, на этот вызов практики — и начать «разбираться», поднимаясь с прежнего уровня теории на новый.

О громадной значимости и исторической истинности этой теории «пересмотренного» («конвергентного»!) социализма свидетельствует не только немедленные и зримые экономические успехи первых шагов НЭПа, но и то, что в сходном ключе развивали свои концепции наиболее глубокие и проницательные теоретики либеральной ориентации. Навстречу Ленину шел Джон Кейнс, обогащавший классическую либеральную теорию идеями, заимствованными им у социализма (идеи о необходимом вмешательстве государства в экономический процесс, о замене смитовской «невидимой руки рынка», регулирующей прежний экономический процесс, «видимой» рукой государственного прогнозирования и программирования с элементами плана). Он, по-своему, предлагал «рынок» дополнить «планом». О чем ясно и сказал в работе 1925 г. «The End of Laissez-fair»: «Конец того старого прекрасного либерализма, императивы которого были когда-то сформулированы Локком и Смитом».

В этом узле альтернатив «Новый Ленин» против «Прежнего Ленина» победил (несмотря на сопротивление многих «старых большевиков» и значительной части мыслящих по-старому революционных масс) «Новый Ленин». Его концепция Нового социализма (который, по удачному выражению Юрия Буртина, можно назвать «Конвергентным социализмом») стала новой программой партии и народа.

Но победа эта оказалась недолговременной. «Новый социализм» (после смерти Ленина) потерпел поражение в рамках новой, возникшей в конце 1920-х годов альтернативы, которую можно назвать: «Сталин против Ленина (идеи которого старался защитить Бухарин)». Это было противоборство концепций сталинского руководства, абсолютизировавших *Насилие* как приоритетное и универсальное средство решения всех трудных социальных проблем и теории «Нового» (конвергентного, демократического и гуманистического) социализма. Сталинистская теория и практика были некой разновидностью «доконвергентного» (вдобавок сильно упрощенного) социализма, перераставшего в террористическую диктатуру бюрократии, в систему (используя формулу Маркса) «казарменного коммунизма».

Почему же победила сталинская «казарма»? Не только потому, что ушел Ленин, а его продолжатели оказались слабыми политиками. Есть более серьезные причины этого, корнящиеся в различии революционных социальных сил, победивших в Октябре 1917 г.

Надо иметь в виду, что сам Октябрь — сложное, неоднозначное и внутренне противоречивое явление, содержащее в себе *разные* альтернативы и интенции. Две основные: одна — народно-демократическая, ставящая задачу удовлетворения материальных и духовных потребностей народа, создания системы народоправства, демократической власти трудящихся; другая — делающая акцент на насилии как способе решения всех проблем и толкающая общество к антидемократическому, тоталитарному режиму, государственно-бюрократическому строю.

И две основные социальные силы, питавшие эти тенденции. Одна — политически и культурно развитые рабочие вроде Ивана Бабушкина, Якова Дубровинского, Александра Шляпникова. Другая — Шванди, Шариковы, Швондеры, герои платоновских повестей, ограниченные, малокультурные, примитивно мыслящие люди, понимающие «социализм» как казарму военно-коммунистического типа («казарменным коммунизмом» называл Маркс подобную систему взглядов). Незадолго до революции (в 1913 г.) Ленин писал: «Такой дикой страны, в

которой массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России»⁵. В канун Октябрьской революции около 68% взрослого населения не умели читать и писать, в деревне неграмотные составляли около 80%, а в национальных районах — 99,5%.

В революционных событиях 1917 г. они, эти две революционные социальные силы, шли вместе, плечом к плечу. Они вместе боролись за изменение ситуации в стране, за улучшение жизни простых людей, угнетенных и униженных в романовской России. Но по-разному видели будущее и способы борьбы за него. Это противоречие культурно-развитых сил революции и революционной (но темной, но культурно неразвитой) массы зримо проявилось уже в первые Октябрьские дни.

Вспомним хотя бы этот знаменитый эпизод с Луначарским, одним из лидеров просвещенных революционных сил, описанный Джоном Ридом: «15 (2) ноября комиссар народного просвещения Луначарский разрыдался на заседании Совета Народных Комиссаров и выбежал из комнаты с криком: «Не могу я выдержать этого! Не могу я вынести этого разрушения всей красоты и традиции...». Вечером в газетах появилось его заявление об отставке: «Я только что услышал от очевидцев то, что произошло в Москве. Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие художественные сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется. Жертв тысячи. Борьба ожесточается до звериной злобы. Что еще будет? Куда идти дальше? Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я бессилён. Работать под гнетом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя. Вот почему я выхожу в отставку из Совета Народных Комиссаров. Я сознаю всю тяжесть этого решения, но я не могу больше...»⁶.

Не мелочи, не пустяки, не какие-то второстепенные мировоззренческие частности разделяли эти две революционные силы. «Звериная злоба», выливающаяся в «тысячи жертв» — на одной стороне. И абсолютное неприятие этого — на другой.

⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 23. С. 127.

⁶ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М.: Политиздат, 1958. С. 203–204.

Вот она «шариковщина», — В. Кириллов:

*Мы во власти мятежного страшного хмеля,
Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты»,
Во имя нашего завтра — сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.*

Собственно, после окончания Гражданской войны, после победы над силами контрреволюции решался кардинальный вопрос дальнейшего социального развития страны: кто будет определять маршрут движения России — «Бабушкины» и «Шляпниковы» (поддерживаемые «Луначарскими») или невежественная и «злая» масса Швондеров и Швандей (науськиваемая и поощряемая политиками, которые впоследствии составят сталинскую команду).

Количественный перевес был, увы, на стороне последних. Но была одна политическая фигура, которая в программных установках и реальной деятельности обеспечивала доминирование *культурных* революционных сил. Этой фигурой в начале 1920-х годов был В. И. Ульянов (Ленин). Его, как он однажды выразился, «коренной» пересмотр взглядов на социализм, связанный с разработанной им Новой экономической политикой, его критика «леваков» (работа «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920 г.)), его последние статьи (называемые «политическим завещанием»), в центре которых НЭП, кооперация, культурная революция, наметили основные контуры будущего «Культурного социализма». «Культура» стала всеопределяющим словом-паролем «Нового социализма». Но в 1924 г. Ленин умер. И силы, и влияние «Культурного социализма» были катастрофически ослаблены. Сталинская команда Швондеров постепенно брала всю полноту власти. Члены так называемой «ленинской гвардии» расстреливались в подвалах Лубянки или гибли за колючей проволокой ГУЛАГа. Ленинское политическое завещание было затоптано получивших безраздельную власть казарменных псевдокоммунистических бюрократов. Надежды на «Культурный социализм» угасали.

Сталинский «социализм», заметим, не был действительным социализмом, формацией, основанной на общественной соб-

ственности, социальном равенстве и народоправстве. Он был формацией, где собственностью реально владело и распоряжалось бюрократическое сословие. То была не общественная, а *корпоративно-бюрократическая* собственность. Там не было «свободного труда». Там не было народоправства, вся власть — и экономическая, и политическая — сосредотачивалась в руках бюрократического сословия; это была политическая диктатура бюрократии.

Вообще эта формация была сложным образованием, со сложнейшим переплетением мотивов деятельности различных социальных сил, с многовекторным историческим движением. Были там — особенно в сфере культуры и в сфере массового, «низового» политического сознания — и черты подлинно социалистической деятельности, питавшиеся импульсами, порожденными стихией массового освободительного движения в Октябре 1917 г. Но дирижерская палочка, направлявшая и определявшая всю деятельность социального «оркестра», была в руках класса бюрократии. Она, эта бюрократия (по-другому — «номенклатура»), определяла общее лицо системы и логику ее движения.

Любопытно, что уже на ранних стадиях функционирования этой псевдосоциалистической, бюрократической системы (с конца 1920-х годов!), как было подмечено Юрием Лариным (известным экономистом и политиком той поры, хорошо знакомым изнутри с логикой той системы), бюрократическое сословие потянулось к богатству и обогащению — через разветвленную систему привилегий. Перечисляя способы «деятельности частных капиталистов» в эпоху НЭПа, Юрий Ларин указывал на наличие их «соучастников» и «агентов» в государственном аппарате. «В составе государственного аппарата, — фиксировал он, — был не очень широкий, не очень многочисленный, измеряемый, может быть, всего несколькими десятками тысяч человек круг лиц, которые, ... служа в хозорганах, ... в то же время организовали различные предприятия или на имя своих родственников, компаньонов, или даже прямо на свое собственное. А затем перекачивали в эти частные предприятия, находившиеся в их распоряжении государственные средства из государственных органов, где

они служили. Совершив такую перекачку, они обычно оставляли вовсе госорганы и «становились на собственные ноги». «Под лжегосударственной формой существования частного капитала, — пишет он далее, — я имею в виду то, когда частный предприниматель развивает свою деятельность, выступая формально в качестве государственного служащего, состоя на службе и получая служебные полномочия... На деле тут имеется договор между частным поставщиком, частным подрядчиком, частным заготовителем и государственным органом. Но формально этот поставщик, подрядчик, заготовитель и т.д., считаясь государственным служащим, действует не от своего имени, а от имени госучреждения... Одним словом, он пользуется всеми преимуществами, принадлежащими государственному»⁷.

Так корпоративно-бюрократическая (государственно-бюрократическая) собственность рождала тенденцию своего перерастания в государственно-капиталистическую. А к середине 1930-х годов эта тенденция уже становилась все более преобладающим мотивом деятельности значительной части правящей бюрократии. И это блистательно (хотя и с вполне понятной горечью) зафиксировал один из главных творцов Октября, к тому времени вышвырнутый этой самой бюрократией из страны, Л. Д. Троцкий. Вот эти его, глубоко пророческие, характеристики: «Когда же напряжение отошло, и кочевники революции перешли к оседлому образу жизни, ...в них пробудились, ожили и развернулись обывательские черты, симпатии и вкусы самодовольных чиновников. Не было ничего противоречащего принципу партии. Но было настроение моральной успокоенности, самоудовлетворенности и тривиальности... Шло освобождение мещанина в большевике (выделено мной — Г. В.)». «Если сейчас (в 1930-е годы — Г. В.)... она (номенклатура — Г.В.) сочла возможным ввести чины и ордена, — замечает Троцкий, — то на дальнейшей стадии она должна будет неминуемо искать для себя опоры в имущественных отношениях. Можно возразить, что крупному бюрократу безразлично, каковы господствующие формы собственности, лишь бы они обеспечивали ему

7 Ларин Ю. Частный капитал в СССР // Антология экономической классики. М., 1993. Т. 2. С. 446.

необходимый доход. Рассуждение это игнорирует не только неустойчивость прав бюрократа, но и вопрос о судьбе потомства. Новейший культ семьи не свалился с неба. Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущий класс»⁸. Об этом же, о процессе «освобождения мещанина в большевике», повествовал Маяковский — в «Клопе» и «Бане».

А уж 1970-е годы, годы «брежневизма», были годами полного разложения государственно-бюрократической формации, годами исчерпания ею всякого исторически прогрессивного содержания и одновременно — «золотым веком» для номенклатуры, приступившей (пока под покровом партийных лозунгов о том, что у нас «все — для человека») к скрытному массовому «первоначальному накоплению» богатств в своих руках (в прочном, добавим, союзе с теневой, околопартийной экономикой, опорными точками которой были «Управления делами» различных партийных и государственных органов). И постепенно все нацеливалось на то, чтобы превратить корпоративно-бюрократическую собственность в частно-бюрократическую, на то, чтобы приватизировать блага и привилегии, привязанные к их бюрократическим креслам. Отвязать бы их от этих кресел и привязать к себе, лично!

При М.С. Горбачеве эта «номенклатурная приватизация», уже, не слишком таясь, шла бешено нарастающими темпами. Ну, а в 1990-е годы она уже была совершенно легализована. И превратилась в «олигархический шабаш». Иначе говоря, «лихие девяностые» не только не были, как иногда думают, *прямой противоположностью* сталинско-брежневской системы, но были *продолжением* целого ряда специфических частнособственнических тенденций, формировавшихся в лоне государственно-бюрократического правления.

Противостоять этим двум родственным (хотя и обладающим своей существенной спецификой) системам и идеологиям понастоящему способна лишь идеология «культурного (демокра-

⁸ Троицкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991. С. 210.

тического) социализма», основы которой формировались культурной, развитой частью революционных масс в дни Октября и в первые годы после его победы. Демократический, культурный социализм (блистательно обозначенный Марксом как «реальный гуманизм») — в этом надежда и спасение, в этом будущее России.

И разрабатывая теорию «реального гуманизма» применительно к современным условиям, очень важно будет внимательнейшим образом проследить историю возникновения и развития идей «культурного социализма» в их противостоянии с идеями псевдореволюционной «бесовщины», на несколько десятилетий взявших верх в нашем Отечестве. Важно будет наглядно, убедительно разделить эти два течения-антипода, недобросовестно объединяемых радикально-либеральными идеологами в целях компрометации социализма вообще (и в первую очередь, в его демократически-гуманистических формах).

Это большая задача, большая работа — на долгий срок.

Глава 7. Октябрьская революция 1917 г.: уроки для модернизации России

Осмысление уроков Октябрьской революции, которая коренным образом изменила и российское, и все мировое развитие, имеет принципиально важное значение не только для понимания истории, но и для постижения современной ситуации в России и мире. Представляется, что при анализе сложных, многоплановых и противоречивых последствий революции 1917 г. в России необходимо по-новому проанализировать основные стороны альтернативного (антибуржуазного) проекта модернизации, который стал результатом Октябрьской революции. Многие реализованные в послереволюционный период в СССР цели и задачи этого проекта модернизации сохраняют свое значение и актуальность и в настоящее время. Например, резкое сокращение социального неравенства, создание одной из лучших в мире систем образования, формирование доступной для широких слоев населения и достаточно эффективной по тем временам системы здравоохранения, государственная система развития науки и техники, передовая для того времени система планирования.

О том, что многие стороны и задачи этого не социалистического, но антибуржуазного, некапиталистического в своей основе проекта модернизации и развития сохраняют актуальность и в современную эпоху, свидетельствуют следующие факты. В начале XXI века после крушения «социалистической» (на деле некапиталистической, альтернативной западной) системы и распада Советского Союза уровень неравенства в мире и в России стал не просто угрожающим, он стал чрезвычайно опасным, дестабилизирующим. Так, в современном обществе 8 семей обладают таким же богатством, как и беднейшая половина всего человечества. Согласно исследованиям Т. Пикетти, автора известной и весьма значимой для нашего времени книги «Капитал в XXI веке»¹, прослеживается следующая показательная динамика неравенства в мире. На протяжении XVIII и XIX ве-

¹ *Piketty Th. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge, Ms. – London: Harvard University Press, 2014. 685 p.*

ков социальное и имущественное неравенство в мире, включая самые развитые страны Запада, росло, и достигло к концу XIX — началу XX века огромных масштабов. После Первой мировой войны и революции 1917 г. в России (особенно с 1930-х годов, когда Советский Союз стал значимым фактором в мировой политике и экономике, а также в связи с подъемом профсоюзного и коммунистического движения) рост неравенства в мире существенно замедлился; наблюдались обратные тенденции уменьшения имущественного неравенства.

Эти тенденции в развитых и развивающихся странах продолжали действовать вплоть до конца 1970-х — начала 1980-х гг., т.е. до того момента, когда Советский Союз, а также международное рабочее, профсоюзное и коммунистическое движение не без помощи целенаправленной политики западных элит вступили в полосу кризиса и упадка. С тех пор имущественное и социальное неравенство как внутри отдельных стран (например, в США, Великобритании, Китае, России, ряде постсоветских стран), так и между наиболее и наименее развитыми государствами мира многократно возросло². Такая весьма характерная динамика, помимо прочего, свидетельствует о чрезвычайно важной роли, которую сыграли Октябрьская революция и образование Советского Союза в существенном уменьшении имущественного и социального неравенства в мире, в формировании социального государства в развитых западных странах, в повышении уровня жизни широких слоев населения, в большей доступности для них образования и здравоохранения.

При этом важно подчеркнуть, что, несмотря на не оправдавшиеся и во многом утопические надежды на «мировую революцию» и построение социализма в отсталой России, руководство партии большевиков во главе с В. И. Лениным имело довольно четкий и продуманный план политических, экономических, социальных и культурных преобразований, своего рода «проект некапиталистического развития» России. Этот план был основан не только на идеях К. Маркса и Ф. Энгельса, других теоретиков социализма, но и на опыте военного хозяйства в Германии и России в период Первой мировой войны. Кроме

² Ibid.

того, он учитывал основные тенденции развития крупной капиталистической индустрии в США, Германии и других развитых странах, опыт их социальной и культурной модернизации. И этот план, или проект, не просто декларировался, а последовательно воплощался в жизнь, хотя и с неизбежными изменениями, отступлениями и корректировками, начиная с первых дней Октябрьской революции. Этот проект включал, в частности, план ГОЭЛРО, переход к НЭПу в 1921 г. и весьма болезненный, но во многом вынужденный и безальтернативный в условиях приближавшейся мировой войны процесс форсированной индустриализации после 1929 г.

В период перестройки и постсоветский период в научной литературе, публицистике и журналистике было принято акцентировать внимание главным образом на больших издержках и жертвах, сопряженных с реализацией этого антибуржуазного проекта модернизации при Ленине и Сталине³. Действительно, издержки и жертвы, особенно в сталинский период, были огромными и в значительной мере не оправданными. Однако, подвергая односторонней критике этот альтернативный тогдашнему, да и нынешнему «мейнстриму», проект модернизации, не учитывая конкретные исторические условия того времени и сосредотачивая все внимание исключительно на его недостатках, издержках и провалах, мы рискуем вместе с грязной водой выплеснуть и ребенка. Более того, рассматривая революцию 1917 г. и советский период только, или преимущественно, в негативном ключе, вместо того чтобы по-новому осмыслить их, мы рискуем потерять и собственный опыт, и важнейшие ориентиры будущего социального, экономического, политического и культурного развития России.

Говоря об антибуржуазном, некапиталистическом проекте переустройства и коренной модернизации России, как представляется, необходимо четко различать социалистическую идеологию и реальные возможности модернизационных преобразований в тех конкретных исторических условиях, в которых они осуществлялись. Переход к более высокому, чем капитализм, общественному строю — к социализму в реальных условиях от-

3 См., например: Осмыслить культ Сталина (Перестройка: гласность, демократия, социализм). М.: «Прогресс», 1989. 653 с.

сталого, преимущественно аграрного хозяйства, которое доминировало в России в 1917 г., был практически невозможен. То, что Ленин называл «высшей стадией капитализма»⁴, на деле было лишь одной, далеко не высшей и не последней фазой развития капитализма. В то же время идеология социализма и коммунизма несла в себе огромный заряд для мобилизации широких слоев населения, для выполнения задач коренной модернизации общества.

Следует также учитывать, что Первая мировая война действительно до предела обострила все противоречия тогдашних капиталистических обществ в Европе, Америке и особенно противоречия зависимого, компраторского капитализма в Азии, Африке и Латинской Америке. Эти противоречия во многом были связаны не с исчерпанием капитализма как такового, а с исчерпанием определенного типа капиталистического развития, основанного на доминировании и лидерстве Великобритании с ее огромной колониальной системой, на британском цикле накопления капитала⁵. Противоречия, в частности, состояли в нежелании и неспособности Великобритании открыть свои огромные колониальные рынки для других государств, что резко ограничивало возможности развития капитализма, в том числе в самой Великобритании и во всем мире. Перед быстро развивавшимися США, Германией, Японией, претендовавшими на широкую мировую политическую, военную и экономическую экспансию, возникли многочисленные, фактически непреодолимые без мировой войны препятствия.

Первая мировая война, однако, не только не разрешила эти противоречия, но, напротив, еще больше обострила и усугубила их. Потерпевшая поражение Германия вынуждена была выплачивать огромные репарации, для чего ей требовались емкие рынки сбыта по всему миру, а эти рынки после начала мирового кризиса 1929–1932 гг. и последовавшей Великой депрессии фактически были закрыты для нее. Более того, самая богатая и,

4 Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. ПСС. М., 1969. Т. 27. С. 299–426.

5 Arrighi G. The long twentieth century: money, power, and the origins of our times. London: Verso, 1994. 432 p.; Arrighi G. Adam Smith in Beijing: lineages of the 21st century. London: Verso, 2007. 418 p.

казалось бы, благополучная страна мира — США — оказались в тисках глубочайшего за всю их историю экономического и социального кризиса из-за ограниченности рынков сбыта как внутри страны, так и за ее пределами. Только жесточайшая финансовая, экономическая и социальная политика президента Ф. Д. Рузвельта в рамках «Нового курса» несколько стабилизировала ситуацию, но отнюдь не разрешила ее. По-настоящему разрешила кризисную ситуацию в США только Вторая мировая война, которая резко ослабила Великобританию, нанесла решающий удар по ее огромной колониальной системе и вывела Соединенные Штаты на лидирующие позиции в мире за счет поставок оружия воюющим странам, массового притока капиталов и активных, весьма продвинутых в интеллектуальном отношении беженцев из Европы.

В связи с этим следует отметить, что представления большевиков и советской идеологии о кризисе капитализма в период с 1920-х по 1940-е годы были во многом справедливыми, а осуществление «социалистического» (на деле антибуржуазного, некапиталистического) проекта модернизации было в тех конкретных условиях в значительной мере оправданным. Важно подчеркнуть, что многие направления этого проекта модернизации разрабатывали выдающиеся ученые и государственные деятели, которые к тому же использовали некоторые проекты и наработки, сделанные, но не осуществленные в дореволюционной России (к числу таких проектов относились, например, введение всеобщего начального образования, строительство Днепрогэса и Новокузнецкого металлургического комбината, развитие Донбасса и ряд других). Так, проект создания новой системы здравоохранения в Советском Союзе осуществлялся при участии Н. А. Семашко, Н. Н. Бурденко, Н. Ф. Гамалеи и других видных деятелей медицины. Под руководством Н. А. Семашко, бывшего в 1918—1930 гг. наркомом здравоохранения РСФСР, в Советском Союзе была организована довольно эффективная по тем временам централизованная система предупреждения эпидемий и борьбы с ними, создана система охраны материнства и младенчества, система охраны здоровья детей и подростков, возникла сеть научно-исследовательских медицинских институтов. По инициативе Н. Ф. Гамалеи и разработан-

ному им методу еще в 1918 г. в Петрограде была проведена всеобщая прививка населения от оспы, принятая затем по всей стране. При активном участии другого организатора советской системы здравоохранения Н. Н. Бурденко были заложены основы советской нейрохирургии, была развита система военной хирургии, которая сыграла огромную роль в период Великой Отечественной войны⁶.

У истоков новой советской системы образования стояли А. В. Луначарский, А. С. Макаренко, Л. С. Выготский и другие выдающиеся деятели культуры, педагогической и психологической науки. А. В. Луначарский, первый нарком просвещения РСФСР в 1917–1929 гг., был организатором советской системы образования, которая дала возможность приобщиться к культуре и образованию не только избранным, но и многим миллионам людей – рабочим и крестьянам. Опыт трудового воспитания в школах Макаренко позднее получил международное признание: в 1988 г. ЮНЕСКО отнес А. С. Макаренко к четырем педагогам мирового уровня, которые определили способ педагогического мышления в XX веке. Уже этих примеров достаточно, чтобы оценить как размах самих проектов всеобщего здравоохранения и просвещения в Советском Союзе после революции 1917 г., так и масштаб личностей, стоявших во главе огромной организаторской работы.

Заслуга деятелей большевистской партии, пришедшей к власти в результате Октябрьской революции, состояла в том, что в течение двух-трех десятков лет они сумели воплотить в жизнь многочисленные проекты социального, экономического и культурного развития, которые без революции либо осуществлялись бы на протяжении весьма длительного времени, либо не были бы реализованы вовсе. Более того, реализация масштабных проектов индустриализации, революции в образовании и в здравоохранении, культурной революции позволила Советскому Союзу из отсталой, полузависимой аграрной страны с доминированием компрадорского капитала превратиться в одну из двух мировых сверхдержав. Советский Союз стал одним из сильнейших в социальном, политическом и военном

6 См.: *Сорокина Т. С.* Становление советского здравоохранения и медицины // История медицины. М.: Академия, 2008. Т. 2. Ч. 5. С. 76–85.

отношении государств, которое смогло, хотя и заплатив чрезвычайно дорогую цену, разгромить нацистскую Германию, на которую работала почти вся Европа. Разумеется, подобный переворот в жизни сотен миллионов людей да еще в чрезвычайно неблагоприятной, полностью враждебной внешнеполитической ситуации не мог произойти бескровно и безболезненно, он потребовал слишком больших материальных и человеческих жертв, зачастую неоправданных.

Любая великая революция (а революция 1917 г. в России, безусловно, была великой) поднимает к активной деятельности и творчеству множество выдающихся личностей, крупных общественных деятелей. Однако затем, когда основные задачи произошедшего масштабного переворота в жизни всего общества оказываются выполненными или же намечены пути их реализации, революция начинает «пожирать своих детей», включая самых выдающихся из них. В этом отношении Октябрьская революция в России не стала исключением. После прихода к власти и утверждения диктатуры Сталина развернувшийся террор был направлен на уничтожение и запугивание всех несогласных, причем в ходе этого террора была уничтожена ленинская революционная гвардия, а сама партия большевиков изменила и свой состав, и свою природу.

Из революционной партии ВКП(б), а затем КПСС постепенно превратилась в партию победившей номенклатуры и бюрократии, которая хотела не революции, не продолжения революционного проекта модернизации и развития, а прежде всего материальных благ, сытой и спокойной жизни, дележа государственной собственности. В то же время импульс, заданный революцией 1917 г., угас далеко не сразу: и Сталин, и последующие советские вожди вынуждены были считаться с этим импульсом и осуществлять советский модернизационный проект до тех пор, пока номенклатура окончательно не похоронила основные идеи революции и некапиталистической модернизации.

Между тем проект советской модернизации никуда не исчез; он получил свое дальнейшее и во многом модифицированное развитие в новых, подчас неожиданных формах. Целый ряд достижений советского проекта — например, централизованное пятилетнее или четырехлетнее планирование или государствен-

ная система доступного образования и организации науки в измененном и адаптированном к современным реалиям виде — успешно используются в таких бурно развивающихся странах, как Китай, Индия, Вьетнам, Южная Корея. Эти страны учли и восприняли советский опыт, адаптировав его к новым условиям капиталистического развития и своим национальным традициям, особенностям.

В то же время непродуманное разрушение важнейших достижений советского модернизационного проекта в России после 1991 г., стремление слепо копировать американскую или европейскую модели, приспособленные к совершенно иным условиям, привели к огромным социальным и политическим проблемам, многочисленным провалам и трудностям в сегодняшнем российском обществе. Вместо того чтобы сохранить и развить сильные стороны советской системы образования, здравоохранения, организации науки и техники (НИОКР), системы дошкольных детских учреждений, системы уменьшения и выравнивания имущественного и социального неравенства и др., либеральные реформаторы в постсоветской России попытались насадить институты, заимствованные из США и стран Западной Европы. К примеру, во многих отношениях ущербную Болонскую систему в образовании или американскую систему организации науки при университетах. По сути дела, в очередной раз реализовался известный лозунг «до основания, а затем...», но только с гораздо худшими, чем в 1917 г., последствиями и результатами.

Ирония истории заключалась в том, что на смену революционерам-большевикам сначала в 1950-е—1970-е гг. пришли закоснелые номенклатурные бюрократы, а затем последние трансформировались в либерал-большевиков 1990-х годов, осваивавших и деливших государственную собственность, разрушавших многие вполне реальные достижения советского периода и насаждавших в России западные социальные и политические институты. Однако из-за несовместимости старых (советских) и новых (западных) социальных институтов первые пришли в упадок и деградировали, а вторые либо мутировали и потеряли свою эффективность, либо так и не сумели прижиться на новой почве и стали функционировать в самой

извращенной форме, способствуя не развитию общества, а его застою или деградации. При этом российские номенклатурные реформаторы не учли, что в современном мире влияние Запада и западных институтов все больше снижается из-за подъема Китая, Индии и других быстро развивающихся стран, опирающихся на свои собственные социальные институты⁷, а также из-за внешнего и внутреннего «столкновения цивилизаций»⁸, которое стало явным в ходе «арабской весны» и миграционного кризиса в Европейском союзе.

В связи с этим спустя 100 лет после революции 1917 г. перед Россией снова стоит проблема развития общества и его модернизации. Весь мировой исторический опыт, в том числе исторический опыт России, учит, что смертельно опасно, контрпродуктивно и неисторично объявлять предшествующий опыт модернизации (в данном случае советской) «полностью провальным», «неправильным», «идущим вразрез с мировыми тенденциями», а сам советский период рассматривать, как это делают некоторые ультралиберальные публицисты, в качестве «черной дыры». Разумеется, советский опыт модернизации и общественного развития невозможно полностью вернуть и воспроизвести в современных условиях. Однако этот важнейший опыт необходимо осмыслить и взять из него самое ценное и самое главное, не утратившее своей актуальности и в современную эпоху.

Здесь можно кратко наметить лишь некоторые, наиболее важные направления использования послереволюционного советского опыта модернизации и развития в современных условиях. *Первое направление* — это значительное ограничение коммерциализации в сфере образования, здравоохранения и науки, обеспечение равного доступа к образованию и к медицине, повышение их качества при усилении регулирующей роли государства. Более того, востребована новая «ликвидация неграмотности», причем неграмотности не только и не столько компьютерной (хотя и ее также), но и элементарной неграмотности в сфере русского языка, истории, литературы, географии, фи-

7 Frank A. G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley: University of California Press, 1998. 416 p.

8 Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. 325 p.

зики, химии, биологии, которая присуща большинству современных школьников и студентов в России из-за внедрения ЕГЭ и общего падения уровня образования.

Образование и здравоохранение в России не могут быть «платными услугами», они должны финансироваться государством не по «остаточному принципу» и не только в связи с текущими нуждами, но и в соответствии с перспективами развития страны, государства и общества. Популярная среди западных неолиберальных элит и части российской элиты концепция огромного числа «лишних» людей в результате роботизации является ложной и чрезвычайно опасной для общества, так как она ориентирована лишь на интересы глобального капитала⁹, но не на интересы людей. На деле роботизация при адекватном ее внедрении даст стимул к развитию новых отраслей и новых сфер приложения интеллектуального и физического труда, например, в медицине, биологии, химии, ядерной энергетике, использовании нанотехнологий, экологии и связанных с ней областей.

Второе направление — выстраивание и реализация масштабных проектов экономического и социального развития, включая развитие инфраструктуры, газификации, энергообеспечения во всех регионах России, а также ликвидация огромных социальных и экономических диспропорций, существующих в настоящее время между российскими регионами. Здесь советский опыт подъема отсталых окраин бывшей Российской империи оказывается весьма востребованным и актуальным, и без активной роли государства эту задачу не решить.

Третье направление — реальная, а не «бумажная» борьба с бедностью и уменьшение огромного социального и имущественного неравенства в российском обществе. Речь, разумеется, не идет об уравниловке и ликвидации экономических стимулов для труда. Однако сверхдоходы российских миллиардеров, руководителей крупнейших корпораций с государственным участием и других топ-менеджеров с их «золотыми парашютами» вполне можно ограничить с помощью налогового и иного законодательства. В случае уголовных преступлений, включая коррупцию, совершаемых чиновниками, речь может идти о конфискации

9 Wallerstein I. The Demise of Neoliberal Globalization. Binghamton, N.Y.: Fernand Braudel Center, Binghamton University, 2008. 277 p.

неправедно нажитого имущества и у самих преступников, и у членов их семьи в том случае, если они не могут доказать, что это имущество приобретено честным путем (подобные меры применяются в целом ряде стран с рыночной экономикой, но не в России). В то же время эффективные меры по ограничению вывоза капиталов за рубеж, которые в разное время предпринимались развитыми или развивающимися странами с рыночной экономикой, могли бы не только стимулировать внутреннее производство и потребление, но и путем государственного регулирования поднять уровень жизни наиболее бедных слоев населения в России. Прежде всего, это относится к пенсионерам и людям с ограниченными возможностями, многие из которых живут за чертой бедности.

Четвертое направление — экологическое. Парадоксально, но при всей отсталости и неэффективности государственной машины в Советском Союзе вопросы экологии стояли значительно менее остро, чем сейчас. Конечно, были и техногенные катастрофы, загрязнявшие природу, и деятельность Минводхоза с затоплением огромных площадей, и вредные выбросы промышленных предприятий. В то же время государство и общество гораздо больше внимания уделяли сохранению лесов и почв, озеленению городов, сбору мусора в виде макулатуры, стеклянных бутылок и металлолома. В настоящее время количество загрязнений и вредных выбросов вряд ли сильно уменьшилось, но зато происходит хищническая вырубка лесов и вывоз необработанной древесины за рубеж, растут горы мусора без внедрения действительно эффективных технологий рециклинга отходов. В связи с этим можно констатировать, что без активного взаимодействия общества и государства с учетом советского опыта, без внедрения новых законодательных норм и других мер экологическая ситуация в России продолжит ухудшаться, что грозит самому существованию страны и ее граждан.

Наконец, *пятое* (а по своей значимости первое), *важнейшее направление* — это целенаправленное воспитание в современной России граждан, а не подданных, формирование гражданской идентичности. В отличие от подданного, гражданин проявляет ответственность за судьбы своих сограждан, всего

общества и государства, не передоверяя и не перекладывая эту ответственность на безликих и во многом безответственных чиновников, бюрократов и менеджеров корпораций.

Для первых лет революции 1917 г. была характерна ответственность многих оставшихся в стране людей за судьбы России, причем эту ответственность принимали на себя и рабочие, и часть представителей «образованных классов», включая дворянство, и часть крестьян. Разумеется, Россия в те годы находилась в критическом положении, когда решалась ее судьба, и это вызвало потребность в мобилизации усилий и гражданской ответственности со стороны многих людей. Но и сейчас Россия из-за внешних и внутренних проблем во многом находится в сходном критическом положении; и сейчас требуется интеллектуальная, культурная, социальная, политическая мобилизация миллионов и миллионов людей для спасения, сохранения и развития общества и государства.

В отличие от советского периода, воспитание граждан не может быть основано на коммунистической или какой-либо классовой идеологии, но и без идеологии вообще невозможно ни воспитание молодежи, ни мобилизация гражданского общества. По-видимому, *необходим определенный синтез традиционных и современных ценностей*, продвинутого традиционализма, консерватизма и социального либерализма; на основе этого синтеза может сформироваться идеология «общего дела», которая становится все более необходимой. Пока что такой синтез в российском обществе выражен лишь в незначительной мере, но потребность в нем растет и будет усиливаться по мере того, как страна будет сталкиваться с новыми внутренними и внешними вызовами.

Глава 8. Октябрь и риски: политика в жанре исторической социологии

Октябрьская революция 1917 г. в России не раз анализировалась как образец революционного действия. Но из всей литературы по ее истории и значению сложно припомнить работы, рассматривавшие бы с аналитической тщательностью сопутствовавшие этому событию риски, присутствие которых для принимавших решение о восстании было хорошо известно. 10 октября 1917 г. в ЦК партии большевиков было принято решение, ставшее после реализации событием исторического масштаба, — решение «о выступлении»¹. Это решение и его реализация как раз сопровождалась аргументированными поступками, в сумме составляющими измерение Октябрьской революции, связанное с риском.

Популярная ныне в социологии концепция «общества риска» (ее создал под влиянием Чернобыля в полемике с крупным немецким социологом Н. Луманом (1927—1998) другой немецкий социолог социал-демократических взглядов У. Бек (1944—2015)) в данном контексте понимается скорее в теоретических рамках, творчески предложенных российским социологом-исследователем О. Н. Яницким. Он справедливо констатировал, что практически всякое вмешательство человека в естественный ход развития природы или общества несет в себе долю риска², поэтому определенные ситуации и виды риска целесообразно исследовать конкретно. Прошлое социология анализирует в рамках исторической социологии. Такой подход подсказывает важную рамку рассмотрения и данного события (25 октября), и его исторических последствий. Рамку, хотя и с долей метафоричности, но, во всяком случае, серьезную — теоретическую и предельно привязанную к исторической конкретике. Без риска нет политики, да и человеческой жизни вообще, — говорит эта теория, если ее мак-

1 Протокол № 25 заседания ЦК РСДРП(б) 10(23) октября 1917 г. // Протоколы Центрального комитета РСДРП. Август 1917 г. — февраль 1918 г. М.; Л.: Госиздат, 1958 (1929). С. 93.

2 См.: Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3—35.

симально сжать. Опыт самого Октября 1917 г. и судьба «продолжения дела Октября» данное обстоятельство доказывают, позволяя сделать определенные выводы для современности.

Сомневаться в том, что наличие факторов риска в замысле идти на взятие власти играло едва ли ни главную роль в возникшей среди верхушки большевиков полемике «за» или «против», не приходится. Руководители большевиков (ЦК) 10 (23) октября 1917 г. на риск пошли и приняли решение о восстании («выступлении»). 16 октября это решение было подтверждено; однако к оппонентам курса на восстание примкнули еще несколько большевистских вождей. Протоколы заседаний ЦК большевиков и в послеоктябрьские дни и недели буднично констатируют артикуляцию и сохранение двух позиций (при какой-то доле колеблющихся).

Отдавая себе отчет в рискованности взятия власти в этот момент русской и международной революцией, Зиновьев и Каменев совершили хрестоматийно известный поступок — проголосовали “против”³. Они оказались в одиночестве (двух лиц) на решающем для Октябрьской революции заседании ЦК большевиков против вооруженного восстания, изложив мотивы голосования. Суть их реально фундированных соображений такова: победа не обеспечена, риски неудачи и ответственность слишком велики. Подтверждение тому в документах последовавших заседаний ЦК большевиков (в конце октября — начале ноября с. ст. 1917 г.), зафиксированных тогда, в бурно менявшейся обстановке аргументов, раскрывающих новые и новые грани риска, которые усматривали сомневавшиеся и колебавшиеся в намерении брать власть, в целесообразности ее взятия сторонниками Ленина.

Ленин вместе с большинством ЦК поступили по максиме «блага революции — высший закон». Не забудем, «большинству» членов ЦК были свойственны качества и недостатки молодости, включая допустимость идти на рискованные шаги подобного рода. Роль в их решении стать на сторону Ленина сыграл и авторитет лидера партии; многие видные большевики уже к тому времени взяли за правило голосовать так, как предлагает Ленин. В ситуации конца октября 1917 г. у Ленина ряд аргументов

3 Протокол № 25... С. 101.

“за” — от международного положения до настроений широких масс Петрограда, фронтовиков и др. В то же время решающую роль, видимо, сыграло то, что Ленин как революционер в складывавшейся ситуации не считал возможным отказаться от известного риска (все равно все учесть невозможно — его могли, например, убить), оставив разбираться с последствиями предстоявшего шага преемникам и ученым. Ленин перед смертью воспроизвел суть своей логики. В заметке (фактическом завещании) по поводу «Записок о революции» Суханова, он воспроизводит правило Наполеона: апофеоз риска, солидно обоснованного теоретически. «Помнится, Наполеон писал: *«On s'engage et puis... on voit»*. В вольном русском переводе это означает: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 г. в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или НЭП и т.п.»⁴.

Таким образом, реальность рисков, стимулировавших сомнения Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева, налицо. Их сомнения, даже если не брать их в полном объеме, уже в 1917 г. стали подтверждаться историческими событиями: начиная с отказа потенциальных союзников и номинальных социалистов из рядов меньшевиков (левые эсеры на время становились на сторону большевиков, непоследовательно и с колебаниями) поддержать Октябрьскую акцию большевиков. Все это известно. Но в литературе по истории Октябрьской революции, в исследованиях революции как объекта политической науки, в социологии революций мы с трудом обнаружим свидетельства о том, какими факторами оперировали оппоненты Ленина в октябрьские дни и недели, вынудившими их выступить против решения о захвате власти. И практически ничего не находим о том, как «рисковый» характер решения взять власть сказался на дальнейшей траектории «страны победившего Октября».

Дело в том, что влияние факторов риска, «всплывших» в канун Октября, проявлялось в дальнейшем по всему ходу исторического процесса продолжения дела Октября. Это — во-пер-

⁴ Ленин В. И. О нашей революции (По поводу «Записок» Н. Суханова). ПСС. М., 1970. Т. 45. С. 381.

вых. И во-вторых, отвергнутые в канун Октября аргументы (акцентировавшие риски) в дальнейшем были преданы забвению. В-третьих, забыли о них не историки, а поколения политиков, номинальных продолжателей дела Октября. Крах СССР в 1991 г. по-своему воспроизвел риски, составившие ядро полемики Ленина с сомневавшимися в целесообразности взятия власти большевиками.

Этот эпизод (маленькая «деталь») в истории Великой Октябрьской социалистической революции, рассмотренный через призму «теории риска», много говорит о содержании и исходе советской истории. Начало и предпосылки ее конца существенно своей связаны с категорией риска, а также с тем, что в этом плане было артикулировано накануне Октябрьского переворота. Данный факт свидетельствует о горизонтах политического мышления преемников Ленина и их масштабе как политиков, проявлявшихся в практических решениях. Но это обстоятельство указывает на уроки, которые следует из данного факта извлечь нынешним поколениям лиц, принимающих важные для страны и народа ключевые политические решения. Еще оно говорит о скрытом за этим фактом стержне политики как принятия и проведения в жизнь политических решений (а решение ЦК большевиков идти на захват власти было как раз образцом такого решения).

Риск самим фактом своего присутствия в политике обязывает политиков (и тех, кто выступал в роли «продолжателей дела Октября», руководителей СССР) доказывать на разных этапах развития процесса, начало которому Октябрь положил, оправданность совершенного когда-то ими (или их предтечами) «рискового» действия. Это — во-первых. Во-вторых, в практических действиях этих политиков — наследников Великой революции — правомерно (задним числом это нетрудно заметить) было бы ожидать понимания связей текущих политических решений с исходными — и, следовательно, фундаментальными для наследия Октября — социальными факторами, идеалами, ценностями, формировавшими аргументацию сторонников курса на взятие власти и их оппонентов. Осмотрительность такого рода этой когорте советских политиков была чужда. Вначале нагнетавшаяся с определенными целями эйфория по поводу Октябрьской

победы, замалчивание релевантных ее трудностей, проблем и — повторимся — рисков, затем политические соображения борьбы за власть, за влияние. Далее — ушли очевидцы, в переписанной истории данный эпизод предстал с иными акцентами. Потом актуальность, релевантность угасли, остались мифы и требования политико-пропагандистской целесообразности.

Анализ обстоятельств, повлиявших на принятие решения «о выступлении» в Октябре 1917 г., и факторов, сформировавших аргументы и решение голосовать «за» и «против», позволяет обратить внимание историографа на неожиданные грани сложившихся за сто лет представлений об этом событии. Прозвучавшие аргументы и сомнения связаны со всем тем, что образовало и сущность политической, международно-политической, социальной, даже политэкономической истории страны после Октября. Ниже эта связь раскрыта, сейчас же целесообразно акцентировать следующее.

Судьба данной революции в историографии сложилась так, что она (историография 1917 г. в советской и просоветской версиях) рассматривалась до самого конца СССР как результат закономерного, предсказанного учением Маркса и Энгельса перехода человечества от капитализма к социализму и коммунизму в мировом масштабе. Соответственно, усилия историков, ее анализировавших или описывавших, сосредоточивались вокруг предпосылок успеха сторонников пролетарской, социалистической революции, ее успешного удержания, вокруг предпосылок реализации прогноза Маркса и Энгельса о смене капитализма социализмом и т.д.

Вполне естественно, что сопровождавшие взятие власти сомнения и возражения, имевшие под собой почву, из такой рамки анализа выпадали. В результате то, чем реально рисковали голосовавшие за предложения Ленина, при всей реальности звучавших предупреждений, реальности, признанной Лениным (см. цитируемую им в 1923 г. фразу Наполеона), самим продолжателям дела Октября представлялось политически малозначимым, и частично было предано забвению. Ущербность понимания «уроков Октября» (просим не упрекать за использование фразы Троцкого, сказанной в ином контексте и наполненной совсем иным содержанием) постепенно превратилась в посто-

янный фактор при принятии всего широкого круга решений, которые образовывали действия власти как «продолжателей дела Октября».

Все реальное и разумное, что отражено было в позициях оппонентов Ленина по вопросу взятия власти, стало даже в серьезной аналитике табуироваться. Но не табу оказалось самым страшным. Хуже всего было то, что целый пласт реальных факторов — если бы «продолжатели дела Октября» их действительно по-научному помнили, знали, учитывали — потенциально мог выступать предпосылкой принятия уже в иное время и иных обстоятельствах властных решений. По меньшей мере, некоторые акценты их были бы иными, нежели это имело место в завершившейся крахом СССР реальной советской истории.

Не считаем, что такая постановка вопроса в какой-либо мере оправдывает поступок Зиновьева и Каменева или утверждает правильность их позиции и анализа ситуации. История не судит и не оценивает сделанное кем-то и когда-то. Речь идет об упоминавшихся тогда факторах риска. История сомнений этой «парочки» в данном случае стала заложником политики, десятилетиями проводившейся «наследниками» и «продолжателями» дела Октября, для которых факты исторической науки были далеко не на первом месте. Спустя 100 лет с момента эпизода с голосованием “против” пора рефлексировать этот факт всесторонне. Полагаю, обстоятельства, связанные с рисками взятия власти, сомнениями части большевистских лидеров, содержат в себе существенные уроки для грядущих поколений.

Поддержка большевиков (и Советов) трудящимися была величиной колеблющейся (это входило в аргументацию Зиновьева и Каменева), но она оказалась таковой (о чем никто не думал в терминах рискованности шага 25 октября 1917 г.) на всем протяжении советской истории. Данный фактор риска работал до последних лет СССР, практически на всем протяжении советской истории, давая о себе знать в разных формах: от постоянных колебаний поддержки «народом» (рабочими, крестьянами, солдатами и матросами и т.п.) Советского правительства до назойливых (выдававших скрытую неуверенность) лозунгов позднего советского времени «Народ и партия едины». Пушкинское «народ безмолвствует» (вероятно, пара-

фразы сентенции О. Мирабо «молчание народов — урок королям») было забыто.

Данная компонента риска была постоянным фактором существования советской системы. Неучет, выраженный в невнимании власти имущих и к другим проблемам политической сферы (поддержка армией, национальными окраинами, международное положение, зрелость предпосылок «выступления» в других странах и т.д.), сопровождал «дело Октября» до конца. Сумма неучтенных факторов сыграла свою роль в уходе с исторической арены продолжателей дела Октября, построенной вокруг наследия Октября партии, ее ценностей, теории и идеологии, поддерживавшихся ею партий и движений за рубежом и т.д.

Существенные компоненты риска «октябрьского» решения о восстании не ограничивались отмеченными выше. Рисковали всем, начиная с личного благополучия, а возможно жизнью, но этот риск был частью биографий и этики революционеров, выживавшейся десятками лет. Рисковали Советами. И проиграли. Власть в 1917 г. формально перешла к Советам; но решения — даже в условиях не долгой правительственной коалиции с левыми эсерами — принимались ядром большевиков, сплоченным вокруг Ленина. Утрата потенциальных возможностей Советов обернулась в итоге утерей мобилизационного механизма, рожденного социальным движением народных масс, «социальной технологии» связи власти с максимально широкими слоями народа, учитывая эволюцию Советов как голоса рабочих, крестьян, солдат и матросов 1917 г. к Советам депутатов трудящихся, затем — Советов народных депутатов. Рисковали судьбами международного революционного движения — факт тогдашней истории, не ограничивавшийся силами Коминтерна.

Рисковали и проиграли. Частично потому, что изначально присутствовавший фактор риска в деятельности этих сил не принимался во внимание в качестве постоянно действующего. Оппоненты этот фактор учли: в германской революции 1918–1919 гг. лишь поднимавшаяся контрреволюция незамедлительно физически уничтожила вождей германских «большевиков» (в этом же ряду совершенное много десятилетий спустя бесстыдное предательство Наджибуллы). Далее: взятие власти большевика-

ми было фундаментально обосновано теоретически (включая международный аспект — империализм, мировая война и т.д.). Последовавшие действия руководства страны, особенно в отсутствие Ленина, на протяжении десятилетий серьезных теоретических обоснований решений по внутренним и внешним задачам не обнаруживают. В свою очередь, акцентирует еще одну грань риска осени 1917 г., риска марксистской теорией. В итоге «проиграны» ключевые достижения марксизма — идеи социализма и путей его построения, первых шагов к нему и т.д., — включая много обсуждавшуюся, но поверхностно понятую диктатуру пролетариата.

Рисковали — и проиграли — не раз приносившимся в жертву и физически, и политически пролетариатом, лишь номинально прислоненным к власти партийно-государственной номенклатуры. При принятии решения о восстании по ряду причин — фундаментальных и мимолетных — были лишь попутно отмечены риски в учете многонационального характера страны, власть в которой брали большевики. Интернационализму к концу пути «под знаменами Октября» также нанесен непоправимый ущерб.

Забытые факторы риска — бесспорный и важнейший для понимания судеб факт того, что одно время называли делом Октября. Риски взятия власти были забыты не учеными, им этот факт стал в свое время известен, а поколениями тех, на кого выпала миссия идти (и вести за собой страну и ее союзников) по пути Октябрьской революции. И это не только еще одна грань истории революции 1917 г., нашей страны и мира. За ней стоят политические уроки, скрытые практически незамеченными обстоятельствами.

Ленин, цитировавший фразу Наполеона, и судьба СССР однозначно доказывают неполноту наших (и наших предшественников у власти) представлений о политических решениях, принимавшихся и реализовавшихся в СССР и содержащих в себе прямые или косвенные «следы» рисков, которые, в свою очередь, игнорировались. Это важный урок Октября. Политикам нужно осознанно рассчитывать риски политического действия; но и постфактум об имевшем место риске забывать нельзя. Особенно, если речь идет о событиях, влияющих на ход истории и жизни поколений.

Но если акторы — творцы Октября, продолжатели его дела о рисках, тема которых всплыла в октябре 1917 г., — быстро забыли, то сейчас наука знает образцы иного отношения к рискам. Так, например, совсем недавно западные социологи отреагировали⁵ на весть о риске, который еще только может обнаружиться в 2070-е годы⁶. Речь идет о рисках, связанных с возможными последствиями избыточного накопления на одном из полюсов обществ материальных богатств. Это пример научной ответственности и политической дальновзоркости. Будем надеяться, такая практика не ограничится англичанами и восполнением лакун в знании, пониманием и объяснением их появления и их возможных последствий. В начале XXI века есть опыт перевода научных знаний в плоскость политических, управленческих технологий. Последние — в дискуссионном порядке — могут быть следующими:

1. В университетские программы, по которым обучаются разного уровня лица, поступающие на госслужбу, повышающие квалификацию, следует вводить разделы о сопровождающих политику (с ее квинтэссенцией — принятие и проведение в жизнь решений) рисках, включая ориентацию на них и при принятии будущих решений аналогичной сферы. Это своего рода “*sine qua non*”, или “*it is a must*”, для лиц, принимающих решения (ЛПР), особенно если за буквой «Р» стоят решения исторические.

2. Целесообразно в работе с персоналом и при его обучении оценивать масштаб политического мышления конкретных лиц данного профиля и уровня, их умения видеть дальше сиюминутного, контингентного, дальше указаний сверху; короче — думать на несколько ходов вперед, ориентироваться на будущее (это означает, как ни парадоксален сей факт, ориентацию и на прошлый опыт), мышлению в масштабах исторического времени. Практически это означает умение анализировать явление, процесс от его истоков, возникновения — через пройденные этапы — до современного состояния. Шаги в будущее следует сверять с факторами, коренящимися в прошлом

5 British journal of sociology. Special issue: Piketty symposium. 2014. Vol. 65. Issue 4. P. 589–747. [Электронный ресурс] // Online library. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1468-446.12106/epdf> (дата обращения: 12.06.2015).

6 *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: «АдМаргинем», 2015. 592 с.

3. Без такого рода анализа поле политики превращается в поле риска, в своего рода минное поле, карты которого отсутствуют, особенно если учитывать еще и роль рисков, таящихся впереди, в будущем. Здесь нет иного пути, как прислушиваться к мнению и прогнозам науки — случай Пикетти с рисками 2070-х годов поучителен.

4. Теория риска в политической социологии, особенно в разделах принятия политических решений на высшем уровне, однозначно говорит, что российская политическая система сохраняет контрпродуктивный «черный ящик» (принятия решений). Такие практики множат риски, скрывая возникающие в контексте принятия решения сомнения и вытекающие из них соображения.

Глава 9. От 1861 к 1917 г.: долговременные социальные и политико-правовые последствия крестьянской реформы в России*

«...Устами каждого воскликну я “Свобода!”,
Но разный смысл для каждого придам...»

М. А. Волошин «Ангел мщения». 1906

В данной главе предпринята попытка проследить глубинную и сущностную взаимосвязь Крестьянской реформы 1861 г. и революционной катастрофы 1917–1918 гг. в России. Анализируются социально-политические последствия того способа разработки и реализации реформы, который предполагал пролонгацию и даже определенное ужесточение практик политико-правового исключения бывшего частновладельческого крестьянства из социально-политической жизни российского общества. При этом реформа предусматривала существенное усиление фискального гнета и иных способов безвозмездного отчуждения продуктов крестьянского труда. Тем самым была предоставлена возможность ее разработчикам (образованнейшим и позитивно мотивированным государственным мужам России) удовлетворить за счет «реформируемых» ряд острейших, актуальных на тот момент потребностей государства (поправить состояние финансов и бюджета, найти ресурсы для поддержки помещичьего сословия и пр.). В результате российское крестьянство было *de facto* «законсервировано» еще на несколько десятилетий в «общинно-переделном гетто», что к началу XX века сформировало главную, стратегическую угрозу самодержавному имперскому порядку.

Пересмотр этой политики в ходе революции 1905 г. и реформы П. Столыпина не смогли (не успели?) упразднить доминирующее положение переделной общины в российской деревне; да и вряд ли предполагали такую цель. Они лишь сделали очевидным и политическим размежевание переделной и подворно-хозяйствующей деревни. А с весны 1917 г. стихия аграр-

* Текст данной главы представляет собой переработанный вариант статьи, ранее опубликованной в журнале «История и современность». 2017. № 2. Сентябрь. С. 215–242.

ной, общинно-переделной революции сделала это размежевание публичным и основным в повестке общероссийской политики. Практики этой борьбы, эффективно освоенные радикально-революционными партиями, стали тем тараном, с помощью которого была осуществлена значительная часть работы революционного низвержения старого социально-политического и частнопроводного порядка. Начался новый, советский этап российской истории.

* * *

Крестьянская реформа 1861 г. и революционная катастрофа 1917–1918 гг. — связь между этими двумя ключевыми событиями современной российской истории практически очевидна для всех и каждого, однако ее причинность (*каузальность*) и фундаментальная природа остаются до настоящего времени не вполне ясными и вызывающими горячие дискуссии концептуально-мировоззренческого порядка. СВОБОДА, дарованная в 1861 г. российским самодержцем рабам своих подданных (*частновладельческим*, или крепостным *крестьянам*¹), выглядела таковой лишь с позиции эмансипаторов: самодержавной власти и помещичьего сословия, — что отразилось в соответствующей риторике «освободительной эпохи» и в традиции формально-правовых оценок свершившегося. Реакция самих крестьян была, как известно, по меньшей мере, неоднозначной. Но если первоначальное разочарование прежде частновладельческого крестьянства сосредотачивалось в основном на систематическом и повсеместном завышении выкупной цены крестьянского

1 Два эти термина, используемые, зачастую, как синонимы, несут в себе принципиально различные смыслы: в одном случае — личную зависимость крестьянина от частного лица, его хозяина; в другом — его «крепость», его жестко контролируемую государством связь с землей, с обрабатываемой им пашней. И это смысловое разногласие, коренящееся в не всегда отчетливом различении природы зависимости/несвободы этой наиболее массовой группы российского крестьянства, сплошь и рядом привносит смысловую зыбкость и двусмысленность в наше понимание существа аграрного вопроса в России XIX–XX веков, а в более широком смысле — в понимание природы современного российского общества, его социальной, поселенческой и даже демографической структуры, его культуры, практик повседневности, деятельностных установок, особенностей его трансформации в последние полтора столетия, изменения его идентификационных ориентиров и ценностных предпочтений.

надела и практике пресловутых «отрезков», то со временем стало доминировать ощущение кабальности нового пореформенного положения, растянувшегося на новые десятилетия фискального закрепощения крестьянина в общине.

Поясним кратко существо пресловутой общинно-передельной практики крестьянского землепользования. Такая практика (не путать с практикой соседской общины) вводилась властями, как правило, в качестве альтернативы подворному землевладению лишь по мере нарастания дефицита земель (роста малоземелья). Причем зачастую довольно поздно — лишь в начале, а порою и в середине XIX века, — вытесняя прежний обычай наследственного пользования земельными участками. Это видно на примерах, скажем, удельных крестьян, особенно в северных и приуральских губерниях (в данном случае, что характерно, такая практика вводится по распоряжению удельного управления). Реформа 1861 г. резко усилила «земельный голод» крестьянства. Это происходило отчасти за счет распространения «отрезков» и «сиротских наделов», отчасти в результате начавшегося, невиданного прежде «демографического взрыва» в пореформенной российской деревне, дополнительно имобилизованной политикой консервации общины и перспективой последующих переделов.

В итоге реформа стимулировала усиление общинно-передельных практик, фактически стремясь легализовать и кодифицировать их (см. соответствующий закон 1893 г.), но тем самым подрывая возможности развития частного (семейного) крестьянского землевладения, равно как и распространения и укоренения частной собственности и наследственного права в сфере аграрных отношений.

Вместе с тем вовлеченное в реформу бывшее частновладельческое крестьянство условиями реформы исключалось, как это будет показано ниже, из социально-политической жизни российского общества, что формировало главную, стратегическую угрозу имперскому порядку, лишь усиливающуюся в течение всего предреволюционного полувека.

Некоторый пересмотр позиций власти в отношении передельной общины произошел, как известно, лишь под давлением событий 1905 г. И если реформы Столыпина обозначили

вынужденный отказ власти от политики опеки общинного строя (прежде, в течение всех пореформенных десятилетий, основы фискального и полицейского закрепощения «освобожденного» крестьянства), то судьба самого реформатора— раздраженную реакцию власти на это свое вынужденное решение.

Наиболее дальновидные защитники самодержавной власти (такие, например, как С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, А. И. Гучков, во всех прочих политических вопросах, как правило, расходившиеся) ясно осознавали неблагонадежность общины в новых условиях. Но и вожди радикальной социал-демократии прекрасно видели уникальные возможности использования доведенной до отчаяния передельной общины в качестве своего рода «социального рычага» для сокрушения прежней российской государственности и обретения власти в стране. И позднее, в период революционной смуты лета—осени 1917 г. ставка большевистских лидеров (прежде всего, Л. Д. Троцкого и В. И. Ленина) на радикальное решение аграрного вопроса, на всемерное поощрение и разжигание *общинно-передельной революции*² в конечном счете обеспечила большевикам не только успех в деле разложения прежнего самодержавного режима, но и решающее преимущество в борьбе с многочисленными протобуржуазными политическими движениями за политическую гегемонию в потерявшем ориентацию и способность к эффективной самоорганизации обществе.

В одной из своих публикаций известный исследователь Крестьянской реформы Л. Г. Захарова констатировала, что реформа 1861 г. «не решила земельного вопроса», а лишь завязала «гордиев узел», который не сумели развязать две буржуазно-демократические революции³. Но, в полном соответствии с духом *метафоры*, большевики, идущие своим, особым путем в политике, не стали тратить время попусту и развязывать старые узлы, шадить все еще непрочную социальную ткань. Они дали стране образец иной, радикальной практики, «разрубив» узел аграрных проблем

2 См.: Пивоваров Ю. С. О русских революциях. Послесловие // Труды по русистике: сборник научных трудов / Гл. ред. И. И. Глебова. М.: ИНИОН РАН, 2009. Ч. 1: С. 36—48.

3 Захарова Л. Г. Самодержавие и реформы в России. 1861—1874. (К вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы в России. 1856—1874 / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М.: Издательство МГУ, 1992. С. 42.

посредством национализации земли и в этих новых условиях предоставив на первых порах (в самый критический момент своей борьбы за власть, в которой их шанс на победу был обусловлен беспощадным разрушением прежнего социального порядка) именно *передельной крестьянской общине* «эксклюзивное право» решать вопросы землепользования на местах.

С формально-правовой и либерально-демократической точек зрения, община была рудиментом прошлого — и уже фактически преодоленным. Тем не менее потенциал «преодоленной» общины оказался достаточным не только для инициации и проведения радикальных аграрных преобразований и тотального «поравнения» в деревне с последующим введением в ней режима продразверстки (январь 1919 г.). Именно с ее помощью большевистский режим смог «поставить на колени» российский «город» и обеспечил себя ресурсом для проведения не только в «деревне», но и в стране в целом политики *военного коммунизма* (с конца 1917 по март 1921 гг.). Именно используя ее (общины) разрушительный для страны «эгоизм» краткого периода «вакханалии земельных переделов»⁴ большевики создали предпосылки для утверждения в России на десятилетия вперед нового *коммунистического* самодержавного режима. В связи с этим представляется целесообразной следующая постановка исследовательских вопросов.

1. Практические формы осуществления аграрных преобразований, инициированных реформой 1861 г., во многом предопределили конфликтный характер пореформенной эпохи. Первые признаки усиливающегося социального неблагополучия обнаружились довольно скоро⁵: знаменитые петербургские пожары 1862 г., последовавшие затем первые эксцессы террора, первые опыты «нечаевщины», крах народнической авантюры «хождения в народ», бесовство народовольцев, жестокое, роковое по своим последствиям убийство «царя-освободителя». И уже при новом государе Россию потряс голод 1892—1893 гг., невиданный, подготовленный пореформенной аграрной политикой и спровоци-

4 Лапкин В. В. Община в предреволюционной и революционной России // Известия АН СССР. Серия экономическая № 5. 1989. С. 132.

5 Характерно, что при этом деревня, несмотря на многочисленные локальные бунты, в целом фактически безмолвствовала.

рованный новой государственной стратегией накопления финансовых ресурсов (о чем подробнее будет сказано позже). Сквозь полосу кризисов и социальных потрясений страна вступала в XX век, раскручивая маховик «Красного колеса» (выражение А. И. Солженицына) и культивируя фантазмагорию подполья радикальных социалистических партий в безбуржуазной России.

А параллельно с этим — особенно в 1890-х годах и с новой силой в 1910–1914 гг. — бурно росли новые отрасли тяжелой индустрии, добывающей и перерабатывающей промышленности, казенного железнодорожного строительства. Наблюдался рост пролетариата, появились отчетливые признаки финансовой стабилизации, укрепления рубля и грядущего экономического расцвета, перспектива выхода страны на передовые позиции в ряду индустриальных держав.

В чем же секрет и в чем разгадка этой поразительной и в известном смысле противоестественной взаимосвязи? Этого *de facto* весьма эффективного симбиоза социального неблагополучия сельских масс и расцвета городской промышленно-финансовой цивилизации в России начала XX века?

2. Как случилось, что передельная община, на которую как на естественную опору государственного строя России сделали ставку самодержавные реформаторы-освободители 1861 г., по мере реализации реформы превращалась в основную революционную, тотально разрушительную силу, грозящую, подобно нашествию гуннов, уничтожить прежний социальный порядок? Чем объяснить тот удивительный факт, что именно неумолимо влекомая обстоятельствами к окончательному разложению община в своей как бы «предсмертной конвульсии» смогла стать мощнейшим, глобального масштаба фактором социальной трансформации? В чем секрет столь резко возросшей в пореформенную эпоху ресурсной мощи этого «отмирающего» института?

3. Как, наконец, объяснить то обстоятельство, что, *de jure* решительно упразднив частновладельческое крепостничество, Реформа, рассматриваемая в аспекте ее неотвратимых и практически непреодолимых последствий, подготовила семь десятилетий спустя тотальное государственное закрепощение российского общества, что в сфере аграрной политики приняло формы пресловутого Второго крепостного права (большевиков),

ВКП(б)? Аграрная реформа 1861 г. — прорыв или псевдорешение? Попытка модернизации через сегрегацию?

* * *

В середине XIX века к крестьянскому сословию в России причислялось, по оценкам, около 80% из 57 млн ее населения. При этом, по данным Девятой ревизии 1851 г., из проживающих в стране 29 млн лиц мужского пола владельческие крестьяне составляли 37%, государственные (без учета Закавказья и сибирских губерний и областей) — 31%, удельные — 3%⁶. Основным актом реформы 19 февраля (3 марта) 1861 г. — «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» — бывшие крепостные (или как их еще называли, частновладельческие⁷ крестьяне переставали числиться таковыми и объявлялись «временнообязанными» и получающими права «свободных сельских обывателей». Уже в одной этой вполне банальной и исчерпывающе объективной фразе содержатся все три ключевых момента «лукавства» реформаторов, в итоге завазавших, как уже упоминалось выше, неодолимый «гордиев узел» российского аграрного вопроса.

Начнем с самого «невинного» из трех.

Термин «частновладельческое крестьянство» в определенном смысле даже более одиозен, нежели термин «крепостные», поскольку в первом случае речь впрямую идет о *владении людьми* (т.е. о *рабстве*), тогда как во втором — лишь о закрепощении, т.е. ограничении их прав и свобод⁸. Этот терминологический «разнобой» примечателен, так как «частновладельческое крес-

6 Кеппен П. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1857. С. 215–216.

7 Всего от личной крепостной зависимости, согласно «Общим положениям...», подписанным Александром II, было освобождено 22,5 млн крестьян. См., напр.: Малая Советская энциклопедия. М., 1959. Т. 5. С. 99–103.

8 Важнейшим таким ограничением был запрет покидать то сельское общество, к которому принадлежал каждый член крестьянского сословия, без письменного разрешения (паспорта), получаемого от помещика (для частновладельческих крестьян) или местной администрации (для государственных или удельных крестьян). Впрочем, на протяжении всего периода крепостного права и, особенно, со второй половины XVIII века это ограничение в массовом порядке преодолевалось практикой отходничества.

тьянство» — термин, соответствующий «юридической точке зрения на предмет» с позиций господствующего землевладельческого класса, фиксирующий желательную для него оценку положения вещей⁹. Напротив, в общественной традиции, более чувствительной к понятиям морали и справедливости, закрепился термин «крепостные», более неопределенный и расплывчатый юридически, но более соответствующий неопределенности во взаимоотношениях крепостных и их господ, а также не меньшей неопределенности в подходах самодержавия к разрешению противоречий во взаимоотношениях и правовом статусе этих двух важнейших сословий исторического российского государства.

Самодержавие, заботясь о своем европейском имидже, предпочло отказаться от одиозного рабства, «людьмивладения», в любом облики и выражении неприличного в Европе середины XIX века. Но оно не могло «разом» отказаться от крепостнического порядка, намертво связавшего помещиков-землевладельцев, социальную опору режима, и обрабатывающих их земли крестьян, главную даровую рабочую силу Империи¹⁰.

9 Говорить о частной собственности помещиков на крепостных, как, впрочем, и об иных видах частной собственности в России, следует, по меньшей мере, с осторожностью. Крепостное право фактически было административным поручением самодержавия своим доверенным лицам, своему служилому сословию — дворянам-помещикам. И даже после их освобождения Екатериной II от обязательной службы в армии или в структурах государственного управления (Жалованная грамота дворянству от 21.04.1785), они отнюдь не были освобождены от обязанности хозяйственно-административного управления на территории своих поместий; более того, этим их обязанности перед правительством лишь усиливались. «Благодаря новым обязанностям, возложенным государством на помещика, он сам входит в состав административного механизма и заслоняет своей фигурой крестьянина от государства» (см.: *Боголюбов В. А.* Крепостное право в XVIII веке // Крепостное право в России и реформа 19 февраля 1861 г. / Под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1911. С. 59.).

10 А. Н. Медушевский, ссылаясь на одно из положений «Наказа» Екатерины II, приводит суждение Императрицы о возникновении в ходе исторического развития аграрных отношений тупиковой ситуации, скрепляющей «цепью великой» «барина» и «мужика» (См.: *Медушевский А. Н.* Проекты аграрных реформ в России XVIII — начало XXI века. М.: «Наука», 2005. С. 74.). История знает только два гарантированно результативных средства разрыва таких «социальных цепей»: деньги, рынок, товарное обращение, либо же власть, государ-

Сущностью произошедшего в ходе реализации Крестьянской реформы стало *принуждение крестьян* к принятию *особого правового и владельческого статуса* членов поземельной общины, связанных круговой порукой. Иначе говоря, лиц, выведенных из под общей юрисдикции и со временем отданных под попечительное усмотрение земского начальника; лиц, чье положение в государстве С. Ю. Витте в свое время детально сопоставил с «положением взрослых детей (существ особого рода)»¹¹.

Иными словами, Крестьянская реформа *провозгласила лишь отмену личной зависимости частновладельческих крестьян от помещика, но не их крепостной зависимости, привязывающей крестьянина к его тяглу, его земельному наделу* (в абсолютном большинстве интересующих нас случаев — в рамках системы общинного землевладения, что было особо обусловлено «Общим положением...» 1861 г.). Крепостная зависимость в 1861 г. отменена не была, *а была лишь отчасти смягчена*. Отчасти, поскольку возможность *de jure* выхода из крепости упростилась (*de facto* отходничество уже в период крепостничества предоставляло многим крепостным такую возможность). Но это «ослабление» компенсировалось усилением налогового бремени крестьянства, остающегося в общине, и общим увеличением принудительного изъятия (как абсолютного, так и относительного) производимого общинным крестьянством продукта. Провозглашалось лишь упразднение *частновладельческого состояния*, реформа предполагала упразднение права помещиков на владение этим *особым видом частной собственности* (крестьянами). Тогда как крепостное состояние крестьянства, пусть и в «мягкой» форме, сохранялось.

Предметом реформы стал лишь этот частновладельческий статус крестьян, тогда как крепостная зависимость оказалась более фундаментальным элементом «русской системы». Отказ

стvenное принуждение. Выбирая путь реформ, российское самодержавие предписало *деньгам* роль важную, но, по мнению властей, вспомогательную, способствующую *принуждению* крестьян к существованию в особом правовом и владельческом статусе общины. Это, кроме прочего, имело и сугубо прагматические для власти последствия, позволяя ей до высшего предела увеличивать изъятие прибавочного, а порою и необходимого продукта сельского производителя.

11 Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991. С. 515—516.

от этого краеугольного ее элемента произошел, в конечном счете, лишь спустя столетие, когда окончательно завершился переход к новому, индустриальному формату существования, а на смену архаичной «крепости» в качестве механизма контроля пришла «прописка», предполагающая обязательное наделение всего населения теми самыми *паспортами*, которые прежде требовались покидающим свое сельское общество отходникам.

Вторым моментом «лукавства» реформаторов стало введение «временнообязанного» состояния. «Общим положением...» 1861 г. срок временнообязанных отношений установлен не был. В то же время характер этих отношений фиксировался в «уставных грамотах» размерами общинных наделов и крестьянскими повинностями в рамках общинной круговой поруки. На время этого переходного состояния помещики, остающиеся собственниками земли, обязаны были, согласно «Общему положению...», предоставить в пользование крестьянам «усадебную оседлость» (небольшой участок земли, окружающий их жилище), а также полевой надел — в *коллективное пользование сельскому обществу*. Пользование полевым наделом (до заключения выкупной сделки) предполагало сохранение за крестьянской общиной, предусмотрительно скрепленной круговой порукой, прежних (слегка смягченных) повинностей в пользу помещика (оброка и барщины). При этом в течение девяти лет крестьяне были лишены права отказаться от пользования наделной землей. Помещик становился «попечителем» сельского общества временнообязанных крестьян, наделенным в своей вотчине фактически полицейскими функциями и правом решительного вмешательства в действия новой сельской администрации. При этом крестьяне считались теперь лично свободными.

Составление «уставных грамот» было в основном закончено к середине 1863 г., и именно в ходе этого процесса были практически и юридически закреплены на десятилетия вперед стороны противостояния интересов в пореформенной деревне. Дело в том, что обязывающие условия «уставных грамот» оговаривались не с отдельным крестьянином, домохозяином, а с крестьянским «миром» как целым. Тем самым именно «мир» целенаправленными усилиями власти превращался в нового российского крупного землевладельца, хозяина неотчуждаемой

общинной земли, объективно становясь альтернативной помещику силой российской деревни, живущей в условиях *особого* правового режима. Вместе с тем этот роковой выбор власти (его мотивация — предмет особого разговора) на многие годы, вплоть до первой русской революции, задал своего рода *mainstream* развитию аграрных отношений в стране, когда «мир» и поземельная община (в обеих ее формах — и передельной, и, что встречалось реже, практикующей подворное землевладение) рассматривались как норма, основа стабильности российской деревни, а *частное* крестьянское землевладение — в лучшем случае, как курьезная и подозрительная девиация.

Предусматривались различные варианты прекращения временнообязанного состояния и перехода на выкуп. Принято считать, что общим правилом было требование взаимного добровольного соглашения между помещиком и крестьянами. На деле это было далеко не так. Интерес помещиков заключался в получении от правительства процентных бумаг в счет оплаты земель, переходящих в собственность крестьянской общины. Крестьянская община при этом принимала на себя обязательства уплаты правительству процентов и погашения по выданным выкупным ссудам из расчета 6% в год в течение 49,5 лет. Предоставление ссуды было обусловлено приобретением крестьянской общиной усадьбы оседлости *вместе* с полевыми землями и угодьями. При этом полевой надел мог, в зависимости от выгод помещиков, уменьшаться посредством «отрезков», которыми стимулировались барщинные отработки, или, что было реже и в областях, где рыночная стоимость земли была невысока, даже увеличиваться в сравнении с дореформенным. К тому же община должна была накопить ресурсы (зачастую не в денежной, а в натуральной форме так называемых отработок) для разовой выплаты помещику 20% выкупной суммы, пресловутого дополнительного платежа, являющегося условием перехода на выкуп по взаимному соглашению¹².

Если же крестьяне не хотели договариваться с помещиком, то у них была возможность выкупить лишь усадьбу; при этом выкупную сумму крестьяне должны были внести самостоятельно-

¹² См., напр.: Россия: Энциклопедический справочник / Под ред. А. П. Горкина, А. Д. Зайцева, В. М. Карева и др. М.: «Дрофа», 1998. С. 136–137.

но и сполна. Кроме того, отказываясь от права выкупа, крестьяне могли получить бесплатно так называемый «дарственный надел» в размере четверти от надела, подлежащего выкупу. Такая практика была распространена в черноземных губерниях, где высокая цена земли, назначаемая помещиками, часто делала выкуп полного надела разорительным для крестьян.

В свою очередь, помещик мог также, не договариваясь, обязать крестьян выкупать землю без достижения согласия с ними. В этом случае выкупная сумма определялась оброком, капитализированным из 6% годовых, а дополнительный платеж крестьянами не вносился¹³.

Для крестьян предусматривалась и возможность внесения в полном объеме выкупной суммы отдельным домохозяином, после чего он имел право требовать выделения ему соответствующего участка в частную собственность. Эта возможность со временем стала рассматриваться властью как расшатывающая общинное землевладение и была отменена в 1893 г.; впрочем, ее использование для большинства крестьян было непосильной задачей, и к концу 1880-х годов посредством такой возможности было выкуплено немногим более 100 тыс. душевых наделов.

Несмотря на множественность возможностей перехода на выкуп, его завершение затянулось до начала 1880-х годов, и потребовалось вмешательство правительства, специальным законом от 28 декабря 1881 г. установившего обязательный выкуп

13 К концу 1870-х годов число сделок по требованию помещиков почти вдвое превышало число сделок по обоюдному соглашению. Это было особенно характерно для губерний и уездов, где было сильно развито отходничество, которое стимулировало резкое увеличение размера оброка, не связывая его с плодородием земли. Но поскольку размер выкупных платежей исчислялся исходя из установленного оброка, в регионах массового распространения отходничества — вблизи крупных, особенно промышленных, городов, торговых путей и пр. — эти платежи могли порою в разы превосходить рыночную стоимость земли. В этой ситуации для помещиков весьма заманчивой представлялась возможность «преодолеть» несогласие крестьян путем *принудительного* перевода их на выкуп. При этом потеря крестьянского дополнительного платежа с лихвой компенсировалась существенно завышенной ценой земли, включенной в стоимость процентных бумаг, получаемых помещиками от правительства.

наделов временнообязанных крестьян с 01 марта 1883 г.¹⁴ Только с переходом на выкуп обязательства крестьян перед помещиками по поводу их полевого надела прекращались. Иными словами, *выход из личной зависимости (частновладельческого состояния) de facto растянулся более чем на двадцать лет.*

Итак, непосредственная личная зависимость крестьян от своих бывших владельцев была в конце концов упразднена, «...полномочия владельцев, носившие гражданско-правовой характер, были совершенно отменены, не безвозмездно... но безостаточно. Правомочия же помещика публично-правового характера, например, его власть применять ‘исправные’ наказания и ссы- лать, перешли почти полностью к органам управления, частью к общегосударственным органам, а главным образом, к ‘миру’, к сословному крестьянскому обществу. Последнему была дана почти безотчетная власть над личностью своих членов...»¹⁵. От себя же добавим, что тем самым лишь при Александре III в России было покончено с практикой *владения одних людей другими*. До революции оставалось немногим более 34 лет.

Наконец, по поводу прав и статуса «свободных сельских обывателей», в просторечии — крестьян. От прочих, в том числе и податных сословий, в юридическом отношении они отличались, прежде всего, сохраняющимся действием норм обычного права в отношениях между членами «общества», предусматриваемым законодательством попечительство местных властей (сельского старосты, волостного старшины, позднее — земского начальника) над ними («в целях их хозяйственного обустройства и нравственного преуспеяния»), а также обязательностью их приписки к определенному сельскому обществу или волости, которая давала право пользования земельным наделом, выделяемым сельскому обывателю его обществом.

¹⁴ К концу XIX века временнообязанные крестьяне оставались лишь в Закавказье.

¹⁵ *Вормс А. Э.* Положения 19 февраля // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем / Под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Юбилейное издание. В 6-и томах. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1911. Т. 6. С. 31–32; цит. по: Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права): [сборник обзоров и рефератов] / Отв. ред. В. С. Коновалов. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 51.

Более того, вслед за реформой положения частновладельческих крестьян началось реформирование удельных (26 июня 1863 г.) и государственных (24 ноября 1866 г.) крестьян, которые переводились в разряд крестьян-собственников в рамках все того же общинного землевладения и путем обязательного выкупа земли. При выкупе земли удельных крестьян также практиковались отрезки (как и в случае помещичьих крестьян), но в существенно меньших объемах (тем не менее происходившее при этом сокращение их земельных наделов также стимулировало движение среди этого класса крестьян к *передельной* общине). Среди государственных крестьян в целом за ними сохранялись все земли, находившиеся в их пользовании до реформы.

В итоге, с точки зрения душевых наделов земли, бывшие государственные крестьяне оказались в наиболее, а бывшие частновладельческие — в наименее благоприятном положении. К тому же и выкупная цена земли в случае удельных и, особенно, государственных крестьян оказалась существенно ниже и гораздо более соответствовала рыночной. Это, естественно, давало дополнительные аргументы тем, кто видел в выкупной цене земли для частновладельческих крестьян существенную составляющую, обусловленную «ценою» выкупа самих «крестьянских душ».

В целом же власть, приступившая к реформам, затронувшим все классы крестьянского населения России, изначально и последовательно, почти на протяжении полстолетия делала ставку на крестьянскую общину как на наиболее эффективный инструмент своей политики в деревне. *Община*, скрепленная *круговой порукой*, представлялась реформаторам почти идеальным компенсаторным механизмом перехода подавляющего большинства российского населения из рабства к свободе. Существует обширная литература, исследующая мотивы этого выбора власти. Наиболее проясненные среди них сводятся в основном к острым и представлявшимся безотлагательными, но, по сути, сиюминутным, прагматическим потребностям поддержания спокойствия в деревне и преодолением острейших финансовых затруднений правительства в период конца 1850-х — начала 1860-х годов.

В Аналитическом обзоре, посвященном англоязычной историографии по отмене Крепостного права в России, О. В. Боль-

шакова так резюмирует выводы С. Хока¹⁶: «...Реформа готовилась в условиях финансового кризиса, суть которого составляли растущий государственный долг, инфляция, отрицательный платежный баланс, неблагоприятный климат для внешних займов, невозможность восстановить обратимость рубля и, наконец, крах государственных кредитных учреждений летом 1859 г.»¹⁷. Необходимо было одновременно реструктурировать внешние и внутренние долги, вкладывать средства в развитие транспортной сети, подготавливать крестьянскую реформу и выкупную операцию, развивать сельскохозяйственный кредит... И в результате, подводит итог О. В. Большакова, ввиду затруднительных условий банковского кризиса специально созданная Финансовая комиссия, в состав которой входили Н. А. Милютин, Н. Х. Бунге, М. Х. Рейтерн и многие другие видные и авторитетные сановники, «...сочла возможным ограничить миссию правительства ролью посредника, а не кредитора: все процентные и основные выплаты, все административные и непредвиденные расходы должны были покрываться за счет крестьянских платежей»¹⁸. Сам С. Хок резюмирует еще более саркастически: «Царское правительство не потратило ни копейки на проведение великой реформы по превращению более 20 млн бывших крепостных крестьян в собственников»¹⁹.

Итак, поворачивая страну на путь модернизирующих реформ, призванных обеспечить ее органичное вступление в ряд современных держав того времени, власть сделала стратегический выбор относительно того, кто будет «оплачивать расходы», связанные с этими преобразованиями. Естественным для власти «крайним» стало «освобождаемое» общинное крестьянство,

16 См.: Хок С. Банковский кризис, Крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857–1861 // Великие реформы в России. 1856–1874 / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 91–98.

17 Большакова О. В. Отмена крепостного права в России. Англоязычная историография 1960–1990-х гг. (Аналитический обзор) // Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права). [Сб. обзоров и рефератов] / Отв. ред. В. С. Коновалов. М.: ИНИОН РАН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел истории, 2011. С. 210.

18 Там же. С. 210–211.

19 Хок С. Указ. соч. С. 98.

а чтобы платежи по расходам были гарантированными, оно было наделено особым, кабальным правовым и социальным статусом. Этим, фактически, закладывались основы его «внегосударственного» состояния, институциональной и правовой изоляции, «сословной обособленности»²⁰. Реализовать такой вариант реформы можно было, только сковав крестьянство (составлявшее, повторю, подавляющее и быстрорастущее большинство населения) круговой порукой и общинным землевладением. При этих условиях, заперевав крестьянина в общинной неволе, можно было, как полагали реформаторы, решить сразу все проблемы: и поправить финансовое состояние государства, и обеспечить оставшихся без крепостных помещиков средствами существования, и найти, пусть и формальное, решение проблемы крестьянской собственности на землю.

Крестьянская реформа обозначила и еще один тектонический сдвиг в обустройстве самодержавного государства. Власть попыталась отказаться от управленческих услуг помещиков, откупиться, отправить их в этом качестве «на заслуженный и вполне обеспеченный отдых». Реформа сохраняла все необходимые условия для последующей внеэкономической (принудительной, во многом по-прежнему крепостнической) эксплуа-

20 На деле ситуация была еще более одиозной. Правительство сделало все возможное, чтобы максимально полно и с избытком компенсировать помещикам их материальные и моральные потери изъятия большей части крестьянской земли из помещичьей собственности и двадцати миллионов крепостных душ из помещичьего «ведения». При этом, по мнению Н. М. Дружинина, сотрудники Редакционных комиссий в большинстве своем «стремились совместить юридическую свободу личности с фактическим 'прикреплением' крестьян к земле, причем многие придавали этому 'прикреплению' юридический титул собственности» (См.: *Дружинин Н. М. Журнал землевладельцев. 1858—1860 гг.* Ученые записки Института истории РАН ИОН. 1927. Т. 2. С. 251—311.; цит. по: Реформа 1861 г... С. 167). Суть вопроса, с точки зрения помещичьих интересов, заключалась в том, чтобы «отвести крестьянам такой надел, который не устранил бы у них потребности в подсобном заработке. Таким образом, вопрос о выкупе сводился к следующему основному вопросу реформы: о размерах отводимого полевого надела...» (там же). В итоге, заключает на сей раз Д. Филд, члены Редакционных комиссий «заложили в законодательных актах такие преимущества для дворянства, каких едва ли могли потребовать самые горячие защитники их прав» (См.: *Field D. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia. 1855—1861.* Cambridge (Mass.); L.: Harvard University Press, 1976. 474 p.; цит. по: Реформа 1861 г. ... С. 214.).

тации крестьянства, только без всякой прежней патриархальной ответственности помещика за судьбу и благосостояние «своих» крестьян.

Положившись на возросшую в первой половине XIX века силу своей бюрократической машины, власть настолько уверилась в своем всеилии, что попыталась лишить дворянство одного из ключевых элементов его политического влияния в стране — права выступать попечителем (смотрителем) многомиллионного крепостного крестьянства. Политическое значение дворянско-помещичьего сословия резко пошло на убыль, синхронно с сокращением общего массива помещичьих земель, а также с заметным снижением доли дворянства как потомственного, так и личного и служилого, в общей численности российского населения. До 1861 г. именно частновладельческий компонент крепостничества выполнял ключевую функцию консолидации самодержавного строя, чутко реагируя на его проблемы. С его упразднением прежняя крепостническая система, охватывающая практически все российское крестьянство и эффективно встроенная в петровский проект самобытной модернизации России, адаптирующий ее к императивам иностранного Запада, была обречена на глубокую и принципиальную трансформацию.

Даже некоторая коррекция эпохи «контрреформ» Александра III и частичный возврат к практике привлечения помещиков к надзору и попечительству над «освобожденной» общинной деревней не изменили ведущего тренда перемен. Более того, бюрократия к этому времени уже не только становилась, но и начинала осознавать себя силой, предназначенной для реализации куда более амбициозных задач, задач реализации иного типа стратегии развития. Удел исполнителя «аграрно-колониционного проекта» был ей уже неинтересен. Впереди маячили задачи индустриальной колонизации России, в свете которых крестьянство выглядело лишь сподручным и почти ничего не стоившим ресурсом.

Итак, реформа пошла путем фактически дополнительного закабаления крестьянства мерами преимущественно фискального характера, причем напрямую, уже без посредничества помещика. В ходе реформы существенно укреплялась переделная

община, поскольку в условиях растущего крестьянского малоземелья именно на нее государство возложило многочисленные фискальные и надзорные функции, ранее исполнявшиеся помещиком. Крестьянский мир стал *сам для себя* и сборщиком налогов, и полицейским. В целом же в стране формировалась мощнейшая социальная сила, исключенная из общенационального политико-правового процесса и потому способная перевернуть с ног на голову устоявшийся социальный порядок, что, в сущности, означало переориентацию стратегических приоритетов и соответствующую коррекцию аграрных отношений в период Александра III.

* * *

Из трех возможных стратегических альтернатив хозяйственного развития пореформенной деревни, сориентированного на внешний рыночный спрос: крестьянского предпринимательства, крупного частновладельческого предпринимательства, наконец, хозяйствования с использованием традиционных полукрепостнических методов (при земельной «закрепленности» работника, но отсутствии его формальной личной зависимости от землевладельца), — преимущество получила третья. А с конца 1880-х годов она была дополнена «государственным предпринимательством», использующим нерыночные методы изъятия и последующей реализации зерновой продукции на внешних рынках. Собственно, этот «предпринимательский ход» впоследствии, в пореволюционный период, был усвоен, развит и положен в основу внешнеэкономических установок «сталинской коллективизации».

Отметим некоторые предварительные (к концу 1870-х — началу 1880-х гг.) итоги избранного пути аграрных преобразований. С 1858 по 1880 гг. государственный долг России увеличился с 1759 млн руб. до 4698,5 млн руб., при этом 2472,8 млн руб. были употреблены на военные расходы и покрытие дефицитов, 796,8 млн руб. на железнодорожные цели, 488,8 млн. руб. на отверждение (обслуживание) текущего долга и только 496 млн. руб. на выкупную операцию.

Для крестьян тяжесть выкупных платежей дополнялась усилением податного бремени. Если в 1856 г. подушная и об-

рочная, взимаемая с государственных крестьян, подати с питейным и соляным налогами давали 142,9 млн руб. или 40,4% всех обыкновенных доходов казны, то к 1881 г. подушная подать с акцизом (без соляного налога) давала уже 313,9 млн руб. или 48,2% доходов казны²¹. Сравнительно небольшая доля выкупной операции в общем объеме госдолга (менее 12%)²² хорошо характеризует общий подход правительства к проблеме: на начальном этапе реформы рост фискального давления на крестьянство не вызывал беспокойства власти, ее решение обеспечить бюджет дополнительными поступлениями на многие десятилетия вперед представлялось весьма удачным. Принудив крестьянскую общину к согласию на завышенную стоимость получаемой от помещиков земли и успешно взвалив на нее *de facto* обслуживание правительственного долга под установленный самим правительством довольно высокий процент и в течение длительного срока погашения, власть провернула выгодную долгосрочную кредитно-финансовую операцию²³. Она получила с нее солидный доход и имела возможность десятилетиями напоминать обществу и бывшим крепостным о «недоимках», а в конечном счете — «простить» остаточные долги.

Усиливающийся фискальный гнет и растущее малоземелье серьезно снижали потенциал развития крестьянского хозяйства, изымали из его оборота не только прибавочный, но и заметную часть необходимого продукта, напрямую подрывая хозяйственные перспективы российской деревни. «Переход на выкуп форсировал обнищание основной массы крестьян», — резюмирует

21 Россия: Энциклопедический словарь. На основе материалов Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона (тт. 54 и 55). Л.: Лениздат, 1991. С. 192.

22 По своему замыслу, надежно обеспеченному механизмом его реализации, крестьянские выкупные платежи должны были с лихвой покрывать расходы правительства по обслуживанию процентных бумаг, которыми оно расплачивалось с помещиками за выкупаемые у них крестьянами земли. Поэтому объем актуальной крестьянской задолженности по выкупным платежам в целом хорошо соотносится с соответствующей частью госдолга.

23 Выбор в качестве формы выкупного платежа аннуитета (фиксированного по сумме ежегодного платежа) с параметрами 6% и 49,5 лет был, безусловно, не случаен. Так, несложный подсчет показывает, что увеличение процента лишь на один пункт (до 7%) снижает выкупной период до 29 лет (более чем на 20! лет), а совокупную сумму платежей за весь период выплат — в полтора раза.

Б. Г. Литвак на основании исследования ситуации в Черноземной области России²⁴.

Лишь к началу 1880-х годов правительство обратило свой взор на ухудшение положения освобожденного крестьянства. В 1880–1881 гг. М. Т. Лорис-Меликовым была разработана программа действий, предусматривающая отмену подушной подати (реализовано в 1887 г.; после чего эта подать продолжала взиматься только в Сибири), прекращение временнообязанного состояния (инициировано в 1881 г. Александром III, реализовано в 1883 г.) и отказ от дополнительного 20% платежа в пользу помещиков, а также сокращение размера выкупных платежей²⁵. В целом же мерами начала царствования Александра III (снижение на 12 млн руб. выкупных платежей и отмена подушной подати) налоговое бремя крестьянства было снижено на 53 млн руб., т.е. на 1/6 часть²⁶. Кроме того, министром финансов Н. Х. Бунге предпринимались систематические усилия к более равномерному распределению налогового бремени путем обложения иных, более имущих классов населения, «до тех пор изъятых от прямого обложения или недостаточно обложенных»²⁷, введения налога на наследство и дарение, налога на торговые и промышленные предприятия и на денежные капиталы, повышения налога на недвижимые имущества в городах, поземельного налога и пр. Был взят курс на введение со временем единого подоходного налога.

Тем не менее все эти, по сути, реактивные действия власти (при том, что они реально снижали фискальный гнет для наименее адаптированных к новой ситуации страт общинного крестьянства) олицетворяли собою инерцию старых подходов к аграрной проблеме. Лишь со второй половины 1880-х годов начинают происходить важные перемены в сфере по-

24 Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 г. // Черноземный центр. 1861–1895 гг. М.: «Наука», 1972. С. 412; см.: Там же. С. 210–211.

25 Последние «послабления» были явно ориентированы на помощь беднейшей части временнообязанного крестьянства, не способной к аккумуляции средств, требуемых для перехода на выкуп. Напротив, более состоятельное крестьянство, уже выплатившее требуемое, было тем самым «наказано» за договороспособность и законопослушное поведение.

26 Россия: Энциклопедический словарь... С. 193.

27 Там же.

литической стратегии российского государства: самодержавие переходит к политике казенного предпринимательства и индустриализации «сверху». Прежнее фритредерство сменяется протекционизмом, пересматриваются приоритеты государственной внешней и внутренней политики, для повышения «инвестиционной привлекательности» российского правительства проводится санация финансовой системы и уникальная по мировым меркам того времени реструктуризация внешней российской задолженности (так называемые конверсии Вышнеградского), «насаждение» крупной индустрии подкрепляется перераспределением национальных ресурсов. Начинается «*индустриальная революция*» Александра III²⁸.

В рамках этой новой парадигмы развития Империи аграрный вопрос становится вопросом эффективности использования потенциала пореформенной деревни в качестве ресурса индустриализации. Период некоторого смягчения фискального давления на крестьянство (начало 1880-х годов) сменяется в конце 1880-х годов усилением мер прямого вмешательства правительства в крестьянские дела. В 1889 г. вводится должность земского участкового начальника, обязанного контролировать деятельность сельских обществ и волостей, ориентируясь на дополнительное укрепление общины и сдерживание процессов дифференциации в общинной деревне. Совершенствуются механизмы принудительной «товаризации» производимых деревней натуральных сельхозпродуктов, отчуждаемых в счет выкупных и налоговых платежей. Катастрофических масштабов голод 1892–1893 гг. (накануне хлебный импорт достиг рекордных 20% от общероссийского сбора) становится своего рода символическим «рубежным знаком», маркирующим принципиальную смену стратегических ориентиров российского самодержавия. Сменяя окончательно подорванную и скомпрометированную

28 См.: Лапкин В. В. Проблемы российского развития в контексте структурных изменений миропорядка (конец XIX – начало XXI в.) // Труды по руссификации. [Сборник научных трудов] / Отв. ред. И. И. Глебова. М.: ИНИОН РАН, 2010. Ч. 2. С. 193–194; Лапкин В. В. Моделирование российской политической истории. Введение в теорию эволюционных циклов автохтонного развития России // ПОЛИС. Политические исследования. 2011. № 6. С. 46.

Реформой²⁹ прежде фундаментальную для государства стратегию внутренней аграрной колонизации³⁰. Формируется политика внутренней *индустриальной* колонизации, в интересах которой реконфигурируется вся ресурсная мощь самодержавия и в рамках которой аграрная сфера все в большей степени превращается лишь в *объект фискального интереса*.

Индустриализация Великобритании (классический образец) опиралась на ресурсную мощь ее грандиозной колониальной империи. Индустриализация континентальных держав Европы столкнулась с более серьезными ресурсными ограничениями; в итоге мир вступил в эпоху *империализма* и прошел сквозь две мировые войны. *Российская индустриализация* (как государственно-бюрократический проект) по-прежнему проектировалась в расчете на преимущественное обеспечение ресурсами, формируемыми в ходе *внутренней колонизации* (ранее — аграрной, теперь — индустриальной), прежде всего — отчуждаемыми из хозяйственной сферы выведенного за рамки общегражданской юрисдикции общинного крестьянства. И это чрезвычайное для современного мира состояние сохранялось *в течение целого века!!!* — с 1861 г. до конца 1950-х годов, за исключением, может быть, краткого периода НЭПа.

Фундаментальной смене приоритетов развития страны предшествовал и сопутствовал нарастающий конфликт охранительного и праволиберального подходов власти к аграрному вопросу. Сторонники первого настаивали на необходимости

29 Реформа сломала главный механизм аграрной колонизации, который был сращен с системой закрепощения, включающей обязанность помещиков обеспечивать своих крепостных (кроме дворовых) соответствующим полевым наделом. Реформа освободила помещиков от такой обязанности, заложив в систему сформированных ей аграрных отношений (особая юрисдикция сельского общества, неотчуждаемые общинные земли, круговая порука и пр.) «часовой механизм» растущего аграрного перенаселения в условиях дефицита капитализации, необходимой для роста производительности сельского труда, продуктивности хозяйства, агрокультуры, урожайности и пр. Все это создавало колоссальные препятствия формирования рыночной альтернативы прежней стратегии. Сельское население, являющееся основным производителем натурального продукта, поставляемого на рынок, в массе своей по-прежнему оставалось вне рыночных отношений.

30 См.: Лапкин В. В. Моделирование российской политической истории... С. 33–51.

сохранения практики сосуществования крестьянского и помещичьего землевладения «в разных правовых пространствах», игнорируя задачу выработки «надсословной концепции частной земельной собственности»³¹. Их оппоненты (в числе которых был – в тот момент уже председатель Кабинета министров – Н. Х. Бунге) полагали, что политика, «призванная обеспечить *сословную замкнутость* крестьянского землевладения и *неотчуждаемость* крестьянских земель, нарушала ‘в корне установленное приведенным законом понятие о *крестьянах—собственниках*’, т. к. *все временные ограничения права собственности крестьян на землю* устанавливались авторами реформы 1861 г. лишь в интересах казны, ‘ввиду необходимости обеспечить лежащий на крестьянской земле выкупной долг’. Но в 1893 г. большинство членов Госсовета отвергли предложения Бунге...», а «предоставление крестьянам права распоряжения земельными наделами было признано большинством сановников неприемлемым...»³².

В итоге закон 1893 г., подтверждая незыблемость общины и неотчуждаемого крестьянского надела (запрет продажи и залога наделных земель), резко ограничивал (вопреки Положению 19.02.1861) право крестьян на досрочный выкуп своего надела в частную собственность. Для этого теперь, помимо внесения сполна выкупной суммы, требовалось еще и получение на это разрешение сельского схода и коронной администрации в лице земского начальника. Семейные разделы разрешались теперь только с согласия схода. Очередные переделы земель разрешалось проводить не чаще чем каждые 12 лет. Тем самым, ответом власти на усиливающийся аграрный кризис в тот момент, когда негативные последствия выбранной стратегии Реформы проявились уже со всей отчетливостью, стала еще более определенная поддержка курса на упрочение и закрепление сословной сегрегации общинного крестьянства посредством совершенствуемой совокупности институтов передельной об-

31 Долбилов М. Д. Земельная собственность и освобождение крестьян // Собственность на землю в России: история и современность. [Сборник] / Отв. ред. Д. Ф. Аяцков. М.: РОССПЭН, 2002. С. 151–152.

32 Цит по: Беспалов С. В. Вопрос об «истинном значении» реформы 1861 г. в российских политических дебатах конца XIX – начала XX века // Реформа 1861 г. в истории России... С. 97.

щины и поощрения соответствующих практик. Эта политика оказалась эффективным тормозом процессов модернизации, и в итоге в дело реализации модернизационного императива история подключила революционный фактор. Впрочем, более столетия спустя очевидно, что и революция смогла упразднить лишь прежний формат такой сегрегации, но не сам этот *фундаментальный принцип российской модернизации...*

* * *

Анализируя эволюцию пореформенной деревни, Б. Н. Миронов в своем капитальном и широко известном труде «Социальная история России периода империи...» акцентирует высокий рост темпа приобретения крестьянами земли в личную собственность за пределами общины. За сорок пореформенных лет рост составил 1,5 раза по числу продаж (в год) и 15 раз – по площади земельных участков, приобретаемых крестьянами в частную собственность³³. Различие двух приведенных показателей на порядок, анализ чего сам Миронов обходит стороной, весьма характерно и, напротив, указывает на сравнительно небольшое и крайне медленно увеличивающееся в пореформенной ситуации число зажиточных крестьян, имеющих желание и возможность приобретать дополнительную (помимо общинной) землю в личную собственность. Увеличение числа продаж в 1,5 раза за сорок пореформенных лет, это – безусловный провал политики хозяйственной эмансипации крестьянства и стимулирования его перехода к частному землевладению (даже, и тем более, если такой переход реформаторами 1861 г. предусматривался); это симптом глубочайшей хозяйственной стагнации пореформенной деревни. Дело в том, что за тот же период численность соответствующих категорий сельского населения увеличилась (за счет ускоряющегося в этот период демографического роста) существенно более чем в полтора раза, по авторской оценке – в 1,6–1,7 раза. Тем самым, в расчете на сельскую «душу населения» ежегодное число продаж в пореформенный период сократилось.

33 *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: «Дм. Буланин», 2003. Т. 1. С. 481.

В качестве характеристики «тяги крестьян к частной земле» Миронов обращается, что вполне резонно, к подсчету числа домохозяйств, воспользовавшихся правом выхода при досрочном выкупе своего общинного надела и легально вышедших из общины: по его оценке, таковых было — 140 тыс.³⁴. Если к этому присовокупить 490 тыс. крестьян, купивших землю в личную собственность за пределами общины, на стороне, то итог будет немалым более 600 тыс. из 9,5 млн крестьянских домохозяйств³⁵.

Учитывая все препоны, которые ставило правительство этому процессу хозяйственной эмансипации крестьянства (в частности, закон 1893 г.), следует признать, что реформаторы очень старались, чтобы максимально ограничить число крестьян, способных реализовать эту свою «тягу к частной земле». Подавляющее большинство крестьян в первые четыре пореформенных десятилетия (вплоть до первой русской революции и столыпинских преобразований) такой возможности не имели. И реформа им такой возможности не предоставила, несмотря на стремительно сокращающийся размер их земельного надела в расчете на душу крестьянского населения. Вместе с тем резкое (по разным оценкам, десяти-пятнадцатикратное за сорок лет) увеличение площадей приобретаемых крестьянами земельных участков указывает на то, что пореформенные порядки стимулировали поляризацию крестьянства, укрепление позиций сельских «мироедов».

Неблагополучие ситуации в деревне для многих российских сановников, включая ключевые фигуры правительства (таких, например, как С. Ю. Витте), было очевидным задолго до событий 1905 г. Но резкое обострение ситуации произошло именно тогда и по мере того как крестьянство, закрепощенное реформой в общине и на протяжении десятилетий настойчиво и не щадя сил рвавшееся к обетованной СВОБОДЕ, на выходе из выкупных платежей получило возможность практически оценить это свое вновь обретенное состояние. Именно «дотянув» к началу XX века до вожаемой «свободы» и вкусив ее первые плоды, крестьяне перешли из состояния *надежды* в состояние *отчаяния*. Именно пореформенное мало-

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 479—481.

земелье выбивало почву из-под ног крестьянства, в прямом и переносном смысле, решительно расшатывало его многосотлетнюю веру в незыблемость его *взаимности* с Самодержавием и Православием.

Но *свобода*, воспринятая как разрыв прежней *взаимозависимости*, превращается в *рабство*; на смену взаимозависимости приходит тотальная и лишенная какой-либо взаимности *зависимость от чуждого и идеологически мотивированного (т.е. бескомпромиссного) внешнего принуждения*. Таков закон любой революции. В России воплощением этого нового *рабства* и стал последующий советский социальный эксперимент, в котором «граждане освобожденной страны» оказались в полной зависимости от посюстороннего произвола своих вождей-властителей...

Первый приступ крестьянского отчаяния в канун революции 1905 г. принял формы массовой, спонтанной, во многом бессознательной и иррациональной ненависти к символу прежней «крепости» и нынешнего малоземелья, символу ложной «свободы» и новых общинных и казенных пут — к помещичьей усадьбе. С этого времени, и особенно с 1905—1906 гг., поджоги и погромы помещичьих усадеб стали подлинным общенациональным бедствием. Еще в 1903 г. было принято решение об отмене круговой поруки (распространялось на 46 губерний Европейской России). Но именно с этого момента уступки власти, ее готовность к послаблению установленных законом правил и поборов лишь распаляли сельское общество, стимулировали крестьянские беспорядки. Собственно, беспрецедентный характер последних в 1905 г. и побудил власть к радикальному пересмотру приоритетов аграрной политики.

Община, прежде рассматриваемая в качестве гаранта стабильности в русской деревне, предстала в глазах и власти, и общественности главным двигателем крестьянских беспорядков. При этом абсолютно непонятным правительству и неконтролируемым им. Эффект крестьянского бунта был столь впечатляющ, что уже в начале ноября 1905 г., не дожидаясь завершения работы Совещаний по аграрному вопросу, правительство Витте приняло решение об отмене выкупных платежей и накопившихся недоимок. Институт круговой поруки отменялся повсеместно. Власть приняла решение делать

теперь ставку на крепкие индивидуальные крестьянские хозяйства, и в рамках этой новой стратегии стимулировать их выход из общины. Налогообложение крестьян становилось индивидуальным (посредством государственных податных инспекторов); участие в нем волостных и сельских управлений отныне не предусматривалось.

Свобода, обещанная крестьянам в 1861 г., наконец, казалось бы, пришла в российскую деревню. В августе – ноябре 1906 г., в период между Первой и Второй Государственными думами, выходит ряд указов: о продаже крестьянам государственных земель, об улучшении гражданско-правового статуса крестьян, о праве крестьян на выход из общины и закрепление в собственность своих наделных земель. Законодательное (через Думу) подтверждение положений этих указов затянулось на длительный срок (до 1910–1911 гг.), а правительственные законопроекты по реформе местного самоуправления так и не смогли пройти через законодательные учреждения, вплоть до Февральской революции 1917 г.

Столыпинские преобразования ориентировали деревню на переход от общинной к частной крестьянской собственности. Практиковалось кредитование крестьян, скупка помещичьих земель для последующей перепродажи крестьянам на льготных условиях и пр. Фактически эти преобразования разворачивали аграрную политику самодержавия на 180° – от прежнего всемерного поощрения и укрепления сельского общества к его постепенному разложению. Многочисленные меры были направлены на поддержку кооперативного движения. После принятия в 1911 г. «Закона о землеустройстве» преобразования получили дополнительное ускорение и не прекращались, несмотря на очевидные трудности, даже в период Мировой войны.

Помещичьи хозяйства превращались во второстепенный элемент общего хозяйственного потенциала российского агропроизводства. В 1916 г. крестьяне уже засевали (на собственной и арендуемой земле) 89% земель и владели 94% сельскохозяйственных животных. Создавалось ощущение вступления страны в период устойчивого аграрного роста, интенсификации сельскохозяйственного образования, роста спроса на современный сельхозинвентарь, знания и технологии.

Однако стоит более внимательно проанализировать совокупные итоги аграрных преобразований 1906–1916 гг., связанных с освобождением крестьян от принудительного пребывания в общине. С 1907 по 1916 гг. официально порвали с передельной общиной 3,1 млн из 10,9 млн общего числа крестьянских дворов, т. е. лишь 28%³⁶. Это, между тем, существенно меньше того, что дают расчеты по фактическому предпочтению подворного землевладения накануне 1905 г., проведенные Мироновым с использованием статистики Министерства внутренних дел и данных К. Р. Качоровского³⁷. По данным двух этих источников, к 1905 г. в общинах, числившихся передельными, но на самом деле не производивших переделов земли с 1861 г., состояло от 2,8 млн до 3,5 млн дворов³⁸. Суммируя эти цифры с приведенным ранее числом домохозяев, выкупивших свой общинный надел или прикупивших землю на стороне (в сумме немногим более 600 тыс.), Миронов делает вывод: «39% всех крестьян, членов передельных общин в 1905 г., разочаровались или не доверяли вполне передельной общине...»³⁹. Более того, «...общинные порядки не были насильственно сломаны столыпинской реформой: как до реформы, так и после нее проходил естественный процесс разложения общины и социальных отношений общинного типа»⁴⁰.

Усилим вывод Миронова. В течение 1861–1905 гг. этот «естественный процесс» последовательно сдерживался самодержавным правительством и тщательно камуфлировался насаждаемыми сверху институтами передельной общины, которые весь пореформенный период оставались чуждыми более чем трети российского крестьянства. При этом движение в сторону подворного хозяйствования в остальной части крестьянства в этот период оказалось минимальным, и нет свидетельств, что это движение усилилось (либо как-то активизировалось) в период столыпинских преобразований. Иными словами, *власть в*

36 Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века)... С. 481.

37 См.: Качоровский К. Р. Народное право. М.: Книгоиздательство «Молодая Россия», 1906. 255 с.

38 Цит. по: Миронов Б. Н. Указ соч. С. 479–480.

39 Там же. С. 481.

40 Там же. С. 482.

течение почти полувека делала в аграрной политике то, чего не следовало бы делать (сдерживала движение крестьянства к хозяйственной самостоятельности и подворному землевладению), *и не делала необходимого* (не способствовала преодолению общинно-передельных практик и дифференциации крестьянства, стимулированию перехода от передельного к подворному землепользованию), что, единственное, давало ей стратегический шанс на выживание.

В целом же суммарное количество тех, кто легально вышел к 1905 г. из передельных общин путем досрочного выкупа надельной земли (1,5%), кто приобрел землю в собственность «на стороне» (5%) и кто устойчиво склонялся к подворному землевладению, формально пребывая в передельной общине (около 33%), составляет немногим меньше 40% дворов. Это количество хорошо соотносится с итоговыми результатами (к 1916 г.) столыпинских преобразований в части проявленного желания выйти из общины, заметно перекрывая число крестьянских хозяйств, реально успевших к этому времени закрепить землю в частную собственность.

Конкретный результат преобразований заключался фактически в том, что подавляющему большинству крестьянских дворов, желавших перейти от передельного к подворному землевладению, такая возможность была, в конце концов, предоставлена. Тем не менее те, кто накануне 1905 г. оставался верен передельно-общинному принципу землепользования (а эта категория составляла около трех пятых всех крестьянских дворов), в массе своей сохранили свои предпочтения вплоть до 1917 г. Столыпинские преобразования лишь проявили, сделали очевидным и *политическим* размежевание передельной и подворно-хозяйствующей деревни, *создали предпосылки будущей «гражданской войны»* (закавычим, поскольку это была «гражданская война» при отсутствии у большинства ее участников представлений о гражданственности, гражданского самосознания как такового).

Более того, они подготовили и облегчили перенос принципов этого социально-политического противостояния из «деревни» до масштабов страны в целом. В ходе этих преобразований *был легализован раскол деревни*, а конфликт между различными социальными стратами крестьянства выведен за рамки локальной крестьянской общины. Ответственность за разрешение это-

го, до той поры внутреннего, запертого в сельском Мире конфликта, легла теперь на плечи правительства и государства в целом. Но ни правительство, ни государственная (самодержавная) элита, к великому российскому несчастью, «не заметили», не придали значения этой перемене, не приняли на себя эту ответственность; более того, «подлили масло в огонь», втянув страну в мировую бойню.

Поэтому, когда в 1917 г. правительство «пало», а государство утратило отчетливость своих прежних властных очертаний, *«крестьянский вопрос» стал ключевым политическим вопросом* всего российского общества, главным в повестке дня российской социальной революции. Конфликт общины и сторонников правового порядка стал силой, обрушившей Россию. При этом ни те, ни другие в конфликте не уцелели, поскольку, начавшись, этот конфликт не мог быть погашен до тех пор, пока обе стороны взаимно не истребили друг друга, породив и укрепив в этой беспощадной борьбе, «вскормив» ею «третью» силу, подчинившую страну новому социальному порядку.

* * *

Крах самодержавного государства и олицетворяемого им порядка стал концом столыпинских преобразований и Крестьянской (аграрной) реформы как политического проекта Старой власти. С новой силой возобновляются поджоги и погромы помещичьих усадеб. Война лишь усилила прежде копившуюся в стране несовместимость и взаимное отторжение. С одной стороны, ее современная городская цивилизация склонялась к сохранению политического *status quo*. Квинтэссенцией этого подхода стала позиция Самодержавной власти, которая предпочла неправовой отказ от престола возможности *правовой реформы* самодержавного строя, его трансформации в конституционную монархию⁴¹. Но, с другой стороны, российская деревня, стимулируемая очевидным бессилием власти в деле защиты правового порядка, отвергала путь формально-правовых решений в

41 Представим себе на секунду, насколько иной могла быть история Революции, если бы перед своим отречением Николай II своим последним указом выпустил Манифест об упразднении самодержавия и переходе страны к конституционно-монархическому порядку.

пользу обычного (традиционного) права распоряжения всей землей страны, пригодной для сельскохозяйственной эксплуатации. То подспудное состояние «гражданской войны» общинной деревни с ненавистным городом и продвигаемыми им реформами, которое культивировалось в сельской среде с начала XX века, уже к лету 1917 г. стало явлю.

Эти «два сердца» (*discordia*) в едином социальном организме России, два ее сегмента, обособленные в культурном, историческом, социальном и политико-правовом отношении, но выведенные на арену революционной борьбы без правил, не связываемые уже общими верованиями и ценностями, несовместимые и отторгающие друг друга, предрекали, согласно яркой метафоре Х. Ортеги-и-Гассета⁴², борьбу сторон до полного уничтожения противника. Упразднение самодержавия либеральной элитой в феврале—марте 1917 г. было воспринято крестьянством как прецедент, как символ распада прежнего общероссийского согласия, знак того, что теперь «все дозволено», и состоятельные, защищенные правом «городские классы», символизирующие вековое угнетение крестьянства, должны быть уничтожены «до основания».

Но наряду с сошедшими в смертельном противоборстве российской городской цивилизацией, возникшей как результат петровских преобразований, с одной стороны, и длительное время культивируемой властью общинно-передельной деревней — с другой, на авансцену российской истории со всей решительностью вступила «третья сила» — большевизм. В решающей степени успех большевизма был обусловлен тем, что в России не было массовых социальных сил, способных защитить правовой социальный порядок от посягательств политических радикалов⁴³. Большевикам потребовалось лишь правильно сориентировать, подчинить своим политическим целям разрушительный потенциал общинно-передельной революции, придать ему формат общероссийской политической силы.

42 Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: «Весь Мир», 2000. С. 37.

43 «Ни для кого не тайна, что если в России большевизм победил, то победил потому, что в России не было буржуазии» (См.: Ортега-и-Гассет Х. Указ соч. С. 160). Ср.: «Буржуя не было, но в нем была потребность: Для революции необходим капиталист, Чтоб одолеть его во имя пролетариата...» (М. Волошин, 1919 г.)

Эта стихия уже с весны 1917 г. используется большевиками в качестве своего рода тарана, с помощью которого была осуществлена значительная часть работы революционного низвержения старого социального порядка. А декрет «О земле», принятый 08 ноября 1917 г., фактически легализовал уже свершившийся «на местах» поворот к практике уравнительного землепользования, периодических переделов и поравнений, перечеркивавший все прежде достигнутые результаты столыпинской аграрной реформы. По-прежнему преобладающее в России общинное землевладение в ходе «революционного передела» окончательно взяло верх над «выделившимися» односельчанами, принудительно втягивая их в общину, практикуя уравнительный передел участковых земель, их запашку, потравы, — вплоть до разгрома и поджога не только помещичьих, но и крестьянских, соседских усадеб. По словам очевидца тех событий, община стала «главнейшим аграрно-революционным ферментом в деревне, важнейшим аппаратом земельной реформы»⁴⁴.

Именно этот первоначальный успех тактического союза большевиков с общинно-переделным крестьянством обеспечил выживание большевистского режима на начальном этапе его существования вплоть до лета 1918 г. Поглощенное переделами и поравнениями крестьянство привнесло в жизнь страны столько хаоса и беспорядка, что фактически нейтрализовало всякое сопротивление большевистской политике экспроприации промышленности, финансов и торговли со стороны имущих городских слоев. Это позволило осуществить окончательный разгром российского внутреннего рынка и вплотную подойти, в рамках политики «военного коммунизма», к формированию режима единой политической и хозяйственно-распределительной монополии.

Аграрная революция, неслыханно укрепившая господствующее положение общины в деревне, сгладила остроту последствий развала рынка, раскрепостив резервы натурального уклада. Этот уклад смог приспособиться и к крайне извращенному натуральному обмену времен военного коммунизма, и к «черному рынку», к спекуляции и «мешочничеству», по-прежнему обеспечивая при этом (помимо разверстки и реквизиций) значитель-

44 Цит. по: Россия: Энциклопедический справочник. М.: «Дрофа», 1998. С. 163.

ную часть потребляемого городами продовольствия. Но натурализованное хозяйство было лишено внутренних стимулов производства отчуждаемых излишков. Новой революционной власти пришлось возрождать (во многом усилиями местных продорганов) такой, казалось бы, забытый с 1905 г. институт общины, как круговая порука. Тем не менее окрепшая в ходе революции община оказалась крайне неудобной для реализации продразверстки, и даже в условиях военно-коммунистического террора продорганам не удалось расколоть общину и путем селективных реквизиций уравнивать в потреблении зажиточных и безлошадных, бобылей и многосемейные хозяйства.

Результатом политики военного коммунизма стало лишь стремительное падение общего уровня сельскохозяйственного производства. Попытка построить новый военно-коммунистический хозяйственный порядок на основе старой сельской общины оказалась обреченной на неудачу. С этого момента ликвидация общины становится приоритетом аграрной стратегии большевизма. И первым шагом на пути такого преобразования — декрет ВЦИК о введении продналога от 20 марта 1921 г., которым коллективная порука отменялась и вводилась индивидуальная ответственность за исполнение налога. *Рынок*, допущенный НЭПом, понадобился большевикам в том числе и для того, чтобы одолеть общину. Ведь лучшего средства ее разложения изнутри история еще не придумала.

К началу НЭПа доминирование общинного землепользования в российской деревне было налицо⁴⁵. Крестьянство к этому времени прошло процесс национализации и социализации земли, утратило стимулы к расширению хозяйственной деятельности и, наконец, подвергшись разорению в период военного коммунизма и братоубийственной гражданской войны, вернулось к натуральным формам воспроизводства. С введением НЭПа, как и во времена Столыпина, был запущен и постепенно набирал обороты механизм внутренней дифференциации деревни. С 1927 г. бедняков освободили от налогов, а зажиточных — стали буквально душить растущим налоговым бременем.

45 «...К 1922 г. в Советской России 85% всей земли находилось в общинной собственности, в 67% общин произошел передел земель...» (См.: *Миронов Б. Н.* Указ. соч. С. 483.).

В деревне нарастала социальная напряженность. По логике времени военного коммунизма, производящая деревня ответила снижением поставок товарного зерна. Власть воспользовалась кризисом хлебозаготовок и под предлогом борьбы с «крестьянским бунтом» стала возрождать отдельные элементы политики продразверстки: реквизиции зерна, поиски «излишков», использование сельской бедноты как агентов власти. Страна, казалось, ускоренно проходила этапы развития аграрного кризиса периода военного коммунизма.

Но два принципиально новых момента отличали ситуацию конца 1920-х годов от первых пореволюционных лет. В ходе НЭПа старая община, повторно лишенная института круговой поруки, подверглась глубокому разложению. Реквизиции и разверстка теперь носили сугубо адресный характер и целенаправленно били по «кулаку», который уже не мог, как в 1918 г., рассчитывать на то, что сельский мир разделит с ним бремя новых поборов. С усилением аграрного кризиса, ростом цен, снижением покупательной способности населения, усилением дефицита продуктов питания, появлением в городах в феврале 1929 г. хлебных карточек все условия для осуществления «великого перелома» оказывались налицо.

Последующее хорошо известно. На смену беспощадно уничтожаемой общине пришла новая форма сельского «коллектива» — колхозы образца 1930-х годов, — отличающаяся от прежней тем, что воспроизводила общинное землепользование, но лишенное всяких признаков индивидуального хозяйствования. Прежде в рамках общинного землепользования сохранялись индивидуальные крестьянские хозяйства и тем самым в рамках общинного землепользования обеспечивались предпосылки дифференциации доходов. А дифференциация доходов членов общины являлась ключевым условием ограничения нормы отчуждения натурального продукта, производимого общиной. При пропорциональном изъятии беднейшая часть общины первой оказывалась лишаемой необходимого продукта, тем самым — началом голода — обозначая предел отчуждаемого от общины в целом. В колхозах прежний принцип отчуждения был решительно преобразован: дифференциация доходов пресекалась; кто больше производил, у того больше и отымалось.

Со становлением нового аграрного порядка эпоха российской истории, связанная с развитием товарно-денежных отношений, на длительное время фактически завершалась. «Великий перелом» положил начало процессу формирования «нового человека», утрачивающего способность жить частным образом и саму потребность в этом. Но, парадоксально, эта новая аграрная политика стала продолжением — в новых условиях — наметившейся задолго до большевизма политики решения проблем развития страны путем последовательного использования:

- а) *общинно-передельных практик*;
- б) *практик введения особых правовых режимов, институциональной и правовой изоляции многомиллионных социальных групп, выводимых из-под общей юрисдикции*;
- в) *практик, придающих «прикреплению» лиц к имуществу юридический титул собственности*.

На пути к становлению современного общества и государства страна в середине XIX века столкнулась со стремительно нарастающим *онтологическим конфликтом* между Россией, эффективно осваивающей вестернизационный импульс Петра, и Россией крестьянской, удерживаемой в «общинном гетто», но с неизбежностью устремленной выйти за его пределы и, более того, противопоставить «свою правду» порядку и закону государства. Столкновение было явным, но в лице своих элит страна предпочла уклониться от поиска политического разрешения этого конфликта. Крестьянская Россия, помедлив, предложила в качестве своей альтернативы «бунт, бессмысленный и беспощадный».

В итоге исторический процесс пошел в русле большевистского синтеза самодержавия и общинной уравнительности, который вместе с тем стал путем российской модернизации⁴⁶, преодолевающей как прежние частноправовые ограничения, так и ограничения патриархального крестьянского мира. Этот большевистский синтез смог переплавить в единое и всесокрушающее целое советского коммунизма все мало-мальски эффективные — для задач глобальной коммунистической альтернативы

46 См.: Лапкин В. В. Проблемы российского развития в контексте структурных изменений миропорядка (конец XIX — начало XXI в.) // Труды по руссификации... Ч. 2: С. 185—210.

англосаксонскому капитализму — наработки общественной, организационной и научно-технической мысли, а также апробированные на практике методы социальной и политико-правовой инженерии.

Социальной ценой этой специфической модернизации стало большевистское «раскрестьянивание», ликвидация целых «классов» сельского населения, на которых во многом держался весь социальных порядок российской деревни. С их упразднением крестьянство (как особая социальная общность, доминирующая в дореволюционной России), безусловно, было обречено на «медленное, мучительное вымирание...»⁴⁷. Что и произошло с ним всего за три десятилетия (1929 — конец 1950-х годов).

* * *

В завершение отметим еще один важный аспект обсуждаемой проблемы. Мы проследили, как решение колоссальной исторической важности было принято накануне 1861 г. образованнейшими и позитивно мотивированными государственными мужами России, руководствовавшимися в основном собственным сословно ограниченным пониманием государственного блага, а также задачами удовлетворения его острейших, актуальных на тот момент потребностей. Безусловно, нельзя сказать, что то решение принималось субъективно, но горизонт предвидения и прогнозирования, принимавшийся в расчет разработчиками реформы, явно не соответствовал ее реальному историческому масштабу и масштабу тектонических социальных процессов, ею инициированных.

Теперь попробуем взглянуть на ту ситуацию с более абстрактных, объективистских позиций мегатрендов мирового исторического развития и того, как они преломлялись в истории России последних трех столетий. Еще в эпоху Петра Великого в основание новой (имперской) России было положено един-

47 По едкой иронии истории, точнее любого иного суждения, итог этой эволюции российского крестьянства резюмирует фрагмент известного высказывания Ильича, обличавшего царистскую аграрную политику 1890-х годов. См.: Ленин В. И. Рабочая партия и крестьянство // Ленин В. И. ПСС. М., 1967. Т. 4. С. 431.

ство городской европеизированной цивилизации, ориентированной на право и рынок, и натуральных сельских укладов, сцементированных общинным землепользованием и крепостной зависимостью.

Вынужденный (с конца XIX века) *поворот этого государства к капиталистическому предпринимательству* привел к тому, что экономические риски последнего стали конвертируемы в политические риски самого государства. После краха исторического самодержавия социалистический проект предложил новое решение на основе формирования системы капиталистического накопления *без буржуазии и внутреннего рынка*, когда монопольным субъектом такого накопления выступало государство. Еще К. Маркс обращал внимание на возможные последствия одностороннего, несовершенного, исторически неподготовленного воплощения «социализма» в формах «грубого коммунизма», «движения, стремящегося противопоставить частной собственности всеобщую частную собственность... Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием, ... есть только форма проявления гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве положительной общности»⁴⁸.

Идеология «социализма» отразила в свое время особенность социальной организации тех общественных слоев, подавляющее большинство представителей которых были лишены возможности отстаивать свои интересы частным образом, поскольку лишены были основы частного интереса — частной собственности. Характер взаимоотношений внутри этого слоя таков, что исключает *акт обмена*, акт торговли, опосредующую роль *рынка* (!), — и тем самым упраздняет условия формирования частного интереса и частной собственности. Собственность поэтому обретает черты групповой, коллективной, ибо она определяет свои границы лишь там, где вступает в отношения обмена, торгового, рыночного взаимодействия.

Именно в России благодаря большевизму социализм стал необходимым ферментом исторического процесса индустри-

48 Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. С. 586–587.

ализации, и именно тенденции «небуржуазного» разложения докапиталистических сословных общественных структур побудили к жизни социалистическое организационное вмешательство в несовершенство рыночной стихии. Не случайно наиболее развитые, классические мировые центры промышленного капитализма (такие как Великобритания, США, Япония и др.) обладают наивысшим иммунитетом к радикальному социализму. Как неслучайно и то, что в тех странах, где «роды» индустриального общества оказывались осложненными (Россия, Китай, Вьетнам), именно радикальный социализм фактически принял на себя роль повивальной бабки индустриализации.

В большевистской России социализм впервые познал грех власти. «Новый социализм, — писал Георгий Федотов в самом начале 1930-х годов, — отправляясь не от защиты угнетенных, а от сохранения общества в целом, проникнут пафосом не справедливости, а организации... От анархии буржуазного общества он обращается не к идеальной анархии будущего, а к порядку и мощи реального, национального государства... Лишь в соединении с соблазном мощи организация увлекает новых революционеров. Новый социальный идеал оказывается родственным идеалу техническому, как бы социальной транскрипцией техники: социальным конструктивизмом. Новый человек хочет строить новый город из огромных глыб человеческих масс, и государство представляется для его сожженной совести, для его оскудевшего разума единственным и притом безграничным источником энергии. Оно должно поставить на службу себе все силы и способности человека, сковать все классы цепью социального долга и разрешить, наконец, проблему разумного хозяйства и всеобщей обеспеченности...»⁴⁹.

Так, формирование невиданного более нигде в мире чуда — капитализма без рынка и буржуазии — стало самым драматическим по своим социальным последствиям (т. е. по эффекту разло-

49 Федотов Г. П. Социальный вопрос и свобода // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. Париж, 1931. XLVII. С. 423. [Электронный ресурс]: Электронная библиотека Одинцовского благочиния. URL: http://www.odinblago.ru/soc_i_svoboda (дата обращения: 02.04.2018).

жения основ общественной консолидации страны) результатом Крестьянской реформы. Полноценный выход из этого ценностно-культурного, социально-политического и экономического тупика не найден нашей страной и по сей день.

Глава 10. Что стимулировало революционный процесс в России?

При исследовании революционного процесса в России обычно рассматриваются его внутренние, эндогенные параметры. И только в последние годы, с усложнением и углублением методологии и расширением дискурса благодаря подключению и совершенствованию космических исследований удалось выявить и детализировать внешние, природные, в том числе экзогенные гелиофакторы. Среди них — на видном месте воздействие состояние Солнца на революционный процесс 1917 г. в России, его связь и взаимодействие с эндогенными процессами периода Первой мировой войны.

Исследуя основные эндогенные факторы начала революционного процесса 1917 г. в России, прежде всего следует указать на проблему сложности доведения до конца буржуазно-демократических преобразований и перехода к решению задач второго, пролетарского этапа в аграрной и к тому же разоренной стране, где горожане составляли всего 17% населения, а значительная его часть была призвана в армию. Ленин не случайно в статье «Удержат ли большевики государственную власть» задался этим вопросом и прикинул возможность — 72 дня, как Парижская Коммуна? Он, в частности, сомневается: удастся ли — комплексно решить проблему, даже если получится заручиться поддержкой ядра пролетариата России — польских промышленных рабочих, эвакуированных с предприятиями вглубь страны. По возвращении в польские земли они создадут многие десятки Советов, но буржуазно-демократическая задача — воссоздание независимого государства — возобладает и будет решена только она.

Для Российской империи революционные преобразования были очень сложным, многоаспектным и многоступенчатым процессом. Страна ввязалась в Первую мировую войну под давлением союзников и вопреки воле Николая II, ее козырем была самая многочисленная в мире армия. Однако вскоре обнаружились и разнообразные слабые стороны — отсталая экономика, нехватка оружия и транспорта, архаичная политическая систе-

ма, устаревшая военная доктрина уничтожения живой силы противника любой ценой согласно максиме «штык — молодец». Страна была нацелена на краткосрочное ведение войны, без обнажения своих глубинных противоречий и слабостей. Уже в 1916 г. российская армия отступала по всей линии фронта. Стало очевидно, что она обескровлена, офицерский состав выбит или залечивает раны, что не хватает ни ружей, ни артиллерии, ни снарядов, что транспорт испытывает небывалые трудности.

С середины 1915 г. стала давать о себе знать сложная продовольственная ситуация, что позволяет судить о симптомах деструктивного действия эндогенного фактора нараставшего революционного процесса. По уровню жизни городского населения ударила инфляция. В 1916 г. рост цен уже значительно опережал рост заработной платы. Товаров становилось все меньше, и цены на самые насущные из них достигли 300%. Наступил продовольственный кризис, в городах обнаружили симптомы голода. Петроград и Москва получали лишь треть необходимого продовольствия, Петроград — топлива. Фабрики все чаще прекращали работу. Особенно велики были трудности с доставкой хлеба.

В полицейском донесении министерству внутренних дел от октября 1916 г. ситуация в обществе оценивалась следующим образом: «Необходимо признать безусловным и неоспоримым, что внутренний уклад российской государственной жизни в данный момент находится под сильнейшей угрозой неуклонно надвигающихся тяжелых потрясений, вызываемых и объясняемых исключительно лишь экономическими мотивами... Это движение имеет строго экономическую подкладку и не связано почти ни с какими чисто политическими программами. Но стоит только этому движению вылиться в какую-либо реальную форму и выразиться в каком-либо определенном акте (погром, крупная забастовка, массовое столкновение низов населения с полицией и т.п., оно тотчас же и безусловно станет политическим»¹.

В начале 1917 г. дезертировали уже более миллиона солдат. В ополчение призвали последние 2–3 млн старших резервистов. Только в Петрограде в переполненных казармах, во дворах и в сараях размещались и проходили обучение 340 тыс. насоро

¹ Красный Архив. 1926. № 4 (17). С. 24.

вооружаемых и думавших только о скорейшем возвращении домой в предвкушении приближавшихся передела земли и по-севой крестьян, окруженных голодным и перевозбужденным городским населением. В столице были сосредоточены 3,5 тыс. полицейских. В Петрограде стояли суровые морозы, температура упала до 14 градусов. Слухи о перебоях с черным хлебом, о введении жестких хлебных норм стимулировали гигантские очереди перед булочными с ночи, особенно в заводском секторе Литейного проспекта. Появились плакаты: «Прибавку пайка семьям солдат», «Не дать умереть детям защитников!». Булочная Филиппова была разгромлена. На улицы вышли уже до 300 тыс. человек.

«Верхи» не могли управлять «по-старому». Заседания III Государственной думы, создание антивоенного Прогрессивного блока демонстрировали, что антимонархические настроения все более охватывают различные слои общества. Премьер-министр Столыпин стремился при помощи законодательных инициатив нормализовать ситуацию, при этом считая себя «прежде всего верноподданным слугой своего государя, исполнителем его предначертаний и приказаний». Но двор и правые силы видели в его программе не фундаментальную перемену управления в России, а лишь чрезвычайные меры на время волнений в обществе. Либеральный проект Столыпина по распространению на девять западных губерний земского самоуправления был воспринят ими негативно. Они считали, что можно не соблюдать принятые Основные законы, которым самодержец не присягнул. Столыпинским проектам политических и социальных реформ не суждено было осуществиться.

В IV-й Государственной думе неуклонно нарастала нестабильность настроений. После ареста большевистских депутатов спикером левой фракции и самым зажигательным оратором, обвинявшим правительство в несостоятельности и выступавшим за свержение царского режима, стал молодой адвокат, трудовик А. Керенский, действовавший в соответствии с Циммервальдской антивоенной резолюцией. А. Гучков пытался заручиться поддержкой сторонников легальной передачи власти наследнику Алексею, а князь Г. Львов и начальник штаба генерал Алексеев — великому князю Николаю Николаевичу.

В связи с открытием 14 декабря сессии IV Думы полиция решала задачу предотвращения уличных демонстраций и обострения ситуации. 27 января 1917 г. была арестована предшественница Петроградского совета Рабочая группа, призывавшая под лозунгами свержения монархии и замены ее демократическим Временным правительством к готовности к демонстрации перед Таврическим дворцом, где заседала Дума.

Событийная канва февраля 1917 г. в Петрограде раскрывает в деталях быстрое созревание эндогенного фактора революционного процесса. Многие предприятия города были закрыты из-за нехватки топлива. Был закрыт в числе других и Путиловский завод. Сотни тысяч рабочих вышли на улицы. На прядильно-ткацкой фабрике «Невка» возбужденные работницы 23 февраля (8 марта) прервали трудовой процесс и под лозунгами «Хлеба» и празднования Международного дня женщины-работницы вышли на Литейный проспект, что означало рост политизации протестного движения. Полиция пыталась рассеять толпу и остановить на Литейном мосту стихийное продвижение быстро увеличивавшегося массового потока, но он «обтекал» это препятствие по льду. Она не успевала справляться с его характерным быстрым сплочением и продвижением к Знаменской площади (ныне площади Восстания). На утро в Павловском гвардейском полку унтер-офицер Т. Кирпичников отказался выполнить приказ штабс-капитана Юровского выходить на улицы с оружием. Он сумел остановить его применение, застрелив этого офицера.

Социально-психологический сдвиг приобретал все возрастающую интенсивность, проявление солидарности солдат с демонстрантами неуклонно повышалось. Выведенные на улицы казаки отказались входить в столкновение с рабочими. Попытка вывести на улицу отряд вооруженных гвардейцев Павловского полка оказалась неудачной — они быстро растворились в толпе. С вооруженным выступлением солдат общественный порядок был нарушен, а с отречением Николая II, произошедшим 2 марта, весь царский режим, весь бюрократический аппарат был парализован. Возникало двоевластие: параллельно начинали действовать Временное правительство и Советы рабочих и солдатских депутатов. Эти события традиционно счи-

тались бунтом петроградского гарнизона как началом Февральской революции. На самом деле причины были значительно масштабнее и требуют расширения дискурса с включением проблемы роли экзогенного, космического фактора.

Здесь уместно упомянуть Лейбница и Лапласа как авторов сформулированной еще в XVIII веке гипотезы, затем подтвержденной на научном уровне своего времени К. Марксом в «Немецкой идеологии», а после изучавшейся российскими учеными А. Чижевским, Л. Гумилевым, М. Гефтером, В. Лапкиным и В. Пантиным, И. Шестопаловым, Ю. Баркиным и другими учеными в XX–XXI веке. Они доказали, что все объекты, явления и процессы в природе и обществе взаимосвязаны и влияют друг на друга.

За несколько последних лет этот дискурс вышел далеко за рамки гипотез, завершая глубоко аргументированные ответы на ключевые вопросы этой проблематики. М. Гефтер писал, что найдется «множество предпосылок» для радикализации развития — экономических, социальных и идейно-политических, «но всех предпосылок, взятых вместе, для прихода революции недостаточно». Он прямо указал на определяющую роль экзогенного фактора — на воздействие космических сил на социально-психологический сдвиг в поведении людей². Эту роль играют связанные с появлением пятен на Солнце выбросы космической плазмы, солнечный ветер и лучистая энергия Солнца.

На графике NASA (рис. 1), обработанном С. Н. Тепляковым³, хорошо видны масштабы выброса солнечной плазмы периода с июня 1915 по сентябрь 1921 г., с кульминацией в 1917 г., по мощности не уступавшего революциям XIX века, но не достигавшего уровня аналогичных явлений второй половины XX и начала XXI века.

Солнечная активность вызывает на Земле реакции адапционного типа. Л. Гумилев определил, что возникающая при этом пассионарность есть осознанное или неосознанное стремление к деятельности, нацеленной на осуществление опреде-

2 *Гефтер М.* 1917: Неостановленная революция... С. 29.

3 *Тепляков С. Н.* Об экзогенном императиве пространственно-временной динамики трансформации мирового порядка // *Пространство и время.* 2015. № 1–2 (19–20). С. 363 (фрагмент).

является универсальной мерой различных форм движения живой материи. Проведенные исследования показали, что социальные революции происходят в результате взаимодействия эндогенных (внутренних) и экзогенных (внешних) естественных факторов. Разработки NASA последних лет при помощи диагностической спутниковой системы Salar, ежесекундно делающей в космосе по несколько снимков и уже поставившей их в количестве более 200 млн, показали огромную будирующую роль периодических выбросов гелиоплазмы в сторону тех или иных регионов земной поверхности. Они-то и обеспечивают мощный перегрев верхних слоев земной атмосферы, нагнетание электромагнитного возбуждения и стимулирование кризисных и трансформационных процессов в ноосфере.

Выявляются последствия влияния на биосферу Земли Солнца, планет Солнечной системы при различном их положении на небосводе, Луны и звезд, в том числе их гравитационное воздействие на Землю. Прослеживается изменение напряженности ее магнитного поля, интенсивности полярных сияний, свечения атмосферы и другие явления. Для биосферы Земли особое значение имеют пятна и вспышки на Солнце, определяющие циклические изменения в Солнечной системе в целом и на нашей планете в частности.

Под воздействием лучевой энергии Солнца, огромных выбросов солнечной плазмы и соответствующих геомагнитных возмущений у значительного числа людей возникает психоэнергетический перегрев, существенные подвижки массовых настроений — так называемый (по Б. Ф. Поршневу) социально-психологический сдвиг, стремление эффективно решать социальные проблемы. Приток солнечной энергии через ряд промежуточных форм трансформирует ядра атомов, под влиянием облучения они меняют энергетическое состояние. Активизируется гормональная среда организма, превращается в сгусток человеческой энергии и находит свою разрядку в социально-политических поступках и движениях. На энергоинформационных потоках информация передается с одного информационного поля на другое: от одного информационного сознания на другое, с общего информационного поля на индивидуальное поле или сознание, с индивидуального сознания на общее информационное поле.

Еще в работах академика В. И. Вернадского было показано, что живое вещество на планете создается и поддерживается Солнцем: энергия Солнца влияет на геохимические циклы на Земле, энергоинформационные потоки воздействуют на космопланетарный феномен биоритмов жизни⁸. Академик В. Казначеев обосновал представление о том, что любая область спектра электромагнитных волн принимает участие в процессах жизнедеятельности человеческих организмов как своеобразный дирижер их проявлений⁹. Л. Гумилев считал, что значительная часть энергии Солнца уходит на политическую деятельность людей, на управление государством. Наступившее состояние равновесия на более высоком витке развития вновь переходит в неравновесие и определяет новый виток развития. Возникающая при этом пассионарность есть осознанное или неосознанное стремление к деятельности, нацеленной на осуществление какой-либо цели. Вариации солнечной активности вызывают реакцию адаптационного типа, поскольку именно Солнце задает динамику практически всех физических процессов на Земле. Происходит возбуждение больших человеческих масс, способных и готовых к качественному перелому в жизни общества. Это явление Л. Гумилев называл гелиотараксисом¹⁰.

Выдающийся биофизик А. Л. Чижевский установил соответствие периодов существенных колебаний жизненных процессов на земле с циклами солнечной активности¹¹. Место человека в биосфере, динамику систем и оформление понятий в этой области проанализировал академик Н. Н. Моисеев¹². Связь земных социокультурных и социально-политических процессов с активностью Солнца за длительные периоды изучена Б. М. Владимирским¹³.

8 Вернадский В. И. Живое вещество. М., 1978. 363 с.

9 Казначеев В. П. Учение о биосфере (Этюды о научном творчестве В. И. Вернадского). М.: Знание, 1985. 80 с.

10 См.: Гумилев Л. Н. Указ. соч.

11 См.: Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976. 367 с.

12 См.: Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 352 с.

13 Владимирский Б. М. Влияет ли «космическая погода» на общественную жизнь? // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2005. Вып. 2. С. 23–30; он же. Большие минимумы солнечной активности и социодинамика культуры // Геофизические процессы и биосфера. 2011. № 4. Т. 10. С. 30–43.

К настоящему времени накоплен обширный научный материал, свидетельствующий об изменении психоэмоционального статуса людей, обусловленного гелиогеографическими факторами и полевыми биофизическими процессами. В частности, объясняется интенсификация обмена информации на полевом уровне и скоординированное поведение наэлектризованных на полевом уровне больших человеческих масс. Работки последних лет показали огромную будирующую роль периодических выбросов гелиоплазмы в сторону тех или иных регионов земной поверхности и мощного перегрева верхних слоев земной атмосферы, нагнетания электромагнитного перевозбуждения, стимулирования кризисных и трансформационных процессов в ноосфере. В этом ряду – образование более или менее крупных эгрегоров, объективных биоэнергоинформационных реакций, порождающих, мобилизующих и спланивающих ресурсы человеческой энергии для решения каких-либо назревших задач согласно вызовам времени и синхронизирующих массовые протестные движения, нацеленные на трансформацию разных сфер общественной жизни. Появилась и возможность на основе выявленных закономерностей прогнозировать такие явления и процессы¹⁴.

Иллюстрацией направлений воздействия подобного потока служит недавний фотоснимок перемещения на Землю огромного выброса лучистой энергии Солнца – коронарной солнечной плазмы, покрывающего большой сегмент земной поверхности. Снимок получен при помощи диагностической спутниковой системы Solar (рис. 12), а также представленный

14 *Пантин В. И.* Длинные волны и перспективы мирового социально-политического развития в первой половине XXI в. // Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики / Под ред. А. А. Акаева, А. В. Коротаева, Г. Г. Малинецкого и др. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. С. 121–130; Циклы политического развития: прогностический потенциал / Отв. ред. В. И. Пантин и В. В. Лапкин. М., ИМЭМО, 2010. 103 с.; *Пантин В. И.* Исследование перспектив в мировом политическом развитии: проблемы методологии синтеза // Полис. Политические исследования. 2012. № 6. С. 27–40; Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования / Отв. ред. И. С. Семененко. М.: ИМЭМО, 2014. 208 с.; *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Историческое прогнозирование в XXI веке. Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: «Феникс», 2014. 455 с.



Рис. 2. Реконструкция выброса коронарной солнечной плазмы в сторону Земли

выше график, составленный при помощи индекса количества солнечных пятен Швальбе-Вольфа.

С. Хантингтон сформулировал используемую здесь концепцию трех волн всемирной демократизации XIX–XX века. Первая датируется им по двум событиям 1828–1926 гг. без выделения этапов революционного процесса в России. Вторая волна определяется им по последним годам Второй мировой войны и последующим периодом с достижением независимости колоний и переменами в Латинской Америке (1943–1962 гг.). Начальной этапом третьей волны Хантингтон посчитал «революцию гвоздик» в Португалии в 1974 г. и события в Греции, но испытал трудности с критериями и определением ее конца. Общие тенденции демократизации были отмечены им верно, но регионально-страновая детализация весьма условна¹⁵.

Другое дело, выделение четвертой волны демократизации на основании специфики комплексного характера процесса

15 См.: Хантингтон С. Третья волна: демократизация в конце XX века. М.: РОСПЕН, 2003. 368 с.

системной трансформации региона Центрально- и Юго-Восточной Европы, начавшегося на рубеже 1989–1990 гг. В этом регионе практически одновременно с особой масштабностью и глубиной преобразований коренным изменениям подверглась не только политическая, но и другие сферы общественной жизни — социально-экономическая, культурная, духовная. За последнюю четверть века системных преобразований в России и 14 странах ЦЮВЕ существенно продвинулась вперед наука в изучении циклов и ритмики процессов эндогенного характера в контексте ритма смены полюсов Солнца и выбросов солнечной плазмы как экзогенного фактора.

Что касается использованной при подготовке графика методики 11-летних циклов Швабе-Вольфа, то такой подход не является достаточно точным. Если вначале был нащупан усредненный 11-летний цикл, то к настоящему времени цикл определяется с учетом ряда космических факторов вариативно, с периодичностью от 9 лет до 13 лет и 7 месяцев, а также прорывов верхних слоев атмосферы Земли потоками солнечного ветра с интервалами в 5–6 лет. Рассмотрение процессов сопряжения влияния на Землю диктует учет сложносоставляющего движения: ее вращения вокруг своей оси, которая меняет угол наклона; орбитального вращения вокруг Солнца; с изменением параметров и вытянутости орбиты. Изменения вызывает смещение полюсов Солнца, его перемещения со всей планетной системой по Галактике и т.д. Изучение комплекса этих процессов позволяет устанавливать его закономерности более основательно и всесторонне.

На материале России основные ритмы выявляются сейчас по цепочке событий 1905–1917–1929 гг. и последующих лет, равно как для 14 государств Центрально- и Юго-Восточной Европе: по 1945–1956–1968–1980–1989 гг. и последующих годам системных трансформаций в этом регионе¹⁶. И Майдан на Украине, и оранжевые революции в Северной Африке, и другие аналогичные явления и процессы имели место сразу после мощ-

¹⁶ Проблема была представлена автором на Международном конгрессе МАПИ в Дублине в 2003 г. и на международных конференциях в Институте славяноведения РАН в 2013 г. и в Институте Европы РАН в 2017 г. Доклады опубликованы.

нейших выбросов коронарной солнечной плазмы в форме жестких лучей или потоков, накрывающих те или иные сегменты территории Земли, чтобы затем развиваться уже по земной, регионально-континентальной логике.

Подобный выброс ионных потоков космической плазмы на северный регион России пришелся на рубеж февраля — марта 1917 г., когда после жестких морозов погода в Петрограде внезапно и резко переменилась. Температура поднялась до 8 градусов тепла. Жители Петрограда немедленно высыпали на улицы. Повсюду замелькали написанные от руки плакаты. К социальным требованиям добавились политические: «Долой монархию!», «Долой Романовых!», «Да здравствует революция!» «Земля и Воля!». Это и было важнейшим свидетельством наступления ключевого момента активизации экзогенного фактора развития революционного процесса — выброса солнечной плазмы в сторону Земли и достижения мощным потоком заряженных ионов.

Между тем 25 октября глава Совета рабочих депутатов В. Ногин, участник II съезда Советов, уже дал телеграмму: поддержать курс Петроградского Совета. Московские большевики и эсеры заключили соглашение о контроле над городом, чтобы исключить какие-либо столкновения. Ногин предложил сначала создать Ревком, затем, по образцу Петрограда, Военно-революционный комитет и сформировать властные органы. На совместном заседании двух Советов большевики форсировали принятие этого решения, но другие левые партии его отвергли. Большинство не понимало смысла происходившего как ориентации на взятие власти и строительство социализма. Напряженность росла. Было решено не допускать перестрелки, ибо у всех было оружие. Однако напуганные юнкера вооружились, и вскоре их соприкосновение с перемещавшимся по городу отрядом штрафных солдат «двинцев» привело к случайному выстрелу: кто-то не выдержал. Развернулся бой, в ходе которого были убиты до тысячи человек. Эти события и изображались как эпицентр вооруженного восстания. Городской голова безрезультатно пытался созвать и объединить легальные органы — Советы и съезд земств.

В. И. Ленин исходил из того, что революция требовала лидера, способного предложить стратегический курс на марксист-

тский лад, с внесением сознания в слабо политизированные массы. Когда правые большевики вышли из Совнаркома и ЦК, он привлек туда левых эсеров и красногвардейские отряды из области, что обеспечило перевес сил большевиков. Партия в перспективе решала бы задачу внесения в пролетариат социалистического сознания. Рабочий, осваивая это сознание, революционизирует деревню, поможет создать крестьянские комитеты. Крестьянство станет революционным классом. Организуя классовую борьбу в деревне, созреет и сам рабочий класс. В перспективе произойдет установление диктатуры рабочего класса и крестьянства.

Формулируя эти принципы сначала как умозрительные идеалы, а затем как целевые установки в лозунгах «Вся власть Советам!», «Земля — крестьянам!», «Фабрики — рабочим!» и якобы реализуемые как «реальные» факты: вся власть принадлежит трудящимся в лице Советов, экономическую основу составляет социалистическая система хозяйства и социалистическая «общенародная» = государственная собственность, при «отмене частной собственности» и т.д., Ленин не всегда был последователен. С одной стороны, он давал оценку царской России как страны, не достигшей уровня развития производительных сил, при котором возможен переход к подлинному социализму¹⁷. С другой стороны, в Конституции 1918 г. обыгрывался пропагандистский потенциал экзогенного фактора развития революционного процесса путем поддержки европейской, пусть даже не мировой, революцией. А содержащиеся в Конституциях как 1918 г., так и 1936 г., и 1977 г. эндогенные факторы революционного процесса в виде принципов ликвидации классов, идей формального равенства и равноправия, «социального государства», передачи земли трудящимся на началах уравнительного землепользования, объявления национальным достоянием недр и пр., передачи фабрик, заводов, средств производства, транспорта, банков в собственность республики, на практике никогда не были осуществлены полностью.

В. И. Ленин учитывал в теоретических работах оценки ведущих теоретиков-марксистов прошлого, изучавших возможные перспективы посткапиталистического общественного раз-

17 Ленин В. И. О нашей революции // Ленин В. И. ПСС. М., 1970. Т. 45. С. 380.

вития, начиная с «забегания вперед» при отсутствии необходимых объективных предпосылок для социалистических преобразований. Указывая на нелинейность в историческом развитии, на наличие этого синдрома маятника в ходе революционных процессов всех эпох, он писал: «...Представить себе всемирную историю, идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно»¹⁸.

Изучая природу, причины генезиса и распада такого явления как исторический зигзаг, названного Лениным «историческим забеганием», оказавшимся форсированным монтированием «реального социализма», т.е. реальной репетицией переходного строя, который создавался в результате деформаций на основе сталинской модели, А. П. Бутенко констатировал, что упомянутая модель извращала суть «по двум кардинальным вопросам — о власти и собственности»¹⁹. Объективные закономерности революционных преобразований были подменены преждевременным, не обеспеченным достаточным уровнем экономического развития применением набора волюнтаристских организационных мероприятий — как уничтожением частной собственности вместо ее «снятия», принудительным устранением рыночной экономики вместо ее изживания, так и властвованием бюрократии вместо народовластия²⁰.

Для построения подлинного социалистического общества необходимо время и ряд объективных условий для создания жизненных ресурсов, которые пока что только складываются в целях обеспечения питания и удовлетворения многих других человеческих потребностей. А для этого необходим самый тщательный, постоянный учет и эндогенных, и экзогенных факторов процессов общественного развития.

18 Ленин В. И. ПСС. М., 1973. Т. 30. С. 6.

19 Социализм между прошлым и будущим. М., 1989. С. 6.

20 См.: Бутенко А. П. Неравномерность развития и историческое забегание. Сравнительный анализ вместо развития СССР, России, Китая и Вьетнама. М., 2000. С. 151–155, 215–229.

РАЗДЕЛ III

СТОЛЕТИЕ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ

Глава 11. Армия Российской империи: от Великих реформ до революции Октября 1917 г.

Для отечественной политологии особый интерес представляет обращение к исследованию тех периодов в истории России, когда происходило резкое изменение основ государственности, менялся общественный строй, политический режим, реформировались государственные институты, в том числе и вооруженные силы, военная организация в целом. Научный анализ военной политики государства, политической роли вооруженных сил на крутых поворотах истории Российского государства дает обширный материал для размышлений, обобщений, теоретических и практических выводов, которые позволяют глубже раскрыть роль указанного института в политической системе общества. Это помогает лучше понять не только социально-государственную природу вооруженных сил в России, но и определить их место и значение в современных политических процессах.

На протяжении минувшего столетия Россия, по меньшей мере, дважды вступала в полосу системного кризиса своей государственности, что приводило к резким поворотам ее истории¹. И в начале XX века, и при его завершении она фактически оказывалась на историческом перепутье. В эти периоды происходило крушение основ традиционных государственных институтов, принципов их организации и деятельности. Особенно остро названные процессы протекали в вооруженных силах, чье предназначение — защищать существующее государство, обеспечивать наряду с другими элементами военной организации его безопасность.

В наши дни обращение к опыту реформирования вооруженных сил в XIX–XX веках сохраняет ценность и значимость в ином ключе. Прежде всего, нельзя не отметить, что реформирование вооруженных сил и переход от одного типа армии к другому плодотворны только в том случае, если они соответствуют

¹ Российская революция 1917 г.: власть, общество, культура / Отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 1–2. 1336 с.

происходящим в обществе и государстве преобразованиям, если при этом принимаются в расчет первостепенные государственные задачи и интересы, собственные национальные традиции и международные стандарты. Реформирование армии может быть результативным, если оно проводится комплексно, т.е. учитываются все компоненты военной организации, связи армии, государства и общества, тип социальных отношений в стране. Не может быть сильной армии в испытывающем кризис обществе и государстве, но, напротив, армия в случае ее правильного реформирования может быть важным инструментом установления взаимосвязи между государством, обществом и гражданами, незаменимым средством гражданского становления и социализации граждан, достижения консенсуса различных слоев общества на патриотической основе.

В исследованиях, посвященных истории армии и флота второй половины XIX — начала XX столетия, весьма детально раскрыта та экономическая основа России, на которой создавался военно-экономический и военно-технический потенциал армии и флота; отмечены немалые материальные трудности и жертвы, с которыми было сопряжено поддержание военной мощи России в условиях резко усиливавшейся международной борьбы за сферы влияния и гонки вооружений, а также попытки преодолеть возрасставшее отставание страны от наиболее мощных европейских держав. Это был период не прекращавшейся гонки вооружений в Европе, осуществления многолетних программ строительства военно-морского флота Германии и Англии — наиболее серьезных соперниц России на Ближнем Востоке и в Азии, — расширения военно-технических новшеств, заставлявших многократно проводить, несмотря на состояние европейского мира («вооруженного мира»), дорогостоящие кампании перевооружения.

Достаточно сказать, что в последние десятилетия XIX — начале XX столетия почти миллионная российская армия трижды перевооружалась, переходя на более современные типы винтовок, увеличивая артиллерийские подразделения. Строился флот, возводились крепости в пограничных районах, особенно на западной границе, активно шло железнодорожное строительство, от которого в немалой степени зависела мобилизация армии в случае большой европейской войны.

Все это заставляло и российских самодержцев, и высшие государственные круги, включая руководителей Военного министерства и Генерального штаба, и широкие круги общественности все чаще задумываться о перспективах российской государственности и судьбах империи.

Несмотря на неудачи в Крымской войне и относительные результаты русско-турецкой войны 1877—1878 гг., Россия, при неизменности ее западных границ, продолжала территориально расширяться путем присоединения среднеазиатских и дальневосточных территорий. Особенно важную роль в укреплении российского влияния в Средней Азии сыграли Кокандский поход 1875—1876 гг. и присоединение Кокандского ханства, а также аналогичные меры в других среднеазиатских территориях, повлекшие за собой присоединение к России гигантского Туркестанского края. Дальнейшее продвижение на юг, как показали события при Кушке в 1885 г., где непосредственно столкнулись русские и английские воинские подразделения, было сопряжено либо с посягательством на территории Ирана, Афганистана и Китая, либо с вторжением в Индию. Таким образом, к концу века южные границы империи в основном определились, а продвижение на восток и выход к Тихому океану фактически завершали процесс определения и дальневосточных границ.

Уже в 1880-х годах все большее количество трезвомыслящих политиков, военных, ученых приходили к выводу, что решавшиеся веками задачи становления Российского государства, обеспечения ему естественных границ и жизненно необходимых для его самостоятельного развития выходов к Балтийскому, Черному, Каспийскому морям, а также к Тихому океану уже решены. В дальнейшем основные задачи должны решаться внутри страны в целях мирного освоения имеющихся территорий, слабо освоенных окраин, особенно Туркестанского края, Кавказа и Закавказья, Приморских областей и территорий на Дальнем Востоке. Этой мыслью проникнуты были широко известные читающему обществу труды Б. Н. Чичерина, В. Н. Соловьева и позднее В. О. Ключевского. Не чужды были подобным размышлениям и наиболее видные руководители Военного министерства.

Отличительной особенностью руководства вооруженными силами Российской империи вплоть до Первой мировой войны была относительная слабость уже набиравшей силу в других странах по мере завершения раздела мира «военной партии» — инициатора активной внешней политики. В отличие от военного руководства этих стран, наиболее дальновидных военных руководителей России волновала иная проблема — необходимость удержать завоеванное, обеспечить безопасность резко увеличившихся к концу XIX века владений империи, тем более что международное окружение России становилось все менее благоприятным.

Содержание армии и строительство флота тяжелым бременем лежали на народном хозяйстве страны, сдерживая государственное финансирование гражданских отраслей промышленности, земледелия и промыслов, а также удовлетворение насущных социальных нужд — развития образования и культуры, здравоохранения, государственного социального обеспечения². Военные расходы даже в мирное время (а с 1878 по 1904 гг. Россия не вела крупномасштабных военных действий; локальные военные операции в Средней Азии и на Дальнем Востоке в связи с восстанием в Китае в 1900 г. осуществлялись ограниченными воинскими формированиями) составляли свыше трети государственных расходов, превышая совокупные затраты на развитие промышленности, земледелия, образования, здравоохранения и т.п. Наряду с ежегодным финансированием армии и флота широко практиковались чрезвычайные ассигнования на те или иные военные цели при условии получения на это санкции министра финансов и царя.

Положение осложнялось тем, что потребности обороны границ империи, протяженностью почти в 17 тыс. км, и реальная опасность в случае войны в Европе быть атакованной одновременно двумя крупными соседними государствами — Германией и Австро-Венгрией — вынуждали царское правительство держать под ружьем более чем миллионную армию. Росли и военные расходы, особенно по мере реализации ведущими державами Европы все новых военных и военно-мор-

2 Россия накануне великих потрясений: социально-экономический атлас 1906—1914 гг. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Кучково поле, 2017. 672 с.

ских программ. Российская армия трижды переходила на более совершенные виды стрелкового оружия, лихорадочно наращивала мощь артиллерии, флота.

В итоге, по свидетельству С. Ю. Витте, долгое время занимавшего пост министра финансов, за период с 1892 по 1902 г. Россия увеличила военные расходы по сравнению с предыдущим десятилетием на 47,7%. Они составили в 1902 г. в общей сложности 421 млн руб., а к 1906 г. были доведены до 528,5 млн руб. По общим затратам на военные нужды и по темпам их роста Россия и здесь не уступала другим странам-участницам гонки вооружений. По оценке С. Ю. Витте, при всей необходимости и неизбежности этих расходов они в условиях России, где насущнейшие гражданские нужды удовлетворялись недостаточно, представлялись «крайне обременительными и даже тягостными»³.

Высшее военное руководство страны, в составе которого было немало высокообразованных, преданных военному делу специалистов, реалистически оценивало сильные и слабые стороны вооруженных сил, принимало энергичные меры по преодолению возраставших трудностей оперативного управления всеми подразделениями таких сложных в социально-экономическом, организационном и профессиональном отношении структур, как армия и флот.

Без учета тяжелого военно-политического поражения России в войне 1904–1905 гг. нельзя понять особенности предвоенной политики царизма — обостренную реакцию на международные ситуации (которые ставили под удар позиции России как великой державы), приходившую в противоречие со стремлением обеспечить как можно более длительный мир для проведения внутренних реформ и возрождения армии, дискредитацию российского генералитета и опасную для судеб армии отстраненность военного министерства от решения важнейших внешнеполитических вопросов (вплоть до того, что военный министр В. А. Сухомлинов был отстранен от решения вопроса о мобилизации российской армии накануне ее вступления в

³ *Bumme С. Ю.* Вынужденные разъяснения по поводу отчета генерал-адъютанта Куропаткина о войне с Японией. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911. С. 11, 15.

мировую войну), поиск средств и путей реформирования армии накануне решающих военных испытаний.

Период между революцией 1905–1907 гг. и революциями 1917 г. можно считать периодом агонии самодержавной власти в России. Рушилась мощь Российской империи. Наступало время политического хаоса. «Разброд и шатания» не обошли стороной российские вооруженные силы. Социальные катаклизмы неизбежно втягивали их в свой круговорот, ломали и разлагали, лишали духовной опоры. Манипуляция лозунгами и призывами, политизация и партизация армии и флота резко негативно сказывались на их моральном духе, вели к потере боеспособности. Но главное — власть теряла контроль над вооруженными силами и в результате этого вскоре перестала быть властью.

В условиях острейших революционных битв, при небывалом падении престижа царизма как вне России, так и внутри нее, при возростающей финансово-экономической зависимости страны от более развитых западных стран сохранить империю Романовых можно было только за счет всемерного укрепления и развития вооруженных сил. К этому же вело обострение империалистических противоречий между крупнейшими капиталистическими странами накануне Первой мировой войны, повсеместный рост милитаризма и «маринизма», наиболее наглядным проявлением которого стало начатое еще в 1898 г. немецкими империалистами англо-германское морское соперничество. В этих условиях становилось ясно: второго Мукдена, второй Цусимы царизму не пережить. А отсюда выдвигалась задача: чтобы избежать этого, надо любой ценой и любыми средствами поднять армию и флот до уровня современных требований военного дела.

Первыми после русско-японской войны включились в разработку новых программ военные моряки, оставшиеся практически без боевых кораблей и судов. К этому их подталкивало и еще одно обстоятельство: в то время военно-морской флот России частично строился за границей, а частично — на казенных заводах морского ведомства, которое не могло оставить их без работы.

Всего совокупные претензии Морского и Военного министерств составили от 1,2 до 7 млрд руб. единовременных расхо-

дов, т.е. приблизительно от половины до трех годовых бюджетов России в 1908 г. Средств требовалось много, а финансовое положение страны в это время было просто отчаянным.

Однако с 1909 г. экономическое положение Российской империи стало постепенно улучшаться. Начался предвоенный промышленный подъем, последовал ряд необычайно урожайных лет, удачно совпавших с ростом цен на хлебном мировом рынке, что значительно увеличило поступления от основной статьи экспорта дореволюционной России. Улучшение финансового положения тотчас же учли Военное и Морское министерства, потребовавшие увеличения кредитов на вооружение. И царское правительство сочло возможным в 1910 г. выделить Военному министерству вдвое большую сумму, чем в 1908 г., а флот получил даже в 5,5 раза больше.

Наконец, уже в самый канун Первой мировой войны (летом 1914 г.) в связи с покупкой турецким правительством у Бразилии двух линейных кораблей царское правительство добилось от Государственной думы дополнительных ассигнований в размере 110 млн руб. на спешную постройку одного линейного корабля, двух легких крейсеров, восьми эсминцев и шести подводных лодок. Морскому министерству накануне Первой мировой войны удалось провести через законодательные органы четыре морские судостроительные программы, завершение которых относилось к 1917–1919 гг. Их общая стоимость составила 820 млн руб. Кроме того, царем был одобрен «Закон о флоте»; Морскому министерству оставалось только в подходящий момент добиться через законодательные органы выделения на него кредитов, а в случае необходимости и введения новых налогов. По этому закону только на судостроение в течение 17 лет (с 1914 по 1930 гг.) предполагалось израсходовать колоссальную сумму — более 2 млрд руб. золотом⁴.

Что касается армии, то в результате потерь на войне и последующей демобилизации призванных в ходе войны запасных и ополченцев общая численность кадровых войск снизилась и на 1 января 1906 г. составила 29 357 офицеров (в том числе генералов) и 735 146 рядовых.

⁴ Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М.: «Наука», 1986. С. 169.

Опыт войны с Японией показал, что даже при проведении частичных мобилизаций почти весь обученный запас оказался исчерпанным (за исключением Варшавского и Кавказского округов, где мобилизации не проводились). Встревоженный этим обстоятельством, Генеральный штаб указывал: «Если такое напряжение потребовалось для приведения в военный состав менее чем половины нашей армии, то не подлежит сомнению, что при общей мобилизации всей армии встретились бы крайне серьезные затруднения по ее укомплектованию, даже при условии поголовного призыва всего запаса без всяких льгот»⁵.

Требовалось осуществление ряда чрезвычайных мероприятий. В первую очередь, надо было сократить срок действительной службы, чтобы пропустить через армию возможно большее количество людей в целях увеличения численности военнотружущих запаса. Такая мера была проведена. Указ от 7 марта 1907 г. предусматривал сокращение срока действительной службы в пехоте, пешей артиллерии до трех лет, а в остальных родах войск — до четырех лет. Одновременно устанавливалось разделение запаса на два разряда. В первый разряд входили запасные младшего возраста — они предназначались для пополнения полевых частей, второй разряд составляли запасные пожилого возраста — они пополняли резервные и тыловые части.

Введение новых сроков службы позволило быстро восстановить численный состав войск до прежнего уровня — в 1908 г. в армии состояло 42 906 офицеров (в том числе генералов) и 1 311 654 рядовых⁶. Набор в армию шёл обычным порядком. Они давали свыше 400 тыс. рядовых в год.

Наряду с сокращением срока службы было решено провести переустройство армии. По указанию Совета государственной обороны, военный министр А. Ф. Редигер представил 9 декабря 1906 г. доклад о возможном увеличении численности армии и необходимых мерах для повышения ее боеспособности. Рассмотрение предложений началось в июле 1907 г. В результате стало ясно, что Министерство финансов не может удовлетворить требования Военного министерства.

⁵ Там же. С. 170.

⁶ *Серебрянников В. В.* Войны России. М.: «Научный мир», 1998. С. 57.

Для разработки предложений Совет государственной обороны сформировал особую комиссию под председательством генерала М. А. Глазенкампа. Эта комиссия предложила начальнику ГУ ГШ (Главное управление Генерального штаба) представить проект реорганизации армии. 6 октября ГУ ГШ представило свой проект реорганизации, предусматривавший более широкую программу, но комиссия М. А. Глазенкампа отклонила его. Вследствие невозможности получить необходимые ассигнования в октябре 1907 г. были также отклонены составленная генералом Ф. Ф. Палицыным «Программа развития и реформ сухопутных Вооруженных сил России» и доклад генерала А. Е. Эверта «О преобразовании нашей армии». В итоге в основу деятельности Военного министерства на 1907–1910 гг. был положен «Доклад о мероприятиях по обороне государства, подлежащих осуществлению в ближайшее 10-летие», представленный Ф. Ф. Палицыным и М. В. Алексеевым 22 августа 1908 г.⁷

Военное министерство, не находя такой поддержки царя и правительства, как Морское министерство, в своих конкретных планах на новые ассигнования исходило из меньших претензий, чем упомянутое министерство, однако его дальние планы тоже были грандиозные. Хотя генералы основывались на убеждении, что именно армии, а не флоту придется вынести на своих плечах большую тяжесть приближавшейся мировой войны, они долгое время не могли выйти за пределы программы, утвержденной еще в 1908 г. Только закон от 12 мая 1912 г. разрешил военному ведомству кредиты в размере, предусмотренном десятилетней программой, принятой в 1909–1910 гг.

Между тем армия к этому времени была вооружена из рук вон плохо. По требованию военного министра В. А. Сухомлинова главные управления осенью 1912 г. подсчитали свои запасы и сообщили об их несоответствии утвержденным нормам. Картина получилась мрачная. Только продовольственные, интендантские и санитарные запасы, да простейшие виды инженерного имущества почти полностью имелись в наличии, а то, чего не хватало, должно было быть пополнено лишь к 1914 г. В достатке, по мнению генералов, армия была снабжена винтовками, револьверами и пат-

⁷ Керсновский А. А. История русской армии. В 4-х томах. М.: «Голос», 1994. Т. III. 1881–1915. С. 157.

ронами, но старого типа, с тупой пулей, обладавшей плохими баллистическими свойствами. С артиллерией дело обстояло хуже: в необходимом количестве имелись только легкие орудия. Не хватало почти 50% мортир, тяжелых орудий новых типов не было совсем, а старые — образца 1877 г. (!) — должны были быть заменены лишь к концу 1914 г. Перевооружение крепостной артиллерии планировалось завершить к 1916 г. только наполовину; в осадной артиллерии материальной части совсем не имелось, числилась такая только на бумаге. После объявления мобилизации и формирования новых частей в армии должна была обнаружиться нехватка 84% пулеметов, 55% трехдюймовых гранат для легких орудий и 62% — для горных, 38 % бомб для 48-линейных гаубиц, 17% шрапнелей, 74% орудийных прицелов новых систем и т.д.⁸

Таким образом, «маньчжурский урок» заставил российское руководство заняться улучшением состояния вооруженных сил. С 1905 по 1912 г. в стране осуществляются важные военные реформы. Обновляется старший командный состав. Улучшается подготовка офицеров. Вводятся новые воинские уставы. Срок службы солдат сокращается с 5-ти до 3-х лет, зато больше внимания уделяется их боевой подготовке. Войска оснащаются более совершенным вооружением. Обновляется флот. На смену броненосцам приходят более мощные линейные корабли. Эти реформы укрепили вооруженные силы накануне грозного столкновения с Германией. Как свидетельствовал генерал А. И. Деникин, «не будь тяжелого маньчжурского урока, Россия была бы раздавлена в первые же месяцы Первой мировой войны»⁹.

Проблемы реформирования армии и реорганизации вооруженных сил в условиях становления российского парламентаризма осложнялись острыми дискуссиями о характере российской государственности и перспективах ее развития. Вопрос о том, какая армия нужна России, дополнялся неизмеримо более важным и труднорешаемым: для какой России? Для какой государственности? В соответствии с различными ответами на этот непростой вопрос множились и усложнялись ответы на вопрос о том, какую роль играет военный фактор в системе других факторов, опреде-

⁸ Керсновский А. А. Указ. соч. С. 159.

⁹ Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии. Февр. — сент. 1917 г. М.: «Наука», 1991. С. 23.

ляющих могущество государства. Это — с одной стороны. Какими средствами достигается и обеспечивается боеспособность вооруженных сил, их верность своему государственному долгу и ответственность перед собственным народом — с другой.

Потрясения, пережитые Россией в 1904–1906 гг., — поражения в войне, революционные события, кардинальные изменения, внесенные после манифеста 17 октября 1905 г. в Основные законы империи, — дали богатую пищу для размышлений и осознания сложных механизмов взаимодействия государства, общества и армии. Общественно-политические и военно-теоретические дискуссии вокруг вооруженных сил и их места в государстве в предвоенные годы чрезвычайно содержательны и во многом поучительны. Ренессанс военной мысли, пережитый Россией накануне Первой мировой войны, на наличие которого справедливо указал один из инициаторов возрождения интереса к военной истории А. Е. Савинкин¹⁰, был частью более широкого явления — ренессанса российской общественно-политической и философской мысли, жадно перерабатывавшей новейший опыт мировой и отечественной истории.

В противовес концепции самодержавия, отстаиваемой правящими кругами, с проектами реформирования Российского государства на правовых основах выступали многие известные правоведы. Так, М. М. Ковалевский утверждал: «Обновленная Россия, построив свою жизнь на началах свободы и самоопределения как для отдельных лиц, так и для целых национальных групп, сохранит подобающее ей место в ряду других великих держав. К главной своей заботе о независимости и целостности империи в достигнутых ею пределах она присоединит и попечение о сохранении права и справедливости в отношениях всех наций между собой, и в особенности в их отношении к славянству». Он полагал, что тяга к международному миру, в котором нуждается Россия, будет сильнее тогда, когда в стране не останется прежней розни и недовольства, «выход из которых правительство часто ищет в иноземных войнах»¹¹.

10 См.: Российский военный сборник. Вып. III. М.: Изд-во Военный университет, 1994. С. 13.

11 Государственная Дума. Первый созыв. Сессия первая: Стенограф. отчеты. СПб., 1907. С. 220.

В политических дискуссиях 1905–1906 гг. настойчиво звучал призыв учесть итоги русско-японской войны, кардинально обновить внешнюю политику, покончить с политикой военных авантур, которая по своим последствиям для России сопоставима лишь с нашествием Батыя. Тема «страшного опыта японской войны», оскорбленного национального чувства, тяжелых дней пережитого страной национального траура особенно была характерна для октябристов и кадетов, трудовиков, выступавших выразителями крестьянских настроений, и других либеральных и демократических сил.

Дискуссии вокруг армии и флота, военной политики правящих кругов и роли в ее выработке и реализации представительных органов и общества, как подчеркивалось выше, были политизированы. Многообразие представлений о роли, функциях, характере армии было обусловлено не только и не столько чисто армейскими проблемами. Оно было связано с различными представлениями о России и ее роли в мировой политике, мере ее способности в условиях близившегося к концу «вооруженного мира» либо принять вызовы клуба могущественных в военном и экономическом отношении держав и продолжать с ними на равных развитие военной и военно-морской мощи, либо ограничиться только оборонительными мерами. При всех издержках великодержавной риторики монархических кругов и близкого Николаю II окружения, при всей несоразмерности реальным возможностям страны внешнеполитических притязаний, военных акций и демонстраций, а особенно вынашиваемых втайне и явно экспансионистских планов, военно-политический курс страны от русско-японской до Первой мировой войны соответствовал нависавшей угрозе мировой схватки.

Печальный опыт русско-японской войны был слишком памятным, чтобы пренебречь им при решении военных вопросов. «Война на Дальнем Востоке напомнила нам, как далеки от действительности мечты о вечном мире; фразы о возможности гуманного разрешения на началах справедливости серьезных международных споров перестали оказывать у нас свое расслабляющее влияние. Мы убедились на горьком опыте, как опасно допускать малейшие изъяны в организации вооруженной силы, и, по-видимому, оставили прежний путь ее развития — числом

поболее, ценою подешевле. Вера в могущество одного числа оказалась подорванной, и соответствующим образом изменяется организация нашей армии», — так характеризовался изменившийся по отношению к вооруженным силам настрой в обществе в одном из содержательных трудов о русско-японской войне, увидевшем свет в 1910 г¹².

Русско-японская война и последовавшие за ней международные конфликты и осложнения, равно как политические потрясения в самой России, поколебали позиции «традиционалистов» в армейской и флотской среде, которые, как уже указывалось выше, под предлогом верности славным боевым традициям русской армии пытались сохранить в ней старые порядки, унаследованные еще со времен крепостничества, уповали на жесткую, палочную дисциплину и на штыковую атаку. Правда, ретроградно настроенные представители генералитета, помнившие еще Крымскую войну, по-прежнему заседали в Госсовете, играли немалую роль в дворянских собраниях на местах. Однако время их безнадежно прошло: в 1906—1907 гг. под нажимом общественного мнения в отставку была отправлена большая группа этих генералов. Шел неумолимый процесс смены поколений. Накануне войны основную массу офицерского корпуса среднего и низшего звена составляли лица со специальным военным образованием, многие из которых получили боевое крещение в сражениях на полях Маньчжурии. К сожалению, как известно, большинство этих профессионально подготовленных офицеров отдала жизни на полях сражений в первый же год мировой войны.

Вместе с тем пережитые в 1905—1906 гг. потрясения, и прежде всего опасения утратить лояльность вооруженных сил к самодержавию и престолу, укрепляли, в особенности на уровне высшего командного состава, позиции той части генералитета, которая была чрезвычайно далека от понимания всей сложности вставших перед Российским государством и его вооруженными силами проблем — геополитических, военно-стратегических, социально-экономических, духовно-нравственных. Воплощением такого типа военачальника был военный министр

12 *Свечина А.* Русско-японская война 1904—1905 гг. Ораниенбаум, 1910. С. 385.

В. А. Сухомлинов. Ему было присуще редкое невежество в решении военно-стратегических и военно-организационных проблем; он видел свой долг в поддержании в армии верноподданнических настроений. Чем более усложнялась политическая обстановка в обществе, тем решительнее он демонстрировал свою непримиримость по отношению к прогрессивным направлениям военно-теоретической и военно-социальной мысли¹³.

Результатом возобладавших в правительственных кругах и в высших слоях военной бюрократии консервативных настроений был довольно серьезный разрыв между уровнем военно-теоретической мысли и воплощением в жизнь широкого спектра наработанных коллективными усилиями идей, касавшихся вопросов военной стратегии, военного строительства, в особенности роли офицерства, рядового состава, внутриармейских отношений, взаимоотношений вооруженных сил с государственными и общественными институтами, социокультурных и цивилизационных особенностей российской армии и Российского государства. В той мере, в какой вооруженные силы и государственные институты находили адекватные реальным процессам и вызовам времени решения, было обеспечено преодоление острого кризиса, пережитого Российской империей и армией в 1905—1907 гг.; российская армия показала немалый потенциал в течение 1914—1917 гг., выдерживая сопротивление с объединенными силами стран Четверного союза и оказав существенную помощь союзническим армиям. В той же мере, в какой самодержавие, скованное традиционалистским мышлением и представлениями, уклонялось от решения назревших проблем, армия столкнулась с ними в ходе Первой мировой войны, сыграв роковую роль в судьбах Российского государства и монархии.

Начало войны с Германией застало Россию в процессе перевооружения, который намечалось завершить к 1917 г. Этим отчасти объясняется настойчивость Вильгельма II в развязывании агрессии, понимавшего, что всякие проволочки лишают немцев шансов на успех. Помимо военно-технической слабости, «ахиллесовой пятой» России стала недостаточная мораль-

¹³ См. о борьбе течений в военной науке и мысли: *Керсновский А. А.* Указ. соч. С. 143—144.

ная подготовка населения к будущей войне. Правительственные круги плохо осознавали тотальный характер будущей войны, в которой использовались все виды борьбы, в том числе идеологические. Это имело для Российского государства огромное значение, поскольку его солдаты не могли компенсировать нехватку снарядов и патронов одной лишь твердой и ясной верой в справедливость своей борьбы.

К примеру, французский народ потерял в войне с Пруссией часть своих территорий и национальных богатств. Униженный поражением, он знал, за что сражается. Для российского же населения, полтора столетия не воевавшего с немцами, конфликт с ними был во многом неожиданным. И в высших кругах далеко не все видели в Германской империи жестокого недруга. Этому способствовали родственные династические узы, схожие политические системы, давние и тесные взаимоотношения двух стран. Германия, например, была основным внешнеторговым партнером России.

Современники обращали внимание и на ослабление чувства патриотизма в образованных слоях российского общества, выходцы из которых порой воспитывались в бездумном нигилизме по отношению к своей родине. Так, в 1912 г. философ В. В. Розанов писал: «У француза — «*chere France*», у англичан — «старая Англия». У немцев — «наш старый Фриц». Только у прошедшего русскую гимназию и университет — «проклятая Россия»»¹⁴. Серьезным стратегическим просчетом правительства Николая II стала неспособность обеспечить единство и сплоченность нации накануне грозного военного столкновения. Что же касается российского общества, то оно, в целом, не осознавало, что стране предстоит длительная и изнурительная борьба с сильным энергичным противником. Большинство надеялось на завершение кампании уже к декабрю 1914 г.

Кризис Российского государства и его вооруженных сил проявился в быстро обнаружившейся неподготовленности к войне. Стратегическое планирование во всех странах-участницах конфликта базировалось на предпосылке о скоротечном характере предстоящей войны, для которой поэтому должно было хватить заблаговременно заготовленных запасов военно-

¹⁴ Розанов В. В. Сочинения. В 2-х томах. М.: «Правда», 1990. Т. 1. С. 306.

го снаряжения. Между тем размах военных действий превзошел все расчеты, а сама война приняла затяжной характер. Это привело к катастрофическим трудностям в снабжении всех армий, с чем относительно быстро справилась промышленность Англии, Франции и Германии и что оказалось решающей причиной поражения русских армий на исходе первого года войны.

Однако в первые месяцы войны правящие круги России проявили полное непонимание того, что ее военное производство испытывает глубочайший кризис и нуждается в коренной перестройке так же, как вся промышленность страны¹⁵. Все это сказалось и на стремлении царизма сохранить в нетронutom виде систему органов, ведавших хозяйственной жизнью страны до войны, и существовавшее законодательство в этой сфере, ограничиваясь расширением полномочий военных властей или возложением новых функций на старые ведомства, не приспособленные к их выполнению.

Поражение русской армии летом 1915 г., развал экономики, общее обострение внутривластной обстановки в стране и кризис в самом правительстве, возглавляемом И. Л. Горемыкиным, подтолкнули ряд думских фракций, а также часть членов Государственного совета к перегруппировке и единению сил на основе общей политической программы, чтобы оказать давление на правительство и добиться изменения его состава и курса. Состоявшиеся 11 и 12 августа 1916 г. совещания представителей этих политических сил положили начало «Прогрессивному блоку», который вплоть до февраля 1917 г. контролировал деятельность Государственной думы. Однако это не привело к ожидаемым результатам. Экономический кризис усиливался, война требовала мощной экономики и ресурсов, крепкой национальной идеологии, которой уже не могло являться православие. В высших кругах, Государственной думе, политических партиях открыто говорили о возможном дворцовом перевороте в пользу наследника Алексея. Но история распорядилась по-своему — назревший переворот произошел не сверху, а снизу, не планомерно, а стихийно¹⁶.

¹⁵ *Донин А. Н.* Военный август 1914 г. в России (по материалам журнала «Нива») // *Власть*. 2014. № 2. С. 164–169.

¹⁶ *Воржецов А. Г.* Российские общественно-политические развилки в начале XX века // *Власть*. 2017. № 9. С. 56–60.

Уже 23 февраля 1917 г. появились первые признаки народных волнений. На следующий день мирные митинги уступили место вооруженным столкновениям с полицией. 25 февраля работа фабрик, заводов, занятия в учебных заведениях приостановились. Весь Петроград вышел на улицу. У городской думы произошло крупное столкновение народа с полицией. На Знаменской площади во время столкновения казаки приняли сторону народа, а конную полицию обратили в бегство. 26-го, в воскресенье, правительство приготовилось к решительному бою. Центр был оцеплен патрулями, установлены пулеметы, налажена телефонная связь. Однако это не устрасило толпу, тем более что солдаты многих гарнизонов переходили на сторону восставшего народа. Все чаще стали появляться большевистские листовки. «Пусть солдаты, — говорилось в одной из них, — идут в наши ряды с оружием в руках. Тогда пробьет последний час романовской монархии»¹⁷.

Тактической ошибкой власти, повлиявшей на весь дальнейший ход истории Российского государства, явилось скопление в Петрограде огромного контингента запасных батальонов гвардейских полков, среди которых были новобранцы или вернувшиеся в тыл по ранению фронтовики. Дисциплина в таких батальонах была крайне низкой, солдаты сравнительно легко поддавались революционной пропаганде. Несмотря на то, что восстание возникло стихийно, большевики умело воспользовались сложившейся ситуацией. 27 февраля появляется Манифест ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России». Он объявлял победу революции, формулировал задачи по организации новой власти — Временного революционного правительства, которое должно было стать во главе нового нарождающегося республиканского строя. Манифест требовал конфискации помещичьих земель, введения 8-часового рабочего дня, созыва Учредительного собрания на основе всеобщих выборов.

К концу 27 февраля стало очевидно, что восстание рабочих и солдат в Петрограде приобрело всеобщий характер. Попытки военного министра генерала М. А. Беляева и командующего Петроградским военным округом генерала С. И. Хабалова взять

¹⁷ Наше Отечество. Опыт политической истории. М.: «Терра», 1990. С. 346.

ситуацию под контроль ни к чему не привели. Защищать царскую власть в Петрограде стало практически некому, фактически она перестала существовать. Левые группы, партии и движения (Союз рабочих кооператоров Петрограда, Социал-демократическая фракция Государственной думы, РСДРП и др.) организовали Совет рабочих депутатов во главе с меньшевиком Н. С. Чхеидзе. Большинство голосов в Совете принадлежало меньшевикам и эсерам, большевики получили в нем незначительное количество голосов, что в принципе соответствовало их уровню влияния на массы.

Совет с самого начала действовал как революционная власть. Исполкомом Совета был издан знаменитый «Приказ № 1», в соответствии с которым Петроградский гарнизон выводился из подчинения старому командованию¹⁸. С него началось повсеместное создание в войсках комитетов разных уровней, которые подрывали единоначалие в армии и проводили революционную агитацию. Согласно Приказу, солдаты уравнивались в гражданских правах с офицерами, запрещалось грубое обращение с нижними чинами, отменялись традиционные формы армейской субординации. Легализовывались солдатские комитеты. Вводилась выборность командиров. В армии разрешалось вести политическую деятельность.

Одновременно с созданием Петроградского Совета лидеры буржуазных партий в Государственной думе образовали Временный комитет, цель которого заключалась в восстановлении государственного и общественного порядка. Его возглавил председатель IV-й Думы октябрист М. В. Родзянко, выражавший идею конституционной монархии. Он предлагал решать вопрос о власти не военными, а политическими средствами, склонив царя к созданию правительства, ответственного перед Думой.

Революционные настроения в Петрограде усиливались, в ночь с 1-го на 2-е марта Родзянко обращается с требованием об отречении Николая II от престола в пользу наследника ради спасения конституционной монархии. Николай II отказался от престола в пользу брата — великого князя Михаила Александр-

18 Костяев Э. В. Российские социал-демократы и Приказ № 1 Петроградского Совета от 1 марта 1917 г. // Власть. 2014. № 4. С. 147–151.

ровича¹⁹. Однако и это отречение оказалось запоздалым: большинство членов Временного правительства, организованного из представителей Временного Комитета и исполкома Петросовета, требовали оставить решение этого вопроса до созыва Учредительного собрания. В результате Михаил также отрекся от престола. Многовековое монархическое правление и устройство государства были разрушены. Власть перешла к Временному правительству, чей внутривластный курс оказался противоречивым, непоследовательным²⁰.

Временное правительство было вынуждено согласовывать свои действия с Петроградским Советом, выражавшим интересы революционной демократии (рабочих, крестьян, солдат). Вопрос о власти окончательно должно было решить Учредительное собрание, которое так и не было созвано в связи с начавшейся Октябрьской революцией и переходом власти к большевикам.

Судьба династии Романовых была трагической. Несомненная вина за это ложится на Временное правительство, оказавшееся политически недальновидным и слабым, не способным решить основные проблемы, стоящие перед новым, еще только формирующимся буржуазно-демократическим государством²¹. Оно само сформировалось из еще не окрепшего полудемократического института Государственной думы, ограниченной рамками абсолютной монархии и зависевшей от царского правительства и указов Николая II, который мог распустить ее (что он и делал) в любой момент.

Ожидаемого обновления общественной атмосферы революция не принесла, итогами Февральской революции мало кто был доволен²².

19 Цветков В. Крушение монархии. Был ли акт отречения Николая II от престола правомерен? 29.01.2018. [Электронный ресурс]: Российское историческое общество: [веб-сайт]. URL: <http://rushistory.org/stati/konets-monarkhii-byli-akt-otrencheniya-nikolaya-ii-ot-prestola-pravomeren.html> (дата обращения: 01.02.18).

20 Николаев А. Н. Политические уроки Февральской революции // Власть. 2017. № 3. С. 64–70.

21 См.: Рудаков В. Февраль 1917. Первый акт русской исторической трагедии // Историк. [Электронный ресурс] // «Историк». Журнал об актуальном прошлом. URL: <https://историк.рф/> (дата обращения: 01.02.18).

22 XX век в российской истории: проблемы, поиски, решения. Труды Центра «Россия, СССР в истории XX века. Вып. 1. М.: ИРИ РАН, 2010. 420 с.

Материальное положение низов не только не улучшилось, но и быстро ухудшалось. Росла безработица, повышались цены на самые необходимые продукты, процветала спекуляция. Продолжалась война с ее огромными жертвами и потерями. Отсутствовала политическая стабильность, остро проявлялись классовые и групповые интересы. Все это отрицательно сказывалось на материальном и моральном состоянии средних слоев общества, особенно офицерства, в условиях демократизации и прогрессирующего разложения армии ощущавшего себя лишенным привычных основ. Офицеры присягали «царю и Отечеству», а теперь все, что было для них свято, рушилось.

К этому времени во многом изменился социальный состав офицерства, одновременно шел процесс его политической дифференциации. Так, к февралю 1917 г. большая часть обер-офицеров находилась под активным влиянием революционной агитации и пропаганды. Мышление же остальных слоев офицерского корпуса было более консервативным, они не спешили принять участие в революционной борьбе. Еще быстрее шел процесс политического расслоения после Февральской революции. Временное правительство уволило из армии сотни генералов и офицеров, занимавших при самодержавии высшие строевые и административные должности (например, 70 командиров дивизий, т.е. 25 % их общего числа)²³.

Последовавший в конце августа 1917 г. Корниловский мятеж внес дополнительный раскол в среду русского офицерства, разделив его на сторонников военной диктатуры и ее противников, образовал «непреодолимую пропасть между командным составом и солдатской массой, вызвав ненависть ко всем офицерам независимо от их служебного положения и социального происхождения»²⁴.

Попытки объединить офицерство в единую политическую и идейную силу, отстаивающую собственные интересы, предпринимались и высшими военными чинами. Так, по инициативе Ставки Верховного главнокомандующего был создан Союз офицеров армии и флота. В уставе этой организации среди ее

²³ Панов А. И. Офицерский корпус в военных режимах XX века. М.: «Демос», 1999. С. 190.

²⁴ Там же. С. 191.

целей и задач выделялись «борьба со всякой пропагандой отдельных лиц и групп, имеющей целью расстроить основу армии и флота, а также противодействие выступлениям отдельных лиц и групп из среды офицерского корпуса (в том числе и начальников), ищущих дешевой популярности в массах или преследующих личные цели»²⁵. Однако участие Союза в Корниловском мятеже привело к его распаду.

В процессе подготовки солдатских и матросских масс к революционным выступлениям большую роль сыграла деятельность военных организаций большевиков. Так, военная организация петроградских большевиков была преобразована во Всероссийский военно-патриотический центр (Военная организация при ЦК РСДРП(б)). На фронтах активно действовали революционные комитеты, которые активно призывали потерявших или не имевших политической ориентации солдат не подчиняться командирам, совершать самосуд над теми, кого подозревали в «контрреволюции».

На окраинах продолжали набирать силу национальные, сепаратистские движения, грозившие развалом империи. Двоевластие, сложившееся в России, в ожидании так и не собравшегося Учредительного собрания отражало реальную социально-политическую ситуацию в стране. Отсутствие единой и крепкой власти, способной достойно закончить войну и заняться проблемами государственного строительства, социальными и экономическими вопросами, привело к скорому падению Временного правительства в результате еще более мощного социального взрыва — Октябрьской революции.

Петроградский Совет и Временное правительство оказались не в состоянии договориться друг с другом по самым насущным вопросам, главным из которых был вопрос о войне и мире. Петроградский Совет (как наиболее демократический институт) выступал с заявлениями о необходимости борьбы за демократический мир, мир без аннексий и контрибуций. Министр иностранных дел Временного правительства кадет П. Н. Милюков 18 апреля обратился к союзникам с заявлением, в котором заверил их, что Россия будет вести войну до победного конца. Это привело к массовым выступлениям рабочих и солдат Пет-

25 См.: ЦГВИА СССР. Д. 1858. Л. 153.

рограда. Была организована контрдемонстрация в поддержку Временного правительства. На улицах Петрограда вновь происходили столкновения. Апрельский кризис продемонстрировал отсутствие единой авторитетной власти в России, способной привести страну к стабильности.

В начале мая было образовано первое коалиционное Временное правительство. В его состав входили 16 министров, из которых 7 являлись представителями социалистических партий — от меньшевиков до народных социалистов. Премьер-министром остался князь Г. Е. Львов. Опубликованная этим правительством программа провозглашала дальнейшую демократизацию страны (в том числе и армии), борьбу с хозяйственной разрухой, подготовку радикальной аграрной реформы и стремление к достижению всеобщего мира. Но события в стране все больше выходили из-под контроля Временного правительства. Впереди Россию ждал Октябрь 1917 г.

В конце октября 1917 г. (по старому стилю) было свергнуто Временное правительство и большевики, опираясь на вооруженные отряды рабочих и солдат, захватили власть. В стране была провозглашена новая форма государственности — власть Советов. Формирующееся государство потребовало создания новых структур, обеспечивающих его безопасность. В этом вопросе большевики руководствовались марксистскими положениями о необходимости слома устаревшей государственной машины, в том числе и прежней военной организации, и создания принципиально нового государственного образования с его вооруженными силами. По первоначальному замыслу предполагалось заменить старую армию пролетарской милицией. Ее прообразом выступали Красная гвардия и отряды революционных солдат и матросов. Однако при возникновении реальной угрозы обнаружилось, что Красная гвардия ни по своей численности, ни по принципам комплектования не может противостоять регулярным вооруженным силам. Новому государству необходима была армия, созданная на классовой основе, с жесткой военной дисциплиной и централизованным управлением.

15 (28) января 1918 г. Совнарком РСФСР принял декрет «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии», где говорилось, что РККА «создается из наиболее сознательных и орга-

низованных элементов трудящихся масс». Новая армия формировалась на добровольческой основе. Чуть позже СНК принял декрет «Об организации Социалистического Рабоче-Крестьянского Красного Флота», который строился на тех же принципах, что и Красная Армия²⁶.

Можно констатировать, что уже к началу 1919 г. вооруженные силы республики Советов приобрели четкие организационные формы. Они включали Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА), Рабоче-Крестьянский Красный Флот, войска внутренней службы и вспомогательного назначения, запасные войска. Главным родом войск являлась пехота (88% общей численности Красной Армии к 1921 г.). Кроме нее, имелась кавалерия, артиллерия, бронесилы, инженерные части.

Революция Октября 1917 г. внесла раскол в общество, вызвала резкое противодействие различных социальных сил: одни стремились сохранить остатки прежней государственности в ее монархической форме, другие уповали на Учредительное собрание, третьи решительно выступали за строительство нового пролетарского государства²⁷. Вооруженные силы также оказались втянутыми в эту борьбу, что привело к их расколу и, в конечном итоге, к моральному разложению и утрате боеспособности. С данного момента можно говорить о существовании двух вооруженных сил: формирующегося государства и государства, уходящего с исторической сцены. Все это привело к Гражданской войне, продолжавшейся долгих пять лет, охватившей огромную территорию страны. Разрушение народного хозяйства, большие человеческие потери, покалеченные судьбы — итог этой войны.

Последствия Гражданской войны были поистине ужасающими. В боях, от голода и болезней, террора погибло 8 млн человек; 2 млн человек были вынуждены эмигрировать; произошло резкое ухудшение жизни населения; наступила полная хозяйственная разруха. Причем большие людские потери понесли вооруженные силы обоих враждующих лагерей. Для достижения поставленных целей политическое и военное руководство противоборствующих сторон шло на крайние меры,

26 Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 356, 434—441.

27 Алексеев Г. М. Октябрьская революция в контексте новейшей истории России // Власть. 2017. № 8. С. 111—114.

бросало в сражения недостаточно обученные войска, начинало неподготовленные операции.

Трагедией русского офицерства можно назвать результаты этой войны. Оценки, которые даются в литературе белогвардейскому движению, неоднозначны. Кто-то из исследователей пытается принизить его значение, кто-то, наоборот, превознести. Но при всех крайностях этих оценок следует констатировать, что русская государственность всегда опиралась на свои армию и флот, и последние неоднократно спасали ее в годы лихолетья. Русский офицер гордо нес традиции российских вооруженных сил. Он был патриотом, государственным, давшим единожды клятву своему Отечеству и верно проносившим ее всю свою жизнь. Жаль, что государство в лице чиновников и правителей часто забывало о своих защитниках, бросало их на произвол судьбы. Присягнув на верность монархической государственности, офицерство (во всяком случае, большая его часть) осталось преданным ей до конца. «Армия требует высокого качества, — писал выдающийся русский философ и государствовед И. А. Ильин. — Она гасит в душах лень и похоть раздора. Она приковывает волю к воинской чести, чувство единства и солидарности — к своей воинской части, а сердце — к родине. Это есть школа характера и государственно-патриотического служения»²⁸.

Когда авторы пишут о роли вооруженных сил в развитии государственности, то, безусловно, речь идет о соотношении двух взаимосвязанных социальных институтов. При этом следует помнить, что любые вооруженные силы — это, прежде всего, люди, которые для выполнения возложенной на них функции должны проникнуться идеей необходимости защиты этой государственности и быть готовыми сражаться за нее и, если потребуется, отдать свою жизнь. Вот почему в период коренного изменения государственности болезненное всего преобразования протекают в вооруженных силах. К сожалению, российскому офицерству, да и Вооруженным силам в целом предстояло пережить подобную трагедию еще раз — в связи с распадом СССР. Горькие уроки истории повторяются.

Политическое поведение вооруженных сил в переходные периоды развития государственности обусловлено целым ря-

28 Ильин И. А. Творческая идея нашего будущего. Новосибирск, 1991. С. 11.

дом факторов: их местом в государственной и общественной жизни, социальным составом, спецификой политического режима, наличием или отсутствием гражданского общества, уровнем политической культуры и т.д. Это актуализирует целостный, комплексный анализ данной системы взаимосвязей и, следовательно, требует создания самостоятельного направления в отечественной политологии, задача которого, думается, в том, чтобы выявить тенденции, раскрыть закономерности, исследовать универсальные черты и специфические особенности взаимосвязей между обществом, государством и вооруженными силами.

Глава 12. Революция и террор в свете исторического опыта

Революция неотделима от насилия. В этом главное ее отличительное свойство. Точно также неотделим от насилия противоположный ей процесс — контрреволюция, направленная на сохранение или реставрацию общественно-политического порядка, уничтоженного или надломленного в ходе революционных преобразований. И та, и другая сторона этого противоборства неизменно прибегает к террору как к крайней форме насилия, которая характеризуется произволом вооруженной силы, беспредельной жестокостью, нагнетанием атмосферы страха. Всякая революция порывает с правовым порядком и моральными ценностями общественного строя, против которого она направлена. И это уводит ее по ту сторону добра и зла, на путь произвола и насилия. Мировая история дает множество тому подтверждений — от восстаний рабов глубокой древности и крестьянских бунтов средневековья до гражданских войн новейшего времени и «цветных» революций современности.

Октябрьская революция 1917 г. в России — событие всемирно-исторического значения. Ее всепланетарное влияние бесспорно. Оно наложило свою печать на весь XX век. В год столетнего юбилея революции нельзя не признать, что Октябрь открыл эпоху социального обновления мира, освобождения колониальных народов, демократизации международных отношений в целом. Эта эпоха, однако, абсорбировала и освоенный большевиками опыт террора других революций, что отражено в ленинском учении о революции и в самой практике борьбы большевиков за власть. Наряду с социальным прогрессом и демократией революция интернационализовала насилие.

Настал ли конец эпохи, ознаменованной этими радикальными переменами? Едва ли. Более того, как отмечают политологи В. И. Пантин и В. В. Лапкин, «великие потрясения в мировой политике и экономике далеки от своего завершения, и главные, наиболее масштабные экономические и геополитические сдвиги еще впереди». Ибо наше время насыщено международными военными и политическими конфликтами, «которые

в итоге неизбежно перерастают в мировую или в глобальную гибридную войну»¹. Если принять во внимание такие кризисные явления, как разгул международного терроризма, гражданские войны на Украине и в Сирии, обострение отношений между Россией и Западом, возрастание угрозы новой мировой войны, то сегодня, спустя столетие, конца означенной эпохи не видно.

В литературе существует более сотни определений терроризма. Законодателями разработаны десятки классификаций этого явления. Различают террор «сверху» и «снизу», политический, революционный, военный, сепаратистский, комплексный, криминальный и т.д. Но есть то существенное, что объединяет все виды терроризма. Философ В. Н. Иванов пишет: «Незаконное насилие в той или иной форме, используемое с политической целью — это главный отличительный признак терроризма»².

В начале XX века преобладал левый терроризм (хотя существовал и правый, например, ку-клукс-клан). Прибегали к мягким формам терроризма суфражистки в Англии. Добиваясь расширения гражданских прав для женщин, они забрасывали тухлыми яйцами и прогнившими овощами политических деятелей, враждебных феминизму. Олицетворением государственного терроризма был фашизм, установивший господство в Италии, Германии, некоторых странах Центральной и Восточной Европы.

* * *

Как зачинается террор во времена революционных потрясений? Кто выступает его инициатором? Господствующая власть или восставшие массы? История показывает, что террор «снизу» вызывается репрессивным произволом власть имущих, либо ее реформами, ущемляющими жизненные интересы народа, а террор «сверху» — ответным протестом на это народных масс. — «И дело не в том, кто первым начал террор, как было у нас в России в годы гражданской войны в отношении «белого» и

1 Пантин В. И., Лапкин В. В. Этика великих потрясений. Основные тенденции и альтернативы // История и современность. 2016. № 1. С. 65, 67.

2 Иванов В. Н. Феномен терроризма. Противодействие терроризму // Проблемы XXI века. 2013. № 3. С. 4.

«красного» террора, — пишет Г. Н. Петров, — а в том, что «острота противоречий и уровень политической культуры каждой из противоборствующих сторон предполагали один лишь исход — ликвидацию своего оппонента...»³.

В периоды революционных смут террор обретает тенденцию к стремительному самовозрастанию, к превращению в общенациональное бедствие с многотысячными жертвами взаимной ожесточенности. Таковым было, например, в начале XVII века восстание крестьян под руководством И. Болотникова. При разгроме царских войск под Москвой они убили более 7 тыс. человек; когда же победу над восставшими одержали царские войска, из 21 тыс. взятых ими в плен было убито 20 тыс.⁴ Многочисленными актами массового террора с обеих сторон отмечена Крестьянская война во главе с Пугачевым, которая охватила огромные территории Поволжья, Урала, Западной Сибири и потрясла устои самодержавного строя в России.

Массовые репрессии против декабристов и иных противников царизма вызвали в XIX веке волну террора «снизу», предшествовавшую Первой русской революции. Созданная в конце XIX века Боевая подпольная организация социалистов-революционеров, объединявшая более 500 боевиков, ответила целым каскадом терактов на «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., когда в Петербурге была расстреляна мирная демонстрация, направлявшаяся с петицией к царю. В годы революции было совершено 4 742 покушения на царских чиновников, из них 738 — были убиты, 972 — ранены. Революция была подавлена царизмом в ходе жестоких репрессий: из 200 тыс. арестованных участников революции — 3,5 тыс. были казнены, многие отправлены в тюрьмы и на каторгу⁵.

Всякая революция порывает с правовым порядком и моральными ценностями общественного строя, против которого она направлена. И это уводит ее по ту сторону добра и права, на путь произвола и насилия. Большевикам была чужда христианская мораль, четко различающая добро и зло, а их учение, веду-

3 Петров Г. Н. Диалектика соотношения «красного» и «белого» террора и террора интервентов в годы гражданской войны (1917–1920 гг.) М., 1999. С. 4.

4 Там же. С. 6.

5 Там же. С. 8.

щее на завоевание мира, — в этике, возводящей эти понятия в принципы политического поведения.

Разумеется, у большевиков была своя мораль, противоположная буржуазной и подчиненная интересам классовой борьбы пролетариата. Ее главная заповедь — все хорошо, что служит победе революции и социализму. И понятно, все плохо то, что этому противоположно. По этой логике, «красный террор» не только допустим, но желателен всякий раз, когда он служит делу революции. В этом случае необходимо по возможности расширить его масштабы, сделать массовым: «Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, — писал В. И. Ленин, — мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие»⁶.

Логика классовой борьбы действует в крайних, экстремистских формах в преддверии и во время гражданских войн. Ей подвластна политика всех участников революционного процесса, независимо от их мировоззренческих позиций и убеждений. В эти периоды все они подчиняются закону джунглей — «или я тебя, или ты меня», каковой выражен в известном изречении «если враг не сдается, его уничтожают». Именно таким образом действовала царская власть в дни Второй — Февральской — революции, когда только в Петрограде в столкновениях с полицией погибли сотни людей и более 1,5 тыс. были ранены⁷. Отнюдь не отказалась от террора и сменившая царизм новая — «либеральная» — власть. В июле 1917 г. Временное правительство, возглавляемое либералом А. Ф. Керенским, жестоко — с помощью тяжелой артиллерии и пулеметов — расправилась в Петрограде с массовыми антиправительственными выступлениями рабочих и солдат, организованными анархистами и большевиками, которые потребовали от него мирной передачи власти Советам.

Эти лозунги, по существу, противоречили ленинскому учению о революции, которое исключало возможность мирного перехода власти пролетариату. Как же волки могут стать агнцами? —

⁶ Ленин В. И. ПСС. М., 1963. Т. 6. С. 386.

⁷ Петров Г. Н. Диалектика соотношения «красного» и «белого» террора и террора интервентов в годы гражданской войны (1917—1920 гг.) М., 1999. С. 8.

спрашивал Ленин. Середины тут не бывает. Либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата. Так стоял вопрос во всех европейских революциях. Революционеру не стоит лицемерить. «История показала, что без революционного насилия невозможно достигнуть победы. Без революционного насилия, направленного на прямых врагов рабочих и крестьян, невозможно сломить сопротивление этих эксплуататоров. А с другой стороны, революционное насилие не может не проявляться и по отношению к шатким, невыдержанным элементам самой трудящейся массы»⁸.

Никаких компромиссов с врагами революции. Всякое соглашательство — предательство интересов рабочего класса. Подчеркивая это, И. В. Сталин в августе 1917 г. в передовой статье газеты «Рабочий» писал: «Пора сказать решительно и бесповоротно, что *с врагами нужно биться, а не соглашаться!*»⁹.

Кто несет историческую ответственность за революционный террор? Где его социальные истоки? В чем усматривают их просветленные либеральными идеями умы отечественной интеллигенции? Разумеется, не в классовой борьбе, а в неких негативных особенностях русского народа, в противоречиях его национального характера.

«Буревестник революции» Максим Горький в «Несвоевременных мыслях» — в статьях, печатавшихся в 1918 г. в газете «Новая жизнь», — писал о русском народе: «Самый грешный и грязный народ на земле, бестолковый в добре и зле, опоенный водкой, изуродованный цинизмом насилия, безобразно жестокий и, в то же время, непонятно добродушный, — в конце всего — это талантливый народ»¹⁰.

После революции в брошюре «О революционной роли крестьянства», опубликованной в 1922 г. в Берлине и вызвавшей полемику в среде российской эмиграции, он писал: «Вот схема моих впечатлений и мыслей о русском народе». Революционная жестокость объясняется в этой схеме «исключительной жестокостью русского народа», ибо трагедия русской революции

⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 40. С. 120, 121.

⁹ Сталин И. В. Против соглашения с буржуазией. Соч. Т. 3. С. 266.

¹⁰ Горький М. «Несвоевременные мысли» и рассуждения о революции и культуре (1917–1918). М.: МСП «Интерконтакт», 1990. С. 145.

разыгрывается в среде «полудиких людей». Какую роль играют в ней их политические поводыри? Автор отвечает: «Когда в «зверстве» обвиняют вождей революции — группу наиболее активной интеллигенции, — я рассматриваю это обвинение как ложь и клевету, неизбежные в борьбе политических партий или — у людей честных — как добросовестное заблуждение»¹¹.

Бесспорно, историческое бытие народа несет на себе темные следы многовекового проклятия рабства, невежества, а вне влияния интеллигенции немыслимы ни освобождение, ни просвещение народных масс. Но это не вся правда, а лишь ее часть. Не только темными сторонами отмечена жизнь народа, и не только — может и не столько — он несет ответственность за злодеяния времен революционной смуты. Возражая Горькому, лидер Партии народных социалистов, автор книги «Красный террор» С. П. Мельгунов отмечал: «Темен русский народ, жестока, может быть, русская толпа, но не народная психология, не народная мысль творила теории, взлелеянные большевицкой идеологией...»¹².

* * *

По свидетельству очевидцев, в отличие от других революций, Октябрьская началась без большого кровопролития, поскольку, вспоминал один из лидеров кадетов А. С. Изгоев, «режим погибал при всеобщем к нему отвращении. Ясно было, что никто пальцем не шевельнет в его защиту». В ответ на заверения Керенского, что он только и «ждет выступления большевиков, чтобы с ними расправиться», их противники «только пожимали плечами». Все понимали, пишет о нем Изгоев, что «слепой поводырь тянул за собой в яму других, всю Россию»¹³. В воспоминаниях современников нет ни слова о «залпе Авроры» или «штурме Зимнего» — событиях, о которых впоследствии слагались легенды, ставились фильмы и сочинялись мемуары. Сам день переворота 25 октября 1917 г., по свидетельству

11 Горький М. О русском крестьянстве... С. 234, 246.

12 Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918—1923. М.: «Постскрипtum», 1990. С. 7.

13 Изгоев А. С. Пять лет в Советской России // Архив русской революции. Берлин: Изд-во «СЛОВО», 1923. Т. X. С. 5—54.

Л. Д. Троцкого, руководившего восстанием вплоть до вечера, когда в Смольный прибыл Ленин, прошел «без хаоса, без уличных столкновений, без стрельбы и кровопролития»¹⁴.

Мирный период революции длился считанные дни, которые вскоре сменили «окаянные дни», как назвал И. А. Бунин свою книгу дневниковых записей времен революции и гражданской войны, когда страну захлестнул кровавый террор. Запись от 8 февраля 1918 г. Бежавший из Симферополя очевидец свидетельствует: «Там «неописуемый ужас», солдаты и рабочие «ходят прямо по колено в крови». Какого-то старика полковника живьем зажирили в паровозной топке»¹⁵.

Подобные этому акты самосуда стали обычными с самого начала гражданской войны. Но больший ужас внушал не стихийный, а организованный властью террор, направленный против широких слоев населения. Главным инструментом карательной политики Советской власти стала Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК), деятельность которой не была связана никакими законами, подчиняясь исключительно интересам революционной целесообразности. При вступлении в должность ее руководителя (декабрь 1917 г.) Ф. Э. Дзержинский декларировал: «Не думайте, что я ищу форму революционной юстиции; юстиция сейчас нам не нужна. Теперь борьба — грудью с грудью, борьба не на жизнь, а на смерть — чья возьмет! Я предлагаю, я требую организации революционной расправы над деятелями контрреволюции»¹⁶.

Общее политическое руководство революционным террором осуществлял В. И. Ленин. Поражает, однако, дотошность, с которой вождь вникал в практическое исполнение этой задачи. В конце декабря 1917 г. в работе «Как организовать соревнование?» он наставлял новую власть: «Война не на жизнь, а на смерть богатым и прихлебателям, буржуазным интеллигентам...

14 *Троцкий Л. Д.* Октябрьская революция: брошюра. М.—Петроград: «Коммунист», 1918. С. 73. [Электронный ресурс]: Библиотека «Полка букиниста». URL: http://society.polbu.ru/trotsky_uptobrest/ch130_i.html (дата обращения: 12.03.2018).

15 *Бунин И. А.* Окаянные дни февраля 1918 г. [Электронный ресурс]: FantasyRead. URL: <http://fanread.ru/book/186104/?page=2> (дата обращения: 12.03.2018).

16 Цит. по: *Бонч-Бруевич В. Д.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М.: «Федерация», 1931. С. 191—192.

с ними надо расправляться, при малейшем нарушении... В одном месте посадят в тюрьму... В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами... В четвертом — расстреляют на месте... Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт...»¹⁷.

Ильич не упускал из вида проблему налаживания террора до конца гражданской войны, когда он особо озаботился судьбами российского духовенства. В марте 1922 г. он говорил: «... Я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»¹⁸. За годы Гражданской войны в России было закрыто более 600 монастырей, уничтожено свыше 10 тыс. человек. Террор не прекратился и после ее окончания. Всего за 20-летие (1918—1938) — было репрессировано около 250 митрополитов, архиепископов и епископов русской православной церкви¹⁹.

Чтобы окончательно легализовать террор в стране победившего пролетариата, Ленин требовал ввести положение о нем в судебную систему государства: «...Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас»²⁰. В годы гражданской войны террор стал политическим инструментом всех существовавших в России правительств. Он бушевал на территории страны с конца 1917 до начала 1920-х годов. Столь продолжительное и масштабное его действие во многом объясняется тем, что в России были сильны традиции общества несвободного, в котором человеческая жизнь ценилась низко, царил политический и правовой произвол, не соблюдались права личности, у населения фактически отсутствовало правосознание.

¹⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 200, 201, 204.

¹⁸ Там же. С. 190—193.

¹⁹ Васильева О. Ю. Русская православная церковь и советская власть в 1917—1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 43.

²⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 190.

Этими обстоятельствами воспользовались политические партии и группировки, по своему развитию далекие от тех, которые действуют в развитом гражданском обществе, и потому склонные к демагогии, к простым и жестким решениям. Исследователь проблем гражданской войны А. Л. Литвин пишет: «Сущностью гражданских войн, как правило, является борьба за власть политических партий, вождей, кланов, увлекающих за собой людей популистскими обещаниями «лучшего» обустройства их жизни, которая чаще всего оборачивается общенациональной трагедией и невосполнимыми потерями»²¹. Подавляющее большинство этих жертв — миллионы человеческих жизней — унесли внесудебные расправы и сражения гражданской войны. Если у красных террор проводила ВЧК, то у белых — контрразведка.

Попытки реставрации старого строя провоцировали новую власть на развязывание массовых репрессий, в свою очередь, ужесточавших эти попытки. Возник порочный круг террора, гигантская воронка, которая затягивала в себя массу невинных людей. Ее круговращение подхлестывала революционная стихия гражданской войны. Неподконтрольные никакой власти бесчисленные банды красных, белых, обычных уголовников зверствовали по всей стране. Никакая власть не могла справиться с ними. «Кто более жесток: белые или красные?» — спрашивал Горький в упомянутой брошюре. И тут же отвечал: «Вероятно — одинаково»²².

Красный террор обрушился не только на белых и их пособников, но и на рабочих, выступавших за свои права. Многие из них были расстреляны во время расправы над повстанцами в Ярославле в июле 1918 г. С марта по ноябрь там были казнены 50 тыс. человек из разных сословий²³. При подавлении забастовки в Астрахани в марте 1919 г. чекисты и красноармейцы расстреляли примерно 4 тыс. рабочих. Комментируя сведения об этом, Мельгунов отмечает: «Власть решила, очевидно, отомстить рабочим Астрахани за все забастовки: и за Тульские, и

21 Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. Казань, 1995. С. 17—18.

22 Горький М. О русском крестьянстве... С. 235.

23 Литвин А. Л. Указ. соч. С. 212.

за Брянские, и за Петроградские, которые волной прокатились в марте 1919 г.»²⁴.

Кровавое побоище учинили большевики в 1920 г. в Крыму после эвакуации войск Врангеля. В литературе приводятся разные цифры расстрелянных — от 25 до 120 тыс. человек, среди которых было много женщин. Так, в Севастополе 28 ноября было расстреляно 1 634 человека, в том числе 278 женщин, два дня спустя расстреляли 1 202 человека, в том числе 88 женщин и т.д. Эти расправы проводились тогда особым отделом фронта во главе с Е. Г. Евдокимовым, в характеристике которого для представления его к высокой награде значилась как заслуга цифра в 12 тыс. человек, расстрелянных сотрудниками его отдела²⁵.

«Белый террор», однако, был не менее ужасен, чем «красный». И сразу после октябрьского переворота стал принимать массовый характер. В конце октября 1917 г. юнкера расстреляли в Москве почти 500 взятых в плен и обезоруженных солдат запасного полка, оборонявших Кремль²⁶.

В том же Крыму Врангель учредил военно-полевые суды, но множество людей было расстреляно без всякого суда. Правительство А. В. Колчака в декабре 1918 г. приняло постановление о широком введении смертной казни, которую осуществляли карательные отряды особого назначения. В правительстве А. И. Деникина карательными акциями занимались контрразведка, военно-полевые суды и судебные следственные комиссии. Но офицеры при захвате городов имели право по своему усмотрению расправляться с их жителями, заподозренными в сочувствии большевикам²⁷.

Белый террор свирепствовал в 22 губерниях России. Массовые казни производились в Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Омске и других городах; в Самарской губернии после жестоких пыток расстреляно 675 красноармейцев²⁸. Штаб-ротмистр

²⁴ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 50—51.

²⁵ Литвин А. Л. Указ. соч. С. 81; Архив русской революции. В 22-и томах / Изданный Г.В. Гессенем. М.: ТЕРРА: Политиздат, 1991. Т. 3.

²⁶ Петров Г. Н. Указ. соч. С. 9.

²⁷ Литвин А. Л. Указ. соч. С. 127—128, 141—143; Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 66.

²⁸ Красная книга ВЧК /по изданию 1920—1922 гг. В 2-х томах. М.: Политиздат, 1989. Т. 1. Ч. 1. С. 6, 13—14.

Фролов из корпуса Капелля вспоминал: «Развесив на воротах Кустаная несколько сот человек, постреляв немного, мы перекинулись в деревню... Жаровка и Каргалинск были разделаны под орех... за сочувствие большевизму пришлось расстрелять всех мужиков от 18 до 55-летнего возраста, после чего пустить “петуха”»²⁹.

* * *

Революционный терроризм политически разнообразен. В этом отношении октябрьский переворот не отличается от других революций. «Во всех странах, — пишет В. Г. Жиромская, — революции сопровождались многосторонним террором: сколько было задействовано социально-политических сил, столько и было направлений террора»³⁰.

В подтверждение этого автор приводит многочисленные факты. Террор в своих политических интересах осуществляли правительства, выступавшие от имени Учредительного собрания и признававшие лишь его власть законной. Они функционировали в Поволжье, Сибири, на Урале и Севере, на Юге страны, в «национальных окраинах» бывшей империи. Они боролись с советской властью и, поскольку в основном состояли из эсеров, меньшевиков, представителей близких им группировок, выступали против белых, именуются иногда «розовыми» или «демократическими».

Правительство Комуча (Комитет членов Учредительного собрания), образованное в июне 1918 г. в Самаре, распространяло свою власть на Поволжье и часть Ставрополя. Органами «голубого» террора служили контрразведка и Чрезвычайный военный суд. Тогда же были созданы Временное областное правительство Урала, Временное сибирское правительство, Директория в Уфе и т.д. Все эти правительства также имели свои структуры карательных органов. В Архангельской области, где правила Директория, через тюремное заключение прошла десятая часть населения. Только за один 1918 г. было арестовано

29 Цит. по: Жиромская В. Г. Проблема красного и белого террора 1917–1920 гг. в отечественной историографии // Труды Института российской истории РАН. Вып. 4. М.: «Наука», 2004. С. 251.

30 Там же. С. 243.

38 000 человек, из них 9 000 были расстреляны либо забиты насмерть. В заключении пребывала десятая часть населения области. В концлагере на полуострове Мудьюг сажали в карцер, расположенный в вечной мерзлоте, морили голодом, топили в прорубях на Печоре и Пинеге. Комуч, сибирские и уральские областники и прочие правительства обстреливали из пушек целые деревни за отказ дать новобранцев или провиант, убивали бастовавших рабочих, их жен и детей³¹.

Массовые расстрелы, пытки, изощренные способы казней и прочие проявления этого лиходейства были характерны для всех участников гражданской войны, которая превращала в извергов еще недавно мирных землепашцев. Бесчинства красных и белых заставляли массы крестьян уходить в леса, сколачивать партизанские отряды, образовавшие широкое движение «зеленых», которые отвечали террором на репрессивную политику властей любой окраски. По размаху количества участников оно превосходило белое движение. Значительную часть «зеленых» составляли дезертиры, каковых, по данным ЧК, к середине 1919 г. насчитывалось 576 000 человек³².

Наибольшую известность получили отряды батьки Махно, свирепствовавшие на Юге России и дважды становившиеся регулярными соединениями Красной Армии. Как свидетельствуют документы деникинской Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков, «махновцы отличаются особенной беспощадной жестокостью по отношению не только к офицерам, но и к сельским священникам, жителям и вообще к местной интеллигенции»³³. В эмиграции Махно признавал, что он расстреливал большевистских эмиссаров равно как и тех, кто поддерживал деникинский режим³⁴. О размахе махновского движения свидетельствуют такие факты: на его ликвидацию Москва направила две трети красноармейцев Южного фронта; РККА потеряла в этой борьбе 170 тыс. бойцов в одном только 1921 г.³⁵

31 Там же. С. 247–248.

32 Петров Г. Н. Указ. соч. С. 19.

33 Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 16.

34 Там же.

35 Литвин А. Л. Указ. соч. С. 222; Комин В. В. Нестор Махно: Миф и реальность. М., 1990. С. 35–39.

Чего стоили России революция и гражданская война? Называют разные цифры. Ни одна из них не вызывает полного доверия. Сколько людей погибло в те окаянные годы, во время коллективизации, расстрельные тридцатые? Даже с точностью до миллиона нельзя достоверно ответить на этот вопрос. Словом, за ценой не постояли.

Революция и гражданская война в России переполнены кровавыми кошмарами. Кто виноват? Свою долю исторической ответственности несут прежде всего победители. Однако далеки от истины те, кто возлагает ответственность только на большевиков, этих, по характеристике У. Черчилля, «сумасшедших извращенцев», эту «гнусную шайку фанатиков-космополитов, тиранящую русский народ»³⁶. Большевики, со своей стороны, не стеснялись в выражениях, отвечая «акулам империализма», на которых перекладывали всю вину за разжигание в России гражданской войны.

Иностранные интервенты действительно сыграли значительную роль в военной поддержке белогвардейского движения, и сами непосредственно участвовали в борьбе против советской власти. Вооруженные силы Германии, Великобритании, Франции, США, Японии и других стран действовали во многих губерниях России — от Мурманска до Баку, от Прибалтики до Дальнего Востока, не уступая белогвардейцам в жестокости. Вмешательство интервентов в гражданскую войну придало ей международный характер, способствовало усвоению массовым сознанием большевистской идеи мировой революции. Вторжение интервентов усилило воздействие лозунга большевиков «Отечество в опасности!» на массовое сознание. Гражданская война соединила классовую борьбу с национально-освободительным движением.

Большевики, однако, как подлинные интернационалисты не делили своих врагов по национальному и иным признакам в борьбе за власть. Они безжалостно подавляли националистические и сепаратистские движения. Не церемонились и со своими сподвижниками, отступавшими от принципа нерушимого единства

36 Цит. по: *Хандорин В. Г.* Черчилль о большевизме. 28.03.2013. [Электронный ресурс]: Livejournal. Главная. URL: <http://64vlad.livejournal.com/145116.html> (дата обращения: 12.03.2018).

целей борьбы за социализм. Советская власть расправилась с гвардией Октября — кронштадтскими матросами, которые восстали в 1921 г. против ее экономической политики и произвола красных комиссаров. Столь же беспощадно, с применением химического оружия было подавлено в 1921–1922 гг. восстание тамбовских крестьян, доведенных до отчаяния разорявшей их продразверсткой и карательными действиями продотрядов.

Враги были кругом. Они таились везде. По ходу строительства социализма враждебное окружение не уменьшалось, а росло. Враги бывают разные, разъяснял Сталин, они повсюду: «Есть классовые враги, которые не мирятся с Советской властью и добиваются ее свержения во что бы то ни стало. Есть и такие классовые враги, которые мирятся, так или иначе, с Советской властью. Есть враги, которые стараются подготовить условия для свержения диктатуры пролетариата. Это — меньшевики, эсеры, кадеты и прочие. Но есть и такие враги, которые сотрудничают с Советской властью и борются против тех, которые стоят на точке зрения свержения Советской власти, надеясь на то, что диктатура будет помаленьку ослабевать, перерождаться и пойдет потом навстречу интересам новой буржуазии»³⁷.

Врагов надо знать. Нельзя терять бдительность. Борьбу с врагами следует постоянно ужесточать. Было время, вспоминал в беседе великий вождь с немецким писателем Эмилем Людвигом, когда большевики допускали мягкость в обращении с ними. Но быстро опомнились: «Очень скоро выяснилось, что чем мягче мы относимся к нашим врагам, тем больше сопротивления эти враги оказывают»³⁸.

Решая задачу переустройства мира, большевики сумели сохранить почти всю территорию имперской России, отбросить интервентов, спасти Европу от гитлеризма, превратить страну — безусловно, жестокими и далеко не всегда оправданными методами — в могущественное государство, победившее в Великой Отечественной войне, а после нее добившееся оборонного паритета с США и проложившее дорогу в космос.

37 *Сталин И. В.* VII расширенный пленум ИККИ. Соч. В 16-и томах. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1948. Т. 9. С. 70.

38 *Сталин И. В.* Сочинения. В 13-и томах. Итоги первой пятилетки. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 13. С. 108.

Спору нет, этот новый мир был не столь привлекателен, как тот фантастический, который, по представлениям постсоветских либералов, возник бы, «если бы» победили не большевики, а их противники. Там, в этом химерическом мире обретается сказочное общество, благоденствующее, высоконравственное, свободное, демократическое, сотворенное добрыми правителями чистыми руками. В таком ли обществе в действительности оказались граждане бывшего СССР в 1990-е годы, по которым сегодня ностальгируют либералы, и которые для многих миллионов людей стали окаянными?

Значит ли это, что реальный социализм, насильственные методы его построения дают образцовый пример реализации идеи социальной справедливости? Отнюдь. История доказывает, что любой общественный строй, каким бы справедливым он ни изображался его апологетами, обречен на вырождение, если базируется на насилии и обмане. Почему эпоха, начавшаяся в октябре 1917 г. как оптимистическая трагедия, завершилась 8 декабря 1991 г. убогим фарсом соглашения о распаде СССР, подписанного никем не уполномоченными на то лицами? Чем объяснить столь неожиданный и бесславный итог? Непосредственных причин тому множество. Поскольку они выходят за пределы рассматриваемой здесь проблематики, подчеркнем словами М. Горького лишь актуальность одного из главных уроков столетней истории Октябрьской революции: «Путем убийств, насилий и тому подобных приемов нельзя добиться торжества социальной справедливости»³⁹.

* * *

Почему же не усваивается этот урок? Потому, видимо, что велика сила самообмана. Отдельный человек, общество, его правители легко поддаются иллюзиям, сулящим всеобщее благополучие, которое должна принести революция, хотя, как известно, в действительности она никогда не бывает такой, какой задумывали ее инициаторы.

Мир не усвоил ни отрицательный опыт Октябрьской и других революций, ни уроки фашизма, ни западные попытки экспорта демократии, которые лишь стимулировали междуна-

39 Горький М. «Несвоевременные мысли»... С. 135.

родный терроризм — зловещий феномен начала нового тысячелетия, предвестие Армагеддона, новое издание угрозы мировой войны. Примерно такое представление о терроризме формируется сегодня в общественном сознании не только средствами массовой информации, но и складывается из документов экспертных сообществ, заявлений лидеров мировых держав. Это представление вполне адекватно той глобальной террористической угрозе, которую породил исламский фундаментализм. «Раз созданная террористическая сеть будет действовать и расширяться, пока ей будет обеспечена финансовая и военная поддержка и пока во многих исламских странах будет существовать огромная «горючая» масса, состоящая из обездоленных, униженных и социально неудовлетворенных людей»⁴⁰.

Международный терроризм не новое явление в мировой истории. Если не забираться вглубь веков и не вдаваться в тонкости его определения, то надо признать, что оно прочно вошло в политический обиход еще в начале XX столетия. Уже тогда терроризм стал влиять на развитие событий международного масштаба. Один пример. Убийство террористом Гаврилой Принципом эрцгерцога Фердинанда послужило началом Первой мировой войны. Сопоставимо ли это событие с терактом в США 11 сентября 2001 г. и последовавшей за ним волной массового террора, захлестнувшей многие страны Африки, Азии, Европы? По конкретным причинам, характеру исполнения и прочим, зависимым от временной специфики признакам, конечно, нет. По влиянию на мировую политику, видимо, сопоставимо. Разумеется, с весьма серьезными оговорками, на которых, однако, не станем сосредоточиваться.

Философ В. В. Денисов пишет: «Бичом современного человечества стал возродившийся в невиданных ранее масштабах и новых формах политический терроризм. Его отличие от терроризма столетней давности, практиковавшегося в основном российскими революционерами, заключается, прежде всего, в возрастании его международного характера, в глобальном охвате всех без исключения регионов планеты. Его объектами становятся уже не только и не столько отдельные индивиды, сколько

40 Пантин В. И., Лапкин В. В. Этика великих потрясений... С. 81.

значительные массы людей, крупные общественные здания и правительственные учреждения»⁴¹.

После Второй мировой войны «левый» терроризм стал распространяться как в развитых странах («Фракция Красной Армии» в ФРГ, «Красные бригады» в Италии, группа «Прямое действие» во Франции), так и в третьем мире, особенно в странах Латинской Америки («Монтанерос», «Тупамарос», «Сендеро луминосо»), с характерными для последних методами городской герильи. Но постепенно левый терроризм уступил место существовавшему параллельно с ним этническому и религиозному терроризму, представленному ирландскими боевиками (ИРА), баскскими сепаратистами (ЭТА), многочисленными организациями в мусульманском мире (в Алжире, Ливане, Палестине, Ираке, Сирии, Афганистане). По оценке специалистов, этнорелигиозный терроризм в современном мире является самым распространенным и опасным видом терроризма. Он осуществляется «с целью торжества, практической реализации националистических и религиозных идей»⁴².

Набирает силу экономический (криминальный) терроризм, регулярное использование насилия в хозяйственной сфере. Коррупция стала знаком времени. Экономический терроризм нередко прямо смыкается с преступным миром (наркомафия, работорговля). Академик В. А. Тишков пишет, что сегодня терроризм зачастую не укладывается в понятия государства или этнической общности: «Речь идет о «неформальных сетях» — диаспорные, радикально-фундаменталистские или нарко-криминальные коалиции, которые сегодня играют огромную роль. Причем они не обязательно привязаны к одной какой-то этнической группе... Сейчас появляются транснациональные и «псевдо-цивилизационные» общности — исламская, арабская, тюркская, магрибская. Солидарность здесь выстраивается по причудливым принципам»⁴³.

Современный терроризм связан с террором времен Гражданской войны в России единым социально-историческим кон-

41 Денисов В. В. Размышления о насилии в современном мире // Россия и современный мир. 2002. № 1. С. 149.

42 Этнорелигиозный терроризм. М.: Аспект Пресс, 2006. С. 14.

43 Малькова В. К., Тишков В. А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 25.

текстом послеоктябрьской эпохи. Как и столетие назад, он постоянно воспроизводится противоречиями между финансово-олигархическими группировками и народными массами в национальном и международном масштабах. Терроризм вырос до масштабов вселенской опасности на волнах глобализации, которые охватили наряду с прочими и теневые стороны международной жизни. Аналитики Института философии РАН выделяют следующие линии интернационализации терроризма:

а) международный терроризм являет собой обратную сторону глобальной политики Вашингтона и его союзников. Глобализация по-американски — это и навязывание всему миру своего образа жизни мировоззрения, поэтому терроризм может рассматриваться как ответ на эту политику;

б) терроризм — это одна из глобальных проблем человечества, глобальная угроза его жизни;

в) терроризм — это специфический бизнес, весьма выгодный в мире, где все продается и покупается;

г) острие международного терроризма обращено в сторону Российской Федерации⁴⁴.

В советской науке проблема терроризма не отделялась от конфронтации двух противоположных социальных систем и расценивалась как социальное порождение империализма. После развала СССР она стала внутренней проблемой России, где крайне обострились социальные, этнические, конфессиональные противоречия, необычайно возросло влияние криминалитета. «Российское общество еще в недавнем прошлом обладало устойчивым иммунитетом к терроризму, — отмечали в середине «лихих 90-х» эксперты отечественных спецслужб. — Однако в настоящее время он нарушен. Объясняется это тем, что терроризм, являясь по сути своей социально-политическим явлением, аккумулирует в себе социальные противоречия, достигшие в нашем обществе уровня конфликта»⁴⁵.

В последующие годы терроризм стал довольно широко распространенным явлением на Северном Кавказе и крупных городских центрах других регионов России, где для него

44 Социальные болезни современности // Вестник Российского философского общества. 2004. № 3. С. 66.

45 Белая книга российских спецслужб. М.: 1996. С. 124.

питательную среду создают экстремистские организации радикал-националистов, неонацистов, скинхедов, религиозных сектантов, действующих, как правило, нелегально. По данным МВД РФ, на территории страны действует более 210 неформальных молодежных объединений, в том числе экстремистской направленности, общей численностью около 16 тыс. человек. Самой многочисленной из них является группировка «скинхеды» (около 1,5 тыс. человек). По подсчетам аналитического центра «Сова», за период 2006 по 2012 г. от расистского и неонацистски мотивированного насилия погибли 407 и ранены 2 771 человек. География нападений охватывает 40 регионов страны, а лидерами по количеству пострадавших остаются Москва с областью и Санкт-Петербург»⁴⁶.

Комментируя эти данные, директор АНО «Центра изучения вызовов и угроз безопасности РФ» А. Н. Сухаренко пишет: «Основными причинами совершения экстремистских преступлений являются отсутствие у отдельных категорий населения общественно значимых идеалов и принципов, толерантного отношения к представителям других национальностей и религий, искаженное восприятие ими понятия «патриотизм», распространение в молодежной среде нацистских идей и ценностей, правовой нигилизм, неудовлетворительное состояние профилактической работы»⁴⁷.

На каком месте в ряду глобальных проблем стоит терроризм? Многочисленные декларации управителей современного мира утверждают: на одном из первых. К примеру, в известной Декларации глав государств и правительств РФ и стран-членов НАТО «Отношения Россия – НАТО: новое качество» отмечалось, что среди первоочередных шагов «стороны договорились вести борьбу против терроризма: укреплять сотрудничество на основе многопланового подхода, включая совместные оценки угрозы терроризма»⁴⁸. Как видно из этого и многих других документов, лидеры мировой политики считают терроризм врагом номер один. Американцы уничтожили главного террориста Бен Ладена. И что же? Проблема упростилась?

46 Противодействие терроризму // Проблемы XXI века. 2013. № 3. С. 37, 38.

47 Там же. С. 37.

48 Цит. по: Известия. 2002. 29 мая.

Не беремся судить: по арифметическому или, что то же, иерархическому критерию, возможно, это и так. Попытаемся все же обсудить вопрос в ином ключе, а именно: в общем контексте названных и неназванных, но сопряженных проблем, образующих, на наш взгляд, общее тематическое поле, вне которого ни одна из них — и терроризм тоже — не может быть адекватно осмыслена и решена.

* * *

Глобализация расширила сферы действия означенных вопросов до общепланетарных масштабов. Поставлена под сомнение сама возможность их решения в обозримом будущем. Проблема наполнилась новыми социально-политическими и цивилизационными смыслами, а перспективы ее решения омрачились непредставимыми еще недавно опасностями. Это воочию показали террористические акты в России, США и других странах мира, небывалые по количеству жертв, характеру исполнения и последствиям для международной безопасности. Общество вдруг осознало свою незащищенность перед лицом международного терроризма. Оказалось, что он заключает в себе потенциал разрушения не меньший, чем тот, который содержат арсеналы оружия массового уничтожения. Оказалось, что ультрасовременные средства обороны не способны отразить вторжение террористов в любую страну мира.

По мнению З. Бжезинского, после этих геополитических сдвигов судьбы мировой цивилизации стали зависеть исключительно от единственной оставшейся сверхдержавы — США; другие страны — лишь временные государственно-территориальные образования, располагающие различными ресурсами. Регион, охватывающий часть России, Казахстан и Ближний Восток, «раздираемый ненавистью, которую легко разжечь», является огромным полем битвы между национальными государствами, зоной, где «царит затянувшееся этническое и религиозное насилие». Ближайшая задача США в этом регионе — «укрепить и сохранить существующий геополитический плюрализм», а в долгосрочном плане «под руководством Америки... создать трансевразийскую систему

безопасности и привести к возникновению мирового центра»⁴⁹.

С такого рода позиций, характерных для западной политологии, распад СССР предстает как фатально обусловленная гибель последней империи, как событие, открывающее новые возможности для геополитических решений проблем международной безопасности. Интернационализация терроризма показала легковесность геополитических прогнозов Бжезинского и его единомышленников. Акты международного терроризма и вызванные ими контрмеры — факты глобального масштаба, по-своему характеризующие глобализацию современных цивилизационных процессов. Устрашающее предзнаменование крупных катаклизмов — возникновение «зон неустойчивости», оказывающих разлагающее влияние на сопредельные регионы и негативно воздействующих на международную ситуацию экспортом терроризма, религиозного фундаментализма, контрабандного оружия, наркотиков и т.д.

Терроризм тем более опасен, что способы и пути распространения оружия массового поражения исключительно разнообразны. Это усложняет контроль над ними и расширяет возможность его неожиданного применения. Появление технологий, позволяющих небольшим группам лиц обладать вооружением невероятной разрушительной силы, до недавнего времени находившимся исключительно в распоряжении национальных армий, совпало с десятилетиями глобализации, приведшей к разрушению барьеров, ограничивавших трансграничные контакты. К концу прошлого века именно эти тенденции определяли состояние глобальной взаимозависимости. Известны попытки проникнуть в ядерные центры и арсеналы химического оружия.

Для прикрытия своей деятельности террористы применяют изощренную практику всякого рода махинаций в целях получения доступа к новейшим средствам информатики. Быстрое развитие и распространение биотехнологий открывает им возможность вести биологическую войну или проводить отдельные биотеррористические акты. Растущее значение компьютерных сетей и связанной с ними инфраструктуры в развитых странах

49 Бжезинский Ж. Великая шахматная доска. М., 1999. С. 69, 235.

делает их весьма привлекательными. Анонимные организации имеют новые возможности для атак диверсантов. Их акции все труднее предугадать. Никто с уверенностью не может сказать, насколько быстро и эффективно террористы сумеют создать инструменты и технологии для ведения кибервойны, какую роль подобная война будет играть в боевых действиях.

Реальная цель терроризма состоит в том, чтобы деморализовать общество, против которого направляется удар. Он вселяет ужас непредсказуемостью своих действий, методов, средств нападения; неизвестно, когда ждать удара, на какой объект он обрушится, ведь всякий раз объект выбирается произвольно, террористическая акция может настичь любого человека в любом месте. Угроза терроризма заставляет правительства вводить тотальный контроль в сферах массовых коммуникаций, ограничивать гражданские свободы в качестве предупредительных мер антитеррора. То и дело объявляется состояние террористической опасности, приостанавливается деятельность посольств в других странах, как это сделали США летом 2013 г. чуть ли не во всех арабских государствах.

Эффективность террора усиливается благодаря средствам массовой информации; люди во всем мире смотрели по телевидению на рассыпающиеся небоскребы в Нью-Йорке, ужасы Беслана, лондонских, московских терактов, убеждались, что от террористов нет спасения. В результате — поистине вселенский страх и всеохватывающая паника, именно то, чего добивается интернациональный терроризм.

Разложение международного правопорядка, основанного на нерушимости государственных границ, образование новых полиэтнических государств создали благоприятную политическую атмосферу для обострения межэтнических и межконфессиональных конфликтов, которые плохо поддаются урегулированию, поскольку, как правило, вспыхивают в государствах со слабой властью и стимулирующим влиянием внешних сил. Глобальные измерения приобрели угрозы на Ближнем Востоке и в Средней Азии, на Балканах, Кавказе, а в последнее время — и на Украине, где, как показывают военнополитические события, внешняя интервенция стимулирует государственный терроризм.

Особо следует выделить конфессиональный аспект угрозы терроризма. В бывших социалистических странах прекратились явные гонения на церковь, которая стала обретать достойное положение в жизни общества, оказывать растущее влияние на формирование его морали и нравственности. Вместе с тем кризис коммунистической идеологии, ориентировавшей сознание и социальное поведение многомиллионных масс, способствовал повышению роли религии в разных странах и как следствие — обострению межконфессиональных противоречий, которые переплетаются с межэтническими, чем усугубляют конфликты во многих районах мира. В результате наряду со старыми конфликтами на религиозной почве (в Южной Азии, на Ближнем Востоке, в Ольстере) возникли новые очаги межконфессиональной напряженности (на Кавказе, Украине, в Средней Азии, на Балканах) и в других регионах.

Эти явления и пытаются исключить из объяснения причин возникновения на поверхности мировой политики терроризма иные государственные деятели и различного рода идеологи, уверяющие, что современный террор не имеет якобы национальной и конфессиональной принадлежности и не связан с историческим прошлым. И имеет, и связан. В какой, однако, мере? Каким конкретно образом? В чьих интересах? Вот реальные вопросы, на которые не стоит закрывать глаза, особенно политикам, находящимся у власти. «Необходимо решительно отказаться от того, что террористы якобы не имеют ни национальной, ни религиозной принадлежности. Такое утверждение равносильно мнению, что у них нет ни возраста или пола. Напротив, как раз знание этого позволит понять причины и природу этнорелигиозного терроризма, оказать сопротивление ему, опираясь в том числе на ценности, которые имеются в соответствующих национальных и религиозных культурах»⁵⁰.

Следует подчеркнуть весьма важное обстоятельство: антитеррористические меры, принимаемые правительствами США, России и других стран, ведут к существенному ограничению гражданских прав и свобод, к чему вынуждают требования обеспечения общественной безопасности. Возможны ли в данной ситуации иные средства борьбы? Едва ли. Во всяком случае,

50 Этнорелигиозный терроризм... С. 35.

практика антитеррора не знает таковых. Она всегда базировалась на ужесточении полицейского режима и военных операциях. А это прямой путь к тоталитаризации политического режима, с чем, похоже, общество, напуганное злодеяниями террористов, готово смириться.

Несколько примеров, показательных не только в этом смысле. В США, всегда культивировавших свободу доступа к информации, пришлось пойти на меры, которые ранее вряд ли были бы возможны. В стране вводятся жесткие меры контроля над передвижениями граждан, ограничения в области распространения определенной информации, которая, по мнению власти, может быть использована в террористических целях. Создается небывалая по размерам финансирования и широте полномочий служба внутренней безопасности, а также структуры внешней разведки, которые в официально заявленных целях борьбы с терроризмом контролируют международные системы электронных и иных информационных связей. Подобные меры теперь принимают и многие другие страны, включая Россию, где, помимо прочего, принят закон о борьбе с экстремизмом, накладывающий известные ограничения на свободу деятельности общественно-политических организаций и движений.

Как отмечает А. Н. Сухаренко, общедоступность, возможность анонимного размещения и ознакомления с информацией экстремистского содержания в Интернете расширяют аудиторию лиц, испытывающих на себе ее негативное влияние. Особенно активно осуществляется экстремистская деятельность в популярных в молодежной среде социальных сетях. В виртуальной среде приоритетными являются наглядные формы распространения информации — видеозаписи и графические изображения. В 2012 г. федеральный список экстремистских материалов насчитывал 1589 позиций⁵¹.

Власти вынуждены ограничивать подобного рода экстремизм. Особенно в тех странах, где развиты информационные технологии, которые являются определяющим и одновременно самым слабым звеном инфраструктуры развитых государств.

⁵¹ Сухаренко А. Н. Современные криминальные вызовы и угрозы информационной безопасности России // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. М.: 2013. № 3. С. 37, 38.

Естественно поэтому внедрение в эту сферу криминальных групп, что породило кибертерроризм. Достаточно представительный список ставших известными кибератак показывает, что их средства и методы уже освоены и международными экстремистскими организациями. В Интернете есть сведения об атаках на информационные системы ядерных центров с угрозами вывести из строя систему управления реакторами. В связи с этим аналитики А. В. Бедрицкий и А. В. Федоров пишут о трех формах терроризма: терроризм как средство принудительной дипломатии, терроризм как война и терроризм как предвестник «нового мира». До последнего времени главенствующую роль играла форма принудительной дипломатии (отсюда манифестируемость).

Теперь, похоже, происходит трансформация взглядов на террористическую борьбу в сторону восприятия ее как средства прямого достижения цели. Причем данная цель может быть известна только организаторам террористического акта, что определяет и его анонимность. Более того, переход от изолированных акций к проведению целенаправленных террористических кампаний, зачастую не ограниченных действиями одной группировки и носящих комплексный характер, многократно снижает возможность эффективно противостоять этой новой форме терроризма — супертерроризму⁵².

Еще одно испытание навязывает терроризм мировой политике: выбор между правом и военной силой. Поскольку международное право далеко не приспособлено к борьбе с терроризмом, выбор делается в пользу силы, что, вообще говоря, не ново в истории международных отношений. Определенной группе государств придется вести войну с международным терроризмом. Вот как представляют ее политологи К. Крейзер, С. Карачавов, Г. Эллисон: «Достижение успеха в этой схватке, безусловно, потребует беспрецедентного, всеобъемлющего и глубокого взаимодействия разведывательных, полицейских, таможенных, финансовых и иных структур и организаций различных стран». Конечно, «коалиции современных государств» будут вести битву за сердца и умы, лишая террористов «возмож-

52 См.: *Оганисян Ю. С.* Международный терроризм: политический контекст // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. Вып. 7. С. 504–517.

ности свободно «плавать» в знакомых религиозных и социальных средах», с полной отдачей сил, «превосходящей воображение большинства современных политических руководителей». Словом, речь идет о «целенаправленной информационной стратегии», по своему напору не уступающей недавней кампании «свободного мира» в борьбе с коммунизмом. Эти усилия вряд ли будут короче или дешевле, чем сорокалетняя холодная война, которая обошлась Западу в десять триллионов долларов.

Приведенные выше оценки и суждения вызывают сомнения. Выходит, Запад снова в тотальной войне с неугодными ему частями мира? Выходит, он вправе насильно навязывать ему свои ценности? Озадачивает и реминисценция насчет борьбы с коммунизмом. Новая глобальная конфронтация? С кем? Против кого? Терроризм как международная опасность пока что не выявлен до такой степени, чтобы мобилизовывать армии, межконтинентальные ракеты. И почему, собственно, триллионы долларов запускать на «войну», а не поделиться хотя бы малой их толикой с голодной и униженной частью человечества? Ведь угроза идет отсюда.

В свое время СССР и эту угрозу ограничивал определенными рамками, о чем, не распространяясь здесь, скажем несколько слов. Вместе с «реальным социализмом» ушли в прошлое национально-освободительное движение, молодежное, женское, движение сторонников мира и прочие организации, поддерживаемые СССР и его союзниками. Они выполняли регулирующую роль в отношениях между богатыми и бедными странами, их общественно-политическими силами подобно тому, как система военно-политических блоков обеспечивала относительную стабильность в мировой политике. Эта ниша заполняется теперь как раз теми, против кого объявлена мобилизация «цивилизованного мира». Террористы — только крайне экстремистский фланг, а рядом с ними — не вполне еще идеологически определимые движение антиглобалистов и политические группы его поддержки.

Современный мир оказался в ситуации, когда новые институты управления, соответствующие новым глобальным задачам, пока не сформировались. Это приводит к тому, что отдельные государства или группы стран узурпируют руководящую роль в

мировой политике, пытаются выступать в качестве международного полицейского. А. М. Салмин следующим образом оценивал возможности борьбы с терроризмом: «В действительности в обозримой послесталинской перспективе маячит не коалиция и не альянс, а многоуровневая пирамида “мировой жандармерии”. Фактически таковая существовала уже давно, но сейчас, вероятно, она изменится. Станет более операциональной (по замыслу, но с поправкой на обычаи и нравы бюрократии, особенно международной и вовлеченной в проекты международного сотрудничества)»⁵³.

Общество с трудом расстается со своим прошлым, исполненным насилия, вражды, несправедливости. Даже демократические государства, их правящие элиты зачастую продолжают взирать на мир сквозь призму отживших оценок и представлений. Основанная на устаревших подходах политика не только не уменьшает угрозу международного терроризма, но, напротив, обостряет ее до предельной черты, за которой террор становится системным фактором мировой политики.

Выдержит ли мировое сообщество испытание терроризмом? Не опускаются ли ныне народы в новую, гибельную для мира конфронтацию, которой еще нет адекватного названия? Пока на нашей планете не сложится миропорядок, созданный сотрудничеством всех существующих цивилизаций, культур, государств и отражающий баланс основных национальных и региональных интересов, человечество будет оставаться беззащитным перед наступлением терроризма. Попытки утвердить такой порядок только силовыми методами лишь стимулируют ответную реакцию террористов. В этой ситуации стоило бы, видимо, обратить внимание на выпестованные вековыми усилиями человечества моральные ценности. Но когда, спрашивается, большая политика считалась с моралью?

53 Салмин А. М. На Манхэттене завершилась эпоха «Манхэттенского проекта»? 11 сентября в контексте дискуссий о столкновении цивилизаций // Полития. 2002. № 1. С. 31.

Глава 13. Советское правосознание: опыт комплексного исследования

На протяжении последних десятилетий споры вокруг сути и смысла событий Октября 1917 г., самого факта прихода к власти партии большевиков (РСДРП(б)) и его последствий для страны и мира не утихают. На этом поприще отметились отечественные ученые, публицисты как СССР, так и современной России. Весомый вклад внесли мыслители и исследователи русской зарубежной иммиграции, заметные, иногда прорывные исследования представлены иностранными специалистами.

Характеризуя их обобщенно, следует сказать, что за редчайшим исключением практически все и каждая из этих работ касались вопроса социально-правового развития предреволюционной Российской империи, СССР, а позже иногда и современной Российской Федерации. Огромная масса работ освещает собственно общественно-правовые вопросы генезиса, эволюции и причин распада Советского Союза. В частности, вопрос о генезисе, характерных признаках и причинах дезинтеграции такого явления, как советское (социалистическое) правосознание или правосознание «советских людей» — граждан СССР.

* * *

Рассматривая вопрос генезиса советского правосознания, для удобства и «чистоты» осмысления примем в качестве его определения, выявленного из множества имеющихся, такую модификацию определения, как «сознание» вообще. Это можно встретить в «Философских тетрадах» В. И. Ленина, который считал, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его... мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его»¹. Примем в качестве рабочей дефиниции правосознания форму отражения правовой действительности, правового окружающего мира и в тоже время реальные, активные действия вовне по его преобразованию.

¹ Ленин В. И. Философские тетради // Ленин В. И. ПСС. Т. 29. С. 194.

Возникновение советского правосознания произошло, безусловно, не на пустом месте, не в вакууме. Его корни были дуалистичными. С одной стороны, это распространенные, растворенные в памяти и сознании граждан России начала XX века правовые представления, сформированные как на основе законов Российской империи, так и на основе совокупности бытовых естественно-правовых практик и обычаев, наиболее широко распространенных в крестьянской общинной среде. Вторым источником формирования советского правосознания выступает марксистская, позже марксистско-ленинская теория права, основанная на утверждении о том, что при коммунизме, в конечном итоге, отомрут такие явления, как государство, право и преступность². Рассмотрим их подробнее.

На протяжении первых десятилетий XX века Российская империя оставалась аграрной страной. В сельской местности проживало и крестьянским трудом занималось, по разным подсчетам, более 80% населения страны. В тоже время, по данным имперской статистики конца XIX века, количество неграмотного населения в стране было в среднем чуть меньше приведенного выше показателя и составляло — от 63 до 72%³. Практически все сельское население входило в крестьянскую сельскую общину, которая до 1904 г. взаимодействовала с государством на основе круговой поруки, неся коллективную ответственность за выплату государственных налогов⁴. При этом сами российские крестьяне по условиям освобождения в ходе отмены крепостного права 1861 г. становились свободными сельскими обывателями, автоматически приобретавшими весь спектр прав и обязанностей, т.е. гражданский правовой статус.

Следует отметить, учитывая указанные выше данные о грамотности населения, что в реальной жизни право и закон оставались для большинства населения социально-политической фикцией, так как ни получить объективную информацию о сути конкретных прав и законов, способах их отстаивания и самоза-

2 *Белых А. К.* О диалектике отмирания государства // Советское государство и право. 1963. № 1. С. 13–21.

3 *Рубакин Н. А.* Грамотность // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86-и томах. СПб., 1890–1907. Т. 82.

4 *Изгоев А. С.* Общинное право. М.: Тип. «Надежда», 1906. 160 с.

щиты, ни реализовать их каким-либо образом в своей жизнедеятельности они без сторонней помощи не могли. Поэтому на практике при разрешении коллизий руководствовались естественным, а не позитивным правом, ориентируясь на неписанные нормы повседневного взаимодействия и правовые обычаи, возводившиеся в культ. В отношении писаного государственного (позитивного) права наблюдались боязнь и отторжение, мотивировавшиеся тем, что писанный закон для неграмотного (малограмотного) человека может быть повернут и так, и этак, и, чаще всего, направлен против него.

В свою очередь, рассматривая марксистско-ленинскую теорию права как второй исток советского правосознания, необходимо отметить, что она, с одной стороны, формировалась в ракурсе концепции соотношения базиса и надстройки. Право, а вместе с ним и правосознание относились к надстроечным компонентам общественной системы и полностью, по мнению основоположников теории, определялись базисом — экономическим строем общества, совокупностью господствующих в нем производственных отношений. Говоря о праве, К. Маркс и Ф. Энгельс в программном труде «Манифест Коммунистической партии» заняли позиции прямого отрицания права, не имевшего, по их мнению, значения для пролетариата: «Законы, мораль, религия — все это для него [пролетариата] не более как буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы»⁵. В перспективе, как несколько позже утверждал Энгельс в работе «Анти-Дюринг», государство и, как следствие, право, а также некоторые его атрибуты и вовсе отомрут⁶. Эту же мысль поддерживал и В. И. Ленин, развивший ее в работе «Государство и революция»⁷. Такие и подобные им теоретические концепции привели к отрицанию роли права в общественном развитии и подмене его на практике расплывчатой категорией «революционной сознательности».

5 Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 4. С. 419—459. С. 434.

6 Энгельс Ф. Анти-Дюринг. 1878 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.—Л.: Соцэкгиз, 1931. 359 с. С. 320.

7 Ленин В. И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. ПСС. Т. 33. С. 89.

Большую роль в развитии марксистско-ленинской теории права, ставшей потом основанием для формирования советского правосознания, того его типа, что господствовал на протяжении 30–50-х годов. прошлого века, выступил И. В. Сталин. Именно ему принадлежит заслуга в восстановлении законности в советском государстве в привычном нам виде. Этому есть две причины: во-первых, разгул произвола во время гражданской войны и его последующие отголоски в условиях мирной жизни второй половины 1920 – начала 1930-х годов, который свидетельствовал, по мнению Д. Ширера, о приближающемся недопустимым социальном взрыве. В свою очередь, разгул коррупции и злоупотреблений служебным положением достиг в среде партийно-хозяйственного актива такого уровня, что А. Микоян в начале 1930-х годов прямо заявил: «Все воруют! Даже коммунисты!»⁸.

Поэтому Сталин вынужден был перевести марксистско-ленинскую концепцию отмирания государства в практическую плоскость, трактуя ее в работе «Вопросы ленинизма» не как теорию упразднения государства, а как теорию «создания нового государства пролетарской диктатуры»⁹. Свое практическое выражение эта трактовка нашла в обеспечении «законности и правопорядка», призванных установить единообразие законов и стабильность их применения, как можно меньше зависящего от личного мнения того или иного ответственного работника, а также контроль над обществом и единство власти и управления в такой огромной стране, как СССР¹⁰. Своего наивысшего выражения сталинский вариант марксистско-ленинской теории права и правосознания нашел в Конституции СССР 1936 г., именуемой «сталинской». Генеральной парадигмой ее разработки была категория стабильности законов. И хотя эта Конституция была провозглашена и по ряду показателей действительно являлась самой демократической в мире, проблема заключалась в том, что никто ее не использовал — ни сам Сталин, ни совет-

8 См.: *Lynne Viola* (ed). *Contending with Stalinism: Soviet Power and Popular Resistance in the 1930s*. Cornell UP, 2002. 256 p. P. 33, 194.

9 *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1945. С. 249.

10 См.: *Osakwe C.* Prerogativism in Modern Soviet Law // *Journal of Transnational Law*. 1985. № 23. P. 331.

ский народ¹¹. С незначительными дополнениями идейное ядро советской правовой системы просуществовало практически до периода «перестройки».

* * *

В эпоху СССР, в пределах господствовавшей идеологии, было установлено, что советское правосознание, по сути, является правосознанием социалистическим, что определено установлением в СССР социализма как политического строя. В свою очередь, социалистическое правосознание признавалось наивысшим типом правового сознания. Обосновывая это положение, советские правоведы приводили в качестве доказательства тот факт, что впервые в истории ведущими принципами правосознания стали идеи законности, равноправия, справедливости, выступающие базой нормативной и ценностной ориентации общества в сфере права. Они считали социалистическое правосознание последним историческим типом этого явления, обуславливающим собой эволюционный переход от правового регулирования к неправовым формам социального регулирования коммунистических общественных отношений.

В тоже время указывалось, что социалистическое правовое сознание обладает самой широкой социальной базой, имеет в качестве платформы развития систему социалистической демократии и представляет унифицированную систему правосознания для всех классов общества. Также, в качестве ключевых характеристик советского правового сознания ему присваивалась подлинная научность. В ее основе, по мнению советских философов права, находились знания объективных закономерностей общественного развития, общественных потребностей и интересов, на основе которых, в свою очередь, формулировались выводы и предложения, выступавшие позже основой для модификации и модернизации права¹².

Большой вклад в разработку официальной теории социалистического правосознания сделал видный советский право-

11 См.: *Sviridova A. Living in Lawlessness in Feature: Citizen and Law after Communism // Europe Constitutional Revue. 1998. № 7(1). P. 71.*

12 См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973. С. 147–148.

вед-теоретик С. С. Алексеев. Социалистическое правосознание, будучи правосознанием советского общества, по его мнению, заключало в себе три важных компонента:

- марксистско-ленинское мировоззрение рабочего класса и всех трудящихся;
- принципы коммунистической нравственности;
- руководящие указания Коммунистической партии.

В таких условиях, по его мнению, советское социалистическое правовое сознание отражало качественные особенности и преимущества социалистического права, имело активный, наступательный характер, отличалось действенностью и возросшей ролью в правовой системе и в жизни общества в целом¹³.

Таким образом, в рамках официальной идеологии и теоретических построений правоведов, советское правосознание представлялось идеальным феноменом, лишенным недостатков, особенно присущих идентичным социально-правовым феноменам, возникшим в обществах других типов и, прежде всего, в капиталистическом обществе. Как аксиома утверждалось, что советское правосознание верно и объективно отражало окружающую действительность и лишено поэтому ошибок и заблуждений, а сама возможность его деформации полностью и решительно отрицалась.

Исторический путь СССР, реальные процессы, протекавшие в советском обществе, тенденции социальных трансформаций, которые проявились еще в 60-х — 70-х годах XX века, показали, что эти особенности носили иллюзорный характер, были далеки от реального социально-правового положения общества и являлись, по сути, теоретико-правовыми фикциями.

* * *

Реальной основой советского правосознания выступало марксистское мировоззрение, реализованное в форме революционного права, которое должно было служить делу революции и построения коммунизма. Оно конкретно выражалось в форме революционной диктатуры — насилия, не ограниченного никакими законами, как формы силового подавления эксп-

13 См.: Алексеев С. С. Общая теория права: в 2-х томах. М., 1981. Т. 1. С. 202.

луататоров и угнетателей народа¹⁴. Давая такой концепции объективную философско-правовую характеристику, необходимо отметить, что она наиболее близка к сектантскому правосознанию, где юридическая триада: *«желаемое — допустимое — реальное»* практически целиком и полностью определяется субъективными представлениями идеологического руководства группы, сколь бы они не противоречили объективным условиям и процессам. Именно поэтому в практике правоприменения в годы революции и последовавшей Гражданской войны центральной категорией советского, тогда еще революционного правосознания стала так называемая революционная целесообразность. Это весьма быстро вылилось в прямое, бесконтрольное и ничем не сдерживаемое насилие, т.е. то, чего не допускает ни одна из систем позитивного права и никакое правосознание, основывающееся на понимании «права» в его строго юридическом значении¹⁵.

Таким образом, с точки зрения идейно-теоретической эволюции правосознания россиян, в рамках марксистской методологии этот процесс может быть охарактеризован как борьба с буржуазным правосознанием, в том числе и силовая, а также замена его подлинно пролетарским, позже социалистическим правосознанием граждан. Оно формируется в условиях генезиса и эволюции социалистического права как принципиально нового исторического явления, необходимого на пути к коммунизму и в тоже время закономерно отмирающего по мере приближения к нему.

Марксистско-ленинская правовая догматизация и понятийный свод стали, с одной стороны, обоснованием превосходства социалистического строя, для которого, по утверждениям идеологов, были не свойственны многие пороки капиталистического общественного строя, такие как, например, бандитизм, проституция, наркомания. Однако наряду с этим они стали обоснованием всемогущества советской власти как единственного правового выразителя чаяний и интересов пролетариата.

14 Ленин В. И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. ПСС. М., 1969. Т. 33. С.124.
15 Алексеев С. С. Философия права. М., 1997. С. 155.

Став, таким образом, главным инструментом строительства коммунизма, советское государство во главе с Коммунистической партией выступило основным носителем обозначенного выше революционного правосознания. Оно, руководствуясь категорией целесообразности, могло проводить в отношении отдельного гражданина, населения и всего общества в целом акции любого характера и содержания, соотнося их не с объективной оценкой результатов, а с марксистскими догмами, ленинскими воззрениями, необходимостью дальнейшего продвижения по пути к коммунизму и большевистскими практиками.

При этом следует отметить действительно высокую научность изысканий советских правоведов-теоретиков, философов права и обществоведов. Они смогли выработать собственную качественную методологию исследований, разработать отечественную систему юридической техники, проработать вопросы юридической психологии и идейно-просветительской правовой работы с различными слоями населения. Другой вопрос в том, что все эти достижения осуществлялись в строгом идейно-теоретическом соотношении с марксистско-ленинской идеологией и существовали в пределах коммунистической философии. Именно поэтому весьма быстро они удалились в область догматизма, тогда как объективные доказательства подменялись слепой верой в непогрешимость догматов и вынужденным замалчиванием реально и объективно существующих проблем, признанных на уровне государственной официальной идеологии окончательно разрешенными.

Таким образом, к середине 1930-х годов определенным спектром категорий, которые составили ядро советского правосознания, была сформирована научная доказательная база такого уровня и качества в системе марксистской идеологии, что она стала, практически, самостоятельной. В ее основе — категория декларируемой «социальной справедливости», классовой непримиримости и войны с классовыми противниками «на уничтожение». В тоже время внешне советское право и правосознание было весьма демократическим, теоретически развитым и практически проработанным явлением, где при наличии самой демократической Конституции в мире, «Ста-

линской», в СССР были проведены неслыханные по размаху и объему антиправового произвола репрессии против «врагов народа».

Обобщая, отметим заидеологизированность и догматичность советского правосознания, когда любой произвол и применение силы, вплоть до физического уничтожения целых социальных групп и переселения народов, любых «преобразований» природы и т.п., объяснялось и оправдывалось тем, что они осуществляются в интересах трудящихся, производятся для обеспечения социальной справедливости, служат делу построения коммунизма.

* * *

В 1917 г. в результате прихода к власти большевиков и окончательного разрушения Российской империи, произошла смена типов правосознания, выразившаяся в переходе от имперского сословного правосознания к классовому правосознанию революционной России, которое, как утверждали идеологи, было обусловлено объективными условиями общественного бытия, материальной стороной жизни. На начальном этапе своего развития, в 1917–1920 гг., в России возникло и утвердилось так называемое *революционное право*, которому было свойственно «революционное правосознание». Его ядром, в свою очередь, выступала «революционная целесообразность», сутью которой была непосредственная реализация классовой борьбы, заключающаяся в физическом уничтожении буржуазии на пути к коммунизму.

Характеризуя эту концепцию, Мартыньш Лацис, член Коллегии, позже Президиума ВЧК, в частности, писал: «Для нас нет и не может быть устоев морали и «гуманности», выдуманных буржуазией...¹⁶. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и дол-

¹⁶ Цит. по: ВЧК/ГПУ: документы и материалы. Сост.: Ю. Г. Фельштинский. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. 272 с.

жны определить судьбу обвиняемого¹⁷; ...необходимо проявить крайнюю строгость, неумолимость, прямолинейность: что слово — то закон»¹⁸.

В этом направлении процесс формирования советского правосознания в классовом плане столкнулся с естественным мировоззрением и правосознанием российского крестьянства, по-прежнему носившем общинный, а не классовый характер. По этому поводу В. Мигушенко констатировал, что политической основой функционирования царского правительства являлось лавирование и маневрирование в условиях межнациональной розни в империи, а Советское правительство поставило во главу угла обострение классовой борьбы в деревне¹⁹.

Поэтому в фокус идеологической работы в деревне попали беднейшие слои крестьянства, для которых в их революционной деятельности была избрана такая организационно-правовая форма, как «комбеды» — комитеты бедноты. Их правосознание формировалось на тех же основах, которые были озвучены выше цитатами Лациса, а главным противником стали так называемые «кулаки-мироеды» и «кулацкие подпевалы» — их сторонники. В большинстве случаев в первую и вторую категорию входили наиболее богатые и влиятельные в крестьянской среде хозяева, а во вторую — не поддерживавшие социально-экономическую политику нового правительства (продразверстки и т.п.), в том числе и кулаки.

Правовой основой формирования советского крестьянского правосознания как классового стал широкий спектр нормативных актов советского правительства конца 30-х годов прошлого столетия. Они включали и требование о защите местными советскими и партийными органами прав бедноты и батрачества²⁰. Толкуемые

17 См.: Яковлев А. Н. Сумерки. М.: Материк, 2005. 672 с.

18 См.: Чрезвычайные комиссии в борьбе с контрреволюцией. М., 1921. С. 8 — 9, 24.

19 Мигушенко О. Н. Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на материалах Центрально-Черноземной области 1928—1934 гг.). М., 2008. С. 271.

20 См.: Циркуляр НКЮ РСФСР № 38 от 1 марта 1928 г. «О защите прав батрачества и бедноты» // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 10. С. 316; директивное письмо коллегии НКЮ РСФСР от 30 апреля 1928 г. «Об общем надзоре в деревне и городе» // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 16. С. 504—505.

местными ответственными работниками расширительно, они приводили к самым различным последствиям для наиболее зажиточных местных семей: от повышенного обложения и, соответственно, освобождения от обложения бедноты, «раскулачивания» вплоть до выселения в отдаленные районы страны.

Такое положение повышало правовую самооценку беднейших слоев деревенского крестьянства (в пике наиболее зажиточным), ставило на их защиту даже и репрессивную машину СССР, где на протяжении 20-х — 30-х годов XX века бытовала парадигма о социальной близости бедняков советской власти. Это приводило к тому, что от работников советской прокуратуры требовалось при любых разбирательствах активно занимать сторону бедноты, невзирая на правоту иных категорий граждан. Тоже, но в несколько меньшей степени, адресовалось парторганами судьям.

* * *

Рассматривая вопрос о правосознании, нельзя не отметить, что кроме объективной функции отражения происходящих вокруг индивида правовых событий, он включает в себя еще понимание и идентификацию правовых действий, среди которых на переднем плане было взаимодействие конкретного гражданина с конкретными правовыми институтами и, прежде всего, законом.

Дуалистичность корней советского правосознания, подчиненность права идеологическим догматам и политическим установкам партийных органов привела к дуалистичности всей советской официальной правовой системы как в институциональном, так и в процессуальном плане. Она несла в себе ряд действительно высоких достижений, но, во многом была ущербной; включала в себя ряд фикций и фальсификаций; носила характер мифа, все более и более в юридической действительности отдаляясь как от реалий объективного состояния советского общества и государства, так и от достижений дореволюционного российского и современного мирового права, векторов развития юридической теории и практики, действительных, а не провозглашенных идеалов и ценностей гуманистического права.

Человеческая жизнь, свобода и социальная справедливость были названы как наивысшие ценности, последовательно и постоянно отражая эти категории во всех, без исключений, важнейших и основополагающих для развития страны документах, таких как Конституции (1918, 1924, 1936, 1977 годов) и Программы КПСС (за все годы). Однако на практике все было несколько иначе.

Декретом СНК от 5 октября 1918 г. была введена трудовая повинность для «буржуазных элементов», а несколько позже, с принятием 10 декабря 1918 г. Кодекса законов о труде (КЗоТ), трудовая повинность была установлена для всех граждан РСФСР. Уже в следующем году, 14 апреля 1919 г. выходит Декрет ВЦИК Советов № 124 «О лагерях принудительных работ», а 17 мая 1919 г. опубликовано постановление ВЦИК Советов «О лагерях принудительных работ», которые определяли принудительную форму выполнения трудовой повинности гражданами в лагерях, в том числе и на значительном удалении от места жительства²¹.

Практически сразу было введено «поражение в правах» (Конституциями 1918 и 1924 г.), просуществовавшее с 1918 г. до 1936 г. Статья 65 Конституции РСФСР 1918 г. вводила следующий список категорий граждан, не имеющих права избирать и быть избранными:

- а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;
- б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.;
- в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;
- г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов;
- д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшей в России династии;

21 См.: Декрет ВЦИК Советов № 124 от 14.04.1919 «О лагерях принудительных работ» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР М. 1943. С. 180; Постановление ВЦИК Советов № 235 от 17.05.1919 «О лагерях принудительных работ» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР М. 1943. С. 327–332.

е) лица, признанные в установленном порядке душевно-больными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой;

ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором²².

В статью 69 Конституции РСФСР 1924 г. эта статья перешла без изменений.

Наконец, 28 марта 1924 г. с принятием ЦИК СССР положения «О правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь», ОГПУ получило полномочия:

- высылать определенных категорий граждан из какой-либо местности с запрещением проживания в ряде установленных списком ОГПУ местностей;
- ссылать определенные категории граждан в конкретную местность под гласный надзор местных отделов ГПУ;
- высылать определенные категории граждан за пределы СССР²³.

Позднее нормативными документами вводилось три зоны ограничений для подвергнутых высылке: запрет проживать в 6-ти центральных городах и пограничной полосе; запрет проживать в 72-х губернских (областных, краевых) центрах; определение пункта поселения по выбору высылаемого²⁴.

Выше изложенное позволяет констатировать господствующее превосходство политики в СССР над правом, политической воли над велением духа, а иногда и буквы закона. Исходя из этого, советская юридическая система по отношению к системе партийно-политической имела подчиненное значение и, как следствие, самостоятельной не была. Практически сразу после революции, да и на протяжении последующих десятилетий, суверенитет нормативно-ценностной регуляции права был под-

22 См.: Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Утверждена V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

23 См.: Положение ЦИК СССР от 28 марта 1924 «О правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь». Архив НИПЦ «Мемориал».

24 См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: «Наука», 2005. 306 с.

менен сначала революционной, а затем политической целесообразностью.

Последняя, в свою очередь, диктовала силовой, репрессивный характер советского права, превосходство административного и уголовного права над гражданским и трудовым. Этим же объясняется и длящееся отсутствие в отечественной судебной правовой системе роли прецедента, совсем недавно возобновленный институт присяжных заседателей, ущемленное положение стороны защиты по сравнению с обвинением, несмотря на их декларированное равенство и многие другие особенности.

Таким образом, правовой произвол советской власти, начавшийся с первых лет ее существования, репрессивный характер правовой системы, господство политических постулатов и волюнтаристский характер законов, стоящих на защите государства и политической идеологии, а не гражданина, его прав и законных интересов привели к возобновлению отношения к закону как к фикции. Можно свидетельствовать также в этой части о ренессансе крестьянского общинного правосознания и формирования правового нигилизма как важной части правосознания советского человека, являющегося весьма сильной, если не определяющей, чертой и правосознания современных россиян.

* * *

Советское правосознание — сложное явление, прошедшее на историческом пути своего существования определенные этапы и фазы развития. Советская историография права выделяет два основных этапа развития: революционный этап, связанный с понятием диктатура пролетариата и этап общенародного государства и права. Несколько модифицированную версию этой классификации предложил С. С. Алексеев, выделив в качестве этапов «ленинский» и «сталинский»²⁵. Давая им характеристику, он, в частности, указывал, что для первого периода — «ленинского» — свойственно на порядок более активное использование термина правосознание, чем в предыдущих и отчасти в последующих периодах.

Такое положение не случайно. Главный застрельщик его использования В. И. Ленин понимал, что окончательная побе-

25 См.: Алексеев С. С. Философия права. М.: «НОРМА», 1998. 336 с. С. 166—167.

да революции, окончательный переход власти к советскому правительству свершится не на улицах и не силой оружия, а в сознании людей. Поэтому переход от старого имперского правосознания через революционное, которое мы характеризовали выше, к социалистическому правосознанию и, позже, к коммунистическому сознанию, в котором правосознанию предстоит раствориться, был для него на переднем плане. В то же время отмечается отсутствие единого понимания этой категории. Характеризуя его, известный советский (латвийский) юрист и публицист П. И. Стучка, в частности, отмечал: «Может быть ни одно слово из словаря права у нас не получило столь широкого распространения после Октябрьской революции, как слово «правосознание». Революционное, социалистическое, даже коммунистическое правосознание мы встречали на каждом шагу, но нельзя сказать, чтобы все или хотя бы большинство товарищей понимали его»²⁶.

В этом же направлении давал характеристику новому правосознанию и Н. Н. Фиолетов. Во-первых, он указывал на неразбериху в понятиях, отмечая, что тогда широко использовались такие понятия, как «революционное правосознание», «правосознание трудящихся классов», «социалистическое правосознание». Но в чем их объективная сущность, как и чем они отличаются друг от друга, определено не было, поэтому такая категория, как новое (социалистическое) правосознание, не раскрыта и в ней много неопределенностей, которые порождают всяческие недоразумения²⁷.

Давая оценку формированию социалистического правосознания на протяжении первых революционных и послереволюционных лет (вплоть до 1930 г.), П. И. Стучка выражал серьезный скепсис по поводу формирования обновленного социалистического правосознания. Он высказывал соображение о том, что «под революционным или социалистическим правосознанием скрывалось в значительной степени то же буржуазное правосознание, ибо иного правосознания ни

26 См.: *Стучка П. И.* Правосознание // Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучки. М., 1925–1926. Т. 3. С. 446.

27 См.: *Фиолетов Н. Н.* Понятие социалистического правосознания в советском праве // Право и суд. 1925. № 1 (3). С. 8.

в «природе», ни в человеческом представлении еще не существовало»²⁸.

Поэтому, как было указано выше, этот этап характеризовался установлением прямой большевистской диктатуры и ленинского вождизма. В тоже время характеризовался и романтическими представлениями о скором начале мировой революции, быстром всемирном восстании всего рабочего класса планеты. Однако на первом этапе ставился вопрос о преодолении как правовых черт и признаков прошлой жизни в форме еще сохранившихся остатков «буржуазного права», так и «темных и примитивных» монопольных крестьянской общины, которые, по заявлениям официальной пропаганды, непрерывно отмирали. На этом этапе активно применялись и выводились на передний план в теории и практике правового развития революционной России такие категории, как «революционное правосознание», «революционная законность», «пролетарский суд», «права трудящегося и эксплуатируемого народа», широко использовавшиеся наряду с неюридическими формами и инструментами регуляции — декретами, воззваниями и тезисами.

На следующем этапе развития отечественного правосознания — «сталинском» — революционная риторика и специфическая лексика отошли на задний план вместе со сменой главенствующей идеологической парадигмы. К этому времени стало понятно, что мировая революция — всемирная битва пролетариата против угнетателей и победа в ней — откладываются на неопределенный срок. Предстояло налаживать нормальную мирную жизнь общества. Своевременным оказался тезис о том, что единственной рациональной основой нормальной общественной жизни и функционирования государства выступает социалистическое право, выраженное в социалистической законности как признаке нового демократического и гуманного этапа существования всей идеологии и практики коммунизма.

По ходу сталинского этапа в фокусе теоретико-правовых исследований находились, прежде всего, такие отрасли права, как советское уголовное право, советское гражданское право, социалистическое трудовое право и др. Общеправовым проблемам,

28 См.: *Стучка П. И.* Революционная роль советского права: хрестоматия-пособие для курса «Введение в советское право». М., 1931. С. 104—109.

находящимся на стыке различных отраслей теоретического правоведения, к которым относится проблема правосознания, внимания уделялось мало. В таких условиях главным специалистом в этом вопросе становится А. Я. Вышинский. В своей программной для советской теоретической и прикладной юриспруденции 30-х — 50-х годов XX века работе «Теория судебных доказательств в советском праве» он активно использует категорию «социалистическое правосознание», отражая в то же время дифиниционную разногласицу 1920-х годов в отношении этого термина. Так, под правосознанием он понимал:

- общую систему правовых, философских и политических взглядов;
- мировоззрение в области вопросов, регулируемых правом;
- представления о должном, необходимом, обязательном, законном;
- правовые взгляды, идеи, принципы²⁹.

Анализируя его воззрения по проблемам советского (социалистического) правосознания позже, советские правоведы указывали на то, что, в конечном итоге, правосознание он считал воплощением правового мировоззрения. Он признавал за ним функцию формирования оценки гражданином правовых явлений, с одной стороны; с другой — стоял на позиции усвоенных им правовых ценностей и норм отношения к происходящему вокруг вообще³⁰.

Формирование советского правосознания на «сталинском» этапе протекало в условиях господства ряда черт и процессов, которыми отличалась тогдашняя советская правовая система. Так, ее генеральной идейно-правовой парадигмой стало абсолютное, полное и повсеместное оправдание советского законодательства как совершенно нового, невиданного доселе в мире права и отстаивание распространенных практик правоприменения, дополненное их постоянным восхвалением, противопоставлением дореволюционному и современному зарубежному праву. В ракурсе идеологических деклараций активно

29 Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве: учеб. пособие для юрид. вузов. 3-е изд., доп. М., 1950. С. 180, 182—183, 158, 177—178.

30 Цит. по: Фарбер И. Е. Проблемы социалистического правосознания в свете решений XXII Съезда КПСС // Советское государство и право. 1962. № 2. С. 55.

вводились в практику и повсеместно внедрялись такие категории, как «социалистическое право», «социалистическая законность», «социалистический правопорядок», а приставка «социалистическое» начинает предвещать любую юридическую категорию. Так, например, «социалистическое правоотношение», «социалистическая правовая норма», «социалистическое правосознание» и т. д.

Оценивая практику развития советского правосознания на этом этапе, необходимо отметить, что констатация его формирования в 30-х годах XX века именно в социалистическом виде так и осталась своего рода пропагандистским «заклинанием». Единственным и неоспоримым критерием окончательного формирования социалистического правосознания может выступать исключительно превалирование в обществе его носителей, что проявляется в правоприменительных практиках, поведении и деятельности большинства членов общества, чего, однако, не произошло до конца существования СССР.

В тоже время развитие правовой системы и правосознания по ходу «сталинского» этапа нельзя охарактеризовать однозначным термином. По сути дела, это было сложносоставное явление, где вместе и наравне спокойно уживались демократическая Конституция СССР 1936 г., в которой раздел «Права человека» был наиболее продвинутым по сравнению со сходными документами других стран, и Уголовный кодекс Союза ССР, 58 статья которого прямо ориентировала органы безопасности и охраны правопорядка на репрессии по отношению к идейно-политическим противникам советского строя.

В стране начиная с 1935 г. была легализована «прогрессивка» — заработная плата, зависевшая от объема выработки и качества произведенной продукции, а в работу специальных производств (геологические партии и т.п.) был легально введен хозрасчет, когда обеспечение своей деятельности велось предприятием самостоятельно из собственных средств. Одновременно в сельском хозяйстве сохранялись «трудодни», сохранялось закрепление рабочих за предприятиями. Таким образом, можно констатировать, что правосознание советского человека сталинской эпохи было многослойным и разнотипным, где сосуществовали практически взаимоисключающие компоненты.

Такой подход весьма сильно размывал единое правосознание широких масс советских граждан, отдельные группы которых существовали в условиях элементов капиталистического ведения хозяйства, а другие — в несколько смягченной системе военного коммунизма.

Эпоха «хрущевской оттепели» представляет собой этап экспериментирования. И хотя СССР все еще жил при сталинских правовых документах, фактически большое количество нововведений — Совнархозы, территориальная организация промышленности и т.п. — приводили к неразберихе, рушили выстроенную и существовавшую с довоенных времен систему организации и управления промышленностью и пр. Освобождение и реабилитация заключенных внесли дополнительное усложнение в состояние правосознания. К концу 1956 г. из мест лишения свободы освободилось несколько миллионов человек, чье правосознание было искажено (у многих необратимо) пребыванием под следствием и в местах заключения.

«Брежневский застой» принес интенсивное развитие профессионального правосознания советских юристов, в основе которого лежало динамичное развитие советского права самыми разными центральными и республиканскими правовыми школами университетов как сосредоточие не только теоретического развития советской юриспруденции, но и формирования правосознания советских юристов — специалистов с высшим образованием.

В связи с формированием и интенсивным развитием теневой экономики и эскалацией взаимосвязанной с ней преступности ситуация с общегражданским правосознанием еще более усложнилась. Громкий лозунг о построении развитого социализма, при котором невозможны многие криминальные пороки капиталистического общества — проституция, наркомания, бандитизм, организованная преступность — привел к тому, что советскому МВД пришлось вести практически двойную статистику и отчетность, когда обычный бандитизм подгонялся под злостное хулиганство и т.п. Это приводило к формированию двойного правосознания, когда обе его части были искажены и не полны.

Перелом наступил в эпоху «перестройки». Легализация отдельных секторов теневой экономики привела к выходу из подполья огромного количества ее дельцов, которые активно приобретали статус кооператоров. В 1987 г. был принят Закон «О госпредприятии», фактически переводивший промышленность на капиталистические рельсы. Интенсивные преобразования привели к разрушению советского правосознания, которое подтачивалось еще с конца «хрущевской эпохи». Это и привело к заполнению идейно-правового вакуума мифами о скором развитии капитализма в стране, с чем связывались надежды на лучшую жизнь у нескольких поколений. Поэтому распад СССР произошел не в 1992 г.; в сознании граждан он произошел как минимум на 7–10 лет раньше — вместе с разрушением советского правосознания.

* * *

Подводя итоги рассмотрению пути исторической эволюции и характерных черт и признаков советского правосознания, необходимо констатировать, что окончательно и бесповоротно в виде социалистического правосознания оно сформироваться так и не смогло. Наиглавнейших причин этому, по нашему мнению, несколько, в том числе:

- слабая связь марксистско-ленинских теорий с реальностью;
- силовой метод внедрения социально-политических новшеств;
- господство идеологических догм, утерявших свою правоту уже к началу 1950-х годов;
- стремительная бюрократизация и номенклатуризация СССР, отрыв руководства на всех уровнях от народных масс;
- отказ признавать объективные условия и процессы, что обусловило наличие двойной реальности — документальной и объективной.

Давая оценку дальнейших этапов развития отечественного правосознания, необходимо отметить, что последнее десятилетие XX века, охарактеризовалось мощнейшей политико-правовой, экономической и социокультурной турбулентностью, что привело к формированию целого общественного слоя, обладавшего активно противоправным правосознанием и соответству-

ющим поведением. По некоторым данным, в сопровождавшей его генезис и этапы развития «криминальной войне» погибло более 1,5 млн россиян.

Закрепившиеся в это время в правосознании граждан России правовой нигилизм, эгоизм, волюнтаризм будут долго еще выступать факторами, определяющими поведение огромного количества россиян. Сегодня делаются шаги по преодолению этих отрицательных явлений. Так, в 2011 г. утверждены «Основы государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан». Однако следует констатировать, что общество находится только в начале этого пути.

Глава 14. Единство истории России: непрерывность развития

Столетний юбилей Великой Русской революции представляется вполне весомым поводом для обобщения ее причин и итогов. Кажется очевидным, что споры о ее роли в российской и мировой истории, значении ее опыта для современной политики должны бы стать центральными в актуальном дискурсе России. Конечно, любые даты условны, нумерологические изыскания современная академическая наука категорически отклоняет. Но история России столь глубока и обильна событиями (не говоря уж о всемирной истории), что просто необходимы какие-то вехи, позволяющие, так или иначе, структурировать процесс исторической рефлексии. Потому были все основания ожидать каких-то особенных прорывов на пути осмысления опыта революции, да и всего пути, пройденного нашей страной за 100 лет.

Однако сегодня с сожалением приходится констатировать, что призыв президента Российской Федерации В. Путина «еще раз обратиться к причинам и самой природе революции в России»¹ так и не был в должной мере услышан. Конечно, внутри научного сообщества соответствующая работа велась и раньше, но в юбилейный год она весьма оживилась. Проходили научные конференции*, были опубликованы многочисленные статьи и коллективные монографии, и надо полагать, что эта работа не прошла даром.

Но, заметим, что, во-первых, обсуждение проходило внутри профессиональных сообществ, в очень малой степени транслируясь в публичный дискурс. Во-вторых, сами профессиональные сообщества в большинстве своем вели дискуссию внутри

1 Послание Президента Федеральному Собранию РФ от 1 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]: Президент России: [веб-сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 26.03.2018).

* Достаточно назвать хотя бы проходившие в Санкт-Петербурге «Ковалевские чтения» — один из наиболее представительных российских социологических форумов, тема которого в 2017 г. была сформулирована как «Глобальные социальные трансформации XX — начала XXI века. (К 100-летию Русской революции)».

себя: историки, социологи, политологи, социальные психологи, педагоги, искусствоведы — все сами по себе; подлинной междисциплинарной интеграции, остро необходимой при изучении столь масштабной проблематики, достичь так и не удалось. В-третьих, — и это главное — на уровне государства в сфере публичного дискурса было недостаточно уделено, с нашей точки зрения, внимания относительно всего того, что направлено на увековечивание памяти и глубокое осмысление революционных событий прошлого века. Так, например, из центральных телеканалов лишь один (ТВЦ) создал специальную программу «Красный проект», посвященную этой проблематике, включая и историю советского периода.

По нашему мнению, именно Февральская революция, а отнюдь не Октябрьские события 1917 г. была центральным, поворотным пунктом в российской истории. Но если об Октябре еще говорили, выходили публикации в СМИ, федеральные телеканалы выпустили ряд передач, было снято несколько художественных фильмов, крупнейшие музеи страны — Эрмитаж, Третьяковская галерея, Русский музей, Исторический музей, а вслед за ними и многие региональные (например, Владимиро-Суздальский музей-заповедник) — создали масштабные выставочные проекты по соответствующей тематике, то подобного общественного резонанса Февраль 1917 г. не получил. Правда, только 15 марта 2017 г.* в вечерних новостях показали краткие сюжеты об отречении Николая II.

Или другой пример. Возьмем наиболее значимые места в Санкт-Петербурге, связанные с Февральской революцией. Угол Каменноостровского проспекта и Малой Посадской улицы — место, где пролилась первая кровь революционных дней — никак не отмечено. Перекресток Невского проспекта и Садовой улицы, где произошла первая стычка демонстрантов с войсками (сегодня одно из самых оживленных мест города) — никакого памятника или мемориального знака. Волынские казармы в Виленском переулке, где началось солдатское восстание, в сущности и создавшее саму возможность революции, — полностью разрушены. На их месте выстроен элитный жилой

* 2018 г., 15 марта (2 марта по юлианскому календарю) — день отречения Николая II от престола.

комплекс «Парадный квартал», в котором, конечно же, нет даже маленького обелиска или какого-либо иного мемориального знака. В Таврическом дворце — главном центре февральских и мартовских событий — сейчас есть музей истории парламентаризма в России, но он доступен лишь для организованных групп по предварительной записи; на фасаде здания установлена мемориальная доска, но она лишь сообщает, что здесь в 1906—1917 гг. работала Государственная дума, про Февраль — ни слова. Наконец, Миллионная ул., 12 — место, где закончилась русская монархия. Несмотря на то, что само здание сохранилось в почти неизменном виде, там не создан музей и даже мемориальной доски не установлено. Единственное, что было сделано в юбилейный год — это покрашен фасад, но и то нельзя сказать с уверенностью, что это связано именно с юбилейной датой.

Чем вызвано такое почти демонстративное пренебрежение к событиям Февраля 1917 г. со стороны как медиа, так и научно-экспертного сообщества? Подобное замалчивание было понятно при советской власти. Большевики старались представить исключительно себя продолжателями русского антимонархического, демократического движения и победителями монархии («царизма»), а Февраль в эту концепцию отнюдь не вписывался. Но какая сила заставила молчать сегодня? Простого ответа на него, вероятнее всего, нет.

В целом, проблематика Великой Русской революции, как и всего Русского транзита (если использовать терминологию академика Ю. С. Пивоварова), настолько глубока и обширна и, на самом деле, столь мало проработана, что исследователям на этом пути предстоит еще очень многое сделать. В рамках данной главы мы постараемся лишь обозначить некоторые вопросы, являющиеся, по нашему мнению, ключевыми и требующими дальнейшего особо внимательного изучения. Попытаемся соотнести революционные события прошлого века с современной ситуацией, поскольку опыт Великой Русской революции, несомненно, весьма важен сегодня, в условиях глобальной нестабильности. К большому сожалению, социально-идеологический раскол, вызванный революцией 1917 г. и Гражданской войной 1918—1920 гг., до сих пор не изжит, почему и дискуссия о собы-

тиях того периода неизбежно переходит из академической в острополитическую плоскость.

* * *

Теоретической основой проводимого нами анализа может выступать условная двухчастная модель социального мира², восходящая к Г. Гегелю и А. Токвилю³. В этой модели существует две сферы — «*политическое сообщество*» (или политическая система), в которую помимо государства в узком смысле входят политические партии, группы давления и другие структуры, так или иначе связанные с завоеванием и осуществлением политической власти. Это — с одной стороны. С другой — «*неполитическое сообщество*» (или, по Ю. Хабермасу, жизненный мир), т.е. сфера частной жизни людей, преследующих свои личные (семейные) интересы. Две эти сферы существуют одновременно и параллельно в рамках одного целого — социума, но при этом их функционирование основано на различных принципах.

Политическая сфера, как это заметил еще Аристотель, ориентирована на общее благо⁴, которое не является простой суммой частных благ, но представляет собой особенный феномен, неочевидный, выявляемый в ходе трудного поиска.

Неполитическая сфера ориентирована на разнородные частные блага, трудно совместимые друг с другом и объединяющиеся в некое групповое благо только случайным образом и на краткое время. Нормативным и аксиологическим центром политической сферы является власть, причем власть публичная. Для неполитической сферы ключевым понятием является интерес.

Соответственно, сама логика бытия этих сфер глубоко различна. Политическая сфера устроена вертикальным образом, она функционирует в логике иерархии, дисциплины, подчинения. Разнообразные демократические новации, наподобие разделения властей, несколько смягчают тотальность и централизм, но отнюдь не устраняют логику господства-подчинения из по-

2 Подъячев К. В. Политическая наука и политическая власть: к вопросу о предмете современной политологии // Власть. 2012. № 2. С. 103–107.

3 Козн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь Мир, 2003. 784 с.

4 См.: Аристотель. Политика. Афинская полития. М.: Мысль, 1997. 458 с.

литических отношений, ибо где нет подчинения, там нет власти, а где нет власти, там нет политики. Неполитическая же сфера действует в логике взаимодействия, компромисса, договора. В ней нет места понятиям «главный» и «подчиненный», ибо любые роли в ней являются условными и временными. Как отмечал Э. Геллнер, в гражданском обществе «совершенно неясно, кто начальник»⁵.

Таким образом, логики бытия двух этих сфер принципиально различны, едва ли не противоположны. А подобное различие логик приводит к тому, что коммуникация между этими сферами становится крайне затруднительной.

А ведь речь здесь идет об идеальной модели, в которой не учитываются ни индивидуальные пороки составляющих политическую систему личностей (которые в реальности часто пользуются властью для достижения личных благ, а не системной цели общего блага), ни возможность подмены переговоров насилием. Из этого следует один вывод: трудности в коммуникации и взаимодействии политической и неполитической подсистем социальной системы являются не временными и исторически обусловленными, но сущностными и непреодолимыми.

Вместе с тем очевидно, что политическое и неполитическое суть две части одного целого, которые не в состоянии существовать одна без другой, и они вынуждены не только сосуществовать рядом, но и как-то коммуницировать. Ликвидировать государство не представляется возможным (все подобные попытки потерпели полный провал); более того, его значение в современном мире все возрастает. Политическая сфера призвана регулировать деятельность неполитической, она дает ей законы, суд, защиту от внешнего врага и от внутренних преступников. Неполитическая сфера «кормит» политическую. Старинная метафора о голове и туловище вполне адекватно отражает суть их общения.

Можно предложить и другую, новую метафору — с конем и жокеем. Но суть здесь одна — две части социума, основанные на принципиально различных логиках, неразрывно связаны и не могут существовать одна без другой. И это неизбеж-

5 Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: МШПИ, 2004. С. 216.

но порождает напряженность и парадоксальность в отношениях между ними. Но, как указывал в своей знаменитой статье 1956 г. Дж. Катлин, «средства управления имеют своим истоком обычные нужды людей»⁶, т.е. политическая власть необходима для нормального функционирования социума. Однако неполитическая сфера всегда сохраняет свою относительную автономию, поскольку стремления людей никогда не исчерпывались одними только политическими интересами.

* * *

Если применить описанный выше теоретический конструкт к анализу революционных событий 1917 г., особенно в соотношении их с событиями 1991 г. и современной ситуацией, можно получить некоторые обобщения, дающие надежду на формирование целостной картины произошедшего, и в частности — извлечение уроков, актуальных сегодня.

Опираясь на двухчастную модель социума, мы можем определить революционную ситуацию именно как распад связи между политическим и неполитическим и одновременно — разложение самого политического на отдельные фракции, уже не способные к адекватной коммуникации. Именно это можно было наблюдать в феврале 1917 г., когда политическая элита отвернулась от царя, народ — от элиты: все социальные группы жили в своем мире и уже с трудом понимали язык друг друга. Достаточно сопоставить официальные политические сообщения того времени, статьи в либеральной печати и подпольно тиражируемые листовки эсеров и большевиков, чтобы увидеть всю глубину даже чисто языковых различий.

Как частный, но весьма показательный пример, можно привести опыт Великого князя Константина Константиновича. Это был не только высокородный представитель династии, но и блестяще образованный, разносторонне одаренный человек. Достаточно сказать, что в 1889—1915 гг. он занимал должность Президента Императорской Академии наук (предшественницы РАН) и получил немалую известность как поэт (под псевдони-

6 Катлин Дж. Политическая теория: что это такое? // Политическая теория в XX веке / Под ред. А. Павлова. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008. С. 120.

мом К. Р.). Кроме того, он не отстранялся совсем от народной жизни, подобно другим аристократам проводя время за границей или вращаясь исключительно в великосветских кругах. Так, в 1901 г. он с семьей отдыхал в имении Прыски, недалеко от города Козельска и там довольно тесно общался с местными жителями, в том числе и крестьянами. И при этом внимательный анализ его дневников, хотя бы даже периода пребывания в Прысках, показывает абсолютное непонимание им ни ситуации в стране, ни настроений народа⁷.

В таких условиях в обществе возникает «эффект Вавилонского столпотворения»: люди произносят одни и те же слова, но вкладывают в них различный смысл, вследствие чего любые переговоры становятся невозможными.

* * *

В нашем анализе мы прибегнем и к работе П. А. Сорокина «Социология революции», которая, хотя и считается большинством исследователей неоднозначной и весьма спорной, содержит ряд важных выводов. Несомненным достоинством работы является то, что ее автор — живой свидетель событий революции и Гражданской войны, и одновременно — один из крупнейших социологов XX века. А тот богатейший исторический материал, который привлекает в своем анализе Сорокин, дает веское основание для теоретических обобщений. Сорокин был непримиримым противником большевиков и Ленина, в частности. Но в своих работах Сорокин и Ленин «... независимо друг от друга выделяют схожие факторы, приводящие к революциям»⁸.

Итак, в результате коммуникационного разрыва, о котором говорилось выше, власть утратила способность воспринимать поступающие от общества сигналы (равно как и общество — понимать логику власти). А данная способность является необходимым условием нормального функционирования системы управления, что отмечали политические мыслители разных эпох —

⁷ См.: Там же. С. 64—139.

⁸ Студеникина Е. С. Социология революции: П. А. Сорокин vs В. И. Ленин // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения) / Отв. ред. И. Е. Фадеева. Сыктывкар: СыктГУ, 2014. С. 129—134.

от легендарного индийского мудреца* до Д. Истона. Крушение государства стало закономерным итогом.

Пришедшие к власти в результате Февральской революции группы, будь то либералы во главе с кн. Г. Е. Львовым или же социалисты из Петросовета, были далеки от реальных нужд народа, пребывали в своем иллюзорном мире и оказались еще менее способны создать адекватную коммуникацию между двумя подсистемами социума, нежели прежнее правительство. Одни только большевики (и отчасти эсеры) смогли освоить язык масс и начать говорить с людьми о том, что тех действительно волновало (земля, мир). Потому абсолютно верно указание П. А. Сорокина на предрешенность Октябрьской революции, по сути, ставшей неизбежной после крушения монархии⁹.

* * *

Однако, на наш взгляд, П. Сорокин, вскрыв глубинные причины социальных потрясений, допустил серьезную ошибку, не уделив достаточного внимания духовной составляющей социальной жизни. В результате главной движущей силой революционных трансформаций у него выступают «безусловные рефлексy»¹⁰. А «условные рефлексy», к числу которых он относит и идентичность (этническую и религиозную), по его мнению, могут определить только лозунги движения, но никак не породить ее самое. Здесь он не расходится с марксизмом, везде видевшим только экономические причины. Такое понимание, очевидно, восходит к французским мыслителям Ф. Кенэ (1694—1774), П. Кабани (1757—1808) и др., трактовавшим природу человека сугубо механистически и сводившим мышление к побочному продукту естественных отправлений организма. Характеристику этого направления дал А. де Токвиль: «Уверовав, что они (*материалисты, физиократы — К. П.*) вполне дока-

* Артхашастра: I, 16, 19: «... Придя в зал собраний, пусть царь не заставляет дожидаться у дверей тех, кто имеет к нему дела. Ибо когда трудно видеть царя, то он своими приближенными приводится к тому, что смешивает то, что надо и чего не надо делать. Вследствие этого бывают возмущения подданных, и царь попадает во власть врага» (цит. по: Артхашастра или Наука политики. М., 1993).

⁹ Сорокин П. А. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2004. С. 388.

¹⁰ Там же. С. 382.

зали свое тождество с животными, они при этом обнаруживают столько гордыни, словно им удалось убедиться в собственной богоравности»¹¹. Но хочется думать, что эта характерная для «вольнодумцев» XVIII–XIX веков мода видеть во всем только материальные причины уже миновала.

История знает массу примеров, когда трудности и испытания только укрепляли и сплачивали общество. Также известно множество социальных потрясений, которые вовсе не приводили к крушению государства и распаду общества. Поэтому представляется, что перечисленные Сорокиным причины действительно способствуют формированию ситуации, когда коммуникация между политическим и «неполитическим» становится крайне затруднительной, а всплеск неконтролируемого насилия — весьма вероятным. Но детонатором революционного взрыва могут выступить только нематериальные факторы.

* * *

Очень важным кажется нам фактор «антисистемы» — организованной социальной группы, намеренно провоцирующей революцию и преследующей цель не просто смены политической власти, но разрушения всей социальной системы. К сожалению, в своем анализе П. Сорокин прошел мимо этого.

Между тем антисистемы проявляли себя на протяжении всей человеческой истории. Из того, что нам известно, можно назвать гностические и манихейские секты античности, маздакитов в средневековом Иране¹², исмаилитов и карматов в мусульманском мире¹³, павликиан в Византии, катаров, патаренов, николаитов и др. в средневековой Европы. В средневековой России антисистемы были представлены различными еретическими сектами: «жидовствующими», стригольниками, капитоновцами и пр. Существует мнение, что и прославившиеся своей жестокостью опричники Ивана Грозного были связаны с антисистемным сектантством¹⁴.

11 Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: «Весь Мир», 2000. С. 399.

12 Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: «Аст-Москва», 2008. С. 98.

13 См.: Бертельс А. Е. Насир-и Хосров и исмаилизм. М., 1959. 289 с.

14 Гумилев Л. Н. От Руси до России. М.: «АСТ-Москва», 2008. С. 187–189.

Причин возникновения антисистем немало; они могут быть связаны с этническими, религиозными и рядом других факторов. Несомненно, «ущемления базовых инстинктов», о которых пишет Сорокин, способствуют росту популярности антисистемы, создают для нее благоприятную среду, но само ее формирование связано опять же с факторами нематериального характера. Представляется, что основой ее является «обратная система мироощущения»¹⁵, воспринимающая само бытие как безусловное зло. Корни такого миропонимания лежат глубоко в человеческой природе и требуют отдельного исследования. Хотя, вряд ли они вообще поддаются анализу. Как указывал видный современный православный богослов и миссионер, протоиерей А. Мень, «единственное, что лежит по ту сторону любого объяснения, — это сам порыв богопротивления, он иррационален по своей природе. Нет таких слов и понятий, которые могли бы осветить эту темную бездну»¹⁶.

Но, возможно, где бессильна наука, свое слово способно сказать искусство. Великий писатель и, по общему мнению, один из самых глубоких и тонких психологов в мировой литературе Ф. М. Достоевский так описал этот феномен: «Есть и во аде пребывавшие гордыми и свирепыми, несмотря уже на знание бесспорное и на созерцание правды неотразимой... Для тех ад уже добровольный и ненасытимый. Ибо сами проклинали себя, прокляв Бога и жизнь. Злобною гордостью своей питаются, как если бы голодный в пустыне кровь собственную свою сосать из своего же тела начал... требуют, чтобы не было Бога жизни, чтобы уничтожил себя Бог и все создание свое. И будут гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небытия»¹⁷.

Однако если анализу и не поддаются истоки антисистемного мироощущения, то вполне возможно изучать социальные формы и действия, через которые оно выражается. Тем не менее феномен антисистемы исследован крайне слабо. И даже имеющиеся работы посвящены преимущественно событиям далекого прошлого. Французский историк и мыслитель О. Кошен попытался показать антисистемный характер философских об-

¹⁵ Там же. С. 206.

¹⁶ Мень А. В. Истоки религии. М.: Фонд Менья, 2006. С. 125.

¹⁷ Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 10-и томах. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 9. С. 405.

ществ и масонских лож XVIII столетия, сыгравших существенную роль в свержении дома Бурбонов 1789–1792 гг. и установлении якобинской диктатуры¹⁸.

Что касается значения антисистемы для революционных событий прошлого века в России, то почти все существующие исследования по данной проблеме большей частью уходят в конспирологию, или даже в беллетристику в стиле Д. Брауна. Попытки подлинно научного исследования данного феномена единичны¹⁹. Тем не менее представляется крайне важным отметить роль антисистемы в русской революции. И это отнюдь не только большевики, эсеры или анархисты²⁰. Скорее в этом качестве правомерно рассматривать все революционное движение (начиная с декабристов и П. Чадаева), в основном настроенное не только против монархии, но и против православной веры и всей русской традиции.

* * *

Хотя крушение Российской империи было связано с очень сложной комбинацией факторов, решающими, на наш взгляд, стали кризис православия и подъем национализма, порожденный национальной политикой императора Александра III.

Кризис православия восходил, конечно, к церковному расколу XVII в., но его усугубили реформы Петра Великого (упразднение Патриаршества) и Екатерины II (ликвидация церковного землевладения), ослабившие Церковь и поставившие ее в полную зависимость от светской власти и богатых людей. Хотя в православной церкви и в этот период появлялись поистине великие подвижники: миссионер и духовный писатель свт. Тихон Задонский (1724–1783), восстановитель традиции монашеской аскезы и духовного наставничества преп. Феодор Санаксарский (1718–1791). Но в целом церковная жизнь приходила в упадок. Синодальная бюрократия и утвердившийся в церковной среде формализм привели к тому, что почти вся свободная мысль была вытеснена из Православной церкви в раскол, прежде

18 См.: Кошен О. Малый народ и революция. М.: «Айрис-пресс», 2004. 296 с.

19 См., например: Немировский В. Г. Тайные общества и заговорщики: куда они ведут Россию? СПб.: Питер, 2007. 240 с.

20 Там же. С. 207.

всего в беспоповщину. А образованное дворянство все больше увлекалось учением французских просветителей, параллельно с естественно-научными знаниями усваивая и разрушительное антисистемное мировоззрение.

Когда же после 1812 г. у образованного общества вновь обозначился интерес к религии, церковной жизни, Церковь с трудом могла ответить на появившийся запрос. Хотя весь XIX век шло бурное развитие русского православия — своего рода православное возрождение. Началось возрождение монашеской жизни, под влиянием контактов с Афоном (в принципе не прерывавшихся с XIV века, но резко интенсифицировавшихся после русско-турецкой войны 1768—1774 гг.) возобновилась и получила широкое распространение практика старчества. Тогда же появляется и целая плеяда блестящих церковных мыслителей, миссионеров и подвижников, многие из которых причислены к лику святых. Среди них можно особенно отметить святителей Филарета и Иннокентия Московских, Игнатия Кавказского, Феофана Вышенского; преподобных Серафима Саровского, Александру Дивеевскую, Моисея, Льва и Амвросия Оптинских, Варнаву Гефсиманского; праведного Иоанна Кронштадтского. В этом отношении взлет русской святости того времени сравним разве только с эпохой преп. Сергия Радонежского.

Но в целом православный ренессанс происходил как бы параллельно с общим развитием русской культуры, переживавшей тогда свой золотой век. Хотя, например, А. С. Пушкин после увлечений вольтерьянскими идеями обратился к православной традиции. И некоторые светские мыслители также стали обращаться к духовному опыту русского православия (А. С. Хомяков, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев). Однако разрыв между Церковью и светской культурой только увеличивался. Идеи А. М. Бухарева (в монашестве архим. Феодор, 1822—1871) не нашли должного понимания, и намечавшийся диалог Церкви с обществом так и не состоялся в полной мере. Проблему усугубило то, что церковный язык не модернизировался, он оставался глубоко архаичным, и этим языком просто невозможно было изложить понятия новой эпохи²¹. (Налицо тот же самый ком-

21 *Мень А. В.* Два пути понимания христианства // Быть христианином. М., 2007. С. 65.

муникационный раскол). Даже верующие люди в большинстве своем стали воспринимать православие как нечто, не относящееся к земной жизни, обращенное всецело к потустороннему, и это порождало тяжелый нравственный раскол, своего рода двоемыслие. Другие же просто уходили от православия и обращались либо к католицизму (П. Я. Чаадаев), либо к сектантскому мистицизму. А познакомившись с творчеством Фейербаха и Бюхнера (позднее — Маркса), образованные люди в массе своей стали отвращаться от религии вообще, всецело обращаясь к материализму и социальному утопизму.

В результате к XX веку разделение между Церковью и образованным обществом стало критическим, и весь пыл молодых людей, жаждавших обновления, оказался направлен на разрушительную деятельность. Сегодня кажется невероятным, но интеллектуалы начала прошлого века (которых принято воспринимать как гуманистов, пацифистов, почитателей Л. Толстого), в массе своей одобряли терроризм, практикуемый революционерами. Убийство воспринималось ими как нечто не просто нормальное, но должное, если это убийство «сатрапа и угнетателя». А ведь это есть не что иное как дегуманизация своего политического противника. Многим ли оно отличается от дегуманизации представителей иных этносов? Вот он — зримый итог двухсотлетнего отпадения от православия, христианства вообще. И стоит ли удивляться воспоследовавшим ужасам Гражданской войны и сталинских репрессий («ежовщины»)?

* * *

Что касается императора Александра III, то ключевая ошибка его политики заключалась в том, что революционному движению, убившему его отца, он попытался противопоставить заимствованный в Германии национализм, не обратив внимания на существенную разницу между двумя странами. Германия была моноэтничной страной, разделенной политически, а Россия — ровно наоборот. Бисмарку нужно было убедить пруссаков, баварцев и вестфальцев, что все они — *Deutsche Volke*. Россия же собирала вокруг престола разные этносы, цивилизации и расы, а трон здесь никогда не мыслился этническим символом. Для православных Русский царь был, прежде всего, Богом

данным Государем православного мира; для приверженцев иных конфессий — Белым Царем, которому они присягнули. Недаром не удалось найти данных о попытках высчитать долю «русской крови» в династии Романовых до времени Александра III.

Национализм породил своеобразную «иерархию этносов» внутри одного государства. А как показал, например, опыт Австрии, такая конструкция не может существовать долго. Процесс обособления этносов, живущих в империи, «нациестроительства» был запущен уже тогда, а после Февраля он лишь интенсифицировался. Советскому правительству ничего не оставалось, кроме как этот процесс оседлать, дабы использовать против Колчака и Деникина, выступавших за «единую и неделимую Россию». В дальнейшем же отступать было поздно, и воссоздать единое государство удалось только в виде объединения де-юре самостоятельных этнических республик. А в таком виде оно могло существовать лишь до тех пор, пока сохранялась жесткая власть, располагающая сильным аппаратом подавления.

* * *

Таким образом, можно видеть, что крушение монархии, а вслед за ней и государства было закономерным итогом цепи событий, которую, на наш взгляд, вполне правомерно исчислять с 1881 г., когда у России был шанс встать на путь эволюционного развития. Конечно, история сослагательного наклонения не терпит, но автор убежден: проживи Александр II еще 8–10 лет, история страны пошла бы по иному пути, на котором революции не осталось бы места.

Октябрьская же революция стала закономерным продолжением Февральской, на что указал уже П. А. Сорокин²². Советский Союз, как показано выше, изначально содержал в себе угрозу распада, т.к. основывался на принципе этнизма. Удерживать его удавалось только сочетанием «кнута и пряника», т.е. жестких мер и субсидий союзным республикам. Это породило невероятную для подлинных империй ситуацию, когда центр содержал этнические окраины за счет государствообразующего этноса. Так, например, «в 1990 г. в РСФСР производилось товаров и услуг на 17 500 долларов на душу населения, а потреб-

²² Сорокин П. А. Социология революции... С. 388.

лялось на 11 800 долларов. А в Грузии производилось на 10 600 долларов, а потреблялось на 41 900 долларов... в то время как каждый житель России отдавал другим республикам... 5 700 долларов, каждый житель Грузии получал от других республик-доноров, прежде всего от России, 31 300 долларов»²³.

На это наложилась еще и идеологическая ловушка. Она заключалась в том, что ленинизм был разрушителен как в силу слабостей жестко централизованной экономики, так и потому, что более или менее интенсивно уничтожал духовную основу России — православие. Однако отказаться от ленинизма и мифа «Великого Октября» партия не могла, ибо тогда она потеряла бы легитимность как единственная властвующая сила. В конечном счете, когда марксизм-ленинизм совершенно потерял авторитет, а репрессивная власть ослабла, ничто уже не могло удерживать республики вместе, невзирая ни на какие референдумы. Союз нельзя было сохранить, но только пересобрать. Однако на тот момент никакого нового принципа, на котором можно было бы построить такое объединение, не обнаружилось. Таким образом, можно констатировать, что распад СССР был запрограммирован изначально, при его создании.

Если мыслить так, то представляется, что и 1991 г. был продолжением 1917 г. Следовательно, будет справедливо, вслед за академиком Ю. С. Пивоваровым, говорить о едином Русском транзите, начавшемся в 1881 г. и не завершенном до сего дня²⁴. Думается, вполне обосновано мнение о том, что храм Спас-на-Крови в Санкт-Петербурге действительно обозначает ключевую точку российской истории как в пространственном, так и в временном отношении.

* * *

Вышесказанное, на наш взгляд, подтверждает, что Русский транзит еще не завершен, хотя, возможно, мы находимся на его финальной стадии. Та «бомба», которая была заложена при ос-

²³Холмогоров Е. Все держатся на остатках советской благотворительности [Электронный ресурс]: Взгляд. Деловая газета. Выпуск 19.08.15. URL: <http://www.vz.ru/columns/2015/8/19/761827.html> (дата обращения: 10.03.17).

²⁴Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. М.: РОССПЭН, 2006. С. 9.

новании СССР, теперь не так опасна. В значительной степени порожденные большевиками (а точнее, Александром III) проблемы нациестроительства стали для России внешними. Хотя угроза национального сепаратизма внутри Российской Федерации сохраняется, пока он не является главной угрозой (поскольку в большей части национальных республик «титulyные» этносы не составляют большинства).

Гораздо более опасны факторы отчуждения между населением и властью, сбой в системе обратной связи, ведущие опять-таки к коммуникационному разрыву. Причем этот коммуникационный разрыв наблюдается не только в отношении чиновников. Пожалуй, даже в большей степени эффект «Вавилонского столпотворения» наблюдается в медиа-пространстве и внутри социально-гуманитарного научного сообщества. Обсуждаемые в СМИ проблемы, как правило, имеют лишь малое отношение к реальным процессам, протекающим в стране²⁵. А социально-гуманитарный дискурс, вращающийся вокруг проблем институциональной логики, делиберации, гендера и т.п., в определенной степени оторван от жизни и не всегда объективно отражает действительность.

Никуда не исчез и фактор антисистемы, только теперь ее представляют не нигилисты, а так называемые «либералы». Хотя надо отметить, что этот термин является абсолютно искусственным и бессодержательным. Почему-то российские СМИ, особенно после 2011 г., упорно применяют его к представителям так называемой «болотной» или «несистемной» оппозиции и сочувствующим им интеллектуалам. Последние, судя по их же собственным публичным заявлениям, являются кем угодно, только не либералами в строго научном понимании этого слова. Но они, несмотря на маргинальное положение в политике, контролируют почти 100% шоу-бизнеса, значительную часть медиа-пространства (включая телевидение), науки, культуры и образования. Таким образом, они имеют массу возможностей для влияния на умы граждан, особенно молодежи.

И помимо того, сегодня Россию затронуло всемирное духовно-идеологическое оскудение, которое проявляется в отсут-

25 Аксенова О. В. Затерянный город: медийный конструкт и реальность // Вестник Института социологии. 2013. № 7. С. 62–74.

ствии как конкретных политических программ, так и общего образа будущего*. Так, последние прошедшие в нашей стране президентские выборы в очередной раз показали «выдающиеся» способности кандидатов в области критики и слабость в выработке какой бы то ни было позитивной программы. Однако это только лишь верхушка айсберга.

Подлинная проблема состоит в следующем: в отечественной социологии и других социальных науках, равно как и в публичном политическом дискурсе, с 1988 г. нет согласия относительно определяющих, базовых ценностей. Господствуют две позиции: условно либеральная²⁶ и условно консервативная (или «патриотическая»). Условно — потому что с классическими либерализмом и консерватизмом, генетически связанными с философией европейского Просвещения, они имеют мало общего. Поскольку «патриотическая» идеология существует в основном в двух изводах — советском и имперско-православном, то наш подход вполне соответствует и распространенному в литературе выделению трех господствующих идейных концептов²⁷, или «мифологических моделей»²⁸. Теоретически противостояние этих двух мировоззренческих концептов можно возвести еще к «западникам» и «славянофилам», к Радищеву и князю Щербатову²⁹, а, возможно, и к еще более ранней духовно-идеологической полемике, уходящей корнями в XIV век**.

При этом оба концепта имеют очень серьезные недостатки, подрывающие их логическую стройность и обоснованность. Либеральный концепт со всеми его ответвлениями всегда опирался на западное (французское, германское, североамериканское) теоретическое наследие, и современные его приверженцы рассмат-

* Здесь мы находим в современной ситуации подлинно библейские смыслы (Амос 8:11–14).

26 Ясин Е. Г. Приживется ли демократия в России? М., 2005. С. 268–270.

27 См.: Карлова О. А. *Mipnos sapiens* — миф разумный. М.: «Академия поэзии», 2001. 205 с.

28 Немировский В. Г. Указ. соч. С. 198.

29 Герцен А. И. Сочинения. В 30-и томах. М., 1958. Т. 13. С. 272–273; Заичкин И. А., Почкаев И. Н. Русская история: от Екатерины Великой до Александра II. М.: «Мысль», 1994. С. 133.

** 1335–1351 гг. — споры в Византии приверженцев св. Григория Паламы и Варлаама Калабрийского, распространившиеся потом и в России.

риваются (как своими противниками, так и самими собой) как продолжатели «западников» XIX века и кадетов 1905–1917 гг. Но проблема для них заключается в том, что классические «западники», начиная с Чаадаева, ориентировались и на «классическую» Европу. А вызывавшая у них восхищение Европа Моцарта, Рембрандта и Диккенса сегодня уже не существует.

С 1968 г. эта Европа сохранилась лишь фрагментарно (в музеях, филармониях, балетных школах и мероприятиях типа Венского бала), а доминирует Европа Джаггера (если не Евронимуса*), Херста и Уэльбека, которая, строго говоря, не может вызывать у воспитанного на классической культуре человека ничего кроме отвращения. Например, распространившаяся в ряде европейских стран практика отъема детей у вполне здоровых, не совершивших никаких преступлений родителей, да еще с дальнейшей передачей этих детей однополым парам, с точки зрения не только христианства, но любой из религий мира выглядит диким изуверством, наподобие каннибализма или культа Ваала. В таких условиях идеологическая ориентация на Запад весьма затруднительна, а обращаться как к идеалу к мертвому прошлому, к тому же когда это чужое прошлое, мягко говоря, странно.

С этим же связана и другая, более глубокая проблема, ощущаемая и в самой Европе. Дело в том, что ключевое понятие либеральной идеологии — права человека как высшая ценность³⁰ — основано на представлении о бесконечной ценности каждой конкретной человеческой личности. А это представление не имеет опоры ни в чем, помимо христианства. Нигде — ни в природе, ни в культуре (дохристианской), ни в области чистого рационализма — мы не сможем найти ни единого довода в его пользу.

В самом деле, нигде в природе мы не увидим ценности индивида. У всех социальных животных субъектностью обладает стая, род, популяция, но никак не индивид. У наиболее организованных социальных видов — муравьев, пчел, термитов — даже

*Настоящее имя Эйстейн Ошет, норвежский рок-музыкант, лидер группы «Майгем». Был приверженцем сатанистского культа, есть сведения, что он практиковал каннибализм. Убит в 1994 г. другим музыкантом-сатанистом Грышнаком (наст. им. Варг Викернес).

³⁰ См., например: Ст. 2 Конституции РФ.

физиология подчинена социальной функции. Равно и у людей: в первобытных обществах, вообще во всех дохристианских религиях человек рассматривался как составной элемент рода, племени, государства. Даже в Ветхом Завете говорится большей частью об израильском народе как целом — это народ отпадает от Бога, претерпевает страдания, приносит покаяние и т.д. Только в христианстве, только в Евангелии мы видим признание исключительного достоинства каждого, отдельно взятого человека вне зависимости как от этнической принадлежности, так и от социального статуса. И данное утверждение никак не связано собственно с религиозными убеждениями автора, оно есть логически доказуемый факт.

Абсолютно верно, что «именно в рамках христианской системы ценностей было сформировано представление о высоком достоинстве человека, об условиях его реализации... Христианские идеи свободы и нравственности в своей взаимосвязи создают уникальный фон европейского сознания...»³¹. Современный неолиберальный Запад (прежде всего, конечно, Западная Европа) отбросил христианство, а в последнее время вообще проводит откровенно антихристианскую политику, последовательно уничтожая как христианскую мораль (пропаганда однополых союзов, изъятие детей), так и христианское символическое пространство (замена Рождества Зимним праздником и т.п.)³². Кроме того, технологическое развитие западного мира приводит к тому, что все меньше места остается для человека как такового, поле возможностей быть в полном смысле слова человеком неуклонно сжимается³³. Таким образом, либерально-правозащитная риторика повисает в воздухе, не имея более опоры ни в доктрине, ни в наблюдаемой реальности.

Наконец, серьезные проблемы возникают и с социально-экономическим базисом современной либеральной доктрины.

31 Патриарх Кирилл. Слово к юбилею ак. Г. В. Осипова // Ак. Г. В. Осипов — патриарх социологии / отв. ред. В. С. Степин, А. Л. Макаров. М.: «Наука», 2009. С. 33.

32 См.: Руткевич Е. Д. Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы западной социологии // Вестник Института социологии. 2017. № 20. С. 131–161. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.20.1.447>

33 Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: ИС РАН, 2016. С. 50.

Один из самых глубоких, вдумчивых исследователей современного общества Эрнест Геллнер указывал, что так называемый «авторитаризм» есть естественное, абсолютно обоснованное состояние человечества. По его заключению, «в любой социальной системе существуют альтернативы как самой ее организации, так и распределению в ней ролей. Для значительной части населения именно альтернативы являются предпочтительными... Они будут стремиться реализовать эти альтернативы, если только им не помешает страх», а «условия, которые заставляют людей принимать социальный порядок добровольно, без страха, ...весьма специфичны. Они возникают не часто и не легко. Только в обстановке постоянного роста благосостояния, когда социальная жизнь превращается в игру на выигрыш...»³⁴. Но сегодня на наших глазах происходит тотальная трансформация мировой экономики, при которой бывшее благосостояние западного мира, по крайней мере, перестает расти (а, быть может, начинает снижаться?)³⁵. В результате как духовно-идеологическая, так и экономическая основы либеральной доктрины и опирающихся на нее концептов «гражданского общества», «демократии», «прав человека» и т.п., распадаются. Это делает существующий неолиберальный концепт чрезвычайно хрупким, морально слабым.

Однако и противостоящая ему консервативная доктрина также испытывает серьезные трудности; не предлагается никакой позитивной программы. То, что можно назвать «российским консерватизмом» в любых его изводах рассказывает о том, как хорошо было вчера: в СССР, а также при Александре III, в допетровские времена или «во граде Китеже». Но никаких серьезных (теоретически и эмпирически обоснованных) предложений о том, какого «завтра» следует достичь и что именно для этого делать сегодня, из этого идеологического лагеря не поступает. А любое социальное, политическое действие, как известно, нуждается в позитивном обосновании, имеющем определенно футурологическую направленность. Как сказал поэт:

34 Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: МШПИ, 2004. С. 42.

35 См.: Кинг С. Д. Когда заканчиваются деньги: конец западного изобилия. М.: Изд. дом Института Гайдара, 2016. 360 с.

*Есть поговорка русская. Она
 Была мне в детстве как завет дана,
 Ее отец мой повторял в тиши:
 Снял урожай — и вновь поля вспаши.
 Я, по отцовским проходя следам,
 Ту поговорку сыну передам.
 Сын выйдет в поле, скажет в свой черед:
 Былое помни, но гляди вперед!*

(Н. Рыленков)³⁶

Таким образом, кроме уже устаревших заклинаний о «демократизации», «модернизации» и «встраивании в цивилизованный мир», «либеральная» мысль предложить нам ничего более не в состоянии. Но и мысль «патриотическая» может предложить лишь возвращение в СССР, или же расплывчатую доктрину «православной державы», которая в прикладном аспекте означает внедрение принудительного аскетизма, более соответствующего Спарте, нежели христианству. Во всем этом позитивной программы не просматривается.

* * *

Тем не менее стоящие перед нами вызовы вовсе не фатальны. Население значительно более образованно, чем сто лет назад, и потому «общество» уже не ограничивается только столичными жителями и малочисленными группами в губернских городах. Как показали исследования*, политическая апатия на местах сегодня вызвана вовсе не равнодушием к жизни страны и патерналистских ожиданий у населения. Главная причина — упорное неприятие гражданами любой революционной (т.е. направленной на разрушение) программы.

36 Данное стихотворение написано в 1955 г. См.: Рыленков Н. И. Стихотворения (1924—1969). М.: Советская Россия, 1988. С. 168.

* Речь идет о проектах РФФИ «Региональное и местное управление: обратная связь власти и общества» (ИКРБС ЕГИСУ 316021750028) и РГНФ «Роль структур гражданского общества в социальных процессах современной России» (ИКРБС ЕГИСУ 316021750027). Охвачено 22 субъекта РФ, основным методом сбора данных были глубинные интервью и фокус-группы.

Локальные акторы — руководители муниципальных образований, директора школ, домов культуры, гражданские активисты, т.е. все те, кто формирует социальную атмосферу локальных сообществ, — однозначно настроены против любых попыток организации в России каких-либо политических преобразований насильственным путем. Более того, если совсем недавно, например, атеист А. Турэна понимался как своего рода революционер, для которого важно «поставить под сомнение все формы социальной организации»³⁷, то российский локальный актор, обладая всеми качествами турэновского действующего субъекта, по своим ценностным ориентациям является скорее интегратором, в понимании Парсонса. Именно в такой социокультурной специфике российских локальностей нам видится залог надежды, что через нынешние потрясения, затрагивающие уже весь мир, наша страна сможет пройти путем не революционным, но эволюционным.

И это вызов не только, и даже не столько властям, сколько интеллектуальному классу, религиозному и социально-гуманитарному сообществам. Хотя сегодня наша страна, как и все человечество, сталкивается с массой вызовов — экономических, экологических, социальных, — все же представляется, что вызов духовно-мировоззренческий является наиболее принципиальным. Если исключить сценарий фатальный (глобальная война с применением ядерного оружия), то шансы на успешное преодоление трудностей сохраняются. Но для этого, безусловно, необходимо определить стратегическое направление развития. Это задача прежде всего тех, кто призван обеспечивать рефлексию общества. Чтобы успешно решить ее, нужно отказаться от «кафедральной замкнутости»³⁸, отбросить догматизм и самым внимательным образом проанализировать историю развития страны, помня при этом о единстве исторического процесса.

37 Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: «Научный мир», 1998. С. 199.

38 Дарендорф Р. Куда держат путь социальные науки // После 1989. Размышления о революции в Европе. М., 1992. С. 115.

Глава 15. Концепт «революция» в условиях новой социальной реальности

Становление новой социальной реальности, связанной в том числе и с очередным этапом научно-технологической революции, приведет, несомненно, к необходимости смены многих научных парадигм и теорий либо их пересмотру. Это связано с тем, что в условиях меняющегося мира, переживающего период турбулентности в своем развитии, изменяются смыслы многих классических и устоявшихся понятий, категорий, концептов. При этом, как отмечает О. М. Михайленок, «изменения социальной реальности происходят в опережающем темпе по сравнению с инновационными, прорывными идеями философской и социально-теоретической мысли. Мировое научное сообщество, опирающееся на традиционные подходы и методы исследования, далеко от реализации адекватного интеллектуального осмысления сложных и динамичных процессов трансформации современного общества»¹. К ним относится и феномен революции, используемый в наши дни «и как научный (и / или философский) концепт, и как политико-публицистическая метафора, и одновременно как элемент повседневного дискурса»².

Последние два столетия мировой истории по праву можно назвать эпохой революций. Поэтому не случайно в фокусе исследований специалистов в области истории, философии, социологии, политологии и ряда других общественных наук оказывается феномен революции, позволяющий по-иному взглянуть на социум и механизмы его функционирования.

В XX — начале XXI века в мировой социально-политической мысли происходит теоретическое осмысление концепта революции. Об этом свидетельствуют ставшие классическими

1 Михайленок О. М. Риски, угрозы и конфликты в условиях новой социальной реальности // Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Проблема устойчивости общественного развития в условиях трансформации мирового порядка». Материалы. Москва, 12–14 мая 2016 г. М.: Институт «Справедливый мир», РАПН. 2016. С. 97.

2 Бляхер Л., Павлов А. Концепт «революция»: mobile is in mobile // Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе / под ред. Л. Е. Бляхера, Б. В. Межуева, А. В. Павлова. СПб.: «Алетейя», 2008. С. 7.

работы Тэды Скочпол «Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая», Чарльза Тилли «От мобилизации к революции», Ханны Арендт «О революции», Герберта Маркузе «Революция в ценностях», а также работы Джона Дана, Ноэль Паркер, Джоржа Монбиота, Эрика Селбина, Эрнеста Юнгера, Сидни Хука и многих других исследователей этого феномена.

Приведем несколько ставших хрестоматийными трактовок концепта революции, предложенных ведущими учеными в этой области.

Признанный авторитет в исследовании революций и автор теории структурного подхода Т. Скочпол рассматривает социальные революции как «быстрые, фундаментальные трансформации государственных и классовых структур общества; они сопровождаются и отчасти осуществляются низовыми восстаниями на классовой основе»³. С точки зрения формационного и цивилизационного подхода к изучению исторического процесса социальные революции кардинально преобразовали страны мира, например, революции XVII–XIX веков в Европе.

Анализ социальных процессов и явлений в современном социально-гуманитарном знании становится все более востребованным в сложных условиях нелинейности и неопределенности социально-политической динамики. Одно из классических определений революции предлагает в работе «Политический порядок в меняющихся обществах» С. Хантингтон: «Революция — это быстрая, фундаментальная и насильственная, произведенная внутренними силами общества смена господствующих ценностей и мифов этого общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, правительственной деятельности и политики»⁴.

Э. Гидденс, со своей стороны, характеризует революцию как «захват государственной власти путем насилия, совершаемый

3 Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая / пер. с англ. С. Моисеев. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 25.

4 Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 270.

лидерами массового движения, полученная при этом власть используется в дальнейшем в целях инициации радикальных социальных реформ»⁵.

Несмотря на различия в подходах к дефиниции революции, ученые в разных областях социально-гуманитарного знания обращают внимание на основную характеристику революции, которая является одной из форм общественного развития и кардинально, качественно изменяет все стороны и сферы общественной жизни. Сам термин «революция» появляется еще в XIV веке. В «Новой философской энциклопедии» представлена следующая его трактовка: «Революция — резкий всплеск, бурные возмущения движения, интервал взрывообразной активности какого-либо явления, в процессе и результате которого оно изменяет свои качественные, сущностные, ценностные определенности»⁶.

Нельзя не упомянуть и о том, что концепт «революция» широко используется не только в социальной и политической сферах, но в самых разных областях. Известны: неолитическая революция (первая в истории человечества — переход от присваивающего типа хозяйства к производящему), промышленная революция XVII—XVIII веков, научно-техническая революция (начавшаяся во второй половине XIX века и продолжающаяся до настоящего времени).

Например, революция в сфере коммуникаций изменяет формат социально-политических отношений на основе использования новых технологий. А. В. Назарчук полагает, что «революция в средствах коммуникации взорвала привычную жизнь, которую человечество вело тысячелетиями, и мы все еще находимся в зоне поражения, сами того, не сознавая»⁷. Таким образом, рассматриваемый феномен революции многогранен и используется для характеристики значимых изменений в самых разных сферах жизнедеятельности общества.

5 Гидденс Э. Социология. [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер — гуманитарные науки. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/gidd/19.php (дата обращения: 05.12.17).

6 Перевалов В. П. Революция // Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 429.

7 Назарчук А. В. Теория коммуникаций в современной философии. М.: «Прогресс-Традиция», 2009. С. 313.

В политических науках изучаются революции социальные и политические, изменяющие, прежде всего, социальную структуру общества, а также политические системы и режимы.

Для политологической оценки концепта «революция» в контексте современности представляет особый интерес статья Дж. М. Пейджа, в которой автор на основе анализа массива литературы по этой тематике высказывает идею о том, что время революций прошло и само понятие устарело⁸. В связи с этим уместно напомнить высказывание Ф. Фукуямы, что «общества не являются заложниками своего исторического прошлого»⁹.

Революции XX века остались в прошлом, но им на смену в начале нового тысячелетия приходят иные формы общественного развития, связанные, прежде всего, с прогрессом в сфере информационно-коммуникационных технологий. Вероятно, уже сейчас можно говорить о модификации революций в XXI веке, имея в виду новые технологии, изменяющие их формы, коммуникационную и коммуникативную составляющие.

Пожалуй, наиболее взвешенный подход к феномену революций предложил В. А. Садовничий, который в одном из интервью в юбилейном 2017 г., отвечая на вопрос о возможности новой революции в России, сказал: «Еще свежа память, и я думаю, что хватит общего коллективного разума понять это: нам надо двигаться вперед... главная революция — это научно-технологическая, вот в ней надо участвовать»¹⁰.

Усиление внимания к проблематике революций в целом и оценке революции 1917 г. в России, в частности, свидетельствует о наличии общественного запроса на исследование теоретических и практических аспектов эпохальных событий отечественной истории, а также о научном поиске новых подходов к их оценкам и трактовкам. В этой связи уместно вспом-

⁸ Пейдж Дж. М. Обнаруживая революционность в революции: понятия социальной науки и будущее революций // Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе / под ред. Л. Е. Бляхера, Б. В. Межуева, А. В. Павлова. СПб.: Алетейя, 2008. С. 149.

⁹ Фукуяма Ф. Государственный порядок / пер. с англ. В. Л. Гончарова. М.: Издательство АСТ, 2015. С. 595.

¹⁰ В. Садовничий не допускает вероятности новой революции в России [Электронный ресурс] // РИА Новости. Россия сегодня. 29.03.17. URL: <https://ria.ru/society/20170329/1491022059.html> (дата обращения: 05.12.17).

нить важную идею М. Гелфтера о «неостановленной Революции»¹¹.

Дискурс о революции 1917 г. в ее столетний юбилей был представлен разнообразием подходов, мнений и точек зрения, которые звучали в многочисленных научных и общественных обсуждениях. Хотелось бы отметить, что, несмотря на огромное число исследований и публикаций, концепт революции является дискуссионным в обществе; в научном дискурсе по рассматриваемой проблематике даже среди специалистов нет единого мнения. Например, заведующий кафедрой истории России XX–XXI веков исторического факультета МГУ С. Девятков полагает: «...До сих пор в научном сообществе нет полного представления, установившейся единой концепции того, что произошло в 1917 г.»¹².

Отсюда следует, что в современном российском обществе существует понимание необходимости теоретического осмысления концепта революции. «Надо постараться отойти от политической заостренности этого события и попытаться дать более взвешенную, спокойную, научно-обоснованную и фундаментальную оценку этого явления»¹³, — считает декан исторического факультета МГУ И. Тучков.

Публичное обсуждение и ретроспективный научный анализ событий 1917 г. в России позволяет сформировать новые подходы к их трактовке и оценке. Однако, несмотря на множество мероприятий в юбилейном году, а их в соответствии с Планом основных мероприятий, связанных со 100-летием революции в России, было более сотни¹⁴, неких общих оценок и подходов к трактовке этого сложного и во многом трагического этапа отече-

11 Гелфтер М. Я. 1917: Неостановленная революция... С. 12.

12 Международная конференция «100-летие Революции 1917 г. года в России». 27 марта 2017 г. [Электронный ресурс]; ТАСС. Информационное агентство России: [веб-сайт]. URL: <http://tass.ru/obschestvo/4127951> (дата обращения: 05.12.17).

13 СМИ о пленарном заседании конференции «Столетие Революции 1917 г. в России». 29 марта 2017 г. [Электронный ресурс]; Российское общество политологов: [веб-сайт]. URL: <http://ruspolitology.ru/sobytiya/3003/> (дата обращения: 05.12.17).

14 План основных мероприятий, связанных со 100-летием революции в России. Утвержден организационным комитетом по подготовке и проведению мероприятий, связанных со 100-летием революции 1917 года в России. Протокол № 1 от 23 января 2017 г. // 100-летие революции 1917 г. [Электронный ресурс]; Российское военно-историческое общество: [веб-сайт]. URL: <http://rushiistory.org/images/documents/plan100letrevolution.pdf> (дата обращения: 05.12.17).

ственной истории так и не было выработано. Вероятно, это связано с тем, что, несмотря на временную дистанцию длиною в век, российское общество пока не готово к объективной и беспристрастной оценке событий 1917 г. Хотя, по мнению ряда ученых, «нам нужно, наконец-то, определиться в отношении стержневых вех нашей истории, сложных и объемных»¹⁵.

Вместе с тем трудный и сложный «тернистый путь нашей страны»¹⁶, как характеризует его выдающийся русский философ А. Лосев, заставляет политиков, общественных деятелей, ученых и общество в целом учитывать исторический опыт XX века при выборе вектора поступательного движения страны. Очевидно, что сегодня, как и сто лет назад, несмотря на принципиально иные обстоятельства, Россия вновь находится в поиске своего пути, направления инновационного развития в условиях достаточно сложной внешне- и внутривнутриполитической ситуации.

Поэтому возрастание научного интереса к событиям Февраля и Октября 1917 г. объективно, и связано не только с юбилейной датой отечественной истории. Происходит изменение роли экспертно-аналитического сообщества, позиция которого учитывается при принятии политических решений, т. е. экспертное мнение в современной России становится все более востребованным. Не вызывает сомнений актуальность рассматриваемой проблемы для российской политической элиты, формулирующей цели развития страны, а также определяющей методы и средства их достижения.

Уроки революции важны для оценки не только современной политической ситуации, но и завтрашнего дня страны. По сути, в дискурсе революции 1917 г. предпринимается попытка диагностики социально-политического состояния современной России через обращение к прошлому. Уроки прошлого позволяют предотвратить социальные конфликты в настоящем, а общественный диалог по важнейшим событиям и проблемам новейшей истории России может обеспечить

15 Коваленко В. И. Политология: к осмыслению национальных интересов России. М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 479.

16 Лосев А. Ф. Жизнь: повести, рассказы, письма. СПб.: АО «Комплект», 1993. С. 377.

формирование условий для выбора оптимального пути демократического развития страны. В. Никонов пишет: «Но избави нас от еще одной революции, потому что не революциями двигается Россия вперед, а развитием, национальной волей, образованием, наукой, мужеством и разумом всех тех людей, которые думают о будущем нашей великой страны»¹⁷.

Поэтому все чаще в публичной политике звучит призыв к диалогу с историей, а итоги множества дискуссий свидетельствуют о том, что и спустя век в российском обществе нет согласия в оценке событий 1917 г. Разногласия и многочисленные споры вызывает, прежде всего, терминология, используемая при изложении событийного ряда столетия назад: это цивилизационный проект либо катастрофа для страны. Ответы на этот вопрос диаметрально противоположны. Например, как отмечает В. Жириновский, «все наши революции дали только отрицательные последствия»¹⁸.

Еще одна не менее важная проблема — это периодизация событий: в 1917 г. было две революции — Февральская и Октябрьская — или одна, Великая революция с февраля по октябрь 1917 г.? Хотелось бы заметить, что многие специалисты сегодня предлагают рассматривать события Февраля и Октября 1917 г. как единый процесс Великой российской революции. Например, академик РАН, ректор МГИМО А. В. Торкунов считает, что нельзя разделять Февраль и Октябрь 1917 г. По его мнению, это всего лишь этапы единого революционного процесса¹⁹. Кстати, многие современники и участники революционных событий 1917 г. воспринимали их как неразрывно связанные этапы политического процесса.

17 *Хамраев В.* Думские лидеры обсудили революцию // Коммерсант. 2017. 30 марта.

18 Выступление В. В. Жириновского на конференции в честь 100-летия Революции 1917 года. 21 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]: Российское общество политологов: [веб-сайт]. URL: <http://ruspolitology.ru/content/3323/> (дата обращения: 05.12.17).

19 Ректор МГИМО: события 1917 г. надо изучать как единый революционный процесс. 29.03.17. [Электронный ресурс]: ТАСС. Информационное агентство России: [веб-сайт]. URL: <http://tass.ru/obschestvo/4135085> (дата обращения: 05.12.17).

Однако отметим, что в массовом сознании россиян в начале XXI века по-прежнему преобладает представление о двух революциях, произошедших в России в 1917 г. Об этом свидетельствуют и результаты социологических опросов Левада-Центра, проводившихся в январе и марте 2017 г. Приведем данные по опросу «Февральская революция 1917 г.» Левада-Центром в январе 2017 г., о которой упоминали в СМИ и публичной политике не часто и, как правило, о ней вспоминали в связи с событиями Октября 1917 г.

Таблица 1

Какая из следующих точек зрения по поводу февральской революции Вам ближе? (один ответ)

Вариант ответа	Январь 2017
Февральская революция 1917 г. сама по себе не имела никакого значения, это лишь первый, предварительный этап Октябрьской революции	45
Февральская революция открывала путь к буржуазно-демократическому развитию России, превращению ее в такую же страну, как другие европейские государства	21
Затруднились ответить	35

Источник: Февральская революция 1917 г. Опрос 20–23 января 2017 г., Левада-Центр²⁰

Данные исследования можно рассматривать как подтверждение оценки событий 1917 г. в русле единого революционного процесса, но при этом имеющего дискретный характер. Противоречие заключается в том, что события Февраля трактуются как отдельно взятое событие — факт отечественной истории (ре-

20 Февральская революция 1917 г. 20–23 января 2017 г. Левада-Центр. [Электронный ресурс]: Левада-Центр: [веб-сайт]. URL: <http://www.levada.ru/2017/02/14/fevral'skaya-revoljutsiya-1917/> (дата обращения: 05.12.17).

волюция), однако, по мнению почти половины респондентов, они представляют собой лишь начало (этап) последовавшей восемь месяцев спустя Октябрьской революции. Вместе с тем каждый третий затруднился дать оценку Февральской революции, что может являться подтверждением достаточно низкого уровня исторической грамотности населения в целом, и это доказывают данные опросов других социологических центров страны.

Об уровне исторической грамотности населения и состоянии исторической памяти свидетельствуют результаты социологического опроса Фонда «Общественное мнение» «Самые важные события российской истории»²¹, проводившегося в сентябре 2014 г. К сожалению, только пять основных дат отечественной истории известны большинству россиян: 1945, 1917, 1991, 1961 и 1812 годы. Подавляющее большинство россиян (96%) помнят, в каком году закончилась Великая Отечественная война, значительная часть респондентов знают, когда произошли Октябрьская революция, распад СССР и полет в космос Ю. А. Гагарина (77, 65 и 64% соответственно), а также Бородинская битва (51%). Таким образом, по мнению многих россиян, основные события отечественной истории это:

- 1812, 1945 годы — победы в двух Отечественных войнах;
- 1917, 1991 годы — события, перевернувшие ход истории не только нашей страны, но и всего мира;
- 1961 г. — и только полет Ю. А. Гагарина в космос является свидетельством наших достижений в области науки и техники.

В связи с этим нельзя обойти вниманием не менее значимую дату в истории нашей страны — 1991 г. Ведь более четверти века назад Россия пережила еще одно эпохальное событие своей истории, сопоставимое по масштабам и влиянию на ход мировой истории с революцией 1917 г. — распад СССР. Об этом писал в начале 90-х годов прошлого века Е. Гайдар: «В России сегодня делается не политика, а история, реализуется исторический выбор, который определит жизнь нашу и новых поко-

21 Самые важные события российской истории. Фонд «Общественное мнение». 28.12.14. [Электронный ресурс]: ФОМ: [веб-сайт]. URL: <http://fom.ru/infografika/11896> (дата обращения: 05.12.17).

лений»²². Исторические параллели между этими периодами (1917–1991) состоят в том, что мы, так же как и наши соотечественники сто лет назад, живем в эпоху перемен – и это, пожалуй, позволяет всем нам лучше понять события столетней давности. Однако хотелось бы надеяться, что время революций для России действительно прошло.

Обращают на себя внимание результаты социологического опроса Левада-Центра «Октябрьская революция» (Левада-Центр, март 2017 г.).

Таблица 2

Приближается 100-летие октябрьской революции.**Как вы полагаете, она была неизбежной или ее можно было избежать?**

Варианты ответов	Апрель 2006	Март 2017
Это было неизбежно	53	48
Можно было избежать	31	32
Затруднились ответить	15	21

Источник: Октябрьская революция. Опрос 2–6 марта 2017 г., Левада-Центр²³

Сравнительный анализ ответов респондентов позволяет сделать вывод о стабильно высоком проценте в обществе за последнее десятилетие приверженцев точки зрения о неизбежности революции в условиях ситуации кризиса осени 1917 г. То есть и сегодня население рассматривает насильственные меры как возможный или приемлемый способ оказания влияния на власть либо изменение ситуации, либо как способ решения актуальных проблем.

Данные опроса выявляют общую тенденцию: 59% населения считает, что революция в нашей стране невозможна, при этом 28%

22 Гайдар Е. Двуглавый орел и золотой теленок // Известия. 1994. № 216 (24323). 10 ноября.

23 Октябрьская революция. 05.04.17. Левада-Центр. [Электронный ресурс]: Левада-Центр: [веб-сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revolutsiya-2/> (дата обращения: 05.12.17).

Таблица 3

Как вы считаете, могут ли в нынешней России повториться события, подобные тем, которые произошли в 1917 г.?

Варианты ответов	Октябрь 1998	Март 2017
Определенно да	7	7
Скорее да	27	21
Скорее нет	34	38
Определенно нет	20	21
Затруднились ответить	12	14

Источник: Октябрьская революция. Опрос 2–6 марта 2017 г., Левада-Центр²⁴

допускают возможность революционных потрясений. Это свидетельствует о том, что в современном российском обществе, с одной стороны, преобладает запрос на стабильность, с другой – почти треть населения считает необходимым изменение существующей ситуации и решение актуальных проблем – следовательно, существует общественный запрос на реформы. Этот вывод подтверждают и данные Института социологии ФНИСЦ РАН²⁵.

Безусловно, объективная оценка событий вековой давности 1917 г. в России будет способствовать консолидации нации, формированию нашей национальной идентичности. «...Нельзя сформировать новую российскую государственность, новое российское гражданское общество без определенного уровня знания, понимания и уважения к собственной истории»²⁶. Это подтверждают и ответы респондентов упоми-

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Горшков М. К. Социология исторической памяти: Октябрь 1917-го и его последствия в массовом восприятии россиян. 24.11.17. [Электронный ресурс]: Институт социологии ФНИСЦ РАН: [веб-сайт]. URL: http://www.isras.ru/institute_news.html?id=6693 (дата обращения: 05.12.17).

²⁶ Тощенко Ж. Т. Историческая память и социология // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 5.

наемого выше социологического опроса Левада-Центра «Октябрьская Революция»:

Таблица 4

Одни утверждают, что России нужно двигаться вперед и не ворошить то, что происходило в 1917 г. Другие говорят, что нужно знать об этом периоде больше, чтобы не повторять ошибок прошлого. Какое из следующих высказываний наиболее точно выражает вашу точку зрения?

Варианты ответов	Март 2017
Нам нужно двигаться вперед и не ворошить то, что происходило в 1917 г.	34
Нам нужно больше знать об этом периоде, чтобы не повторять ошибок прошлого	44
Изучение прошлого не приносит вреда, но в нашей нынешней ситуации это не отвечает потребностям времени	20

Источник: Октябрьская революция. Опрос 2–6 марта 2017 г., Левада-Центр²⁷

К наиболее дискуссионным в экспертном сообществе вопросам можно отнести проблему раскола российской элиты и проблему роли политических лидеров в событиях 1917 г. И в этой связи уместно, на наш взгляд, привести мнение Р. С. Гринберга об уроках 1917 г: «Любая революция сама по себе плоха. Она почти всегда не оправдывает ожидания и почти всегда кровава. Чтобы предотвратить ее, нужно превентивно решать накапливающиеся в обществе проблемы, и здесь нет никакой альтернативы культуре взаимных уступок власти и оппозиции. В сущности, это и есть главный урок Великой русской революции»²⁸.

27 Октябрьская революция. 05.04.17. Левада-Центр. [Электронный ресурс] // Левада-Центр: [веб-сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revolutsiya-2/> (дата обращения: 05.12.17).

28 Гринберг Р. С. Закон прибавочной справедливости. О некоторых невыученных уроках Великого Октября. 26.09.2017. [Электронный ресурс]: Независимая газета: [веб-сайт]. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2017-09-26/13_7081_zakon.html(дата обращения: 05.12.17).

Безусловно, цена революции для общества слишком высока, и это всегда трагедия нации. Думается, что и сегодня, вслед за Максимилианом Волошиным, мы можем повторить:

*«А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других»²⁹.*

Еще один ракурс дискурса о революции — это пересмотр подходов к вопросу о революции. В современном мире революции исчерпали себя? (Цветные революции — лишь технологии, использующиеся для достижения целей различных политических акторов). И если нет, то каков потенциал революций? Либо опять на повестку дня России ставится вопрос актуализации революционного мифа?

Спектр мнений в оценке революции 1917 г. и ее влияния в целом на ход истории XX века чрезвычайно широк и многообразен. Очевидно, что это событие изменило весь ход истории и поэтому не может оцениваться однозначно. Все чаще высказывается идея об исчерпании лимита революций в российской истории XX века.

Дискуссии идут не только в офлайн, но и онлайн формате, предложен ряд интересных проектов в Интернете. Например, проект студентов исторического факультета МГУ «1917. День за днем» в социальных сетях (ВКонтакте, Facebook, доступ через Telegram) как дискуссионная общественно-политическая площадка с использованием новых форматов ведения диалога по актуальным проблемам отечественной истории. Вместе с тем для каждого нового поколения это будет своя революция, т.е. её переосмысление неизбежно, и нынешние дебаты не смогут поставить точку в подходах и оценках к столь сложному периоду российской истории.

Однако попытки искажения истории 1917 г., периодически предпринимаемые различными политиками, могут рассмат-

29 Волошин М. Гражданская война. Из цикла «Усобища». 22.11.1919. Коктебель. [Электронный ресурс]: Слово. Серебряный век: [веб-сайт]. URL: <http://slova.org.ru/blok/grajdanskayavoina/> (дата обращения: 05.12.17).

риваться как новые вызовы и угрозы Российскому государству. Попытки переписать историю XX века предпринимались неоднократно; их опасность состоит в том, что нанесение ударов по исторической памяти народа породит беспамятство нации, а следовательно, значительно ослабит человеческий потенциал страны. Это приводит и к так называемым поколенческим разрывам, и к коммуникационным разрывам — по сути, разрывам связи времен, что весьма опасно для общества и, прежде всего, для молодого поколения. Не случайно в информационных войнах сегодня активно используются те самые «точки разрывов», в том числе и межпоколенческой коммуникации, для заполнения информационной среды контентом в определенных целях.

В связи с этим складывается достаточно опасная для общества ситуация — разрывы поколенческие и разрывы в исторической памяти народа на основе использования современных информационно-коммуникационных технологий и массовой культуры достаточно быстро могут быть заполнены другими смыслами, символами и образами. Совершенно справедливо, что в этих условиях государство начинает уделять пристальное внимание формированию российской идентичности, гражданственности и патриотизма у подрастающего поколения. Важно, что в многочисленных дискуссиях сегодня преобладает понимание необходимости осмысления событий 1917 г., а не поиск виновных и покаяния, т. е. идея согласия звучит сегодня рефреном практически во всех дебатах по этой актуальной проблеме.

Размышляя о России 1917 г., уместно задать вопрос о возможности достижения в тот период политического согласия, несмотря на чрезвычайно сложную социально-политическую ситуацию в стране. К сожалению, в обществе на тот период налицо были: раскол политической элиты, отсутствие политической воли и политических лидеров, стремящихся к консолидации общества. Подобного рода программу «политического согласия» в кризисных условиях 1917 г. не предлагал никто из политических акторов, хотя идея Учредительного собрания была весьма популярна в российском обществе; его созыв мог послужить основой для консолидации и национального консенсуса.

В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию в декабре 2016 г. обратил внимание на то, что уроки прошлого должны способствовать примирению общества, достижению и укреплению гражданского и политического согласия. Ибо политика развития любой страны основывается на согласии (национальном, общественном, политическом), следовательно, проблема его достижения актуальна во все времена. Политическое согласие по вопросам развития страны между различными политическими силами, социальными группами становится определяющим фактором обеспечения достижения общественно значимых целей в современной России.

Глава 16. Социальное неравенство как условие революционных изменений?

Революция 1917 г. стала поворотным моментом в истории России и мировой истории. Эпохальность и многозначность этого события заставляет исследователей вновь и вновь обращаться к ее осмыслению. Одной из существенных причин революции является поляризации общества, разделенного на привилегированные и угнетенные социальные группы в условиях нарастающего конфликта групповых интересов хотя бы за право обладать и/или распоряжаться жизненно важными ресурсами¹. Эта борьба настолько длительна, насколько их объект ограничен (те же ресурсы, например). Представляется постоянным и стремление изменить формы и виды собственности.

Основными признаками социального неравенства, как известно, являются различия в отношениях собственности, власти и статуса. В той или иной мере эти особенности отражены в социальной структуре общества, фиксирующей неравенство в отношениях между социальными группами. Как показывает история человечества, социальное неравенство постоянно воспроизводится. Периодически повторяющиеся революции значительно меняют типы, формы и методы осуществления неравенства, однако устранить его в принципе они не в состоянии.

В работе «Тропы из утопии» известный немецкий ученый Р. Дарендорф, рассматривая причины неравенства, справедливо считает, что этот вопрос один из важнейших для социальных наук. «Что же касается проблемы истоков неравенства, то эта история преуспела разве что чуть в большем, нежели название неравенства другим именем: где XVIII век говорил об истоках неравенства, а век XIX — о формировании классов, там мы сегодня говорим о теории социальной стратификации, хотя проблема не изменилась, а ее удовлетворительного решения до сих пор найдено не было»².

1 См.: Штомпка П. Социология: Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: «Логос», 2005. С. 568–569.

2 Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: «Праксис», 2002, С. 482.

По мнению Б. Н. Миронова, предположение об огромном неравенстве доходов в поздней имперской России как главном факторе русской революции не подтверждается эмпирически. Имущественное неравенство в начале XX века в России находилось на более низком сравнительно с западными странами уровне. Вместе с тем важнейшей его особенностью был значительный перекося в распределении богатства между богатыми и бедными. Так, в руках лишь 1% жителей России сосредотачивалось 90% всего богатства, но среди остальных 99% оно распределялось, в целом, без критических контрастов. Другими словами, сравнивая «бедного крестьянина с родовитыми русскими аристократами, то неравенство, конечно, было громадным, хотя и намного меньшим, чем между Рокфеллером и американскими рабочими, а в современной России между олигархами и остальными гражданами. Если же сравнивать целые страты богатых и бедных, то различия следует признать умеренными»³.

С позиций структурно-демографической теории рассуждает президент Института национальной стратегии Михаил Ремизов. Он считает, что революцию 1917 г. вызвало не само по себе социальное неравенство, а эффект аграрного перенаселения: «Этому способствовал бурный демографический рост при ограниченном количестве земли в Центральной России и резкое увеличение в структуре населения доли молодежи. Это почти всегда бывает революционным фактором. Сейчас этот фактор присутствует только в некоторых регионах России — преимущественно на Северном Кавказе»⁴.

Такая точка зрения, конечно, имеет под собой весомые основания. В то же время при рассмотрении причин революции, связанных с социальным неравенством, важно учитывать не только показатели доходов и децильные коэффициенты, но и состояние общественного сознания относительно справедливо-

3 *Миронов Б. Н.* Русская революция 1917 г. в контексте теорий революции. [Электронный ресурс]: Сайт Б. Н. Миронова, профессора истории и социологии, Санкт-Петербург. URL: <http://www.bmironov.spb.ru/russkaya-revoluciya-1917-goda-v-kontekste-t/> (дата обращения: 26.02.2018).

4 Что дали России 99 лет после революции (круглый стол). [Электронный ресурс]: Inforu.news: [веб-сайт]. 11.07.2016. URL: <https://www.inforu.news/2016/11/07/chto-dali-rossii-99-let-posle-revolucii/> (дата обращения: 12.03.2018).

сти / несправедливости существующего социального порядка в данный исторический период и ценностную систему координат рассматриваемого общества. Анализ проблемы социального неравенства как фактора революционных настроений и изменений требует скрупулезного осмысления не только для прошлого, но и настоящего.

В основе практически любого политического регулирования лежит определенная идеологема о правильности (легитимности) социального и политического устройства общества. Учитывая, что общество априори является стратификационной и иерархической системой, в которой есть и будут управляемые и управляющие, то проблемы справедливости социального равенства/неравенства, как и социально-политического устройства общества, всегда актуальны.

Политический смысл социального равенства, как правило, рассматривается в трех значениях:

- равенство перед законом, выраженном в существовании правового государства;
- равенство социальных возможностей — каждый имеет одинаковые шансы добиться в жизни всего, чего заслужил благодаря своим достоинствам и способностям (в политическом смысле эти вопросы связаны с открытым типом социальной мобильности, обеспечением равного жизненного старта;
- равенство результатов — каждый должен иметь определенный минимум возможностей в социальном обеспечении и условиях жизни независимо от усилий и способностей (это, прежде всего, идеи справедливого перераспределения государством национального богатства; высшая форма такого равенства воплощается в социализме).

Социальное неравенство выступает антиподом равенства. Оно существует объективно, поскольку, во-первых, общество без какого-либо социального неравенства — утопия. В исторической практике попытки построения бесклассового общества приводили к тоталитаризму, усилению государства. Во-вторых, неравенство в рамках определенных границ обусловлено тем, что благополучное развитие общества возможно только при разумном разделении труда. Соответственно, возникает иерархия

социальных функций, и образуется иерархия классов или слоев, которые их выполняют.

В самом общем смысле под неравенством понимается неодинаковый доступ больших социальных групп людей (страт, слоев, сословий, каст, классов) к различным экономическим и социальным благам, а также к ресурсам политической власти. Как правило, при измерении неравенства используют такие показатели, как богатство (запас активов) и доход (поток денежных поступлений в единицу времени).

Вместе с тем очевидно и другое: неограниченный рост социального неравенства противоречит стабильности и нередко способствует развитию авторитарных политических тенденций. Многочисленные исследования подтверждают гипотезу существования зависимости между характером социального неравенства и формами политического режима. Общества с высоким уровнем социального неравенства имеют тенденцию к авторитаризму и, наоборот, — там, где неравенство не выходит за определенные показатели, чаще всего развиваются демократические процессы.

Конечно, не все так определено. Скажем, имеются примеры и другого рода. В частности, в таких странах, как Куба, уровень социального расслоения и неравенства относительно невысок, но политический режим в данном государстве можно определить как жестко авторитарный. Иными словами, необходимо разделять подходы к политике государств в области обеспечения социальной справедливости (равенства / неравенства) в обществах, разделяющих рыночные принципы функционирования, и обществах, ориентированных на жесткое государственное регулирование социально-экономических и политических отношений.

Вполне понятно, что разные политические системы находятся на неодинаковых мировоззренческих платформах по вопросам обеспечения принципов социальной справедливости. Поэтому позиции, с которых рассматриваются проблемы социального неравенства, всегда будут связаны с политическими предпочтениями политиков и экспертов. Однако, несмотря на разность подходов, нельзя отрицать наличие объективных явлений и процессов, порождающих противоречия, связанных с социальным неравенством.

В научной литературе выделяют следующие обстоятельства, характеризующие негативное влияние социального неравенства на стабильность политической жизни общества⁵.

Во-первых, значительное социальное неравенство поляризует общество. В итоге на одном полюсе политики возрастает апатия, пассивность или агрессия, а на другом — стремление исключить гражданское общество из сферы принятия политических решений.

Во-вторых, социальное неравенство подталкивает обездоленные слои общества к протестной активности, в том числе и к неконвенциональным его формам. Существенное снижение возможностей обездоленных (в материальном, духовном, этническом, информационном и других аспектах) слоев общества артикулировать и защищать свои интересы в публичной сфере ведет к формированию социальной базы противников не только властей, но и политического устройства в целом.

В-третьих, устойчивое социальное неравенство создает в обществе атмосферу, подрывающую веру населения в принципы социальной справедливости. В результате разрушается сама идея общего блага и социального партнерства, возникает комплекс униженности, а в правящей политической элите — комплекс вседозволенности.

В-четвертых, усиливается политическая напряженность. В общественном мнении «социальных низов», как правило, государственная власть ассоциируется с преуспевающими и богатыми. Поэтому граждане, оказавшиеся в социально ущемленном положении, в лучшем случае будут занимать нейтральную позицию, в противном же — не смогут положительно идентифицировать себя с государством и властью. Следовательно, снизится гражданская солидарность, сопричастность всех членов общества к общенациональным целям; произойдет нарушение социальной стабильности и общественно-политического согласия.

Вместе с тем не существует прямой зависимости между социальным неравенством и стабильностью в общественных отношениях. Этому есть достаточно примеров в мировой практи-

⁵ Красин Ю. А. Политические аспекты политического неравенства // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76. № 11. С. 974.

ке. Безусловно, существующие показатели социального неравенства невозможно применять ко всем обществам одинаково. Социальное неравенство — это не просто определенный набор социально-экономических показателей, главным из которых является разрыв в уровне доходов между богатыми и бедными. Не менее важны мировоззренческие установки в отношении справедливости. Реальность такова, что в одних обществах диспропорции социального неравенства вызывают напряжение и социальные протесты, в других — основная часть населения терпеливо относится к своему положению, принимая его если не как справедливое, то как неизбежную данность бытия.

К примеру, индийское общество с его пережитками кастовой системы, где по идее громадный разрыв между богатыми и бедными (более 300 млн граждан проживает за чертой бедности) должен привести к сильному разобщению и мощным социальным протестам. Однако, напротив, кастовое сознание сглаживает социальные противоречия и, более того, имеет даже благотворные последствия для поддержания социально-политической стабильности. Как отмечает А. Б. Алаев, «если бы индийский традиционный образ мыслей разрушился, то в Индии произошел бы грандиозный социальный катаклизм, сравнимый с десятью Иранами. Если каждый индиец будет думать, что он ничем не хуже другого, и потребует свою долю, то это, возможно, будет значительный социальный прогресс, но в экономическом и политическом отношении страна будет отброшена на столетие назад»⁶.

Такой образ мыслей и уклад жизни позволяет осуществлять постепенную модернизацию страны сверху, несмотря на то, что большинство населения остается на уровне выживания. Сохранение традиционного образа жизни и социального устройства позволяет обеспечивать вполне приемлемый уровень социальной стабильности и постепенность реформ. Видимо, лишь продолжающимся господством кастового сознания («каждому — свое») можно объяснить то, что классовые конфликты не обостряются, что люди не бунтуют, даже находясь в нечеловеческих,

6 Алаев А. Б. Политическая система и культура Индии // Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. 2-е изд. перераб. и доп. М.: «АСТ», 2007. С. 491.

с нашей точки зрения, условиях. Это дает время на вызревание предпосылок будущего гражданского общества. Конечно, можно объяснять некоторую пассивность или «миролюбие» индийцев влиянием идей ненасилия, продвигаемых М. К. Ганди в период национально-освободительной борьбы. Однако истоки отмечаемого явления лежат глубже — в принципиальном удовлетворении индийца своим положением.

Пример Индии показывает сколь неоднозначным может быть восприятие социального неравенства в зависимости от исторического опыта, культуры, сложившихся институтов и социальной структуры общества. Только учет подобных факторов дает необходимый уровень релевантности в познании специфики влияния социального неравенства на политическую стабильность и политический риск.

Не оспаривая первенство экономических показателей при оценке уровня социального неравенства, все же ошибочно исследовать данное явление исключительно через призму экономического детерминизма. Весьма важное значение имеют также качественные измерения образа жизни того или иного социума. Действительно, если не брать во внимание социокультурные, исторические и другие факторы, политические риски, скажем в нынешней Испании, еще недавно были очень высоки. Так, в этой стране на сегодняшний день около 1 млн семей, где оба родителя не имеют работы (при общем уровне безработицы в 6 млн в 2013 г. безработица превысила 27%). Примерно такая же картина наблюдается в Греции, Румынии, Болгарии и Италии, где уровень бедности колеблется в диапазоне 26–35%⁷.

Однако политическая ситуация в данных странах оценивается как относительно стабильная. Понятно, что правительства этих государств проводят антикризисную политику, сокращают дотации из госбюджета, предпринимают значительные усилия для стабилизации положения. На сегодняшний день факты таковы, что, несмотря на сложное социально-экономическое положение, в названных странах серьезных политических катаклизмов не наблюдается. Отчасти этому способствует выработанный

7 СМИ: В Испании более 2 млн детей живут за чертой бедности. [Электронный ресурс]: РИА Новости: [веб-сайт]. URL: <http://www.ria.ru/world/20140624/1013392272.html> (дата обращения: 26.02.2018).

за послевоенное время в Европе автономный тип стабилизации социально-экономических кризисов, т. е. когда общество не только предъявляет требования к власти, но и идет ей навстречу.

Другими словами, если изменения антикризисного характера, запланированные властью, поддерживаются или начинаются «снизу» структурами гражданского общества, возникает пусть хрупкое, но все же единство власти и общества, столь необходимое для проведения социально-экономических и политических преобразований. В результате обеспечивается стабилизация правящего режима и поиск политического консенсуса прежде всего за счет «авансовой» легитимности власти. При таком типе взаимодействия власти и общества снижение политических рисков и конфликтов обычно происходит цивилизованными способами.

В случае, *когда социальное неравенство принимает масштабы, препятствующие гражданской активности больших масс населения, возникает феномен «политической бедности»*. Суть этого феномена, по мнению американского политолога Джеймса Бохмана, в «неспособности каких-то групп граждан эффективно участвовать в демократическом процессе и в их последующей уязвимости перед последствиями намеренно или ненамеренно принимаемых решений»⁸. Результатом «политической бедности» становится появление значительного числа социальных слоев, которые проявляют апатию к политическому участию, даже когда оно касается отстаивания их интересов. Нередко такая пассивность понимается правящей политической элитой как согласие с проводимой политикой. В итоге власть, понимая неспособность тех или иных общественных групп инициировать обсуждение интересующих их проблем, а тем более отстаивать свои требования, перестает «включать» запросы данных групп в политическую повестку дня.

Политическая бедность — явление, которое может затронуть различные слои населения, а не только тех, кто живет за чертой бедности. Иначе, «политически бедные — это социальные слои, лишенные возможности в силу времени, административных и других барьеров полноценного участия в гражданской деятельности»⁹.

⁸ Красин Ю. А. Указ. соч. С. 975.

⁹ Там же. С. 976.

Нынешние научные исследования социологических центров и институтов констатируют распространенность политической бедности в российском обществе, причем как в силу внешних (властных и социальных), так и в силу внутренних (ментальных и самоорганизационных) причин. В результате складывается весьма противоречивая картина. С одной стороны, существует недовольство политикой государства по регулированию социальных отношений, а с другой — неготовность бедных активно артикулировать и отстаивать свои интересы. Сторонников перемен среди бедных меньше, чем среди вполне благополучных граждан. Большая их часть (70% среди бедных «по доходам» и 67% среди бедных «по лишениям») традиционно связывают надежды на лучшую жизнь с патернализмом власти, а не с собственными усилиями, в том числе и посредством политического волеизъявления¹⁰.

Сегодня общественный запрос в России нацелен на равенство возможностей. Модель общества, которая укоренилась в общественном сознании россиян, не сводится к установке «все отнять и поделить». Напротив, общество ориентировано на укоренение принципов равных возможностей для всех, кто честно добивается улучшений своей жизни. В отличие от прошлых десятилетий, в общественном мнении сложилось достаточно устойчивое понимание правомерности существования социальных неравенств, но таких неравенств, которые возникли на справедливых (по его оценкам) основаниях.

Ценностные ориентации российского общества отличаются достаточной устойчивостью: традиционно сложилось так, что приоритет отдается не ценности свободы, а справедливости, понимаемой как равенство возможностей, результатов труда и патернализма. Конечно, образы и идеи, связанные с рынком и демократией и активно продвигавшиеся в информационном пространстве, оказали влияние на сознание людей (прежде всего на молодое поколение). Однако существенного изменения «ценностной картины мира» в отноше-

¹⁰ Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ / под ред. М. К. Горшкова и др.; Ин-т социологии РАН. М.: ИС РАН, 2013. С. 150.

нии социального и политического устройства общества пока не произошло.

В мировоззренческих установках россиян продолжает особое место занимать восприятие роли государства. Проведенные исследования показывают: большинство населения страны считает, что оптимальной экономической моделью должна быть смешанная экономика с ведущим государственным сектором, а частное управление теми или иными организациями должно обязательно совмещаться с пристальным государственным контролем над ними. Запрос на ведущую роль государства в экономической и социальных сферах является преобладающим практически во всех группах населения. Различаются, скорее, представления разных групп о возможных формах и степени реализации этой роли. При этом нельзя сказать, что есть какое-то негативное отношение к демократическим ценностям и институтам. К самой идее демократии оно вполне благожелательное, но скептическое, хотя сегодня востребованность инструментального потенциала демократии (акции прямого действия: митинги, демонстрации, забастовки, обращения в суд, в СМИ и т.п.) выше, чем десять лет назад.

Вместе с тем необходимо понимать, что сегодняшняя социально-политическая ситуация в России достаточно быстро может меняться. В ряде социальных слоев, в том числе бедных, назревают процессы, которые ведут к накоплению протеста. Социологические исследования свидетельствуют, что ситуация с социальными неравенствами и их восприятием в последние годы имеет тенденцию к ухудшению. Причем не только среди бедных, но и в средних слоях населения растет ощущение того, что неравенства, связанные с действием законов, возможностью влияния на власть, доступом к образованию и здравоохранению, являются несправедливыми. В итоге особенно растет запрос на обеспечение принципов социальной справедливости, что одновременно при снижении спроса на гражданскую инициативу, означает перекладывание ответственности на государство¹¹.

Несмотря на то, что такое восприятие входит в противоречие с нормативно-ценностной моделью, характерной для рос-

11 Общественное мнение — 2013. М.: Левада-Центр, 2014. С. 30.

сийской национальной культуры, неверие в то, что российское общество сможет стать справедливым в среднесрочной перспективе, характеризует более 70% бедных. Особенно следует обратить внимание на то, что в последние годы подавляющее большинство бедных не видит положительных изменений ситуации относительно справедливости. Это означает, что проблема неравенств и справедливости становится все острее и может привести к значимым негативным последствиям не только для бедных, но для всего общества¹².

Итак, проблема социального неравенства, как правило, обостряется в результате необходимости отвечать на вызовы времени. В 1917 г. вызов российскому обществу был обусловлен бурными процессами модернизации общества. При этом существенными оказались и побочные негативные последствия модернизации — увеличение социальной напряженности, конфликтности, социального и политического протеста. «Необыкновенный рост всякого рода протестных движений порождался, с одной стороны, дезориентацией, дезорганизацией и социальной напряженностью в обществе; с другой — полученной свободой, ослаблением социального контроля и возросшей социальной мобильностью; с третьей — несоответствием между потребностями людей и объективными возможностями экономики и общества их удовлетворить»¹³.

Предреволюционные годы дают основание считать, что экономически российское общество бурно развивалось, а произошедший кризис был обусловлен в большей мере болезнью роста, чем застоем. Соответственно, нельзя говорить о фатальности радикальной революции, а только об её предпосылках. Одной из таких предпосылок является противоречие между ростом социального неравенства и ожиданиями справедливости в процессе трансформации общественного устройства. В этом контексте проблема справедливости социального неравенства, как и век назад, остается открытой.

Энергия, исходящая от несправедливого неравенства, не обязательно может принять организованные, институциональные протестные формы. Приведем пример. Как следует

12 Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя...С. 165.

13 Миронов Б. Н. Указ. соч.

из доклада о неравенстве в мире (World Inequality Report), подготовленного исследователями Всемирной лаборатории экономического неравенства на декабрь 2017 г., уровень экономического неравенства в современной России был сопоставим с дореволюционными показателями 1905 г.¹⁴ Однако признаков революционной ситуации в российском обществе не наблюдается. Само по себе неравенство, может, и не является фактором нестабильности политических режимов. В то же время оно выступает, и в немалой степени, питательной почвой для роста протестных настроений, в том числе и в радикальных формах.

Сегодня проблема социального неравенства активно присутствует в политическом дискурсе. При этом она не обязательно обозначается четко и открыто. Проблема социального неравенства, так или иначе, всегда выступает фоном, сопутствующей идеей или мемом в таких формах ухода от политики, как бытовой национализм, региональный сепаратизм, религиозный фанатизм, общественный абсентеизм и нигилизм. Эти формы протеста, учитывая свойство проникновения политики, представляются достаточно губительными как для стабильности, так и для развития.

14 Эксперты признали неравенство в России сопоставимым с 1905 г. [Электронный ресурс] // РБК Медиа. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/12/2017/5a33e2fc9a79471b6d846e24> (дата обращения: 12.03.2018).

Вместо заключения

Мораль и политика

Завершилась ли открытая Октябрем эпоха войн и революций? Отнюдь. Сегодня это иные — пусть «гибридные» войны, пусть «цветные» и другие — революции. Собственно, и эти новые формы возникли под действием Октября 1917 г. Можно ли вообще найти в минувшем с тех пор столетии событие, сопоставимое по воздействию на мир с Октябрьской революцией? Конечно. Это — распад СССР, который, как и Октябрь, взломал существующий миропорядок. Но и это событие, хотя и отдаленное, но прямое следствие Великой революции, которое, стало быть, дала жизнь как перспективным, так и тупиковым линиям общественного развития. Куда теперь повернет история России, да и всего мира? Пойдет в дурную бесконечность? Вернется ли снова в порочный круг, устремится в светлое будущее? Кто знает...

Эпоха, начавшаяся в октябре 1917 г. как оптимистическая трагедия, завершилась в декабре 1991 г. убогим фарсом соглашения о распаде СССР, подписанного никем не уполномоченными на то лицами. Среди причин столь бесславного конца подчеркнем словами М. Горького еще одну: «Путем убийств, насилий и тому подобных приемов нельзя добиться торжества социальной справедливости»¹. Вместе с тем это и один из актуальнейших уроков столетней истории Октябрьской революции, да и всех прочих революций нового и новейшего времени. Неисчислимые их жертвы вопиют: не надо революций, они слишком опасны, лучше обойтись без них. Они чреватые кровавым террором, губительны для общества.

Почему же не усваивается эта очевидная истина, почему урок не идет впрок? Потому, видимо, что велика сила самообмана. Отдельный человек, общество, его правители легко поддаются иллюзиям, сулящим всеобщее благополучие, которое должна принести революция, хотя ее итоги никогда не бывают адекватны этим иллюзиям. Революция твердо гарантирует лишь

¹ Горький М. Несвоевременные мысли... С. 135.

одно — кровопролитие, хозяйственную разруху, анархию. Не станет ли время, когда этот урок будет усвоен народами, правящими классами, политическими партиями?

Ответ на этот вопрос напрямую зависит от того, будет ли усвоен и другой исторический урок — о войне, неизменно сопутствующей революции и такой же губительной для людей. Но искоренимо ли военное насилие из жизни общества? Или оно фатально? Быть может, война необходима для благоденствия общества, ибо благодаря ей «нации обретают внутреннее спокойствие» (Г. Гегель)? Или наоборот, социальное зло, искоренение которого возможно лишь после «всемирной победы пролетариата» (классики «научного коммунизма»)?

Октябрьская революция 1917 г. — событие, безусловно, эпохального значения. Это признают все участники развернувшихся в связи с его столетним юбилеем острых дискуссий, несмотря на различия в их политических позициях и оценках. Октябрьская революция оказала существенное и разностороннее воздействие как на социально-политические процессы в России, так и на развитие мирового сообщества. В России сформировалась альтернативная капитализму модель модернизации. В ходе ее реализации экономика страны была преобразована на основе государственной собственности на средства производства, ликвидированы сословные и другие феодальные пережитки, народные массы были приобщены — через борьбу за власть, работу в Советах — к участию в решении политических и социальных проблем.

Революция в России оказала сильное, но неоднозначное влияние на западный мир. В ряде стран Западной Европы напуганная ею буржуазия привела к власти фашистскую реакцию. Западные демократии отреагировали, с одной стороны, поворотом в сторону государственного регулирования экономики, с другой (под давлением рабочего движения, профсоюзов) — мерами социальной политики («кусочки социализма», по Ленину). Реформистские партии, сохранившие преобладание в рабочем движении, получили доступ к власти на национальном и муниципальном уровнях, а тем самым и новые возможности для продвижения социальных реформ.

Послеоктябрьское развитие СССР подготовило предпосылки победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Наконец, Октябрь активизировал борьбу колониальных и зависимых народов за свое освобождение, которая в послевоенный период привела к краху мировой колониальной системы и образованию десятков новых независимых государств.

Столетняя ретроспектива позволила авторам монографии выявить поставленные проблемы по-новому, изменяя их контенты, их роль в революционном процессе и его последствиях. В таком ракурсе причины русской революции, ее влияния на мировое развитие не сводятся к социальным противоречиям. Адекватной трактовке они поддаются лишь через анализ сложного комплекса факторов, совмещающего наряду с социальными геополитические, цивилизационные, национально-этнические, нравственно-религиозные, ценностные, взаимодействие которых специфично на каждом из этапов развития революции. Самое это развитие крайне противоречиво. Оно глубоко национально и именно поэтому интернационально. Возникшая в российском православии еще в раннем средневековье мессианская идея спасения человечества органично соединилась в нем с привнесенной с Запада марксистской идеей освободительной миссии пролетариата.

Большевистская диктатура сформировалась в благодатном для нее ментальном контексте: минувшее столетие показало, что ни революция, ни гражданская война, ни строительство социализма не смогли преодолеть этатистскую ориентацию, утверждавшуюся в массовом сознании россиян веками царского самодержавия, перевоплотившегося после революции в автократические режимы диктаторского или авторитарного типа. В той же традиции коренится социальная иллюзия «светлого будущего», омертвление которой положило конец социализму и советскому государству в России. Что это? Порочный круг? Дурная бесконечность? Нет. Такова диалектика — или метафизика? — великой русской революции, радикально и необратимо изменившей мир.

Открытая Октябрем эпоха продолжается. Возвращение России к капитализму означает лишь то, что не удалась реализация лишь одной из моделей социального переустройства мира. Другая — китайская, — по сути, предполагавшаяся ленинской политикой НЭПа и бухаринской оппозицией, успешно реализу-

ется сегодня. А что представляет собой западная модель социального государства? Именно то, что в конце XIX — начале XX веков почиталось бы реальным социализмом. История чужда инвариантности. Она изменчива и прихотлива. Кто знает, на какие выкрутасы она способна.

Подчеркивая всемирно-историческое значение Октябрьской революции, авторы вместе с тем проводят мысль о том, что она своим влиянием увела в тень все иные социалистические проекты (социал-демократические, религиозные, национальные и т. д.) и сама скрылась в тумане догматической идеологии. Минувшее после нее столетие показало, что реальный социализм отнюдь не сводится всего лишь к советскому типу социальности. Он идеологически разноцветен и политически многообразен. Распад Советского Союза и однотипных с ним режимов вывел социализм из тени. Оказалось, что он был всего лишь одной из моделей общественного устройства.

Вопросы о революции и войне предполагают альтернативные решения. Куда повернет человеческая история? Монография не отвечает на этот вопрос. Да и кто на него может ответить? Современное развитие мира предлагает слишком много альтернативных путей в будущее. Не сводятся ли все они к одному вопросу — о добре и зле? Вопросу экзистенциальному, неотделимому от самоидентификации и поведения каждого отдельного человека и всего человечества. Вопросу морального выбора, каковой им приходится неотступно решать с доисторических времен: когда им приходилось противостоять дикой природе, а не угрозам термоядерной войны и очередных революционных потрясений.

Уже тогда человек должен был оценивать любой свой поступок мерой добра и зла. «Существом моральным» называл человека в V веке. до н. э. философ Протагор. Становление государства сделало его, по определению Аристотеля, «политическим животным». Стал ли человек от этого лучше, моральнее, гуманнее? Как сказать. Спустя два тысячелетия английский философ Т. Гоббс утверждал, что человек в своем политическом поведении «является более хищным и жестоким зверем, чем волки, медведи и змеи»².

2 Гоббс Т. О гражданине; О человеке. Избранные произведения в 2-х томах. М.: Мысль, 1964. Т. 1. С. 292.

В начале XX века теоретик анархизма П. А. Кропоткин называл «понятия о «добродетели» и «пороке» «зоологическими», а природу — первым учителем этики, нравственного начала для человека»³.

Покидая завязавшийся здесь этологический контекст, отметим многократно удостоверенную историей истину: цивилизация не смогла усмирить зверя в душе человека. Она вполне заслуживает этот упрек, то и дело допуская до сих пор обращение международной политики в джунгли, где царит произвол сильного, подавляется свобода, возникают кровавые революции, зверствуют палачи ИГИЛ (организация, запрещенная в РФ).

Возможно, это обусловлено тем, что по мере своего развития цивилизация все более отдаляет мораль от естественных состояний, переливая ее в отчужденные от политики и социальных движений формы религий, науки, права. К чему ведет эта тенденция? Становится ли мир более гуманным и безопасным? Делается ли международная политика более чистой и справедливой? Является ли «важнейшим», сомневается кумир западного неолиберализма Карл Поппер, «из множества созданных человеком миров» — политики, науки, искусства и т.д. — «мир моральных требований»? Да и вообще могут ли служить «моральные решения», говоря словами того же автора, «решениями о том, как сделать мир прекраснее и комфортнее»? ⁴

Дискурс вокруг проблем взаимодействия нравственности и общественного прогресса, необъятный по времени, пространству, разнообразию состава дискурсантов, может дать любому из них угодные ему теоретические решения этих проблем. Он длится тысячелетиями, в нем участвуют представители всех цивилизаций, культур, мифологий, религий, наук, самых различных политических и идеологических течений и взглядов: идеалисты и материалисты, верующие и атеисты, альтруисты и эгоисты, гуманисты и мезантропы, моралисты и циники и т. д. Историческое пространство дискурса размежевано многочис-

3 Кропоткин П. А. Этика. Происхождение и развитие нравственности. Пб., М.: «Голос труда». 1922. Т. 1. С. 19, 38.

4 См.: Поппер К. Открытое общество и его враги / пер. с англ. В. Н. Садовского. М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. С. 99, 100.

ленными лакунами, отмеченными метафизическим суемудрием или морализаторским пустословием.

В целом же, однако, это процесс развития историософской мысли, исследующей взаимосвязи нравственности и политики как одно из базовых условий развития общественных отношений и канонизированной трудами великих пророков и мыслителей. Этот процесс, в сущности, отражает поэтапное осознание нравственной общности человеческого рода. Оно постулируется народными эпосами, фольклором, древними культами, всеми мировыми религиями и философскими учениями в «золотом правиле нравственности», которое сообщает соблюдению принципов морали императивность, служит руководством их практического исполнения, решает проблему соотношения добра и зла: «поступай по отношению к другому так, как ты хочешь, чтобы он поступал по отношению к тебе». Конфуцианская мораль учит: «не делай другим того, чего не желаешь себе»; библейская: «возлюби ближнего твоего, как самого себя».

Отражают ли это правило реалии политической жизни, классовой борьбы, социальных революций? Вполне. Но исполнение его внутри общества и государства упирается в интересы отдельных классов, социальных групп, политических партий, а в международной жизни — в национальный интерес данной страны, который далеко не всегда совпадает с интересами других стран, и поэтому на практике допускает отступления в виде паллиативных решений возникающих проблем.

Универсальность золотого правила нравственности относительна. Это прежде всего проявляется в «двойной морали», которая воздействует на общение народов в шаткой парадигме «свой — другой», выражая асимметричность соотношения добра и зла, условность применения моральных норм во внешней политике. «Свои» оцениваются в измерениях добра и согласия, «другие», если они не враги, — вне морали, мерами и способами, допускающими обман, дипломатические уловки, предательство. Враги же, безусловно, относятся к категории зла; по отношению к ним допустимо любое злодеяние, которое оценивается как благо, гражданский долг, патриотическая доблесть, и освобождается тем самым от ответственности за него.

Относительность политической морали обусловлена, разумеется, не только соотношением «свои — другие», но и формами сегментированной нравственности — сословной, классовой, этнической и, не в последнюю очередь, характером самой власти, которая ее реализует.

В мировой истории выделяются периоды смутных времен, подобных тем, которые Россия испытала в начале и конце XX века — непрерывных войн, междоусобиц, революций, радикальной сменой духовных ценностей, когда моральные нормы и принципы утрачивают свою непреложность, доверие людей, их влияние на политическую жизнь. В эти периоды традиция пресекается. В общественном сознании представления о добре и зле спутываются, меняются местами, в политике стираются грани между благими и дурными мотивациями и целеполаганиями.

Мораль и политика, оставаясь нераздельными в практике международных отношений, в доктринальных своих воплощениях, со временем были разведены на автономные отрасли теоретического знания. Начало этого процесса обычно связывают с Н. Макиавелли, у которого, по оценке К. Маркса, «теоретическое рассмотрение политики освобождено от морали»⁵. Порывая с многовековой традицией, итальянский мыслитель позднего средневековья освобождает и самую мораль от святости и императивности, присваиваемым ей метафизической этикой. Возникают ли в результате существенно новые принципы этики?

В XIX веке макиавеллизм был идеологизирован доктриной «реальной политики»⁶. Он прочно утвердился в международной политике. Это, конечно, другая политическая этика — мнимая, симулятивная, с неустойчивой идентичностью, поскольку добро и зло в ней меняют свой изначальный смысл в зависимости от заданных целей и политической конъюнктуры. Цинизм, лицемерие, вероломство стали в ней привычными нормами, насилие — распространенным способом правоприменения.

Речь идет об официальной форме морали, слитой с идеологией властных элит. Но рядом с ней существуют и нелегитимные формы, возникшие в XIX веке в процессе развития рево-

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 314.

⁶ См.: *Оганисян Ю. С.* Великая Отечественная — неоконченная война? // Политические исследования. ПОЛИС. 2015. № 3. С. 10–12.

люционных, протестных движений — социалистического, анархистского, народнического и т.п. Они следовали собственным принципам морали разного идеологического толка, либо вовсе отказывались от нее. Зачастую они просто приспособливали те или иные нормы нравственности к своим политическим целям, как это сделали социал-реформисты. Последние, вместе с тем, активно содействовали гуманизации политических нравов, участвуя в пацифистском, антиколониальном и других международных демократических движениях.

Радикальные течения социализма уводили политические нравы по ту сторону добра и закона. Однако, вопреки всем нормам морали и права, некоторые из них, утопив революционную идею в идеологии национал-шовинизма и расизма, встали на путь массового террора, подавления демократии и экспансионизма. Итальянский социалист Муссолини привел свою страну к фашизму и колониальной войне в Африке. Германский национал-социалист Гитлер установил режим, заливший кровью Европу.

Подобно национал-радикалам, большевики вышли из рядов социал-демократии. Но они ворвались на мировую арену с лозунгами пролетарского интернационализма и всемирной победы коммунизма, противоположными крайнему национализму и расизму фашистов. Это была мятежная сила, открыто угрожавшая сокрушить существовавший миропорядок, действовавшая вопреки общепринятым нормам морали и международного права.

Коммунисты не нуждались в политической морали, равно как не нуждалось в этике. Учение, ведущее их на завоевание мира. В. И. Ленин, убежденный имморалист в политике, не без удовлетворения констатировал: «В марксизме от начала до конца нет ни грана этики»⁷.

Пришлось, однако, несколько нарушить доктринальную чистоту Великого Учения. Советскому государству настоятельно требовалось не только политическое, но и моральное признание со стороны других стран. Выход из положения указал диалектический метод, позволяющий легко решить проблему борьбы и единства противоположностей. То, что раньше отри-

⁷ Ленин В. И. ПСС. М., 1967. Т. 1. С. 440.

цалось идеологами марксизма-ленинизма, стало трактоваться ими как не только приемлемое, но и необходимое для развития Учения: коммунистическая этика выступила в этой трактовке как доктринальное воплощение прогрессивных тенденций нравственного развития человечества, устремленных к коммунизму. Некоторые заповеди новой морали словно выписаны из Нагорной проповеди. Вместе с другими, вполне коммунистическими, они были собраны в «Моральном кодексе строителя коммунизма», включенном на XXII съезде КПСС в Программу партии. Таким образом, в истории этических учений возникла еще одна превращенная форма морали, облицованная в данном прецеденте плакатными истинами догматизированного марксизма и декорированная мифами о светлом будущем.

Заповеди «Морального кодекса» сами по себе замечательны. Но они, как и многое другое при социализме, были далеки от социальной практики и государственной политики. Все, что ни делалось по призывам борьбы за коммунизм, объявлялось морально оправданным. С одной стороны, это великие стройки социализма, разгром гитлеровского фашизма, успехи науки и культуры, запуск человека в космос, поддержка международных антивоенных и национально-освободительных движений, соглашения с Западом по вопросам международной разрядки. С другой стороны, это красный террор, ГУЛАГ, преследование инакомыслящих, безумная гонка вооружений, подавление протестных движений в Венгрии и Чехословакии, война в Афганистане.

Все эти противоположные по морально-этическому содержанию явления объединила в единой трактовке диалектика, сведенная «научным коммунизмом» до вульгарной софистики. Стирая грани между добром и злом, она оснастила официальную пропаганду для создания привлекательного образа советской власти — феномена не только естественно исторического, но и глубоко нравственного. И в этом был поистине пророческий замысел: внушить народу и всему миру веру в то, что любые советские инициативы и действия совершаются во имя всеобщего блага.

Великий замысел оказался политически весьма продуктивным. Его осуществление позволило обеспечить реализацию док-

трины «единства партии и народа» и слитую с ней доктрину морально-политического единства общества, а за пределами страны – укрепить международную солидарность с политикой СССР сторонников мира, демократов, «прогрессивной общественности». И не только. Как наследница традиций высокой нравственности коммунистическая этика вывела их из сферы «абстрактного гуманизма» прошлого на поле реальной политики, выдвинув концепцию мирного сосуществования государств различных социальных систем. Реализация этой концепции была невозможна без взаимного доверия определенного уровня.

В реальной политике этические нормы лишь в исключительных случаях реализуются со строгостью предписаний монастырского устава, всякое отступление от которых ведет к грехопадению и требует искупления. Эффективные решения международных проблем немыслимы без компромиссов, каковые, разумеется, бывают весьма разными. Как известно, Мюнхенское соглашение с Гитлером явилось прологом Второй мировой войны. Не в пример ему, советско-американский компромисс, погасивший Карибский кризис, предотвратил глобальный ракетно-ядерный конфликт.

И в том, и в другом случаях каждая из сторон преступила через золотое правило морали. В результате возникли ненужные для обеих сторон, весьма опасные для международной обстановки в целом кризисы в советско-американских отношениях. Благодаря совместным усилиям эти и многие другие конфликты были разрешены в последующие годы политикой разрядки международной напряженности. Сегодня разрядка вновь стала актуальной. Быть может, компромиссы между «социально близкими» ныне режимами не более трудно достижимы, чем во времена, когда их разделяли «классовые антагонизмы»?

Разрушение миропорядка, основанного на конфронтации двух сверхдержав, существенно изменило формы взаимодействия морали и политики в международных отношениях. Какое место занимает оно в глобальных контекстах, завязанных на функциональных зависимостях, которые зачастую связаны с чисто технологическими и экономическими факторами, и потому не задеты моралью? Эти контексты, исполненные, по словам В. Б. Голофаства, «рисками и угрозами, наряду с иску-

шениями и соблазнами», отчуждают мораль от человеческого общения: она «как бы вычищается» из них, «от нее остается едва ощутимая пленка внешних приличий, столь же неопределенная, как внешний вид, признаки личной культуры или даже психологического состояния партнеров, анонимных интеракций (тем более технически поддерживаемых коммуникаций)»⁸.

В новых условиях глобализм вообще выводит политические вопросы из морально-этического контекста. Какое же решение он предлагает? Самое радикальное, уже отчасти исполненное: вытеснить политическую мораль из международных отношений, заменив ее регулирующие функции сетевыми механизмами, действия которых ныне проявляются в тотальном контроле над политическим поведением людей, «кибервойнах» и иных формах.

Новые угрозы продуцирует сама мировая цивилизация своим стихийным развитием, содержащим элементы саморазрушения. В чем тут исторический смысл? Где источники самоубийственных потенций цивилизации? Они, конечно, связаны с глобальной опасностью терроризма, возродившейся конфронтацией России и Запада, острыми кризисами на Ближнем Востоке и на Украине, углублением социальной пропасти между богатыми и бедными странами. А чем угрожает стимулированный военными интервенциями Запада массовый исход в Шенгенскую зону беженцев из мусульманских стран Ближнего Востока и Северной Африки? Не закатом ли европейской цивилизации, предсказанным в свое время О. Шпенглером? Все эти угрозы, думается, синтезирует морально-политический кризис мировой цивилизации, навязанный человечеству глобализмом.

В наше время бессмысленно искать решение политических вопросов, помещая их в нравственные контексты холодной войны, которая — при всех попытках её имитации русофобской пропагандой — всё же отжила свой век.

В силу давних традиций неписанные правила чести, порядочности, хорошего тона сохранили свою императивность в прак-

⁸ Голофаев В. Б. Глобализм и место морали. 15.01.2018. [Электронный ресурс]: МШК. Московская школа конфликтологии: [веб-сайт]. URL: <http://www.conflictmanagement.ru/globalizaciya-i-mesto-orali> (дата обращения: 26.03.2018).

тике международных отношений и в эпоху их тотальной правовой формализации, оказывая подчас более сильное влияние на международную обстановку, чем утвержденные Лигой Наций или ООН нормативы. Не этим ли объясняется то, что И. Сталин до самого начала войны с гитлеровской Германией не хотел верить в возможность ее вероломного нападения на СССР?

Морально-этические установки — писанные и не писанные — весьма эффективно взаимодействуют во всех сферах международной жизни. Чем выше риски, чем опасней угрозы, возникающие перед народами, тем более государства и правительства вынуждены считаться с главным правилом морали. Точней, с заключенным в нем конвенциональным предостережением, которое уже давно бытует в фольклорном исполнении: «не рой другому яму, сам в нее попадаешь». К примеру, Гитлер не решился применить газовое и бактериологическое оружие в войне против СССР, страшая адекватного возмездия. А разве не по той же причине мир до сих пор спасается от термоядерной катастрофы, которая пока что таится в укрощенном состоянии в хранилищах оружия массового уничтожения.

Со всей очевидностью явлена, таким образом, исключительная роль политической морали в решении не только важнейших международных проблем, но и в попытках мировых лидеров справиться с роковой для самой жизни на Земле дилеммы «быть или не быть», которая порождена политикой, отчужденной от ее нравственных начал.

Наконец, никто еще убедительно не опроверг марксистскую гипотезу, вытекающую из анализа социальных противоречий, которые — и это объективный факт — не только не исчезли, но, напротив, обострились, достигли глобальных масштабов, остаются, по убеждению неомарксистов, главным источником мирового зла. Только преодоление этих противоречий, предсказывал Ф. Энгельс, откроет путь нравственному обновлению мира: «Мораль истинно человеческая, стоящая выше классовых противоречий и всяких воспоминаний о них, станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда не только будет уничтожена противоположность классов, но изгладится и след ее в практической жизни»⁹.

9 Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М.: Политиздат, 1957. С. 89.

А что если, вопреки разочарованиям, вызванным провалом ленинско-сталинского проекта, марксистская гипотеза реализуется путем мирной эволюции? Это вполне допускает не исковерканный леворадикальными эпигонами марксизм. Во всяком случае, мир, предстающий в свете коммунистической утопии, безусловно, более предпочтителен, чем то бесчеловечное будущее, которым грозит имморальная идеология глобализма. Имея в виду эту угрозу, не будем терять надежды на перспективу, вероятность которой удостоверена тысячелетиями развития человеческих отношений, основанных на соблюдении простого правила: относись к другим так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе.

Список литературы

1. *Аксенова О. В.* Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации: монография. М.: ИС РАН, 2016. 304 с.
2. *Аксенова О. В.* Затерянный город: медийный конструкт и реальность // Вестник Института социологии. 2013. № 7. С. 62–74.
3. *Алаев А. Б.* Политическая система и культура Индии // Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А. Д. Воскресенского. 2-е изд. перераб. и доп. М.: АСТ; Восток–Запад, 2007. 829 с.
4. *Алексеев Г. М.* Октябрьская революция в контексте новейшей истории России // Власть. 2017. № 8. С. 111–114.
5. *Алексеев С. С.* Философия права. М.: Издательство «НОРМА», 1997. 336 с.
6. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: «ЦентрКом», 1996. 672 с.
7. *Аристотель.* Политика. Афинская полиция. М.: «Мысль», 1997. 458 с.
8. *Артахаштра* или Наука политики. М.: «Ладомир»; «Наука», 1993. 793 с.
9. *Архив русской революции.* В 22-х томах / Изд. Г. В. Гессеном. М.: «ТЕРРА»; Политиздат, 1991. Т. 3. 276 с.
10. *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика. М.: Издательство «Правда», 1989. 624 с.
11. *Бедариде Ф.* Черчилль. М.: «Молодая гвардия», 2018. 458 с. (Серия: Жизнь замечательных людей).
12. *Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя.* Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ / под ред. М. К. Горшкова и др.; Ин-т социологии РАН. М.: ИС РАН, 2013. 168 с.
13. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: «Прогресс-Традиция», 2000. 384 с.
14. *Белых А. К.* О диалектике отмирания государства // Советское государство и право. 1963. № 1. С. 13–21.
15. *Бердяев Н. А.* Смысл истории. Новое средневековье. М.: «Канон», 2002. 448 с.
16. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: «Наука», 1990. 224 с.

17. *Бердяев Н. А.* Духовные основы русской революции. М.: АСТ, 2006. 448 с.
18. *Бердяев Н. А.* Судьба России. М.: «Советский писатель», 1990. 347 с.
19. *Бертельс А. Е.* Насир-и Хосров и исмаилизм. М., 1959. 292 с.
20. *Беспалов С. В.* Вопрос об «истинном значении» реформы 1861 г. в российских политических дебатах конца XIX—начала XX века // Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права): [сб. обзоров и рефератов] / Отв. ред. В. С. Коновалов. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 95—108.
21. *Боголюбов В. А.* Крепостное право в XVIII веке // Крепостное право в России и реформа 19 февраля 1861 г. / под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1911. С. 56—74.
22. *Большакова О. В.* Отмена крепостного права в России. Англоязычная историография 1960—1990-х гг. (Аналитический обзор) // Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права): [сб. обзоров и рефератов] / Отв. ред. В. С. Коновалов. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 200—220.
23. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1999. 256 с.
24. *Бляхер Л., Павлов А.* Концепт «революция»: mobilis in mobile // Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе / под ред. Л. Е. Бляхера, Б. В. Межуева, А. В. Павлова. СПб.: «Алетейя». 2008. С. 5—12.
25. *Бонч-Бруевич В. Д.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М.: Изд-во «Федерация», 1931. 329 с.
26. *Бунин И. А.* Окаянные дни февраля 1918 г. СПб.: Лениздат, «Команда А», 2014. 288 с.
27. *Бурлацкий Ф. М.* Глоток свободы. В 2-х книгах. Книга первая. М.: РИК «Культура», 1997. 576 с.
28. *Бутенко А. П.* Откуда и куда идем. Взгляд философа на историю советского общества. Л.: Лениздат, 1990. 288 с.
29. *Бутенко А. П.* Неравномерность развития и историческое забежание. Сравнительный анализ вместо развития СССР, России, Китая и Вьетнама. М., 2000. 361 с.
30. *Васильева О. Ю.* Русская православная церковь и советская власть в 1917—1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 43—45.
31. *Вебер М.* О России. М.: РОССПЭН, 2007. 159 с.
32. *Вернадский В. И.* Живое вещество. М.: «Наука», 1978. 363 с.

33. *Витте С. Ю.* Избранные воспоминания. М.: «Мысль», 1991. 708 с.
34. *Владимирский Б. М.* Влияет ли «космическая погода» на общественную жизнь? // Геополитика и экогеодинамика регионов. М., 2005. Вып. 2. С. 23–30.
35. *Владимирский Б. М.* Большие минимумы солнечной активности и социодинамика культуры // Геофизические процессы и биосфера. 2011. № 4. Т. 10. С. 30–43.
36. *Водолазов Г. Г.* Политика и мораль – Юлий Мартов в 1917 г. // СОЦИС. Социологические исследования. 2017. № 10. С. 44–55.
37. *Вормс А. Э.* Положения 19 февраля // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем / Под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Юбилейное издание. В 6-и томах. М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1911. Т. 6. С. 1–53.
38. ВЧК/ГПУ: документы и материалы. Сост.: Ю. Г. Фельштинский. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995. 272 с.
39. *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: МШПИ, 2004. 240 с.
40. Германия и русская революция 1917–1924: сб. ст. / Изд. Герда Кенена и Льва Копелева; пер. с нем; под ред. Я. Драбкина. М.: Памятники исторической мысли, 2004. Серия А. Т. 5. 390 с.
41. *Герцен А. И.* Сочинения. В 30-ти томах. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. 13. 674 с.
42. *Гефтер М. Я.* Из чернового замысла книги «В поисках нового КУДА». [Электронный ресурс]: Русский Архипелаг. Сетевой проект «Русский Мир». 1988. Наука и образование. Учебный материал: [веб-сайт]. URL: <http://www.archipelag.ru> (дата обращения: 26.03.2018).
43. *Гефтер М. Я.* 1917: неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. Разговоры с Глебом Павловским. М.: «Европа», 2017. 224 с.
44. *Гидденс Э.* Социология. М.: «Едиториал УРСС». 2005. 632 с.
45. *Гоббс Т.* О гражданине; О человеке. Избранные произведения в 2-х томах. М.: «Мысль», 1964. Т. 1. 627 с.
46. *Голофаст В. Б.* Глобализм и место морали. 15.01.2018. [Электронный ресурс]: МШК. Московская школа конфликтологии: [веб-сайт]. URL: <http://www.conflictmanagement.ru/globalizaciya-i-mesto-morali> (дата обращения: 26.03.2018).
47. *Гонтмахер Е. Ш.* Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 68–81.

48. Горбачевские чтения. Вып. 6. Мифы о советской эпохе распространяются сегодня: к итогам дискуссии о 90-летию Октябрьской революции. Демократическое движение и интеллигенция в современной России / под ред. О.М. Здравомысловой. М.: «Горбачев-Фонд», 2008. 182 с.
49. *Горшков М. К.* Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход // СОЦИС. Социологические исследования. 2016. № 12. С. 26–34.
50. *Горшков М. К.* Социология исторической памяти: Октябрь 1917-го и его последствия в массовом восприятии россиян. 24.11.17. [Электронный ресурс]: Институт социологии ФНИСЦ РАН: [веб-сайт]. URL: http://www.isras.ru/institute_news.html?id=6693 (дата обращения: 05.12.17.).
51. *Горький М.* Жизнь Клим Самгина // Горький М. Собр. соч. в 13-ти томах. М.: Издательство художественной литературы, 1962. Т. 13. 503 с.
52. *Горький М.* «Несвоевременные мысли» и рассуждения о революции и культуре (1917–1918). М.: МСП «Интерконтакт», 1990. 192 с.
53. *Горький М.* О русском крестьянстве (Берлин, 1922 г.) // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 228–254.
54. *Готнога А. В.* Постсоветский марксизм: от паралича к параллаксу // СОЦИС. Социологические исследования. 2014. № 1. С. 116 –121.
55. *Гринберг Р. С.* Закон прибавочной справедливости. О некоторых невыученных уроках Великого Октября. 26.09.2017. [Электронный ресурс]: Независимая газета: [веб-сайт]. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2017-09-26/13_7081_zakon.html (дата обращения: 05.12.17).
56. *Гумилев Л. Н.* Смирновский сборник – 2014 (научно-литературный альманах) / Под ред. В. И. Старостина. Фонд им. академика В. И. Смирнова: [сборник]. М.: ВИНТИ РАН, 2014. 403 с.
57. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: «АСТ-Москва», 2008. 653 с.
58. *Гумилев Л. Н.* От Руси до России. М.: «АСТ-Москва», 2008. 416 с.
59. *Дарендорф Р.* После 1989. Размышления о революции в Европе / Пер. с англ.; Ральф Дарендорф. М., 1992. 272 с.
60. Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. 686 с.
61. *Делез Ж. Гваттари Ф.* Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: «У-Фактория», 2010. 896 с.
62. *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова. М.: «Вече», 2014. 448 с.

63. Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февр. — сент. 1917 г. М.: «Наука», 1991. 518 с.
64. Денисов В. В. Размышления о насилии в современном мире // Россия и современный мир. 2002. № 1. С. 163—173.
65. Долбилов М. Д. Земельная собственность и освобождение крестьян // Собственность на землю в России: история и современность: [сборник] / Отв. ред. Д. Ф. Аяцков. М.: РОССПЭН, 2002. 590 с. С. 45—153.
66. Достоевский Ф. М. Бесы. / Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 15-и томах. Ленинград: «Наука», 1990. Т. 7. 847 с.
67. Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 10-и томах. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 9. 635 с.
68. Дружинин Н. М. Журнал землевладельцев. 1858—1860 гг. // Ученые записки Института истории РАНИОН, 1927. Т. 2. С. 251—311.
69. Жиромская В. Г. Проблема красного и белого террора 1917—1920 гг. в отечественной историографии // Труды Института российской истории РАН. Вып. 4. М.: «Наука», 2004. С. 240—265.
70. Захарова Л. Г. Самодержавие и реформы в России. 1861—1874: (К вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы в России. 1856—1874 / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 24—43.
71. Иванов В. Н. Феномен терроризма // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. 2013. № 3. С. 3—36.
72. Заичкин И. А., Почкаев И. Н. Русская история: от Екатерины Великой до Александра II. М.: «Мысль», 1994. 765 с.
73. Зубов А. Почему власти России игнорируют столетие Русской революции. «Предмет ужаса». [Электронный ресурс] // Новая газета. 2017. 20 октября. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/10/20/74268-predmet-uzhasa?> (дата обращения: 15.12.1917).
74. Идеальное общество в мечтах людей в России и Китае: [монография] / [М.К. Горшков и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, П. М. Козырева, Ли Пэйлинь, Н. Е. Тихонова; ИС РАН. М.: «Новый хронограф», 2016. 424 с.
75. Изгоев А. С. Пять лет в Советской России // Архив русской революции. Берлин: Изд-во «СЛОВО», 1923. Т. X. С. 5—54.
76. Изгоев А. С. Общинное право. М.: Тип. «Надежда», 1906. 160 с.
77. Ильин И. А. Творческая идея нашего будущего. Новосибирск, 1991. 31 с.

78. *Ильин И. А.* О грядущей России: избранные статьи. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
79. *Ильин М. В.* Призвание России // Национальная идея: страны, народы, социумы / Под ред. Ю. С. Оганисяна. М.: «Наука», 2007. С. 359–384.
80. Интернациональное наследие Парижской Коммуны / Под общ. ред. Е. И. Кускова, А. М. Румянцева, Т. Т. Тимофеева. М.: Политиздат, 1971. 343 с.
81. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. 1945. ОГИЗ. 352 с.
82. *Кабанов В. В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М.: «Наука», 1988. 304 с.
83. *Казначеев В. П.* Учение о биосфере. Этюды о научном творчестве Р. П. Вернадского. М.: «Знание», 1985. 79 с.
84. *Карлова О. А.* *Mipnos sapiens* – миф разумный. М.: «Академия поэзии», 2001. 205 с.
85. *Катлин Д.* Политическая теория: что это такое? // Политическая теория в XX веке. М.: «Территория будущего», 2008. С. 107–195.
86. *Каутский К.* Большевизм в тупике. М.: АОЗТ «Антидор», 2002. 313 с.
87. *Качоровский К. Р.* Народное право. М.: Книгоиздательство «Молодая Россия», 1906. 255 с.
88. *Кеппен П.* Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1857. 298 с.
89. *Керсновский А. А.* История русской армии. В 4-х томах. М.: «Голос», 1994. Т. 3. 1881–1915. 1220 с.
90. *Кин Дж.* Демократия и гражданское общество / Послел. М. А. Абрамова. М.: «Прогресс-Традиция», 2001. 401 с.
91. *Кинг С. Д.* Когда заканчиваются деньги: конец западного изобилия / Пер. с англ. Дм. Кралечкина. СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 360 с.
92. *Клифф Т.* Государственный капитализм в России. Л.: «Социалистический рабочий», 1991. 288 с.
93. *Коваленко В. И.* Политология: к осмыслению национальных интересов России. М.: Изд-во МГУ, 2016. 704 с.
94. Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе / под ред. Л. Е. Бляхера, Б. В. Межуева, А. В. Павлова. СПб.: «Алетейя», 2008. 360 с.

95. Кошен О. Малый народ и революция. М.: «Айрис-пресс», 2004. 296 с.
96. Козн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: «Весь Мир», 2003. 784 с.
97. Красин Ю. А. Величие и трагизм советского «эксперимента» // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 10–23.
98. Красин Ю. А. Политические аспекты политического неравенства // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76. № 11. С. 971–977.
99. Кропоткин П. А. Этика. Происхождение и развитие нравственности. Пб., М.: «Голос труда», 1922. Т. 1. 265 с.
100. Лапкин В. В. Община в предреволюционной и революционной России // Известия АН СССР. Серия экономическая № 5. 1989. С. 129–136.
101. Лапкин В. В. Проблемы российского развития в контексте структурных изменений миропорядка (конец XIX – начало XXI века) // Труды по руссиеведению: [сборник научных трудов] / Отв. ред. И. И. Глебова. М.: ИНИОН РАН, 2010. Ч. 2: С. 185–210.
102. Лапкин В. В. Моделирование российской политической истории. Введение в теорию эволюционных циклов автохтонного развития России // Полис. Политические исследования. 2011. № 6. С. 33–51.
103. Ларин Ю. Частный капитал в СССР // Антология экономической классики. М.: МП «Эконов», 1993. Т. 2. С. 446.
104. Лацис О. Перелом // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма: сборник. М.: Политиздат, 1989. С. 67–174.
105. Ленин В. И. Рабочая партия и крестьянство // Ленин В. И. Полн. собр.соч. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 4. С. 429–437.
106. Ленин В. И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е издание. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. С. 378–382.
107. Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е издание. М.: Политиздат, 1969. Т. 26. С. 351–355.
108. Ленин В. И. Очередные задачи советской власти. Седьмой экстренный съезд РКП(б). 6–8 марта 1918 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е издание. М.: Политиздат, 1962. Т. 36. С. 1–82.
109. Ленин В. И. Выступление против поправки Бухарина к резолюции о программе партии 8 марта. Седьмой экстренный съезд РКП(б).

6—8 марта 1918 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е издание. М.: Политиздат, 1962. Т. 36. С. 65—66.

110. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1981. Т. 41. С. 1—90.

111. Ленин В. И. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е издание. М.: Политиздат, 1969. Т. 38 (12 марта—27 июня 1919). С. 327—372.

112. Ленин В. И. «О нашей революции» (по поводу записок И. Суханова) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М: Госполитиздат, 1970. Т. 45. С. 378—381.

113. Ленин В. И. Доклад на II съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е издание. М.: Изд. полит. лит-ры, 1963. Т. 39. С. 318—331.

114. Ленин В. И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е издание. М.: Издательство политической литературы, 1963. Т. 33. С. 1—120

115. Ленин В. И. Философские тетради // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1963. Т. 29. 780 с.

116. Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 г. // Черноземный центр, 1861—1895 гг. М.: «Наука», 1972. 423 с.

117. Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. Казань, 1995. 326 с.

118. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: «Академический проект», 2013. 847с.

119. Лосев А. Ф. Жизнь: повести, рассказы, письма. СПб.: АО «Комплект». 1993. 534 с.

120. Малькова В. К., Тишков В. А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М.: ИЭА РАН, 2002. 348 с.

121. Мао Цзэдун. Избранные произведения. В 4-х томах. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. Т. 2. 310 с.

122. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 699 с.

123. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 4. С. 419—459.

124. *Маркс К.* Об освобождении крестьян в России // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1958. Т. 12. С. 692–701.
125. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. и другие ранние работы. М.: «Академический Проект», 2010. 775 с.
126. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М.: Юрид. лит., 1973. 647 с.
127. *Медушевский А. Н.* Проекты аграрных реформ в России. XVIII – начало XXI века. М.: «Наука», 2005. 639 с.
128. *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. 1918–1923. М.: «Постскриптум», 1990. 209 с.
129. *Мень А. В.* Два пути понимания христианства // Быть христианином. М.: «Жизнь с Богом», 2007. 80 с.
130. *Мень А. В.* Истоки религии. М.: Фонд Меня, 2006. 428 с.
131. *Месснер Е. Э.* «Всемирная мятежевойна». М.: Изд-во «Кучково поле», 2004. 512 с.
132. *Мигущенко О. Н.* Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на материалах Центрально-Черноземной области 1928–1934 гг.). М., 2008. 384 с.
133. *Милецкий В. П.* Социальное государство: эволюция идей, сущность и перспективы становления в современной России // Политические процессы в России в сравнительном измерении / Под ред. М. А. Василька, Л. В. Сморгунова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. С. 82–97.
134. Милые Прыски: Августейшее семейство Великого князя К. К. Романова в Прысках (май – октябрь 1901 г.). Калуга: «Фридрихсбург», 2016. 160 с.
135. *Милуков П. Н.* История второй русской революции. Вып. 2. Корнилов или Ленин? София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921. Т. 1. 290 с.
136. *Миронов Б. Н.* Русская революция 1917 г. в контексте теорий революции. [Электронный ресурс]: Сайт Б. Н. Миронова, профессора истории и социологии, Санкт-Петербург: [веб-сайт]. URL:<http://www.bmironov.spb.ru/russkaya-revoluciya-1917-goda-v-kontekste-t/> (дата обращения: 26.02.2018).
137. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: «Дм. Буланин», 2003. Т. 1. 548 с.

138. *Михайленок О. М.* Риски, угрозы и конфликты в условиях новой социальной реальности // Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Проблема устойчивости общественного развития в условиях трансформации мирового порядка». Материалы. Москва, 12–14 мая 2016 г. М.: Институт «Справедливый мир», РАПН. 2016. С. 95–97.
139. *Моисеев Н. Н.* Человек и ноосфера. М.: «Молодая гвардия», 1990. 352 с.
140. *Назарчук А. В.* Теория коммуникаций в современной философии. М.: «Прогресс-Традиция», 2009. 320 с.
141. Наше Отечество. Опыт политической истории. М.: «Терра», 1990. 620 с.
142. *Некlessа А. И.* Небесный Вавилон. Гибридный мир и Сирийская комбинаторика // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 92–107.
143. *Немировский В. Г.* Тайные общества и заговорщики: куда они ведут Россию? СПб.: «Питер», 2007 240 с.
144. *Николаев А. Н.* Политические уроки Февральской революции // Власть. 2017. № 3. С. 64–70.
145. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. К Генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Посмертные афоризмы. Минск: «Харвест», 2009. 1037 с.
146. Общее количество войн в мире и потери в войнах. [Электронный ресурс]: Форум военной истории: [веб-сайт]. URL: <http://www.istorya.pro/obshchee-kolichestvo-voyn-v-mire-i-poteri-v-voynah.-t.html> (дата обращения: 23.12.2017).
147. *Оганисян Ю. С.* Великая Отечественная — неоконченная война? // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 9–26.
148. *Оганисян Ю. С.* Международный терроризм: политический контекст // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. Вып. 7. С. 504–517.
149. Октябрьская революция. Опрос Левада-Центра. [Электронный ресурс]: Левада-Центр: [веб-сайт]. Пресс-выпуск от 5 апреля 2017 г. URL.: <https://www.levada.ru> (дата обращения: 13.02.2018).
150. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. М.: «Весь Мир», 2000. 704 с.
151. *Пайнс Р.* Русская революция. Книга 2. Большевики в борьбе за власть 1917–1918. М.: «Захаров», 2005. 720 с.
152. *Панов А. И.* Офицерский корпус в военных режимах XX века. М.: «Демос», 1999. 286 с.

153. *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Этика великих потрясений. Основные тенденции и альтернативы // История и современность. 2016. № 1. С. 64–86.
154. *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Волны политической модернизации в истории России (К обсуждению гипотезы) // Полис. Политические исследования. 1998. № 2. С. 39–51.
155. *Пантин В. И.* Длинные волны и перспективы мирового социально-политического развития в первой половине XXI в. // Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий и др. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 352 с. С. 212–221.
156. *Пантин В. И.* Исследование перспектив в мировом политическом развитии: проблемы методологии синтеза // Полис. Политические исследования. 2012. № 6. С. 27–40.
157. *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Историческое прогнозирование в XXI веке. Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: «Феникс», 2014. 456 с.
158. *Пантин И. К.* К вопросу о характере Октябрьской революции // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 131–144.
159. *Пантин И. К.* Ленин — большевизм — русская революция // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 51–65.
160. *Перевалов В. П.* Революция // Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. М.: «Мысль», 2010. Т. 3. 692 с.
161. *Петров Г. Н.* Диалектика соотношения «красного» и «белого» террора и террора интервентов в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.). М., 1999. 31 с.
162. *Пивоваров Ю. С.* Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. М.: РОССПЭН, 2006. 167 с.
163. *Пивоваров Ю. С.* О русских революциях. Послесловие // Труды по руссиеведению: Сборник научных трудов / Гл. ред. И. И. Глебова. М.: ИНИОН РАН, 2009. Ч. 1. С. 21–67.
164. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: «АдМаргинем», 2015. 592 с.
165. *Пирицхалава Н.* Интеллектуалы и национальная принадлежность. Являются ли грузинские интеллектуалы советскими интеллигентами? // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн. 1. Центральная Азия и Кавказ / общ. ред. А. Малашенко, Б. Коппитерса, Дм. Тренина и др. М.: «Весь Мир», 1997. С. 183–196.
166. *Платонов А.* Ювенильное море: [повести, роман]. М.: «Современник», 1988. 560 с.

167. *Плимак Е. Г.* Политика переходной эпохи. Опыт Ленина. М.: «Весь Мир», 2004. 320 с.
168. *Плимак Е. Г., Пантин И. К.* Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М.: «Весь мир», 2000. 360 с.
169. *Подъячев К. В.* Политическая наука и политическая власть: к вопросу о предмете современной политологии // Власть. 2012. № 2. С. 103–107.
170. Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования / Отв. ред. И. С. Семенов. М.: ИМЭМО, 2014. 208 с.
171. *Полюшкевич О. А.* Представление социальной защищенности жителей России и Португалии // СОЦИС. Социологические исследования. 2012. № 12. С. 66–71.
172. *Поппер К.* Открытое общество и его враги / пер. с англ. В. Н. Садовского. М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. 448 с.
173. Послание Президента Федеральному Собранию РФ от 1 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]: Президент России: [веб-сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 26.03.2018).
174. *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М.: «Наука», 1991. 128 с.
175. *Рассел Б.* Лондон. [Электронный ресурс] // 1917. Свободная история. 04.02.1917. URL: [https:// www.project1917.ru/persons/bertran-rassel](https://www.project1917.ru/persons/bertran-rassel) (дата обращения: 20.01.2018).
176. Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права): [сборник обзоров и рефератов] / Отв. ред. В. С. Коновалов. М.: ИНИОН РАН, 2011. 354 с.
177. *Рид Дж.* 10 дней, которые потрясли мир. М.: Госполитиздат, 1959. 352 с.
178. *Розанов В. В.* Сочинения. В 2-х томах. М.: «Правда», 1990. Т. 1. 640 с.
179. *Розанов В. В.* Апокалипсис нашего времени. Берлин, Париж, 1917. 195 с.
180. *Романовский Н. В.* Семнадцатый год. Век спустя // СОЦИС. Социологические исследования. 2017. № 8. С. 147–157.
181. Россия накануне великих потрясений: Социально-экономический атлас 1906–1914 гг. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: «Кучково поле», 2017. 672 с.

182. Россия: Энциклопедический словарь. На основе материалов Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона (тт. 54; 55). Л.: Лениздат, 1991. Т. 55. 922 с.
183. Россия: Энциклопедический справочник/ под ред. А. П. Горкина, А. Д. Зайцева, В. М. Карева и др. М.: «Дрофа», 1998. 592 с.
184. Российская революция 1917 г.: власть, общество, культура / Отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 1–2. 1336 с.
185. *Роттердамский Эразм*. Похвала глупости. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. 168 с.
186. *Рудаков В.* Февраль 1917. Первый акт русской исторической трагедии. [Электронный ресурс] // Историк. Журнал об актуальном прошлом: [веб-сайт]. URL: <https://историк.рф/> (дата обращения: 01.02.18).
187. *Руткевич Е. Д.* Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы западной социологии // Вестник Института социологии. 2017. № 20. С. 131–161. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.20.1.447>
188. *Рыленков Н. И.* Стихотворения (1924–1969). М.: «Советская Россия», 1988. 479 с.
189. *Серебрянников В. В.* Войны России. М.: «Научный мир», 1998. 380 с.
190. *Салмин А. М.* На Манхэттене завершилась эпоха «Манхэттенского проекта»? 11 сентября в контексте дискуссий о столкновении цивилизаций) // Полития. 2002. № 1. С. 5–31.
191. *Скоцпол Т.* Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 552 с.
192. *Солженицын А. И.* Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках в 4-х узлах. Узел IV. Апрель Семнадцатого. На обрыве повествования. М., 1997. Т. 10. 559 с.
193. *Соловьев В. С.* Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика // Соловьев В. С. Сочинения. В 2-х томах. М.: Издательство «Правда», 1989. Т. 2. С. 5–171.
194. *Сорокин П. А.* Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005. 704 с.
195. Социальные болезни современности // Вестник Российского философского общества. 2004. № 3. С. 66–69.
196. *Сталин И. В.* Сочинения. В 13-ти томах. Итоги первой пятилетки. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 13. С. 161–215.

197. *Сталин И. В.* Против соглашения с буржуазией. Соч. В 13-и томах. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 3. С. 266–267.
198. *Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 96 с.
199. *Сталин В. И.* VII расширенный пленум ИККИ. Соч. в 16-и томах. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1948. Т. 9. С. 5–151.
200. *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1945. 611 с.
201. *Сталин И. В.* Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом // Сочинения. В 13-ти томах. Итоги первой пятилетки. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 13. С. 104–123.
202. *Студеникина Е. С.* Социология революции: П. А. Сорокин vs В. И. Ленин // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения) / Отв. ред. И. Е. Фадеева. Сыктывкар: «СыктГУ», 2014. С. 129–134.
203. *Суханов Н. Н.* Записки о революции. М.: «Республика», 1992. 1030 с.
204. *Сухаренко А. Н.* Современные криминальные вызовы и угрозы информационной безопасности России // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. 2013. № 3. С. 36–41.
205. *Тепляков С. Н.* Об экзогенном императиве пространственно-временной динамики трансформации мирового порядка // Пространство и время. 2015. № 1–2 (19–20). С. 358–365.
206. *Токвиль А.* Демократия в Америке. М.: «Весь Мир», 2000. 560 с.
207. *Тощенко Ж. Т.* Травма и антиномия – новые черты общественного сознания и поведения в современной России // Социология. 2014. № 4. С. 45–60.
208. *Тощенко Ж. Т.* Историческая память и социология // СОЦИС. Социологические исследования. 1998. № 5. С. 4–6.
209. *Троцкий Л. Д.* Октябрьская революция. Брошюра. М.– Петроград: «Коммунист», 1918. 125 с.
210. *Троцкий Л. Д.* Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991. 256 с.
211. *Троцкий Л. Д.* История русской революции. М.: «ТЕРРА»; «Республика», 1997. Т. 2. Октябрьская революция. Ч. 2. 338 с.
212. *Троцкий Л. Д.* Терроризм и коммунизм. М.: «Азбука-классика», 2010. 224 с.

213. *Троцкий Л. Д.* Сталинская школа фальсификации. М.: «Наука», 1990. 339 с.
214. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: «Научный мир», 1998. 204 с.
215. *Тынянова О. Н.* О пространственных причинностях геополитических процессов и явлений // Геополитика и безопасность. 2010. № 4. С. 37–49.
216. *Устрялов Н. В.* Национал-большевизм. М.: Изд-во «ЭКСМО», 2003. 656 с.
217. *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. В 2-х кн. СПб.: «София», 1992. 2-я кн. 348 с.
218. *Федотов Г. П.* Социальный вопрос и свобода // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. Париж, 1931. XLVII. С. 423. [Электронный ресурс]: Электронная библиотека Одинцовского Благодочиния: [веб-сайт]. URL: http://www.odinblago.ru/soc_i_svboda (дата обращения: 02.04.2018).
219. *Фукуяма Ф.* Государственный порядок. М.: «АСТ», 2015. 586 с.
220. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: «Академический проект», 2011. 460 с.
221. *Хандорин В. Г.* Черчилль о большевизме. 28.03.2013. [Электронный ресурс]: LIVEJOURNAL. URL: <http://www.64vlad.livejournal.com/145116.html> (дата обращения: 12.03.2018).
222. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: «Прогресс-Традиция», 2004. 480 с.
223. *Хантингтон С.* Третья волна: демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
224. *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Изд-во «Независимая газета», 2003. 632 с.
225. *Хок С.* Банковский кризис, Крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857–1861 // Великие реформы в России. 1856–1874 / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 90–106.
226. *Холмогоров Е.* Все держатся на остатках советской благотворительности. [Электронный ресурс]: Взгляд. Сетевой деловой журнал. Выпуск. 19.08.15. URL: <http://www.vz.ru/columns/2015/8/19/761827.html> (дата обращения: 12.03.2018).
227. *Цветков В.* Крушение монархии. Был ли акт отречения Николая II от престола правомерен? 29.01.2018. [Электронный ресурс]: Российс-

кое историческое общество: [веб-сайт]. URL: <http://rushistory.org/stati/konets-monarkhii-byl-li-akt-otrecheniya-nikolaya-ii-ot-prestola-pravomeren.html> (дата обращения: 01.02.18).

228. Чаадаев П. Я. Сочинения. М.: Издательство «Правда», 1989. 665 с.

229. Штомпка П. Социология: Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: «Логос», 2005. 664 с.

230. Шульгин В. Годы. Дни. 1920. М.: «Новости», 1990. 548 с.

231. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. — Л.: Соцэкгиз, 1931. Т. 14. 359 с.

232. Эткинд А. Мир мог быть другим. Уильям Буллит в попытках изменить XX век. М.: «Время», 2015. 272 с.

233. Этнорелигиозный терроризм / [Ю. М. Антонян и др.]; под ред. Ю. М. Антоняна. М.: «Аспект Пресс», 2006. 318 с.

234. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак; предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 604 с.

235. Яжборовская И. С. Особенности трансформации социальной сферы в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы // Социальное государство и политика: сборник научных статей / под ред. О. М. Михайленка, В. В. Люблинского; Институт социологии РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 240–246. (Согласие в обществе как условие развития. Вып. 5).

236. Яковлев А. Н. Сумерки. М.: «Материк», 2005. 672 с.

237. Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3–35.

238. Ясин Е. Г. Приживется ли демократия в России? М.: «Новое изд-во», 2005. 384 с.

239. Arrighi G. The long twentieth century: money, power, and the origins of our times. London: «Verso», 1994. 432 p.

240. Arrighi G. Adam Smith in Beijing: lineages of the 21st century. London: «Verso», 2007. 418 p.

241. Castells M. Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age. Cambridge, UK—Malden, USA : Polity Press, 2012. 323 p.

242. Churchill W. S. The Aftermath: The World Crisis. 1918–1928. New York, 1929. P. 64–66. [Электронный ресурс]. ULR: <http://www.100v.com.ua/ru/Expression-Uinston-Cherchill-o-Lenine-Vladimir-Ilich-Ulyanov-Lenin> (дата обращения: 14.12.2017).

243. Contending with stalinism: soviet power and popular resistance in the 1930s. / Ed. by Viola Lynne. L.: Cornell Univ. Press, 2002. 256 p.
244. *Field D.* The end of serfdom: nobility and bureaucracy in Russia. 1855–1861. L.: Harvard University Press, 1976. 474 p.
245. *Frank A. G.* Reorient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley: University of California Press, 1998. 416 p.
246. *Gellately R.* Lenin, Stalin, and Hitler. The Age of Social Catastrophe. N.Y., 2007. 720 p.
247. *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: «Simon & Schuster», 1996. 325 p.
248. *Keane J.* The Life and Death of Democracy. N.Y.—London: W.W. Norton and Company, 2009. 992 p.
249. *Laqueur W.* The Fate of Revolution. Interpretations of Soviet History. N.Y., 1967. 216 p.
250. *Osakwe C.* Prerogativism in Modern Soviet Law // Journal of Transnational Law. 1985. № 23. P. 331–338.
251. Piketty Symposium // British Journal of Sociology. Special Issue: 2014 Vol. 65. Issue 4. P. 589–747. [Электронный ресурс] // The Online Library. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1468-446.12106/epdf> (дата обращения: 15.01.2018).
252. *Piketty Th.* Capital in the Twenty-First Century. Cambridge, Ms.—London: Harvard University Press, 2014. 685 p.
253. *Sviridova A.* Living in lawlessness in feature: citizen and law after communism // Europe Constitutional Revue. 1998. № 7 (1). P. 70–79.
254. *Wallerstein I.* The Demise of Neoliberal Globalization. Binghamton, N.Y.: Fernand Braudel Center, Binghamton University, 2008. 277 p.

Сведения об авторах

Брега Александр Васильевич — доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, доцент, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

Бушуев Валерий Геннадиевич — член Редколлегии журнала «Свободная мысль», кандидат исторических наук.

Вебер Борис Александрович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

Водолазов Григорий Григорьевич — доктор философских наук, профессор, кафедра политической теории МГИМО (У).

Красин Юрий Андреевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

Курюкин Андрей Николаевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

Лапкин Владимир Валентинович — кандидат химических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института Мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН), первый заместитель главного редактора журнала «ПОЛИС. Политические исследования».

Михайленок Олег Михайлович — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель отдела исследований социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН.

Назаренко Алексей Владимирович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

Оганисян Юлий Степанович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

Пантин Владимир Игоревич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, руководитель отдела ИМЭМО РАН.

Подъячев Кирилл Викторович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

Романовский Николай Валентинович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор РГГУ, заместитель главного редактора журнала «Социологические исследования».

Щенина Ольга Геннадьевна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

Яжборовская Инесса Сергеевна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

Научное издание

**Октябрьская революция
и
современность**

Социально-политические уроки

Редактор: Э. С. Шиманская
Корректор: Н. Н. Никс

Издатель:
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
Тел.: (499) 125-00-79, e-mail: isras@isras.ru

ШТРИХ-КОД

Подписано в печать 04.04.2018.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 19
Тираж 550. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «ИНЭК»